This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Case *Shelf*

HARVARD UNIVERSITY

LIBRARY

OF THE

PEABODY MUSEUM OF AMERICAN
ARCHÆOLOGY AND ETHNOLOGY

TRANSFERRED FROM
Museum of Comparative Zoology
Rec. March 15, 1933

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХЪ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ

СТАТЕЙ

О РОССІИ И СТРАНАХЪ ЕЙ ПРИЛЕЖАЩИХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХЪ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ

СТАТЕЙ

О РОССІИ И СТРАНАХЪ ЕЙ ПРИЛЕЖАЩИХЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. А. ДАШКОВЫМЪ,

Директоромъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ, Почетнымъ членомъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Императорскаго Общества Испытателей природы, Императорской Академіи Художествъ и членомъ другихъ ученыхъ обществъ.

КНИГА I.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1868.

26491

Digitized by Google

L. Soc. 100. 90. 57
Transferred from M. C. Z.
Dec. March 15, 1938

Digitized by Google

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Печатая нынѣ читанныя слишкомъ годъ тому назадъ, предъ открытіемъ Московской Этнографической выставки, антропологическія и этнографическія чтенія, касающіяся Россіи и странъ къ ней прилежащихъ, и присоединяя къ этимъ чтеніямъ краткій историческій очеркъ собиранія предметовъ для публичнаго этнографическаго музея *), я считаю полезнымъ объяснить здѣсь цѣль предпринятаго мною изданія.

По моему глубокому убѣжденію, антропологическое и этнографическое изученіе племенъ, населяющихъ Россію, и родственныхъ русскому народу племенъ славянскихъ должно лечь въ основаніе бытовой, внутренней, культурной исторіи русскаго государства. До сихъ поръ труды нашихъ ученыхъ были обращены преимущественно на тѣ элементы и формы исторической жизни, которыя были вызваны силами и духомъ велико-русскаго племени. Послѣдними объяснялись большею частію всѣ главныя и второстепенныя явленія въ исторіи русскаго государства. Дѣйствительно, русское племя силою своего духа дало историческую жизнь и политическое значеніе обширнымъ равнинамъ восточной Европы. Оно привлекло къ этой жизни всѣ остальныя племена, претворяя ихъ въ одинъ общій организмъ съ собою. Но чтобы опредѣлить всю трудность этого историческаго подвига, совершеннаго русскимъ народомъ, уяснить ту массу усилій, которыя употреблены были имъ для того; необходимо изученіе племенныхъ свойствъ остальныхъ племенъ, которыя вошли въ составъ русскаго государства. Антропологія и этнографія въ этомъ случаѣ явились бы вспомогательными науками для русской исторіи.

Съ другой стороны не менѣе важно этнографическое знакомство съ западными и южными Славянами: ибо только оно можетъ уяснить тѣ народныя черты въ русской жизни, которыя составляютъ общее достояніе какъ русскаго такъ и остальныхъ славянскихъ племенъ, а равно и тѣ черты, которыя явились вслѣдствіе самостоятельнаго развитія русскаго племени и отчасти вслѣдствіе столкновеній съ племенами не славянскаго происхожденія.

Трудами Императорскаго Географическаго Общества и его отдѣловъ, а также трудами Императорскаго Московскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи положено прочное начало для изученія нашего отечества въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Дашковскій этнографическій музей, собравъ въ себѣ различныя предметы племенной жизни всѣхъ народовъ населяющихъ Руссію, поставилъ себѣ задачею дальнѣйшее

*) Будетъ напечатанъ во второй книгѣ.

Digitized by Google

пополненіе этихъ коллекцій. Этнографическій отдѣлъ Общества любителей Естествознанія принялъ на себя ученую обработку тѣхъ матеріаловъ, которые были вызваны мыслію объ устройствѣ въ Москвѣ этнографическаго музея. Но какъ пополненіе самыхъ коллекцій, такъ и ученая разработка этнографическихъ матеріаловъ, представляемыхъ нашимъ отечествомъ въ изобиліи, потребуютъ много труда и много времени. Необходимо было предпослать этимъ трудамъ, хотя общее и краткое, разъясненіе самыхъ главныхъ и существенныхъ вопросовъ по части антропологіи и этнографіи. Лекціи, прочитанныя предъ московской публикой въ мартѣ и апрѣлѣ 1867 года, вполнѣ удовлетворяютъ этой потребности, — и вотъ первая цѣль настоящаго изданія, соединившаго въ себѣ всѣ эти лекціи. Историческій же очеркъ собиранія предметовъ для этнографическаго музея вызванъ болѣе спеціальною цѣлію — указать, что уже сдѣлано этнографическимъ музеемъ и чего именно ему недостаетъ для всесторонняго знакомства съ бытомъ племенъ, населяющихъ Россію.

Но этими двумя цѣлями не вполнѣ еще будетъ достигнута главная задача нашего изданія и въ видахъ удовлетворенія этой задачи современемъ будетъ издана слѣдующая книга Сборника, которая будетъ заключать въ себѣ: отвѣтныя сочиненія на три мои преміи за изслѣдованія по этнографіи и антропологіи, которыя должны быть поданы въ Императорское Общество любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи къ 1-му января 1869 года. Темы предложены были слѣдующія: 1) Исторія русскихъ этнографическихъ изслѣдованій, касающихся племенъ населяющихъ Россію. Было бы желательно, чтобы при этомъ изслѣдованіи была представлена и библіографія по возможности полная, то-есть перечень этнографическихъ сочиненій и журнальныхъ статей, съ указаніемъ содержанія книгъ, наиболѣе замѣчательныхъ, и рецензій объ нихъ, картъ и матеріаловъ, касающихся этнографіи Россіи и каталоговъ существующихъ въ Россіи этнографическихъ собраній. 2) Сравнительно-историческій очеркъ этнографическихъ изслѣдованій, касающихся славянскихъ племенъ. При отвѣтѣ на эту тему желательно, чтобы были выяснены тѣ черты изъ современнаго быта Славянъ, которыя общи всѣмъ или многимъ славянскимъ племенамъ и которыя отразились въ общемъ ходѣ русской исторіи. 3) Описаніе какого-либо инородческаго племени Россіи въ естественно-историческомъ отношеніи, согласно „общимъ инструкціямъ,“ изданнымъ Антропологическимъ отдѣломъ Императорскаго Общества любителей Естествознанія. На соисканіе премій имѣютъ право лишь сочиненія, написанныя на русскомъ языкѣ и не печатанныя. На каждую изъ трехъ указанныхъ темъ назначены равныя преміи по 500 руб. сер., которыя и будутъ присуждены Обществомъ за лучшія представленныя на конкурсъ изслѣдованія.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Отъ издателя I

1. Вліяніе очертанія материковъ и свойствъ почвы на умственное развитіе человѣка. Я. И. Вейнберга 1

2. Вліяніе климата на организмъ человѣка и на развитіе въ немъ болѣзней. П. И. Медвѣдева. 15

3. Вліяніе растительнаго міра на культуру человѣка. А. С. Петровскаго. 34

4. Значеніе краніологіи. А. П. Богданова 45

5. Объ общихъ покровахъ тѣла человѣческаго. Н. Д. Никитина. 57

6. Этнографія и право. М. Н. Капустина. 69

7. Человѣкъ въ области права. В. Н. Лешкова 77

8. Этнографическіе вымыслы нашихъ предковъ. Ѳ. И. Буслаева 93

9. Значеніе племеннаго характера въ народномъ хозяйствѣ. И. К. Бабста. 102

10. Объ историческомъ движеніи русскаго народонаселенія. С. М. Соловьева 111

11. О велико-русскомъ племени. И. Д. Бѣляева. 118

12. Потемкинъ и заселеніе новороссійскаго края. П. К. Щебальскаго 130

13. Погребальные обряды Грековъ и Скиѳовъ Босфора Киммерійскаго. К. К. Гёрца 144

14. О законахъ музыкальной гармоніи и національныхъ музыкальныхъ инструментахъ, доставленныхъ на этнографическую выставку. А. С. Владимірскаго 152

Приложенія къ лекціи г. Щебальскаго. 169

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЛІЯНІЕ
ОЧЕРТАНІЯ МАТЕРИКОВЪ И СВОЙСТВЪ ПОЧВЫ
НА УМСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ЧЕЛОВѢКА.

I.

Мм. Гг.

Задача нашихъ чтеній — научное подготовленіе публики къ предстоящей этнографической выставкѣ. Все въ природѣ обусловливается извѣстными причинами, все совершается по вѣчнымъ незыблемымъ законамъ. Законы эти могутъ быть угаданы или нѣтъ, но они тѣмъ не менѣе существуютъ. Въ природѣ физической одинаковыя условія, однѣ и тѣже причины производятъ одинаковыя слѣдствія. А если такъ, то мы приходимъ къ заключенію, что и бытъ народовъ, различіе ихъ типовъ, неравномѣрность ихъ физическаго и нравственнаго развитія должны также обусловливаться извѣстными законами.

Исторія естествознанія показываетъ намъ, что человѣкъ при изслѣдованіи явленій природы всегда переходитъ отъ общаго къ частному. Сначала явленіе поражаетъ его своей грандіозностію и онъ безотчетно платитъ дань удивленія природѣ: онъ безсиленъ постигнуть дѣйствующія здѣсь причины и долгое время поддается этому обаянію. Но духъ пытливости, духъ анализа свойственъ намъ. Подобно какъ человѣкъ въ младенчествѣ ломаетъ игрушку дабы видѣть пружины, ею управляющія, такъ, по мѣрѣ духовнаго своего развитія, не ограничиваясь однимъ созерцаніемъ, онъ силится разгадать тайны творенія, постигнуть истинныя причины загадочныхъ явленій природы. Мало по малу онъ приходитъ къ заключенію, что для пониманія даннаго явленія нужно предварительно изучать всѣ различные дѣятели, здѣсь участвующіе, и что общее тогда лишь можетъ быть вполнѣ угадано, когда всѣ частности извѣстны.

По мѣрѣ ознакомленія человѣка съ той планетой, на которой суждено ему жить, его поражало совершенное отсутствіе правильности въ очертаніи материковъ, въ расположеніи морей. Не замѣчая той симметріи, какую привыкъ онъ видѣть въ существахъ органическихъ, человѣкъ сталъ отрицать всякую связь между отдѣльными частями земной поверхности, сталъ видѣть въ ней одну безформенную безжизненную, массу (rudis indigestaque moles, Ov.) и въ самомъ дѣлѣ съ перваго взгляда кажется, будто подобное воззрѣніе совершенно справедливо. Взгляните на шаръ земной и глазъ вашъ едва-ли замѣтитъ хоть малѣйшую сим-

Digitized by Google

метрію; все здѣсь разбросано въ безпорядкѣ: неправильно очертаны материки, безпорядочно громоздятся горныя цѣпи, безъ всякой правильности распредѣлены острова и полуострова, безъ всякой симметріи врѣзывается океанъ въ материкъ.

Кажущаяся неправильность частей земной поверхности внушила мысль, что все это явленіе чисто случайное, что между отдѣльными частями нѣтъ ни малѣйшей связи, что все равно — имѣютъ ли части свѣта тотъ или другой видъ. Не обращали вниманія на то обстоятельство, что подобно какъ разстоянія планетъ отъ солнца, скорости движенія ихъ и наклоненіе ихъ орбитъ къ эклиптикѣ суть элементы необходимые для устойчивости солнечной системы и находятся между собою въ строгой, органической связи, такъ и части земной поверхности, какъ произведенія одной и той же зиждительной воли Творца, должны составлять одно гармоническое цѣлое. Если намъ трудно постигнуть эту гармонію, угадать законы распредѣленія и очертанія частей свѣта, то отсюда еще не слѣдуетъ чтобы ея не было. Вспомнимъ, сколько прошло столѣтій, пока открыты были законы движенія небесныхъ тѣлъ, пока кажущіяся неправильности ихъ движенія нашли достойныхъ истолкователей. Такъ, между прочимъ, движеніе всѣхъ планетъ и ихъ спутниковъ съ запада къ востоку считали явленіемъ совершенно случайнымъ, пока Лапласъ не доказалъ, что это однообразное движеніе есть одно изъ условій устойчивости нашей солнечной системы.

Подобно какъ отдѣльная личность не можетъ существовать сама по себѣ, безъ вліянія на окружающихъ ее людей и, въ свою очередь, подчиняется ихъ взаимнодѣйствію, такъ и данная страна и данный народъ вліяютъ на окружающіе ихъ страны и народы. Будучи разсматриваемо съ этой точки зрѣнія, расположеніе материковъ является намъ не случайнымъ, но образуетъ одно дивно-стройное цѣлое, расположенное всемогущею десницею Того, Кто распредѣлилъ и свѣтила небесныя и подчинилъ ихъ дивной гармоніи. Риттеръ справедливо говоритъ, что если въ природѣ неорганической притяженіе прямо пропорціонально массамъ, то взаимнодѣйствіе, оказываемое однимъ народомъ на другой, должно быть еще могущественнѣе. И въ мірѣ духовномъ существуютъ законы притяженія и отталкиванія, но законы эти познаются не математическими формулами, а читаются въ скрижаляхъ народныхъ судебъ. Можно смѣло сказать, что еслибы части свѣта были выведены изъ нынѣшняго ихъ положенія, то исторія человѣчества была бы совершенно иная,—до такой степени судьбы народовъ связаны съ земнымъ ихъ жилищемъ. Подобно какъ человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, такъ и развитіе человѣчества и вся его исторія слагается изъ скелета—земной поверхности и разныхъ частей оной и изъ духа—духа народнаго и нравственнаго его развитія. Эти два элемента тѣсно связаны другъ съ другомъ и взаимно обусловливаются. Народъ участвуетъ въ космической жизни подъ совокупнымъ вліяніемъ видимой природы и разума, подъ вліяніемъ міра физическаго и міра нравственнаго.

Немного труда стóитъ, чтобы убѣдиться, что и на поверхности земнаго шара должна существовать таже взаимная связь между отдѣльными частями, та же гармонія, которой справедливо удивляемся мы при разсматриваніи движенія небеснаго свода. Именно въ неправильномъ, несимметричномъ распредѣленіи суши и морей, въ неравномѣрности климатовъ и происходящемъ отсюда великомъ разнообразіи естественныхъ произведеній заключаются задатки къ болѣе

Digitized by Google

тѣсной связи между собою отдѣльныхъ частей свѣта, разныхъ странъ и поясовъ. Будь одна часть свѣта точной копіей другой въ отношеніи географическомъ и естествоисторическомъ, тогда не было бы повода ко взаимному сближенію народовъ, исчезло бы побужденіе къ географическимъ открытіямъ, къ тому неудержимому стремленію человѣка въ страны далекія, которое такъ превосходно характеризовано Гумбольдтомъ. Тогда бы каждый народъ могъ существовать отдѣльно, самъ по себѣ; измѣнился бы ходъ всемірной исторіи, быть можетъ исторіи не было бы вовсе. Будучи разсматриваемо съ этой точки зрѣнія, разнообразіе частей свѣта является намъ могучимъ рычагомъ, послужившимъ къ развитію человѣческихъ обществъ. Всякій народъ есть представитель своего жилища, въ народныхъ судьбинахъ отражается какъ въ зеркалѣ отечество каждаго изъ нихъ. А если такъ, то самое жилище народовъ, самыя части свѣта не суть одни лишь механически-разграниченные куски земной коры, а искусственныя сочлененія цѣльнаго, великаго планетнаго организма и земля является намъ космическимъ индивидуумомъ съ особенной, свойственной ему организаціей, съ особенною космическою жизнію; это — Ens suis generis (Риттеръ).

Примѣромъ того, какъ прежній взглядъ на устройство нашей планеты былъ ошибоченъ, можетъ служить слѣдующее: долгое время смотрѣли на Океанъ, какъ на нѣчто разъединяющее, отчуждающее части свѣта другъ отъ друга и препятствующее взаимному сближенію между ихъ обитателями. Въ настоящее время взглядъ этотъ измѣнился. Многочисленные примѣры доказываютъ намъ, что не материкъ соединяетъ народы, а море служитъ посредствующимъ звѣномъ для сближенія частей свѣта и отдѣльныхъ странъ и чѣмъ такъ называемая береговая линія длиннѣе, чѣмъ глубже вдается море въ материкъ и чѣмъ извилистѣе берегъ, другими словами — чѣмъ расчлененнѣе материкъ, тѣмъ международныя сношенія болѣе облегчаются; народы сближаются между собою и вслѣдствіе этого каждая отдѣльная личность развивается быстрѣе; воззрѣнія человѣка расширяются, онъ пріобрѣтаетъ болѣе самостоятельности. Начиная съ Финикіянъ и Грековъ до жителей Великобританіи все подтверждаетъ вѣрность этого взгляда. Сношенія между Лондономъ и Нью-Іоркомъ, между Капштадтомъ и Мельборномъ совершаются легче, чѣмъ между Москвою и Тифлисомъ. Швейцарія, до проложенія желѣзныхъ дорогъ, стояла какъ бы особнякомъ отъ остальной Европы; вспомнимъ также, какъ неполны до новѣйшаго времени были свѣдѣнія наши о Пиренейскомъ полуостровѣ: Пиренейская цѣпь долгое время представляла родъ китайской стѣны для Франціи. Житель гористой Шотландіи развился иначе чѣмъ житель Англіи, столь же различенъ и житель Швеціи отъ обитателя Норвегіи относительно нравовъ, образа мыслей и политическаго своего развитія.

Когда же началъ человѣкъ обращать вниманіе на то огромное вліяніе, какое оказываютъ физическія условія на умственное развитіе народовъ, то стали появляться разныя ученія. Въ противоположность ученію Платона, будто духовное развитіе человѣка совершенно независимо отъ окружающей его природы, Геереиъ полагалъ, что человѣкъ можетъ сдѣлаться только тѣмъ, чѣмъ дѣлаютъ его физическія свойства обитаемой имъ страны и обстоятельства жизни. Оба эти воззрѣнія одинаково впадаютъ въ крайность. «Въ этнографіи, говоритъ Риттеръ, должна быть рѣчь о двухъ факторахъ: о веществѣ и о духѣ, равно какъ и въ психологіи говорится о тѣлѣ и душѣ,

Digitized by Google

потому что всѣ народы имѣютъ даръ слова, религіозныя вѣрованія, разумъ; даже самые варварскіе изъ нихъ имѣютъ свою грамматику, слѣдовательно свою духовную собственность, зиждущуюся на разумной основѣ.»

Гумбольдту и Риттеру обязаны мы правильнымъ рѣшеніемъ этого вопроса. Съ удивительнымъ остроуміемъ эти корифеи современнаго знанія показали намъ вліяніе, оказываемое природой на человѣка и обратно — воздѣйствіе человѣка на природу. Здѣсь не мѣсто говорить о переворотѣ, совершенномъ въ наукѣ обоими этими учеными. Основная мысль Риттера — уяснить вліяніе частей земной поверхности, разсматриваемой имъ какъ часть одного органическаго цѣлаго, на духовную жизнь народовъ. Подъ геніальнымъ перомъ великаго географа характеръ и бытъ народа является какъ бы зеркаломъ, въ которомъ отражаются физическія условія мѣстности, служащей ему жилищемъ. А между тѣмъ Риттеръ никогда не теряетъ изъ виду духовную сторону бытія человѣческаго: если, по его воззрѣнію, сторона эта много зависитъ отъ природы физической, то не всецѣло; онъ во всемъ умѣетъ находить нѣчто безконечное высшее, необъяснимое извѣстными намъ законами.

Для уразумѣнія вліянія, какое указываетъ жилище на человѣка, взглянемъ на особенности, представляемыя разными частями земной поверхности:

1) Три четверти земнаго шара покрыты моремъ, а лишь одна четверть занята сушей; столь огромное преобладаніе воды надъ сушей обусловливаетъ плодородіе почвы, обиліе рѣчныхъ системъ и, слѣдовательно, облегчаетъ международныя сношенія.

2) Двѣ трети суши сосредоточены въ сѣверномъ и одна треть — въ южномъ полушаріи.

3) Земной шаръ можно пересѣчь плоскостію большаго круга такимъ образомъ, чтобы на одномъ полушаріи было maximum суши (Landhemisphäre), а въ другомъ maximum воды (Wasserhemisphäre). Центръ перваго полушарія — Гибралтаръ, центръ втораго — Жильбертовы острова. Первое полушаріе поражаетъ насъ разнообразіемъ климата, второе же представляетъ вѣчное однообразіе морскаго климата. Континентальному полушарію надлежало много работать и усовершенствоваться, чтобы войти въ сношеніе со вторымъ, благодаря разрозненности частей его.

4) Старый свѣтъ опоясываетъ половину земнаго шара по долготѣ, новый же свѣтъ — по широтѣ; вслѣдствіе этого первый, въ общей сложности, представляетъ менѣе разнообразія, чѣмъ послѣдній.

5) Материкъ, по малой своей теплоемкости относительно воды, скоро нагрѣвается, скоро и охлаждается, вода же для нагрѣванія требуетъ много теплоты, но за то долго сохраняетъ свою температуру. Этимъ обусловливается различіе между континентальнымъ и морскимъ климатомъ. Континентальный климатъ представляетъ рѣзкіе переходы отъ теплоты къ холоду и обратно, между тѣмъ какъ морской болѣе однообразенъ, болѣе умѣренъ, безъ рѣзкихъ различій между лѣтними и зимними температурами.

Материкъ, благодаря своей обширности, различію климатовъ и изобилію естественныхъ произведеній, вырабатываетъ эти произведенія, умѣетъ пользоваться своими богатствами, задаетъ работу своимъ жителямъ, развиваетъ ихъ умственныя способности, цивилизуетъ ихъ, потомъ сѣмена цивилизаціи и гражданственности онъ разбрасываетъ и сѣялкою является море. Напротивъ, островная природа не самостоятельная, а воспринимающая и усвоивающая, но за то самое усвоиваніе и ассимиляція здѣсь

Digitized by Google

происходитъ необыкновенно быстро: для островнаго жителя достаточно нѣсколько десятковъ лѣтъ, чтобы совершать то, на что жителю материка потребны столѣтія.

Если, повидимому, нѣтъ разницы между западомъ и востокомъ, то за то мы находимъ великое различіе въ народахъ: житель востока сохраняетъ преданія старины и нравы праотцевъ; житель запада вѣчно измѣнчивъ: онъ человѣкъ бывалый, видалъ многое, испыталъ много хорошаго и дурнаго, не довольствуется настоящимъ, вѣчно ждетъ новаго, лучшаго и къ нему стремится всѣми силами и помышленіями.

Подобно какъ въ жизни отдѣльной личности мы видимъ три возраста: младенчество, возмужалость и старость, такъ и жизнь народовъ представляетъ намъ разныя эпохи умственнаго развитія, но продолжительность этихъ эпохъ обусловливается физическими свойствами каждой страны, зависитъ и отъ способности народа окрѣпнуть духовно и образовать собою одно политическое цѣлое. Въ этомъ отношеніи части свѣта получили различный удѣлъ. Азія, величайшая часть свѣта и богаче другихъ одаренная, уже отцвѣла. Полная драгоцѣнныхъ историческихъ воспоминаній, почтенная старица поддерживается возмужалыми дѣтьми, получившими отъ нея свою жизнь, свою вѣру, свою исторію, свои преданія. Европа, наравнѣ съ младшей сестрой своей Америкой, является въ полномъ блескѣ умственныхъ силъ и духовной красоты. Велики обѣ сестры въ настоящемъ, полны надеждъ на будущее. Могущество ихъ отражается на Австралію, вовлеченную въ кругъ державныхъ сестеръ и жадно усвоивающую себѣ зрѣлые уже плоды приносимой ей цивилизаціи. Менѣе счастливый жребій выпалъ на долю Африки. Въ чредѣ другихъ частей свѣта она до сихъ поръ является слабѣйшей, и можно предвидѣть, что и впредь цивилизація укрѣпится лишь на ея окраинахъ, ближайшихъ къ Европѣ. Центръ же ея и для будущихъ поколѣній, если, быть можетъ, и не будетъ terra incognita, то по крайней мѣрѣ никогда не будетъ играть значительной роли. Африка всегда рабою была, рабою и останется.

Мы сказали уже, что народъ — представитель своей страны и что народныя судьбины тѣсно связаны съ географическимъ положеніемъ мѣстности. Такъ полярныя страны поражаютъ насъ своей монотонностію какъ относительно строенія почвы, такъ и относительно естественныхъ произведеній. Тутъ нѣтъ разницы между старымъ и новымъ свѣтомъ; повсюду однообразна природа, однообразно и скудно царство растительное и животное. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ этнографическія особенности народовъ, нѣтъ отдѣльныхъ, выдающихся личностей. Какъ блѣденъ лучъ солнца, освѣщающій полярныя страны, такъ блѣдна и безцвѣтна жизнь обитателя этихъ странъ или, лучше сказать — это не жизнь, а прозябаніе, не жизнь, а постоянная, мучительная борьба со всѣми ужасами природы. Вся умственная дѣятельность человѣка здѣсь направлена къ тому, чтобы ограждать себя отъ упорнаго врага, вѣчно грозящаго ему гибелью; здѣсь нѣтъ наслажденій, нѣтъ отдыха, а одинъ лишь упорный трудъ, скудно вознаграждаемый, одна лишь страшная борьба за существованіе. Поэтому общественный бытъ, въ собственномъ значеніи, здѣсь немыслимъ, какъ немыслима самая осѣдлость; человѣкъ обреченъ здѣсь на вѣчное передвиженіе, на вѣчное перекочевываніе съ мѣста на мѣсто съ двумя домашними животными — сѣвернымъ оленемъ и собакой — вѣрными спутниками его плачевной доли. Безъ сожалѣнія оставляетъ онъ прежнее, чахлое кочевье, а новое сулитъ ему столько же труда, столько же лишеній....

Digitized by Google

Совершенный контрастъ представляютъ намъ страны тропическія: тутъ вѣчное разнообразіе явленій природы и царства органическаго. Великолѣпныя растенія, не находя болѣе мѣста на землѣ, подымаются вверхъ, вьются, перебрасываются съ вѣтви на вѣтвь. Повсюду жизнь и дѣятельность, повсюду природа оживлена звуками и красками. Богатѣйшая фауна на всякомъ шагу поражаетъ насъ великолѣпіемъ своихъ цвѣтовъ, красотою и разнообразіемъ формъ. Все торопится жить, все здѣсь наслаждается своимъ существованіемъ; одно тѣснитъ другое и спѣшитъ занять какъ можно болѣе мѣста на великолѣпномъ торжествѣ природы. Но именно эта роскошь, именно это изобиліе естественныхъ произведеній останавливаетъ умственное развитіе человѣка: богатство природы гнететъ, подавляетъ его, не даетъ простора его изобрѣтательности, смѣется надъ его усиліями, покрываетъ растеніями его искусственныя произведенія. Среди подавляющей и балующей его природы человѣкъ теряетъ энергію; вслѣдствіе легкаго удовлетворенія своихъ жизненныхъ потребностей онъ мало заботится о собственности своей; нѣтъ законовъ, которые ограждали бы эту собственность отъ произвола и насилія, нѣтъ гражданственности въ собственномъ смыслѣ, а отдѣльныя лишь семейства; самыя даже племена носятъ чисто семейный характеръ; нѣтъ учрежденій для всѣхъ обязательныхъ; всякое племя живетъ особнякомъ, удерживаетъ племенное свое различіе, а при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ исчезаетъ вовсе.

Высокія страны, суровыя плоскогорія, представляя дикую, безлѣсную степь, дѣлаютъ также невозможной осѣдлую жизнь: скудныя произведенія почвы скоро истощаются и нужно пріискивать новыхъ мѣстъ. Здѣсь очевидно лишь мѣсто кочующимъ народамъ, какъ видимъ мы это въ средней Азіи, въ Туранѣ, въ центральной Африкѣ и Америкѣ. Высокія горы и суровыя ущелья обусловливаютъ самобытность и индивидуальный характеръ своихъ жителей; тутъ каждый предоставленъ самому себѣ, самъ долженъ умѣть побѣждать всѣ встрѣчаемыя препятствія. Тутъ большею частію преобладаетъ та сила физическая и ловкость, которой издавна отличается житель Тироля, Швейцаріи, Кавказа.

Такимъ образомъ видимъ мы, что лишь тѣ страны, кои по географическому своему положенію, умѣренному климату и пропорціональному ему количеству и качеству естественныхъ произведеній не представляютъ крайностей, не слишкомъ богаты, но и не слишкомъ бѣдны, однѣ лишь способны къ истинному процвѣтанію и только такимъ странамъ выпала счастливая доля быть поприщемъ человѣческой цивилизаціи, быть театромъ великихъ произведеній ума человѣческаго. Это особенно замѣчается тамъ, гдѣ рѣчные бассейны и моря много способствуютъ взаимному сближенію народовъ, а слѣдовательно и обмѣну идей. Дѣйствительно, всѣ великіе рѣчные бассейны имѣли вліяніе на ходъ міровыхъ событій. Такъ Висла, Одеръ, Эльба, Везеръ и Рейнъ постоянно служили путями сообщенія южной Европы съ сѣверной; вдоль по бассейну Рейна происходили войны Римлянъ съ Гельветами, Галлами, Германцами и Батавами. Террасса Дуная, обращенная къ востоку, обозначаетъ собою путь, по которому двигались народы, подобно всесокрушающему напору волнъ. Это движеніе извѣстно въ исторіи подъ названіемъ великаго переселенія народовъ. Гунны и Готѳы двинулись вверхъ по теченію Дуная; этому же пути, въ позднѣйшія времена, слѣдовали Венгры и Турки.

Но если рѣчные бассейны служатъ мо-

Digitized by Google

ществennымъ средствомъ для международныхъ сообщеній, то это свойство въ высшей степени принадлежитъ морямъ и океанамъ. Море всегда манило человѣка въ страны далекія, возбуждало его изобрѣтательность, служило звѣномъ, связывающимъ между собою народы. Благодаря Средиземному морю и огромной длинѣ его береговой линіи, благодаря его многочисленнымъ заливамъ и пристанямъ, южная Европа по справедливости считается колыбелью нынѣшней цивилизаціи. Здѣсь процвѣтала Финикія съ великой своей колоніей, цвѣла нѣкогда Грецiя, оставивъ позднѣйшимъ поколѣніямъ недосягаемые образцы по всѣмъ родамъ умственныхъ произведеній. Здѣсь возросъ римскій колоссъ, удивлявшій весь міръ въ своемъ счастіи и несчастіи; здѣсь процвѣтала великая средне-вѣковая республика; здѣсь и въ наше время крѣпнетъ Италія, стряхнувъ съ себя вѣковую разрозненность, вѣковое рабство. Часть греческаго полуострова въ первую четверть нынѣшняго столѣтія сбросила ненавистное иго пришельца и зажила самостоятельною жизнію. Предъ глазами нашими и остальныя части древней Греціи, остальныя порабощенныя славянскія племена, крѣпкія вѣрою своихъ праотцевъ, въ непоколебимомъ сознаніи своихъ національныхъ правъ, оказываютъ чудеса храбрости и отваги, встрѣчаемыя сочувствіемъ нашего отечества и большей части Европы. Предъ нами разыгрывается первый актъ великой драмы, благополучнаго окончанія которой, быть можетъ, удастся намъ быть свидѣтелями!...

II.

Приложимъ общія разсужденія относительно вліянія очертанія материковъ и свойствъ почвы на умственное развитіе человѣка къ каждой части свѣта въ отдѣльности и разсмотримъ, въ какой мѣрѣ физическія особенности каждаго материка отражаются на его обитателяхъ.

Океанія. Подобно тому, какъ весь шаръ земной можно дѣлить на континентальное и морское полушарія, такъ и южное полушаріе можно раздѣлить на двѣ части: континентальную и морскую. Въ этомъ случаѣ Океанію можно назвать океаническимъ югомъ земнаго шара, въ отличіе отъ Африки и южной Америки, заслуживающихъ названіе юга континентальнаго.

Австралія помѣщена въ срединѣ этого континентальнаго юга. Хотя полуостровъ Малакка и острова Суматра и Ява и представляютъ какъ бы переходный мостъ между Азіей и Австралiей, но, благодаря стагнаціи китайско-манджурскаго населенія, это обстоятельство не принесло пользы и Австралія до новѣйшаго времени оставалась чуждой Азіи. Вдали отъ всякаго непосреднаго сообщенія съ прочими частями свѣта, она представляетъ особенности, какія тщетно ищемъ мы въ прочихъ частяхъ свѣта. Австралія такая же невѣдомая земля, какъ и центральная Африка; даже теперь центръ ея для насъ terra incognita и всѣ попытки проникнуть туда остаются безуспѣшными. Много говорено было объ обширномъ озерѣ, существующемъ будто бы въ срединѣ австралійскаго материка, но по незначительности рѣкъ едва ли подобное предположеніе справедливо. Здѣсь все самобытно: и растительность и животное царство и человѣческое племя, населяющее Австралію. Какъ однообразенъ морской климатъ и характеръ острововъ, составляющихъ Океанію, такъ однообразны ея жители относительно физическаго своего развитія, языка, обычаевъ и учрежденій.

Digitized by Google

Пришли они вѣроятно съ запада чрезъ переходный мостъ; есть даже основаніе предполагать, что нѣкогда Австралія непосредственно соединялась съ азіятскимъ материкомъ посредствомъ перешейка, коего обломки нынѣ составляютъ большіе Зондскіе острова. Много должны были успѣвать европейцы въ наукѣ, чтобы достигнуть до того таинственнаго міра, который называемъ Океаніей, дабы вовлечь и его въ кругъ цивилизаціи; принятъ онъ былъ послѣднимъ, но за то щедро наградилъ труды воспитателей. Благодаря своему воспріимчивому, островному характеру, Океанія быстрѣе всѣхъ усвоиваетъ себѣ приносимыя ей блага; то, чего другимъ странамъ удается достигнуть лишь по прошествіи вѣковъ, для жителей Океаніи, дѣятельныхъ, способныхъ и въ высшей степени воспріимчивыхъ, дается въ нѣсколько десятилѣтій. Такъ 88 лѣтъ прошло и на тѣхъ самыхъ Сандвичевыхъ островахъ, гдѣ былъ убитъ и съѣденъ дикими знаменитый Кукъ, теперь засѣдаетъ парламентъ, красуется университетъ. Что же касается до Австраліи, то пунктъ, служившій метрополіи въ прежнее время мѣстомъ ссылки преступниковъ, въ настоящее время сталъ центромъ дѣятельности всего южнаго полушарія, а неисчерпаемые вновь-открытые золотые рудники оставляютъ далеко за собою и Азію и пресловутую Америку и привлекаютъ множество переселенцевъ со всѣхъ сторонъ.

Африка. Африка — ближайшая часть свѣта къ южной Европѣ и отдѣлена отъ ней лишь узкимъ проливомъ, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, она далѣе отъ Европы, чѣмъ Америка.

Съ понятіемъ Африки соединяется у насъ понятіе о чемъ-то недоступномъ, знойномъ, умерщвляющемъ, полномъ ужасовъ песчаныхъ степей. Желая выразить нѣчто невыносимое, безплодное, мы говоримъ: африканскій жаръ, Сахара. Африка представляетъ собою одно нераздѣльное, неразчлененное цѣлое; это огромное, старое дерево, но безъ вѣтвей, безъ тѣни, безъ плодовъ. Подобно тому какъ поразительны по странности своей кактусы, эти печальныя дѣти пустыни, такъ грустно и странно отечество, произведшее ихъ. Горы окаймляютъ африканскій материкъ почти со всѣхъ сторонъ, уменьшая чрезъ это благодѣянія морскаго климата. Нѣкоторыя горныя цѣпи въ центральной Африкѣ, хотя и покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, но протяженіе ихъ не велико, не велико поэтому и вліяніе ихъ на климатъ. Число рѣкъ незначительно въ сравненіи съ величиною материка и не можетъ вознаградить сухость песчаной и раскаленной почвы. Истокъ двухъ величайшихъ рѣкъ и до сихъ поръ несовершенно изслѣдованъ, не смотря на всѣ усилія отважныхъ путешественниковъ, осмѣлившихся срывать завѣсу съ таинственныхъ африканскихъ странъ. Центральная часть материка намъ все еще неизвѣстна; можно ручаться, что тамъ нѣтъ обширныхъ бассейновъ воды, иначе климатъ и растительность были бы иные. Описанія въ извѣстіяхъ путешественниковъ весьма плодородныхъ мѣстъ, встрѣчаемыхъ внутри Африки и изобилующихъ млекомъ и медомъ, кажутся преувеличенными и вѣроятно зависятъ и отъ новости впечатлѣній и отъ сравненія съ пройденными безплодными степями. Вспомнимъ, какъ увлекательны были разсказы путешественниковъ, впервые посѣтившихъ Гренландію; вспомнимъ также, какимъ раемъ рисовали намъ Исландію!

Длина береговой линіи относительно площади африканскаго материка менѣе чѣмъ гдѣ-либо и вдвое менѣе береговой линіи Европы, хотя площадь послѣдней втрое менѣе поверхности Африки. Дѣленіе африканскаго материка на возвышенный и низмен-

Digitized by Google

ный оказывается скорѣе терминомъ географическимъ, чѣмъ климатическимъ. Собственно говоря, тутъ нѣтъ разницы въ поясахъ; тутъ нѣтъ ни сѣвера, ни юга, нѣтъ ни востока, ни запада; нѣтъ контрастовъ ни въ почвѣ, ни въ растительности, ни въ животныхъ. Левъ встрѣчается одинаково въ Алжиріи, въ Сахарѣ и около мыса Доброй Надежды; гіена одинаково безпокоитъ жителя Туниса и бойера; крокодилъ водится и въ Нилѣ и въ рѣкахъ южной Африки.

Какъ однообразна флора и фауна, такъ однообразно и человѣческое племя и по физическому и по умственному своему развитію; даже языкъ различныхъ негрскихъ племенъ поразительно сходенъ, отличаясь только діалектическими особенностями, зависящими, по всѣмъ вѣроятностямъ, отъ вліянія иноземцевъ, утвердившихся на окраинахъ материка. Даже у болѣе развитыхъ негрскихъ племенъ мы не видимъ государственной жизни въ собственномъ смыслѣ; эта какъ бы одна семья безталанная, безъ прошедшаго и будущаго, безъ внутренняго единства, безъ общихъ интересовъ. Какъ неподвижна песчаная степь, такъ неподвиженъ и человѣкъ; тутъ нѣтъ историческихъ преданій, нѣтъ фантастическихъ разсказовъ, ибо нѣтъ ничего загадочнаго — повсюду одно и тоже! Нѣтъ исторіи, нѣтъ сожалѣнія о прошломъ, нѣтъ радостей въ настоящемъ, нѣтъ надежды на будущее. Умъ африканца столь же тяжелъ, столь же неподвиженъ, столь же безплоденъ, какъ его пирамиды. Африка всегда побѣждена была другими народами: побѣждена она была Персами, Римлянами; сыны Африки какъ товаръ въ продолженіи вѣковъ вывозимы были въ другія части свѣта. Дѣти отнимались у родителей и уводимы были въ рабство, на пожизненное истязаніе. Въ настоящее время постыдный этотъ торгъ прекратился, по крайней мѣрѣ явно; но племена продолжаютъ враждовать между собою и понынѣ: здѣсь раздаются лишь крики побѣдителей и вопль побѣжденныхъ, осужденныхъ на несказанныя мученія!...

Америка. Если старый свѣтъ преимущественно распространяется въ ширину, то Америка далеко распространяется въ длину—отъ сѣвера къ югу, мѣняя дважды ширину свою. Пролегая по бо̀льшему числу параллельныхъ круговъ чѣмъ Азія, Америка имѣетъ вдвое болѣе климатическихъ поясовъ, а отъ такого климатическаго различія происходитъ разнообразіе естественныхъ произведеній и этнографическихъ особенностей.

Южная Америка представляетъ сходство съ Африкою по внѣшнему своему очертанію и малому развитію береговой линіи. Преграды же, представляемыя ею усиліямъ человѣка, обусловливаются не безплодіемъ почвы, не степнымъ характеромъ, а напротивъ чрезвычайной производительностію страны. Тутъ физическая природа богатствомъ своимъ подавляетъ человѣка: онъ становится безсильнымъ оспаривать почву у богатой растительности, которая то преграждаетъ ему дорогу, то высится въ воздухѣ, образуя непроницаемый покровъ.

Обиліе рѣкъ и влажности обусловливаютъ лишь бо̀льшую энергію растительнаго царства и разложеніе отжившихъ растеній. Такимъ образомъ въ этой мѣстности польза рѣчныхъ бассейновъ для человѣка становится отрицательною; русло рѣкъ приводитъ его отъ мѣстъ мало обитаемыхъ въ страны, еще болѣе пустынныя, и величайшій рѣчной бассейнъ въ мірѣ становится здѣсь почти безполезнымъ. Въ этихъ странахъ человѣкъ обреченъ на одиночество, на разрозненность интересовъ, на индивидуальную способность и энергію вести удачную или неудачную борьбу съ силами приро-

Digitized by Google

ды Каждый необдуманный шагъ влечетъ за собою погибель—погибель среди самой роскошной обстановки, повидимому призывающей къ жизни и наслажденію. Благодаря огромной цѣпи горъ замыкающей материкъ съ западной стороны, благодаря узкому перешейку, не соединяющему, а скорѣе отдѣляющему Сѣверную Америку отъ Южной, послѣдняя всегда стояла особнякомъ, безъ всякаго сообщенія съ обширнымъ сѣвернымъ материкомъ, подобно какъ находилась Африка относительно Европы. Такъ Перу, заключенная между Андами и Тихимъ Океаномъ, безъ сообщенія съ прочими частями материка, развилась совершенно самобытно; но перуанская цивилизація не оказала вліянія на прочія американскія племена.

Совершенно другое представляетъ намъ сѣверная Америка, испоконъ вѣковъ назначенная для братскаго союза съ Европой. Огражденная отъ Азіи океаномъ, цѣпью горъ, а еще болѣе неподвижностію монгольскаго племени, она на восточной сторонѣ, обращенной къ Европѣ, представляетъ наибольшее развѣтвленіе береговой линіи, наибольшее количество заливовъ. Направленіе пассатныхъ вѣтровъ, равно и морскихъ теченій, совершая почти круговоротъ, пролагаетъ какъ бы путь ко взаимному сближенію Сѣверной Америки съ Европой. И, дѣйствительно, еще задолго до Колумба, морскія теченія и пассатные вѣтры давали знать европейцу, что вдали, на западѣ долженъ существовать материкъ богатый дарами природы и туда стремился онъ всѣми силами своего генія. Въ орографическомъ и гидрографическомъ отношеніи сходная съ Европой, сѣверная Америка выставила предъ собою рядъ великолѣпныхъ острововъ и у прибрежья — рядъ превосходныхъ пристаней, какъ бы приглашая къ себѣ европейца. Послѣдній понялъ всю важность открытій великаго Генуэзца; можно сказать даже, что ни однимъ открытіемъ человѣкъ не воспользовался и не усвоивалъ его себѣ столь быстро. Подобно какъ въ старомъ свѣтѣ происходило переселеніе народовъ съ востока на западъ, такъ и въ Америку начались переселенія европейцевъ, и это переселеніе, особенно въ Сѣверной Америкѣ, принесло собою не разрушеніе и смерть, а благодатные плоды цивилизаціи. По особенному стеченію счастливыхъ обстоятельствъ, сѣверная Америка населена была англо-германскимъ племенемъ и населена поздно, когда племя это стояло уже на высокой степени умственнаго развитія. Южная и Средняя Америка манила испанцевъ своимъ золотомъ, но приманка эта, временно обогативъ великую монархію Карла V, въ послѣдствіи стала одной изъ причинъ ея упадка и моральнаго разложенія. Напротивъ, сѣверная Америка приманивала колонистовъ сходствомъ своимъ съ метрополіей, обиліемъ своихъ пристаней, великими и многоразвѣтвленными рѣчными бассейнами, обширными озерами, необозримыми prairies. Благодаря всему этому, благодаря неистощимымъ богатствамъ, сокрытымъ въ нѣдрахъ ея и вышедшихъ на свѣтъ Божій лишь въ новѣйшее время, Сѣверная Америка постоянно привлекала и привлекаетъ къ себѣ европейцевъ, скоро сдѣлалась колоніей могущественной державы и участницей умственнаго и политическаго развитія англо-германскаго племени. И скоро окрѣпла колонія, перестала нуждаться въ материнскихъ заботахъ, сдѣлалась державой самостоятельной на удивленіе міру.... Неудержимъ наплывъ европейцевъ, неудержимы успѣхи цивилизаціи! Первобытные жители Америки въ глубокомъ сознаніи своей несостоятельности предъ европейцемъ, въ повѣріяхъ своихъ самихъ себя обрекаютъ на

Digitized by Google

недолгое существованіе совмѣстно съ бѣлымъ человѣкомъ. Аборигены оттѣсняются постепенно и мало-по-малу исчезаютъ съ лица земли. По прежнимъ prairies пролегаютъ рельсовые пути; повсюда открываются новыя сокровища, а изумительное количество и протяженіе желѣзныхъ дорогъ, уничтожая разстоянія, разносятъ эти дары природы и возстановляютъ повсюду равновѣсіе произведеній естественныхъ и умственныхъ.

Азія. Въ противоположность съ Европой, Азія представляетъ преобладаніе массы ствола надъ вѣтвями. Съ трехъ сторонъ омываемая моремъ, она срослась съ Европой въ одно цѣлое и въ этомъ сростаніи нельзя не видѣть указанія на сродство обѣихъ частей свѣта и на обоюдную ихъ зависимость во всѣхъ естественныхъ явленіяхъ и историческихъ судьбинахъ.

Направленіе горныхъ системъ въ Азіи таково, что раздѣляя весь материкъ на три части въ физическомъ отношеніи, онѣ въ то же время совершенно отчуждаютъ одну часть отъ другой. Тутъ видимъ мы какъ бы три отдѣльные міра, различные между собою какъ климатомъ своимъ и естественными произведеніями, такъ и характеромъ своего населенія. Сѣверная и средняя Азія, занимая большую часть материка, въ политическомъ отношеніи играютъ гораздо меньшую роль, чѣмъ южная часть Азіи, издавна служившая поприщемъ величайшихъ религіозныхъ и политическихъ событій. Здѣсь колыбель человѣчества, здѣсь начало умственнаго его развитія, историческихъ его судебъ.

Отрѣзанная отъ средней Азіи цѣпью горъ и понижаясь постепенно къ Ледовитому океану, Сибирь представляетъ намъ вѣчное однообразіе полярныхъ странъ. Великіе рѣчные бассейны не приносятъ пользы, потому что рѣки большую часть года покрыты льдомъ и направляясь на сѣверъ переносятъ насъ отъ странъ мало обитаемыхъ къ мѣстамъ вовсе непроходимымъ. Будь горная цѣпь расположена на сѣверѣ, она оберегла бы материкъ отъ гибельнаго вліянія Ледовитаго моря и сдѣлала бы его доступнымъ вліянію южныхъ вѣтровъ. Тогда бы и климатъ Сибири и всѣ естественныя ея произведенія были совершенно иныя. Въ центральной части Азіи, однообразная песчаная почва, похожая на африканскую, обусловливаетъ и великое однообразіе климата и сопряженныхъ съ онымъ естественныхъ произведеній. Линіи, обозначающія собою предѣлъ распространенія животныхъ и растеній и представляющія въ другихъ странахъ самые разнообразные изгибы, въ средней Азіи принимаютъ направленіе почти параллельное экватору, до такой степени здѣсь однообразны климатическія условія и строеніе почвы. Все это не могло не оставаться безъ вліянія на характеръ жителей, на ихъ нравы, обычаи и образъ жизни. Та же таинственность окружала среднюю Азію до новѣйшаго времени, какъ и центральную Африку: повѣствованія немногихъ путешественниковъ, дерзнувшихъ проникнуть въ эти страны, были единственными источниками нашихъ свѣдѣній о средней Азіи. Не находя себѣ мѣста на родинѣ, народы ринулись на западъ, на Европу, и весь ужасъ дикаго завоеванія спослѣдовалъ за этимъ вторженіемъ. Но потокъ успокоился, герои исчезли, союзы рушились, народы впали въ обычную свою апатію и смиренно перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто. Подобно тому какъ африканскій материкъ не способенъ выработать нѣчто самостоятельное и вѣчно подчиняется чужому вліянію, такъ и центральная Азія долго оставалась неподвижной, почти забытой, пока, вслѣдствіе неотразимаго хода историческихъ событій, она вовлечена была

Digitized by Google

Европой въ народную семью, сдѣлалась участницей міровыхъ событій.

Напротивъ, Азія по окраинамъ своимъ представляетъ великія различія: каждая вѣтвь ея имѣетъ свою горную цѣпь, свои рѣки, свою систему вѣтровъ, свои произведенія, свои религіозныя вѣрованія, свои философскія воззрѣнія. Мы различно понимаемъ міръ китайскій, малайскій, индійскій, персидскій, аравійскій. Каждая страна представляетъ свойственныя ей индивидуальности: нѣтъ гармоніи, нѣтъ единства, нѣтъ общихъ началъ цивилизаціи, могущихъ имѣть обязательную силу для всѣхъ. Отчужденный религіозными вѣрованіями и обычаями, лишенный дѣятельности, умъ человѣка здѣсь сосредоточенъ въ самомъ себѣ, а слѣдствіемъ этого, являются чудныя, фантастическія литературныя произведенія и столь же фантастическія міросозерцанія. Но развивъ культурные зародыши до извѣстной степени, человѣкъ здѣсь остановился на извѣстной степени нравственнаго совершенства и находится какъ бы въ оцѣпенѣніи. Въ высшей степени невоспріимчивый, житель Азіи остановился на своихъ восточныхъ воззрѣніяхъ и далѣе не пошелъ. Стагнація Китая обратилась въ пословицу: манджурскіе завоеватели не принесли съ собою, да и не встрѣтили ничего новаго и легко могли слиться съ побѣжденными. И потому Азія есть **востокъ** въ собственномъ смыслѣ слова; это историческая почва, дорогая всѣмъ намъ по религіознымъ воспоминаніямъ, по великимъ преданіямъ древности. Житель Азіи покоится на лаврахъ прошлаго своего величія и сосредоточенный въ самомъ себѣ, имѣетъ о себѣ самое высокое понятіе: ему нечему учиться, нечего и не у кого заимствовать: онъ древнѣе, могущественнѣе, умнѣе всѣхъ прочихъ народовъ міра и лишь по несказанному своему великодушію дозволяетъ жителямъ тьмы — европейскимъ варварамъ — стать твердою ногою, учреждать повсюду факторіи. Его побѣдили, доказали явную несостоятельность всѣхъ государственныхъ учрежденій, горсть европейцевъ разбила огромныя его полчища—все это ничего, все совершается лишь по соизволенію великодушнѣйшаго Сына Неба, дозволившаго варварамъ по несказанному благоволенію своему также воспользоваться частію даровъ, ниспосланныхъ средоточію вселенной. Что бы не происходило въ мусульманскомъ мірѣ, все заранѣе опредѣлено рокомъ; чтобы ни дѣлалъ человѣкъ, дѣйствія его не поведутъ ни къ чему, если нѣтъ на то воли судьбы; всѣ успѣхи цивилизаціи, всѣ великіе плоды ума человѣческаго ровно ничего не значатъ: все это **такдиръ**—предопредѣленіе, а противъ предопредѣленія человѣкъ безсиленъ!

Европа. Европа—совершенный контрастъ Азіи или востока. Это **западъ** въ полномъ смыслѣ слова, вѣчно подвижный, вѣчно дѣятельный, гордый своимъ прошедшимъ, полный сознанія своего настоящаго, преисполненный надеждъ на будущее, въ противоположность съ неподвижнымъ востокомъ и его минувшимъ величіемъ.

Европейскій материкъ повсюда расчлененъ и расчлененіе его тѣмъ бо̀льшее, чѣмъ болѣе удаляется онъ отъ востока. Чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ уже становится материкъ, тѣмъ части его становятся доступнѣе для международныхъ сношеній и тѣмъ болѣе форма одерживаетъ верхъ надъ массой. Въ Европѣ мы видимъ преобладаніе вѣтвей надъ массой ствола. Поэтому почва ея представляетъ **наибо̀льшее** разнообразіе на **наименьшемъ** пространствѣ. Береговая линія имѣетъ небыковенную длину. Поверхность занимаемая внутренними морями равна половинѣ всей поверхности европейскаго материка. Сюда же присоединяет-

Digitized by Google

ся еще изобиліе рѣкъ. Европа втрое менѣе Африки, но береговая линія ея вдвое болѣе африканской и равна окружности земнаго шара подъ экваторомъ. Хотя береговая линія Азіи на одну четверть болѣе чѣмъ въ Европѣ, но не слѣдуетъ забывать, что поверхность Азіи слишкомъ вчетверо болѣе поверхности Европы.

Въ Азіи рѣчныя системы удалены другъ отъ друга или огромными пространствами или непроходимыми цѣпями горъ; въ Европѣ онѣ близки и большею частію легко соединяемы другъ съ другомъ. Такъ въ Россіи могли быть соединенны Балтійское море съ Чернымъ, Бѣлое море съ Каспійскимъ. Даже сплошная масса европейскаго материка не составляетъ преграды для международныхъ сношеній: сѣверъ легко дружится съ югомъ, востокъ съ западомъ, ибо горныя цѣпи не имѣютъ направленія, параллельно экватору какъ въ Азіи, и не параллельно меридіану какъ въ Америкѣ, а распредѣлены по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, такъ что, несмотря на многочисленныя попытки ученыхъ, нельзя найдти между ними никакой правильности.

Климатъ Европы умѣренный, вслѣдствіе бо̀льшаго протяженія материка съ запада къ востоку и вслѣдствіе постоянной почти борьбы между сѣверо-восточнымъ и юго-западнымъ пассатами. И потому здѣсь все умѣрено, такъ что еще Геродотъ справедливо обозначалъ Европу какъ самое удобное жилище для рода человѣческаго. Тутъ нѣтъ той роскошной растительности, нѣтъ той удивительной фауны, какую встрѣчаемъ мы въ другихъ странахъ свѣта, но за то нѣтъ степей Сахарскихъ и Бухарскихъ, нѣтъ чудныхъ бразильскихъ лѣсовъ, но за то нѣтъ убійственнаго климата Гвіаны. Это не страна чудесъ: тутъ нѣтъ рая, нѣтъ и ада. Вслѣдствіе этого, различія между обитателями сѣвера и юга, востока и запада несравненно менѣе чѣмъ въ другихъ странахъ свѣта: италіянецъ безъ труда переселяется въ сѣверную Россію, житель Скандинавіи въ Грецію и Италію.

Въ Европѣ мы видимъ блестящее доказательство того факта, что на наименьшемъ пространствѣ можетъ имѣть мѣсто наибо̀льшее духовное развитіе рода человѣческаго. Равно какъ духовный элементъ всегда и во всемъ преобладаетъ надъ элементомъ физическимъ, такъ и въ этомъ случаѣ не абсолютная величина, а величина относительная; не грубая матерія, не масса, а форма материковъ и ихъ очертаніе обусловливаютъ огромное превосходство Европы надъ прочими частями свѣта.

Вслѣдствіе великаго, нравственнаго своего превосходства, европеецъ царствуетъ во всѣхъ частяхъ свѣта и мало-по-малу подчиняетъ ихъ себѣ. Но тутъ видимъ мы власть не деспотическую, не насильственную, а то могучее вліяніе ума и нравственной энергіи, ту моральную власть, которая неотразимо дѣйствуетъ на слабѣйшаго и менѣе развитаго, подчиняетъ его себѣ, но и въ то же время заставляетъ его не только позабывать о своемъ подчиненіи, но искать въ этомъ своего счастія, своего дальнѣйшаго преуспѣянія.

Нравственныя, цивилизующія силы, дѣйствующія въ современной Европѣ, слишкомъ энергичны, слишкомъ дѣятельны и не могутъ допустить, чтобы какая бы то ни была часть свѣта продолжала коснѣть, сохраняла пассивное положеніе и не была введена въ кругъ прочихъ народовъ. И потому и Азія не можетъ долѣе оставаться тѣмъ, чѣмъ была до сихъ поръ. Относительно этой части свѣта, нашему отечеству указана Провидѣніемъ великая роль. Покоривъ себѣ Кавказъ, эту древнюю народную тропу, Россія рано или поздно создастъ путь по которому проникнетъ евро-

Digitized by Google

пейская цивилизація въ нѣдра Азіи. Мы, мм. гг., переживаемъ чудную, многознаменательную эпоху: въ нынѣшнее царствованіе все то, что прежде считалось труднымъ, почти невозможнымъ, совершается легко, будто само собою. Давно ли усмиренъ Кавказъ, эта многотрудная задача для прежнихъ поколѣній, и уже мы проникли въ таинственную область средней Азіи и въ то время какъ мы здѣсь бесѣдуемъ, соотечественники наши находятся у стѣнъ знаменитаго Самарканда, а въ Ташкентѣ полагается основаніе православному храму. Скоро раздастся благовѣстъ въ центральной мистической Азіи,—это будетъ благовѣстъ прогресса, благовѣстъ лучшей будущности!...

Но вмѣстѣ съ увеличеніемъ нашихъ сношеній съ востокомъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ значенія нашего отечества на политическихъ вѣсахъ европейской политики, намъ надлежитъ заботиться объ искусственныхъ промышленныхъ артеріяхъ, долженствующихъ связать между собою огромныя пространства нашего отечества и дополнять наши водныя пути сообщенія. Болѣе чѣмъ когда-либо теперь чувствуется потребность въ желѣзныхъ дорогахъ и повсюду начинаются работы для удовлетворенія этой настоятельной потребности. По расчисленію, нынѣшнимъ лѣтомъ сто тысячъ человѣкъ произведутъ земляныя работы на протяженіи 1200 верстъ. Пожелаемъ же возможнаго успѣха этой сто-тысячной арміи, мирно трудящейся для отечества, пожелаемъ чтобы работы ихъ увѣнчались быстрымъ и вожделѣннымъ успѣхомъ, чтобы необозримыя пространства нашего отечества перестали быть затрудненіемъ для внутреннихъ сношеній, но чтобы между всѣми частями его возстановился живой обмѣнъ естественныхъ и умственныхъ произведеній. Тогда исчезнутъ разстоянія, богатства страны разнесутся изъ края въ край и подобно живому организму, крѣпкому и цвѣтущему при постоянномъ, быстромъ и правильномъ обмѣнѣ жизненныхъ соковъ, и отечество наше разцвѣтетъ и окрѣпнетъ, благодаря рельсовымъ путямъ, этимъ жизненнымъ артеріямъ государства, разносящимъ повсюду обиліе и богатство.

Як. Вейнбергъ.

Digitized by Google

ВЛІЯНІЕ КЛИМАТА

НА ОРГАНИЗМЪ ЧЕЛОВѢКА И НА РАЗВИТІЕ ВЪ НЕМЪ БОЛѢЗНЕЙ.

I.

Мм. Гг.

Люди, населяющіе землю, представляютъ безконечное разнообразіе, какъ во внѣшнихъ своихъ формахъ, такъ и въ умственномъ развитіи; но всѣ они слѣдуя библейскому указанію, подкрѣпляемому преданіями всѣхъ древнѣйшихъ народовъ и многочисленными наблюденіями надъ цвѣтомъ кожи и устройствомъ череповъ, произошли отъ одного родоначальника, колыбелью котораго была малая Азія. Изъ этой колыбели человѣческаго рода люди разошлись по всей поверхности земнаго шара. При этомъ переходѣ, въ другія мѣстности, они подвергались новымъ климатическимъ вліяніямъ, которыя дѣйствуютъ такъ могущественно, что жизнь человѣческаго организма представляетъ постоянное противодѣйствіе этимъ вліяніямъ; организмъ приспособляясь и принаравливаясь къ нимъ до нѣкоторой степени измѣняется и получаетъ особенный отпечатокъ, свойственный окружающей средѣ. Этотъ отпечатокъ или типъ, пройдя чрезъ нѣсколько поколѣній и установившійся въ теченіи времени, передается потомъ путемъ наслѣдственности, то есть родоначальники типа сообщаютъ потомству свои внѣшнія формы. Такъ произошли главнѣйшія разновидности человѣческаго тѣла или расы, что называютъ различными племенами.

Но чтобъ убѣдиться, дѣйствительно ли климатъ дѣйствуетъ на человѣка такъ сильно и можетъ обусловить существующее разнообразіе его внѣшнихъ формъ, надо разсмотрѣть сущность этого вліянія.

Климатъ характеризуется: 1) температурою и свѣтомъ, 2) влажностію и сухостію воздуха, 3) состояніемъ погоды и временами года и дня, 4) а также всѣмъ вліяніемъ своимъ на органическую жизнь. Существенную же основу различія климатовъ составляетъ теплота, а главнѣйшимъ источникомъ теплоты служатъ солнечные лучи, которые приносятъ свѣтъ и теплоту, но распространяютъ ихъ неравномѣрно по поверхности земли. Тамъ, гдѣ они падаютъ перпендикулярно, вся теплота поглощается почвою земли, которая сильно нагрѣвается; тамъ же, гдѣ они падаютъ косвенно, преломляются и отражаются отъ поверхности земли, и нагрѣваютъ ее менѣе. Поэтому у экватора, гдѣ лучи падаютъ отвѣсно, почва и вода на-

Digitized by Google

грѣвается сильно и температура тамъ постоянно высокая. Отъ экватора къ полюсамъ лучи солнца все болѣе отклоняются, падаютъ косвеннѣе, а потому и температура отъ экватора къ полюсамъ постепенно понижается, такъ что у полюсовъ море и земля покрыты вѣчными льдами и снѣгами. На основаніи такого неравномѣрнаго распредѣленія теплоты, дѣлятъ всю земную поверхность на 3 климата: 1) жаркій 2) умѣренный (два) и 3) холодный (два).

Поверхность земли, поглощая теплоту солнечныхъ лучей, нагрѣвается въ различной степени и до различной глубины, смотря по климату. Атмосфера же, окружающая землю, нагрѣвается отъ ея поверхности; поэтому всегда теплѣе тѣ слои атмосферы, которые непосредственно прилегаютъ къ землѣ и по мѣрѣ удаленія отъ нея дѣлаются холоднѣе. Атмосферу земли составляетъ воздухъ, вещество газообразное, имѣющее свой опредѣленный химическій составъ; именно: по объему въ 100 частяхъ его заключается 20,80 кислорода и 79,20 селитророда. Сверхъ этого, какъ постоянная примѣсь, находится въ немъ кислоты угольной отъ 3 до 6 десятитысячныхъ и отъ 6 до 9 тысячныхъ водянаго пара и слѣды амміака. Такой воздухъ составляетъ существенную потребность для жизни: имъ человѣкъ дышетъ, а дыханіемъ поддерживается его жизнь. Главную часть воздуха и необходимую для жизни человѣка, составляетъ кислородъ; онъ, поступая въ кровь чрезъ легкія, разносится по всему организму и соединяясь съ составными частями крови и тканей, окисляя ихъ, обусловливаетъ въ нихъ тѣ измѣненія и явленія, которыя составляютъ жизнь организма. Прекратите доступъ воздуха къ легкимъ или воспрепятствуйте соединенію его кислорода съ кровью, вы этимъ прекратите въ организмѣ обмѣнъ матеріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратите и самую жизнь его. Селитрородъ, какъ газъ индеферентный, не имѣетъ такого важнаго значенія какъ кислородъ: онъ выдыхается изъ легкихъ безъ измѣненія, почти въ томъ же количествѣ и можетъ быть замѣненъ другимъ газомъ. Но къ воздуху могутъ примѣшиваться другія, летучія, газообразныя вещества и газы образующіеся при гніеніи органическихъ веществъ, и отъ такихъ примѣсей измѣняется его вліяніе на организмъ. Воздухъ какъ вещество газообразное, вѣсомое и упругое, отъ теплоты разширяется, а отъ сдавленія и холода сжимается; при этомъ сжатіи и расширеніи, не смотря на увеличеніе и уменьшеніе его объема, количество составныхъ его частей неизмѣняется и пропорція кислорода остается таже, что имѣетъ большое вліяніе на усиленіе и ослабленіе процесса дыханія въ различныхъ климатахъ и на различныхъ высотахъ надъ уровнемъ моря.

При неравномѣрномъ нагрѣваніи поверхности земли и воздухъ отъ нея нагрѣвается различно; а неравномѣрное нагрѣваніе воздуха вызываетъ его движеніе, называемое вѣтромъ. У экватора сильно нагрѣтый воздухъ разрѣжается и подымается въ верхъ; и въ разряженное пространство устремляется отъ полюсовъ холодный и тяжелый воздухъ, происходитъ полярное движеніе воздуха, которое въ сѣверномъ полушаріи образуетъ сѣверный, а въ южномъ южный вѣтеръ. Это полярное теченіе, по мѣрѣ приближенія къ экватору, отъ вращенія земли кругомъ оси (съ быстротою 15000 верстъ въ часъ у экватора), мало по малу переходитъ въ сѣверовосточный и югово-сточный вѣтры, приносящіе воздухъ холодный, тяжелый, сухой и богатый кислородомъ; такой воздухъ усиливаетъ процессъ дыханія. Нагрѣтый же воздухъ, поднявшись въ верхніе слои, болѣе холодные и

Digitized by Google

охлаждаясь тамъ, начинаетъ спускаться; но встрѣчая подъ собою тяжелое, полярное теченіе, разширяющееся у экватора и образующее поэтому наклонную плоскость, скользитъ по немъ и направляется къ полюсамъ; происходитъ другое движеніе воздуха экваторіальное, образующее въ сѣверномъ полушаріи южный, а въ южномъ сѣверный вѣтры, которые отъ вращенія земли кругомъ оси, мало по малу, переходятъ въ югозападный и сѣверозападный вѣтры, приносящіе воздухъ теплый, легкій, влажный и мало содержащій кислорода; такой воздухъ ослабляетъ и затрудняетъ процессъ дыханія. Эти два главныхъ движенія воздуха, слѣдуя простому закону объобъясненному Дове и Гумбольдтомъ, составляютъ вѣчный круговоротъ, недопускающій чтобы гдѣ либо, въ силу мѣстныхъ условій, совершенно истратилась какая-нибудь составная часть воздуха, или гдѣ либо накопились вредныя примѣси. Слѣдовательно съ этимъ круговоротомъ тѣсно связано существованіе всей жизни органической и жизни человѣка. Но неравномѣрное распредѣленіе суши и моря, разнообразіе поверхности земли, представляющей высокія горы, углубленія, лѣса, равнины и степи, измѣняютъ эти главныя вѣтры и даютъ имъ другія направленія; при чемъ сохраняется характеръ главнаго вѣтра, сохраняются свойства приносимаго ими воздуха и вліяніе его на органическую жизнь и на человѣка. Это направленіе вѣтровъ, ихъ столкновеніе и разнообразіе земной поверхности имѣютъ большое вліяніе на неравномѣрное распредѣленіе водяныхъ паровъ, заключающихся въ воздухѣ и на количество падающихъ дождей, что измѣняетъ характеръ не только мѣстности, но и климата. Отъ движенія же слоевъ воздуха, сгущенія паровъ и осажденія ихъ, развивается атмосферное электричество, оказывающее немаловажное вліяніе на органическую жизнь и на человѣка.

Предпославши эти общія указанія о дѣятеляхъ атмосферы: свѣтѣ, теплотѣ, воздухѣ, водяныхъ парахъ и электричествѣ, перейдемъ къ вліянію климатовъ. Чтобъ яснѣе и очевиднѣе выразить это вліяніе, разсмотримъ прежде климаты противуположные: жаркій и холодный. Жаркій климатъ занимаетъ земли, лежащія по обѣ стороны экватора (по 30 градусовъ въ каждомъ полушаріи); а какъ большая часть ихъ находится между тропиками, то климатъ этотъ называется тропическимъ. У экватора солнце два раза въ году, стоитъ въ зенитѣ, въ мартѣ и сентябрѣ; лучи его тогда падаютъ на землю перпендикулярно и въ теченіи всего года мало отклоняются отъ этого направленія. Поэтому у экватора лучи солнца воспроизводятъ такое количество теплоты, что земли лежащія въ этомъ климатѣ по справедливости называются жаркими. Отличительныя черты жаркаго климата слѣдующія.

1) Постоянно высокая температура въ теченіи всего года, которая днемъ достигаетъ до 40°, а ночью понижается до 20°; средняя же температура отъ 26° до 30° тепла. Съ удаленіемъ къ полюсамъ температура жаркаго климата понижается незначительно, именно на каждые 10° широты по одному градусу. Слѣдовательно во всемъ тропическомъ климатѣ, температура постоянно высокая. Почва перпендикулярно падающими лучами солнца сильно нагрѣвается, а отъ нея нагрѣвается и воздухъ, который всегда бываетъ разрѣженъ, легокъ, влаженъ и мало содержитъ кислорода. Тамъ дни и ночи равны, по 12 часовъ; но разница между температурою дня и ночи значительная, бываетъ на 20° и болѣе.

2) Другая особенность жаркаго климата, избытокъ солнечнаго свѣта. Отвѣсно пада-

Digitized by Google

ющіе солнечные лучи, вмѣстѣ съ теплотою, приносятъ и свѣтъ, который по тѣмъ же физическимъ законамъ, какъ и теплота, отличается въ жаркомъ климатѣ своею силою и яркостію. Отъ сильнаго и яркаго солнечнаго свѣта, всѣ органическія ткани окрашиваются и получаютъ болѣе темный цвѣтъ; а отъ недостатка солнечнаго свѣта обезцвѣчиваются, блѣднѣютъ. Это явленіе мы отчасти наблюдаемъ лѣтомъ надъ тѣмъ измѣненіемъ цвѣта нашей кожи, которое называютъ загаромъ. Отъ вліянія яркаго солнечнаго свѣта въ жаркомъ климатѣ растенія отличаются густымъ, темнозеленымъ цвѣтомъ, а жители его всѣ темноцвѣтные.

3) Третья отличительная черта жаркаго климата, большое количество водяныхъ паровъ въ воздухѣ. Тропическія моря, сильно нагрѣваемыя отвѣсно падающими лучами солнца, выдѣляютъ несравненно больше паровъ нежели моря сѣверныя; то очевидно и охлажденіе ихъ должно обусловить большее количество дождей, падающихъ на землю въ жаркомъ климатѣ. Пары эти, выдѣляясь съ поверхности морей, подымаются въ раскаленномъ воздухѣ жаркаго климата до верхнихъ болѣе холодныхъ слоевъ, гдѣ охлаждаясь сгущаются въ облака; а при сгущеніи большаго количества паровъ, много развивается свободнаго электричества. Эти физическія явленія съ водяными парами воздуха и составляютъ причину, почему у экватора постоянно къ полудню образуются облака, которыя болѣе и болѣе сгущаясь осаждаются сильными потоками дождя, сопровождающагося взрывами электричества, страшными грозами, иногда порывами вѣтра и бурями, неслыханными въ нашихъ умѣренныхъ странахъ. Подобныя атмосферныя явленія не могутъ остаться безъ вліянія на жизнь органическую и на человѣка. Мы видимъ, что воздушное электричество имѣетъ большое значеніе для процесса броженія и гніенія, наблюдаемъ, что при наступленіи грозы ожесточаются многія болѣзни или возвращаются ихъ приступы. Но всего важнѣе для насъ то, что падающіе каждый день обширные потоки дождя, не только пропитываютъ почву, но наполняютъ всѣ углубленія на поверхности земли и образуютъ болота, которыя поэтому многочисленны въ жаркомъ климатѣ, особенно у экватора. Влажность почвы, теплота и свѣтъ тропическихъ странъ, составляютъ самыя благопріятныя условія для растительности; поэтому въ тропическомъ климатѣ растенія отличаются гигантскими размѣрами и чрезвычайною сочностію ствола и листьевъ, яркостію и красотою цвѣтовъ; словомъ климатъ этотъ украшенъ богатствомъ, роскошью и красотою растительнаго царства, которое доставляетъ обильный матеріалъ для утучненія почвы; въ особенности, однолѣтнія и кратковременно живущія растенія, умирая, обогащаютъ ее своими стволами и листвою, отъ разложенія которыхъ выдѣляются въ атмосферу гнилостные газы. Водяныя растенія тропическихъ болотъ растутъ съ такою же силою и обиліемъ и наполняютъ болота своими остатками. Въ этихъ болотахъ размножаются міріады водяныхъ животныхъ, насѣкомыхъ и инфузорій, подъ вліяніемъ существующихъ тамъ благопріятныхъ условій для ихъ размноженія, и огромными массами погребаются въ болотахъ. Эти растительныя и животныя остатки разлагаясь выдѣляютъ большія массы гнилостныхъ газовъ, которые испаряясь вмѣстѣ съ водою въ окружающую атмосферу, составляютъ болотныя испаренія, столь извѣстныя въ жаркомъ климатѣ своимъ гибельнымъ вліяніемъ на здоровье человѣка. Испаренія эти, въ химическомъ значеніи, составляютъ продукты гніенія (гнилостные газы), выдѣляющіеся при раз-

Digitized by Google

ложеніи животныхъ и растительныхъ организмовъ. Химическій составъ этихъ газовъ и физіологическое дѣйствіе ихъ на человѣка, наука въ настоящее время разъяснила на столько, что мы должны признать вліяніе ихъ на организмъ человѣка положительно вреднымъ. Поступивши въ кровь, они или препятствуютъ доступу къ ней кислорода или уничтожая ея свертываемость, дѣлаютъ ее жидкою; могутъ дѣйствовать на кровь какъ ферменты или парализировать мозгъ и нервы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ вредно, ядовито. Но испаренія эти выдѣляются не изъ однихъ болотъ, а изъ всей почвы тропическаго климата, всегда влажной и богатой органическими остатками и потому имѣющей характеръ болотной почвы. На болота мы должны смотрѣть какъ на огромные резервуары органическихъ остатковъ, служащихъ источникомъ гнилостныхъ испареній. Эти то испаренія и составляютъ одну изъ главныхъ причинъ, почему жаркій климатъ такъ гибеленъ для человѣка, и почему лучшими странами міра человѣкъ не можетъ пользоваться надлежащимъ образомъ.

4) Четвертое отличіе состоитъ въ томъ, что въ жаркомъ климатѣ, при постоянно высокой температурѣ, повышенія и пониженія ея идутъ правильно; тамъ не бываетъ такъ-называемыхъ случайныхъ, быстрыхъ колебаній термометра, какъ у насъ или они составляютъ исключеніе, но измѣненіе погоды и вѣтровъ представляютъ явленія правильныя. У экватора въ полосѣ безвѣтрія и грозъ, неизмѣнно солнце восходитъ на ясномъ небѣ, жаркій день обусловливаетъ восходящіе токи воздуха, накопленіе въ немъ водяныхъ паровъ; къ полудню собираются грозныя тучи, разрѣшающіяся потоками дождя съ раскатами грома. По обѣ стороны этой полосы затишья, когда дуютъ пассатные вѣтры, наступаетъ жаркое, сухое и знойное время, при безоблачномъ небѣ; а съ затишьемъ начинается время дождливое. Мѣстами же въ жаркомъ климатѣ, при постоянно дующихъ пассатныхъ вѣтрахъ, не бываетъ дождя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ въ большей части степи Сахары и на песчаномъ берегу Перу вовсе не бываетъ дождя, или по крайней мѣрѣ дождь въ этихъ странахъ чрезвычайная рѣдкость; въ другихъ же мѣстахъ онъ идетъ ежедневно, какъ на Антильскихъ островахъ и на Малабарскомъ берегу. Изъ этого видно, что огромное количество воды, содержащейся въ атмосферѣ тропическаго климата, распредѣлено неравномѣрно, и эта неравномѣрность распредѣленія дождей зависитъ совершенно отъ мѣстныхъ условій; а недостатокъ воды въ атмосферѣ и почвѣ имѣетъ большое вліяніе на всю органическую жизнь и на человѣка. Мы оставляемъ въ сторонѣ эти мѣстныя и весьма разнообразныя условія, а ограничиваемся нашею задачею изобразить въ главныхъ чертахъ общій характеръ тропическаго климата, въ отношеніи его вліянія на организмъ человѣка.

Указанныя главныя свойства жаркаго климата теперь могутъ объяснить намъ его вліяніе на человѣка.

1) Вдыхая жаркій, разряженный и влажный воздухъ тропическаго климата, въ объемѣ, могущемъ поступить въ легкія, человѣкъ вводитъ количество кислорода недостаточное для окисленія поступающихъ въ организмъ питательныхъ веществъ. Чтобы вознаградить этотъ недостатокъ, онъ долженъ учащать дыханіе, а при учащенномъ дыханіи ускоряется и кровообращеніе. Поэтому у жителей жаркаго климата, при ускоренномъ дыханіи пульсъ частый полный, но окисленіе крови и тканей недостаточное. При недостаткѣ же въ организмѣ процесса окисленія, мало развивает-

Digitized by Google

ся въ немъ собственной, животной теплоты; обмѣнъ матерій совершается медленно и мало выводится чрезъ легкія водоуглеродистыхъ соединеній, въ видѣ угольной кислоты и водянаго пара. Отчасти пополняется этотъ недостатокъ усиленіемъ дѣятельности кожи. При этомъ усиливается дѣятельность печени, органа вырабатывающаго и выводящаго желчь. 2) Кожа человѣка, въ жаркомъ климатѣ, подвергается вліянію перпендикулярно падающихъ солнечныхъ лучей, приносящихъ свѣтъ и теплоту. Отъ вліянія теплоты разширяются всѣ ткани, составляющія кожу, въ томъ числѣ и кровеносные сосуды, къ которымъ усиливается притокъ крови; увеличивается питаніе кожи и поступаетъ въ нее болѣе красящаго начала крови (гематоглобинъ). Дѣйствіемъ свѣта возбуждается дѣятельность переферическихъ нервовъ кожи. Отъ избытка и яркости солнечнаго свѣта, окрашивающаго органическія ткани, кожа человѣка окрашивается, дѣлается темнаго цвѣта; поэтому жители населяющіе жаркій климатъ всѣ цвѣтные, темнокожіе и темноволосые; различные оттѣнки этого цвѣта, на различныхъ расахъ, зависятъ отъ первичнаго типа, образовавшагося отъ мѣстныхъ условій. Вліяніемъ яркаго свѣта тропическаго климата, дѣйствующаго вмѣстѣ съ теплотою, возбуждается дѣятельность кожи, отъ чего и отправленіе ея, состоящее въ выдѣленіи испарины, увеличивается и чрезъ кожу выдѣляется изъ организма много газообразныхъ веществъ (водяной паръ, летучія жирныя кислоты, мочевина и другія продукты окисленія бѣлковыхъ веществъ).

3) Въ антогонизмѣ съ кожею находятся всѣ слизистыя оболочки организма и потому при усиленной дѣятельности кожи и увеличенномъ ея отдѣленіи, ослабляется дѣятельность слизистыхъ оболочекъ и уменьшается ихъ отдѣленіе. Уменьшается отдѣленіе слизи, слюны, желудочнаго, кишечнаго и панкреатическаго соковъ; слизистыя оболочки бываютъ сухи; а отъ недостатка этихъ пищеварительныхъ соковъ, ослабляется процессъ пищеваренія и дѣятельность пищеварительныхъ органовъ. Поэтому у жителей жаркаго климата, при слабомъ пищевареніи и недостаточномъ окисленіи крови, происходитъ инстинктивное отвращеніе отъ пищи мясной и жирной, требующей для уподобленія крови, много пищеварительныхъ соковъ, и значительное количество кислорода для превращенія въ ткани нашего организма; и напротивъ у нихъ существуетъ расположеніе и потребность къ пищѣ растительной, содержащей много водянистыхъ частей и кислотъ, способствующихъ растворенію органическихъ тканей и окисленію ихъ. А для возбужденія слабой пищеварительной дѣятельности, они употребляютъ вещества пряныя и острыя: горчицу, перецъ, лукъ, чеснокъ и другія, которыя возбуждая пищевареніе, возбуждаютъ и нервную систему и дѣйствуя такимъ же образомъ на половые органы вызываютъ преждевременную ихъ дѣятельность и преждевременное отживаніе.

4) Такой недостатокъ пищеваренія и кровопитанія (что нормально въ жаркомъ климатѣ) неизбѣжно отражаются и на составѣ крови. Кровь жителей жаркаго климата водяниста, въ ней мало кровяныхъ клѣточекъ и бѣлковыхъ веществъ. При такомъ недостаткѣ въ составѣ крови, она доставляетъ недостаточное питаніе организму и всѣмъ его тканямъ и органамъ. Мышечная система, требующая для своего состава преимущественно бѣлковыхъ веществъ, по недостатку ихъ въ крови, развивается слабо; мышцы отъ этого у жителей жаркаго климата тонки, безсильны, ихъ волокна сухи и жестки. Нервная система и мозгъ находятся подъ

Digitized by Google

тѣми же условіями питанія; кровь доставляетъ имъ недостаточное количество жира и въ особенности жира содержащаго фосфоръ, главнѣйшихъ ихъ составныхъ частей; отъ этого мозгъ и нервная система развиваются неправильно, недостаточно. Недостатокъ ихъ состава и организаціи выражается въ ихъ отправленіи, въ умственной дѣятельности жителей жаркаго климата, которая у нихъ развита слабо. А какъ роскошная и богатая тропическая природа, легко доставляя человѣку всѣ средства поддерживать свою жизнь, не вынуждаетъ его добывать и изыскивать ихъ силою разума, невынуждаетъ его развивать мыслящую дѣятельность, то и органъ мышленія—мозгъ, при недостаточной организаціи, остается въ своемъ первобытномъ, неразвитомъ состояніи. Отъ различной степени развитія мозга зависитъ не только форма и величина головы, но и очертаніе всей физіономіи человѣка. Величина же головы, ея форма и черты лица составляютъ типъ человѣка и по нимъ различаются племена. Слѣдовательно развитіе мозга и цвѣтъ кожи лежатъ въ основаніи дѣленія человѣческаго тѣла на расы; а сами они зависятъ отъ климатическихъ условій.

Указанныя весьма важныя анатомическія и физіологическія особенности, свойственныя организму жителей тропическаго климата, объясняютъ намъ вліяніе этого климата на человѣка. Изъ этихъ особенныхъ свойствъ жителей жаркаго климата вытекаетъ ихъ жизнь умственная и нравственная. Мыслящія способности у нихъ мало, слабо развиты, а при слабомъ развитіи умственной дѣятельности, животныя потребности берутъ перевѣсъ надъ духовными. При обычномъ употребленіи средствъ возбуждающихъ пищевареніе, вызывается преждевременно отправленіе половыхъ органовъ и усиленная ихъ дѣятельность; а отсюда: многоженство, гаремы, нѣга и восточная роскошь, влекущія преждевременное истощеніе организма и ослабленіе всѣхъ его отправленій (impotentia), для возбужденія которыхъ прибѣгаютъ къ употребленію опіума, гашиша и другихъ наркотическихъ средствъ. Эти наркотизирующія возбужденія, окончательно подавляя умственную и физическую дѣятельность, причиняютъ преждевременное старчество и апатію. При слабомъ развитіи мышечной системы, жители жаркаго климата неспособны къ физической дѣятельности и труду постоянному, но лѣнивы и равнодушны. Изъ этихъ данныхъ слагается какъ домашняя и общественная, такъ и гражданская жизнь обитателей тропическаго климата. Отсутствіе умственной дѣятельности, жизнь чувственная, лѣность и апатія, служатъ источникомъ рабства и деспотизма, которые у народовъ населяющихъ жаркій климатъ господствуютъ въ жизни семейной и гражданской.

Касаюсь этого психологическаго вопроса потому, что жизнь человѣческаго организма такъ тѣсно связана съ жизнію умственною, что нѣтъ возможности разсматривать ихъ отдѣльно; но на жизнь умственную надо смотрѣть какъ на такого внутренняго дѣятеля, который можетъ подавлять физическую жизнь организма и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ человѣку возможность противодѣйствовать вліянію окружающей его природы, подчинять ее своей волѣ, улучшить и усовершенствовать свой организмъ и свою жизнь, для улучшенія которой онъ порабощаетъ всѣхъ дѣятелей атмосферы: свѣтъ, теплоту, воздухъ, водяные пары и электричество, и располагаетъ ими по своей прихоти. Но этотъ могущественный внутренній дѣятель, человѣческій умъ, усыпляется и порабощается растлѣвающимъ вліяніемъ роскошной тропической природы; и потому-то въ жаркомъ климатѣ человѣкъ находится

Digitized by Google

на такой низкой степени умственнаго развитія, находится почти въ дикомъ состояніи. Даже Европейцы переселившіеся туда утрачиваютъ свою облагороженную расу, ухудшается ихъ организація; а это ухудшеніе можетъ служить доказательствомъ, что при другихъ условіяхъ, должно произойдти улучшеніе организма и облагороженіе расы.

Болѣзни жаркаго климата развиваются подъ вліяніемъ тѣхъ же климатическихъ и мѣстныхъ условій, и ихъ развитіе тѣсно связано съ указанными измѣненіями организма обусловленными климатомъ. Онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: a) на болѣзни, которыхъ причина заключается въ самомъ организмѣ и b) на болѣзни, причина которыхъ находится во внѣшнихъ вліяніяхъ.

a) Во всѣхъ климатахъ чаще заболѣваютъ тѣ органы, которыхъ дѣятельность подъ вліяніемъ климатическихъ условій усилена. Мы подтвержденіе этого видимъ въ томъ, что у каждаго человѣка чаще и преимущественно поражаются тѣ органы, которые по образу его жизни и занятія находятся въ болѣе усиленной дѣятельности; такъ глаза чаще заболѣваютъ у тѣхъ людей, которые должны напрягать и усиливать зрѣніе. Усиленная дѣятельность органа, не есть состояніе болѣзненное, но при усиленной его дѣятельности, при увеличенномъ его отправленіи, малѣйшая причина можетъ развить въ немъ болѣзнь и перевести усиленную дѣятельность въ дѣятельность патологическую. Поэтому на усиленную дѣятельность органа должно смотрѣть какъ на такое состояніе, которое легко и незамѣтно можетъ перейдти въ болѣзнь, такъ что между имъ и болѣзнью, нельзя провести и обозначить границы. Въ жаркомъ климатѣ въ усиленной дѣятельности находятся кожа, печень, половые органы, и чувственная сфера нервной системы. Эти-то органы тамъ преимущественно и поражаются болѣзнями. Поэтому въ жаркомъ климатѣ часто являются: 1) злокачественныя болѣзни кожи: a) проказа, b) гипертрофія кожи (Elephantiasis), c) многія сыпныя болѣзни, d) сифилисъ въ жаркомъ климатѣ только и ограничивается кожею; 2) воспаленіе печеніе и другія хроническія страданія и перерожденія этого органа. 3) атонія половыхъ органовъ (impotentia), катары и другія мѣстныя болѣзни этихъ органовъ. 4) Изъ нервныхъ болѣзней: a) атрофія спиннаго мозга, b) тоска по родинѣ и c) меланхолія.

b) Къ болѣзнямъ, зависящимъ отъ внѣшнихъ вліяній, принадлежатъ: 1) Болѣзни отъ сильнаго вліянія солнечныхъ лучей: a) Темная вода (amaurosis) и воспаленіе глазъ, въ особенности такъ-называемое египетское воспаленіе глазъ, обусловливаемое яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, b) ensalatium (воспаленіе мозга и кровоизліяніе въ мозгу), зависящее отъ прямаго дѣйствія солнечныхъ лучей на голову, c) раздраженіе кожи (erythema, ожоги и др.) отъ вліянія на нее солнечныхъ лучей. 2) Отъ измѣненія температуры дня и ночи бываютъ: a) столбнякъ (особенно при раненіяхъ), b) воспаленіе легкихъ и c) дизентеріи (при участіи другихъ причинъ). 3) Всѣ болѣзни, развивающіяся отъ болотныхъ испареній. Въ жаркомъ климатѣ, при высокой температурѣ, благопріятствующей гніенію, подъ вліяніемъ тропическихъ солнечныхъ лучей и достаточной влажности, огромное количество животныхъ и растительныхъ остатковъ, какъ въ болотахъ такъ и въ почвѣ, подвергается быстрому гніенію; отъ чего выдѣляется много гнилостныхъ испареній, которыя заражаютъ воздухъ и, дѣйствуя вредно на всѣхъ жителей этой мѣстности, обусловливаютъ болѣзни повальныя. Эти испаренія преимущественно выдѣляются изъ

Digitized by Google

болотъ, которыхъ много въ тропическомъ климатѣ и распространены они преимущественно по берегамъ большихъ рѣкъ. Въ устьяхъ этихъ рѣкъ, наносы органическихъ остатковъ, образуютъ большія дельты (острова) часто покрытыя мангрововымъ лѣсомъ; изъ влажной и горячей почвы этихъ дельтъ подымаются громадныя массы гнилыхъ и ядовитыхъ испареній, гибельно дѣйствующихъ на человѣка. Эти испаренія подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, составляютъ источникъ самыхъ опустошительныхъ эпидемическихъ болѣзней. Такъ въ устьяхъ рѣки Нила, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, порождается восточная чума. Въ устьяхъ Мисиссипи, находящихся ближе къ экватору, при продолжительномъ безвѣтріи, развивается желтая лихорадка и сродныя съ нею злокачественныя перемежающіяся лихорадки и дизентеріи. Въ устьяхъ Ганга, лежащихъ еще ближе къ экватору и по болотистымъ его берегамъ, развивается индейская холера. Эти болѣзни, существуя въ жаркомъ климатѣ почти постоянно, какъ болѣзни эндемическія, заносятся и въ другіе климаты путемъ зараженія. И тамъ, гдѣ существуютъ условія благопріятствующія ихъ поддержанію и развитію, распространяются съ характеромъ наносныхъ эпидемій, отличаются опустошительнымъ вліяніемъ. Въ жаркомъ же климатѣ, дѣйствуя какъ эндеміи и распространяясь эндемически, эти болѣзни постоянно опустошаютъ тамошнее народонаселеніе, которое, особенно въ странахъ экваторіальныхъ, не увеличивается, но убываетъ; тамъ число умирающихъ превышаетъ число рождающихся, хотя послѣднее громадно, сравнительно съ другими климатами. Мотаръ (Бекерель) указываетъ, что на берегу Гвинеи путешественники нашли у одного отца 200 человѣкъ дѣтей. Только подобная плодовитость даетъ возможность экваторіальному народонаселенію бороться съ гибельнымъ вліяніемъ климата и поддерживаться многочисленными переселенцами изъ другихъ странъ. Что причина такого вреднаго дѣйствія на человѣка тропической атмосферы заключается въ испареніяхъ, заражающихъ ее, ясно доказывается тѣмъ, что на высокихъ мѣстностяхъ жаркаго климата указанныя болѣзни нераспространяются; потому что гнилостныя испаренія подымаются въ воздухѣ только до извѣстной высоты и куда они не достигаютъ, тамъ прекращается ихъ вліяніе. Такъ въ каирской цитадели, лежащей на значительной высотѣ, никогда не распространяется чума, хотя въ самомъ Каирѣ она существуетъ почти постоянно.

Впрочемъ дѣйствіе этихъ испареній не вездѣ одинаково; всего сильнѣе оно у экватора, гдѣ болѣе условій къ развитію испареній; но по мѣрѣ удаленія къ полюсамъ, слабѣетъ и уменьшается ихъ гибельное вліяніе.

4. Тифъ въ жаркомъ климатѣ, встрѣчается рѣдко, но съ удаленіемъ отъ экватора, приближаясь къ болѣе густому народонаселенію, онъ появляется чаще и въ болѣе сильныхъ формахъ. 5) Легочная чахотка, въ жаркомъ климатѣ, особенно у экватора, встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ въ другихъ климатахъ и тамъ заболѣвшіе ею умираютъ немногіе. По мѣрѣ же удаленія отъ экватора къ полюсамъ, болѣзнь эта становится болѣе частою и болѣе гибельною, а въ холодномъ климатѣ она похищаетъ не мало жертвъ. Основываясь на такомъ географическомъ распространеніи этой болѣзни, и на благопріятномъ вліяніи на нее жаркаго климата, можно было бы воспользоваться этимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ для чахоточныхъ другихъ климатовъ, переселеніемъ ихъ туда. Но для Европейцевъ, въ особенности для жителей сѣверныхъ, жаркій климатъ весьма враждебенъ: чтобы

Digitized by Google

въ немъ могъ оклиматизироваться европеецъ, въ организмѣ его должны произойдти указанныя важныя измѣненія, которыя не могутъ совершаться безъ сильныхъ потрясеній здоровья, а организмъ ослабенный уже чахоткою, еще менѣе способенъ перенести такой переворотъ, — и рядомъ съ этимъ вліянія болотныхъ испареній, съ которыми невозможна борьба европейскому переселенцу, онъ непремѣнно сдѣлается жертвою и погибаетъ въ теченіи одного, много трехъ лѣтъ. Изъ европейцевъ, не многіе переносятъ вліяніе жаркаго климата, а тѣ, которые могутъ оклиматизироваться, измѣняются въ своей организаціи. Лучшее доказательство этому представляютъ всѣ европейскія колоніи въ жаркомъ климатѣ.

II.

Мм. Гг.

Холодныхъ климатовъ два, одинъ въ сѣверномъ, а другой въ южномъ полушаріи; сѣверный называютъ арктическимъ, а южный антарктическимъ; каждый изъ нихъ занимаетъ земли, лежащія между 60° широты и полюсомъ. Южный холодный климатъ мало изслѣдованъ; всѣ свѣденія наши о холодномъ климатѣ относятся къ сѣверному полушарію; но безъ сомнѣнія оба холодныхъ климата подчиняются одному общему закону относительно температуры и другихъ дѣятелей атмосферы.

Отъ направленія солнечныхъ лучей, приносящихъ свѣтъ и теплоту, зависитъ весь характеръ холоднаго климата. Тамъ лучи солнечные падаютъ на земную поверхность косвенно, и потому нагрѣваютъ ее незначительно и тѣмъ менѣе, чѣмъ ближе къ полюсамъ. Далѣе 70° широты температура постоянно около точки замерзанія и въ этой полярной полосѣ земля и море большею частію покрыты льдомъ и снѣгомъ. Тамъ день и ночь продолжаются по 6 мѣсяцевъ и только раздѣляются шестинедѣльными утренними и вечерними сумерками, освѣщаемыми сѣверными сіяніями, луною и блескомъ снѣга. Отсутствіе свѣта въ теченіи полугода, не только обезцвѣчиваетъ органическія ткани, но имѣетъ большое вліяніе на развитіе растеній, животныхъ и человѣка. Мы видимъ, что растенія отъ недостатка солнечнаго свѣта блѣднѣютъ, дѣлаются тощи и завядаютъ. Люди долгое время лишенные свѣта, какъ рудокопы и рабочіе въ каменно-угольныхъ шахтахъ, получаютъ блѣдный анемичный цвѣтъ лица, съ явленіями отековъ. Недостатокъ развитія (уродство) часто встрѣчающійся въ полярномъ, мрачномъ климатѣ, бываетъ несравненно рѣже въ жаркомъ климатѣ, гдѣ тѣло, покрытое легкою одеждою, вполнѣ подвергается вліянію солнечныхъ лучей. Отъ недостатка свѣта измѣняется составъ крови, она дѣлается жидкою, мало содержитъ кровяныхъ клѣточекъ, мало красящаго начала (гематоглобулинъ) и фибрина; отъ чего и зависитъ блѣдный, восковой цвѣтъ кожи, у людей, лишенныхъ свѣта; а у жителей полярныхъ, взросшихъ въ этомъ климатѣ, недостаточное развитіе всего организма и мыслящихъ способностей. Они малорослы, худы и слабосильны.

Докторъ флота Соединенныхъ Штатовъ Кенъ (Медденъ) въ своихъ запискахъ о двухъ путешествіяхъ, сдѣланныхъ имъ на сѣверъ, такъ изображаетъ вліяніе полярнаго климата: «Декабря 21. Лица моихъ товарищей, а также и мое, получили ка-

Digitized by Google

кую-то особенную, восковую блѣдность; наши глаза впали и пріобрѣли странную яркость.... но что еще хуже, наше абсолютное уединеніе, вмѣстѣ съ постояннымъ мракомъ, начинаетъ вліять на наше нравственное состояніе». Отсутствіе свѣта въ полярныхъ странахъ, въ соединеніи съ холодомъ, дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на органическую жизнь и дѣлаетъ эти страны невозможными для жизни человѣка и для растеній. Тамъ живутъ только не большія племена монгольскаго происхожденія: Ескимосы, Гренландцы, Финны и Лапландцы, носящіе этотъ полярный отпечатокъ; но нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, подвинувшись изъ полярной полосы въ болѣе умѣренный холодный климатъ, подъ вліяніемъ образованныхъ народовъ представляютъ разительный примѣръ улучшенія въ ихъ организаціи и въ умственномъ развитіи. Слѣдовательно, утративши въ полярномъ климатѣ, цвѣтъ кожи своего племени, они представляютъ возможность улучшенія ихъ организма, подъ вліяніемъ климата болѣе благопріятствующаго развитію. Въ полярной полосѣ обитаютъ нѣкоторыя породы бѣлыхъ животныхъ: олени, бѣлые медвѣди и бѣлыя птицы: лебеди, гуси, утки, чайки и другіе; а изъ растеній можно найдти только тайнобрачныя: мхи и папоротники. Эти полярныя страны, по недоступности своей изслѣдованіямъ человѣка, мало извѣстны.

Но земли, лежащія между 60° и 70° широты, представляютъ условія болѣе благопріятныя для жизни человѣка и мы, подъ именемъ холоднаго климата, разсмотримъ эту сѣверную полосу земель.

Главныя отличительныя черты холоднаго климата слѣдующія:

1. Низкая степень температуры. Зима тамъ холодная, продолжительная (съ октября по май мѣсяцъ), лучи солнечные въ теченіи ея падаютъ на поверхность земли болѣе косвенно и въ короткіе зимніе дни (не длиннѣе 5 или 6 часовъ) освѣщаютъ ее не долго, что еще болѣе усиливаетъ суровость зимы и холодъ въ нѣкоторые дни доходитъ до 35° и до 40°. Средняя же температура зимы отъ 8° до 10° холода. Лѣто этого климата короткое и въ теченіи его дни большіе, а ночь уже подъ 60° широты представляетъ только непродолжительныя сумерки. При этомъ солнечные лучи въ лѣтніе дни падаютъ менѣе косвенно на поверхность земли, чѣмъ зимою и, освѣщая ее долгое время, нагрѣваютъ значительно; поэтому лѣто довольно теплое, въ нѣкоторые дни температура доходитъ до 20—25° тепла. Средняя же температура лѣта отъ 10° до 12° тепла. Изъ этого видно, какая огромная разница между температурою зимы и лѣта; а между самыми теплыми днями лѣта и самыми холодными зимы, она можетъ доходить до 55°. Но измѣненія погоды относительно временъ года и дня довольно постоянны и правильны, тамъ небываетъ быстрыхъ колебаній термометра; переходныя времена года, осень и весна коротки; вѣтры тамъ болѣе сѣверо-восточные и юго-западные. Холодный воздухъ этого климата сжатъ, сухъ, тяжелъ, содержитъ много кислорода и сильно возбуждаетъ дыхательные органы и усиливаетъ процессъ дыханія: отъ вліянія холода, органическія ткани, особенно упругія волокно-животныхъ организмовъ, сжимаются, а при усиленіи холода, заключающіяся въ нихъ жидкости замерзаютъ и превращаются въ ледъ, что происходитъ при замерзаніи животныхъ и человѣка. 2) Вторая черта этого климата, недостатокъ солнечнаго свѣта. Солнечные лучи, при косвенномъ ихъ паденіи, не даютъ такого яркаго свѣта, какъ въ климатѣ тропическомъ и въ теченіи года, освящая поверхность земли въ общей сложности не-

Digitized by Google

продолжительное время, приносятъ его недостаточно и то большею частію сквозь сгущенные пары, покрывающіе небо сѣрыми облаками. Слѣдовательно происходитъ не только количественный, но и качественный недостатокъ свѣта. Въ теченіи продолжительной зимы, въ ея короткіе дни, безоблачное небо представляетъ довольно рѣдкое явленіе, а когда бываетъ ясно, то лучи солнечные отражаясь отъ бѣлой снѣговой поверхности, даютъ ослѣпительный свѣтъ раздражающій органы зрѣнія. Въ продолженіе же короткаго лѣта, составляющаго почти непрерывный день, съ небольшими сумерками, солнце долго освѣщаетъ поверхность земли и достаточно приноситъ своего живительнаго свѣта, вознаграждающаго зимній его недостатокъ, и даже нѣсколько окрашиваетъ кожу въ видѣ загара. Въ этой полосѣ недостатокъ свѣта не такъ значителенъ, какъ въ полярной полосѣ и выражается бѣлымъ, блѣднорозовымъ цвѣтомъ кожи ея жителей и не рѣдко встрѣчающимся недостаткомъ развитія(уродство), а въ растительномъ царствѣ слабою, мѣдленною растительностію и блѣдностію листьевъ и цвѣтовъ; но этотъ недостатокъ свѣта не оказываетъ вліянія на составъ крови.

3. Третья отличительная черта холоднаго климата, малое количество водяныхъ паровъ въ атмосферѣ. Сѣверныя моря мало нагрѣваются косвенно падающими лучами солнца и мало испаряютъ водяныхъ паровъ въ атмосферу, а потому и отъ охлажденія ихъ дожди бываютъ незначительные, хотя и частые. Зимою же по причинѣ низской температуры вода перестаетъ падать въ видѣ дождя, но падаетъ въ видѣ снѣга, которымъ земля покрывается почти 6 мѣсяцевъ. Воздухъ тамъ зимою сухъ, холоденъ, положительно препятствуя процессу гніенія, не содержитъ въ себѣ никакихъ гнилостныхъ газовъ; но ежели къ холодному воздуху этого климата присоединяется влажность, что бываетъ осенью и весною, то она вмѣстѣ съ холодомъ дѣйствуетъ весьма вредно на организмъ человѣка: холодъ подавляетъ каждую испарину, а влажность воздуха затрудняетъ дыханіе, препятствуя выдѣленію чрезъ легкія водянаго пара и угольной кислоты; по этому выдѣленія этихъ двухъ органовъ, задерживаясь въ организмѣ, служатъ источникомъ важныхъ болѣзней. Въ теченіи лѣта средняя температура, не превышающая 12°, неблагопріятствуетъ быстрому разложенію органическихъ веществъ, а потому и продукты гніенія никогда не выдѣляются изъ почвы въ большомъ количествѣ. При маломъ количествѣ водяныхъ паровъ въ воздухѣ, мало развивается электричества; отъ этого громъ и грозныя тучи за 60° сѣверной широты явленіе довольно рѣдкое. Низкая степень температуры, недостатокъ свѣта и влажности воздуха неблагопріятствуютъ растительности; почва земли мало обогощаясь органическими остатками, непроизводительна, глинистая или песчаная. Хотя болотъ въ холодномъ климатѣ много, но эти безжизненныя болота (тундры) мало содержатъ органическихъ остатковъ растительныхъ и еще менѣе животныхъ; при недостаткѣ же теплоты и свѣта эти остатки гніютъ медленно, а болѣе погребаются подъ наносами весеннихъ разливовъ воды и выдѣляютъ въ атмосферу весьма мало болотныхъ испареній; и вліяніе ихъ ничтожно въ сравненіи съ болотами тропическаго климата. Отъ чего и болѣзни, обусловливаемыя болотными испареніями, весьма рѣдки въ холодномъ климатѣ и являются только, какъ болѣзни наносныя, подобно холерѣ, чумѣ и др.; и самыя легкія ихъ формы, какъ перемѣжающаяся простая лихорадка, появляются рѣдко. Испаренія этихъ болотъ,

Digitized by Google

могутъ только на нѣкоторое время, лѣтомъ поддержать наносныя эпидеміи.

4. Четвертая отличительная черта холоднаго климата состоитъ въ томъ, что времена года, дневныя перемѣны, направленія вѣтровъ и температура представляютъ довольно большое постоянство. Исключеніе изъ этого составляютъ западныя окраины Европы, которыя, по причинѣ водныхъ экваторіальныхъ теченій, приносящихъ къ нимъ влажную теплоту и по причинѣ воздушныхъ экваторіальныхъ токовъ, опускающихся въ Европѣ гораздо сѣвернѣе, чѣмъ въ Америкѣ и Азіи, принадлежатъ болѣе къ климату измѣнчивой погоды и гораздо теплѣе всѣхъ остальныхъ частей этой полосы, въ которой чѣмъ далѣе мѣстности лежатъ къ востоку, тѣмъ холоднѣе. Сѣверъ Европы по этому теплѣе и имѣетъ климатъ гораздо болѣе мягкій, чѣмъ другія страны лежащія подъ тою же широтою; между тѣмъ какъ около Дронгейма въ Норвегіи еще сѣется пшеница, подъ тою же широтою у Гудзонова залива не можетъ существовать человѣческое поселеніе.

Указанныя главныя черты холоднаго климата, во многомъ противуположныя климату жаркому, объясняютъ намъ его вліяніе на человѣка.

1. Вдыхая холодный, сжатый, богатый кислородомъ и сухой воздухъ, въ объемѣ могущемъ поступить въ легкія, человѣкъ вводитъ большое количество кислорода, который, разносясь съ кровью по всему организму, окисляетъ составныя части крови и тканей, обусловливаетъ въ нихъ быстрый обмѣнъ матерій и сильное развитіе животной теплоты. При введеніи въ организмъ большаго количества кислорода и продукты окисленія въ видѣ водянаго пара и угольной кислоты выдѣляются чрезъ легкія въ большемъ количествѣ; отъ чего дѣятельность легкихъ и процессъ дыханія усиливаются; самое дыханіе дѣлается глубокимъ, сильнымъ и рѣдкимъ. Процессу дыханія соотвѣтствуетъ и кровообращеніе; поэтому у жителей холоднаго климата пульсъ сильный, полный, но рѣдкій.

1. Кожа человѣка въ холодномъ климатѣ, подвергаясь вліянію косвенно падающихъ солнечныхъ лучей, приносящихъ мало свѣта и теплоты, представляетъ явленія совершенно противуположныя тѣмъ, какія мы видѣли въ кожѣ тропическихъ жителей. Отъ малаго количества свѣта она блѣднѣетъ, но какъ въ крови много кровяныхъ клѣточекъ и красящаго начала; то она получаетъ блѣдно розовый цвѣтъ. Отъ недостатка же теплоты, отъ холода сжимаются упругія ея ткани, отъ чего кожа сморщивается и въ слѣдствіе ея анатомическаго строенія дѣлается шероховатою, представляетъ то явленіе, которое называютъ гусиною кожею (cutis anserina). При этомъ сжатіи кожи вліяніемъ холода, сжимаются и раздражаются переферическіе нервы и передаютъ мозгу ощущеніе холода. Далѣе холодомъ сжимаются многочисленные кровеносные и лимфатическіе сосуды кожи, при этомъ уменьшается ихъ просвѣтъ и емкость, вытѣсняется изъ нихъ большое количество крови и лимфы; происходитъ напоръ къ внутреннимъ органамъ въ особенности къ мозгу и легкимъ. Отъ такого напора нерѣдко бываетъ кровоизліяніе въ этихъ органахъ (apoplexia) и подавленіе дѣятельности мозга, выражающееся усыпленіемъ. Отъ подавленія мозга напоромъ крови подъ вліяніемъ сильнаго холода, всегда чувствуется наклонность ко сну и потому замерзающіе умираютъ въ усыпленіи. Вообще отъ вліянія холода отправленіе кожи нисходитъ до своей наименьшей дѣятельности и кожное испареніе становится вовсе ничтожнымъ.—Чтобы выдѣляемое кожею не оставалось въ организмѣ, усиливается дѣятельность легкихъ,

Digitized by Google

выдѣляющихъ угольную кислоту и водяной паръ, и мочевыхъ органовъ, выдѣляющихъ продукты окисленія бѣлковыхъ веществъ.

3. При упадкѣ дѣятельности кожи отъ холода и при уменьшеніи чрезъ нея отдѣленій, дѣятельность всѣхъ слизистыхъ оболочекъ усиливается и отдѣленія ихъ увеличиваются. Увеличивается отдѣленіе всѣхъ тѣхъ пищеварительныхъ жидкостей, которыя были уменьшены у жителей жаркаго климата, отъ этого процессъ пищеваренія у жителей холоднаго климата, при обиліи пищеварительныхъ соковъ, совершается легко и быстро; пищеварительные органы дѣйствуютъ энергически и могутъ переваривать значительное количество разнообразной пищи. При такомъ дѣятельномъ пищеваренiи, въ кровь вводится много питательныхъ веществъ, которыя при большомъ количествѣ кислорода, быстро окисляясь, превращаются въ ткани нашего организма. Кислородъ же, дѣйствуя на элементарныя ткани нашего организма, окисляя ихъ, разрушаетъ; а эти разрушенныя, отжившія частицы выводятся; но чтобы кислородъ, поступая въ большемъ количествѣ, непроизводилъ быстраго разрушенія тканей, нужна пища, дающая крови вещества легко соединяющіяся съ кислородомъ, каковы всѣ водоуглеродистыя соединенія: жиры и алкоголи. Кислородъ легко, соединяясь съ ихъ углеродомъ и водородомъ, не будетъ дѣйствовать на элементарныя ткани, состоящія изъ бѣлковыхъ веществъ, труднѣе окисляющихся. По этому у жителей холоднаго климата существуетъ инстинктивная потребность къ пищѣ жирной, мясной и рыбной, дающей много веществъ легко окисляющихся и къ спиртнымъ напиткамъ, какъ соединеніямъ водоуглеродистымъ, имѣющимъ сильное сродство съ кислородомъ. Нельзя ставить въ укоръ жителямъ холодныхъ странъ расположеніе къ спиртнымъ напиткамъ; это расположеніе соотвѣтствуетъ потребностямъ ихъ организма, въ слѣдствіе климатическаго вліянія. Отъ поступленія въ кровь большаго количества питательныхъ веществъ, при сильномъ ихъ окисленіи и быстромъ превращеніи, у жителей холоднаго климата развивается такое количество животной теплоты, что организмъ можетъ противодѣйствовать вліянію внѣшняго холода. Холодный воздухъ, доставляя организму болѣе кислорода, этимъ вызываетъ въ немъ, какъ бы добавочную теплоту, для противодѣйствія холоду.

4. Отъ употребленія жителями холоднаго климата большаго количества питательной, мясной и жирной пищи, при дѣятельномъ пищеваренiи и кровотвореніи зависитъ и составъ крови. Кровь ихъ содержитъ много кровяныхъ клѣточекъ, фибрина, бѣлка, солей и значительное количество кислорода. Такая кровь доставляетъ хорошее питаніе всѣмъ тканямъ организма и благопріятствуетъ ихъ развитію. Поэтому у жителей холоднаго климата, костный скелетъ крѣпкій, мышцы хорошо развиты и сильны, цвѣтъ кожи бѣлый, блѣднорозовый; мозгъ и нервная система, получая изъ крови всѣ нужные элементы для ихъ питанія, правильно развиваются и организуются. При этомъ природа холоднаго климата, неслишкомъ привѣтливая и не тароватая для человѣка, не доставляя ему готовыя средства къ существованію, какъ природа тропическая, вынуждаетъ его силою разума изыскивать эти средства и пріобрѣтать ихъ трудомъ постояннымъ и настойчивымъ. Слѣдовательно вліянія климатическія вызываютъ его не только къ физической, но и къ умственной дѣятельности; отъ чего и мыслящія способности его совершенствуются и самый органъ мышленія-мозгъ развивается. Отъ этого сѣверные народы способны къ развитію и цивилизаціи; они разсудитель-

Digitized by Google

ны, имѣютъ умъ положительный, хотя и не быстрый; отличаются хорошимъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, сильны и легко выносятъ холодъ, усталость и значительные тѣлесные труды. Ихъ крѣпкій организмъ, энергически противодѣйствуя внѣшнимъ, климатическимъ вліяніямъ, долго поддерживаетъ здоровье и потому въ холодномъ климатѣ люди живутъ долго и примѣры значительной долговѣчности тамъ не рѣдки. Но не смотря на долговѣчность и малую смертность жителей холоднаго климата, народонаселеніе тамъ увеличивается медленно. Причина этого заключается въ томъ, что при слабой дѣятельности половыхъ органовъ, число браковъ и рожденій несравненно меньше противъ другихъ климатовъ. Трудолюбивая жизнь въ холодномъ климатѣ, вызывающая умственную дѣятельность и руководимая умомъ положительнымъ, составляетъ нравственную основу семейной и гражданской жизни сѣверныхъ народовъ. Сѣверный человѣкъ, среди суровой и бѣдной природы своего климата, чувствуя себя слабымъ и безсильнымъ, невольно располагается къ вѣрованію въ невидимую помощь, и невольно дѣлается религіознымъ.

Болѣзни холоднаго климата развиваются подъ вліяніемъ указанныхъ климатическихъ и мѣстныхъ условій и ихъ развитіе тѣсно связано съ объясненными особенностями организма, обусловленными вліяніемъ климата. Онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: a) на болѣзни, которыхъ причина лежитъ въ самомъ организмѣ, и b) на болѣзни, причина которыхъ находится во внѣшнихъ вліяніяхъ.

Въ климатѣ холодномъ находятся въ усиленной дѣятельности органы дыханія, пищеваренія, мозгъ и мочевые органы. Эти органы преимущественно и поражаются болѣзнями. Поэтому въ холодномъ климатѣ часто встрѣчаются: 1) Воспалительныя болѣзни дыхательныхъ органовъ, вызываемыя вліяніемъ холоднаго, раздражающаго воздуха на эти органы, находящіеся въ усиленной дѣятельности; самыя частыя изъ нихъ: a) воспаленіе легкихъ, b) воспаленіе дыхательнаго горла и его вѣтвей; 2. Воспалительныя болѣзни пищеварительныхъ органовъ: a) воспаленіе желудка и b) воспаленіе кишекъ. 3. Воспаленіе мозга и мозговыхъ оболочекъ, кровоизліяніе въ мозгу (apoplexia); оно зимою, при сильномъ холодѣ, встрѣчается чаще 4. Нѣкоторыя формы нервныхъ болѣзней. 5. Болѣзни мочевыхъ органовъ: a) воспаленіе почекъ, b) воспаленіе мочеваго пузыря, c) воспаленіе уретры, d) Брайтова болѣзнь и e) каменная болѣзнь почекъ и мочеваго пузыря (при вліяніи почвы).

Къ болѣзнямъ зависящимъ отъ внѣшнихъ вліяній холоднаго климата принадлежатъ. 1. Острые и хроническіе ревматизмы, воспаленіе подреберной плевы и брюшины, обусловливаемые большею частію быстрымъ и рѣзкимъ измѣненіемъ температуры. 2. Глазныя болѣзни отъ вліянія ослѣпительной бѣлизны снѣга; именно: a) воспаленіе глазъ b) темная вода (amaurosis), c) катаракты. 3. Ознобленіе (отмороженіе) различныхъ частей тѣла, отъ вліянія чрезмѣрнаго холода. 4. Сифилисъ въ холодномъ климатѣ вторичными и третичными припадками производитъ глубокія разстройства организма. 5. Болѣзни, которыя сопровождаются очевиднымъ, и рѣзкимъ измѣненіемъ крови: a) скорбутъ, b) золотуха, c) рахитизмъ, и c) бугорчатка. Болѣзни эти преимущественно свойственны холодному климату и развиваются въ тѣхъ случаяхъ, когда при подавленной дѣятельности кожи холодомъ, отъ какихъ либо причинъ ослабляется и процессъ дыханія, чему часто подвергаются бѣдные люди, дыша испорченнымъ воздухомъ, въ холодныхъ и сырыхъ

Digitized by Google

жилищахъ, и перенося при этомъ недостатокъ свѣта и другія лишенія. При ослабленномъ отправленіи кожи и легкихъ, въ крови должно задерживаться много такихъ элементовъ, которые неизбѣжно измѣняютъ ея качественный и количественный составъ. 6. Тифъ тамъ является рѣдко и только въ многолюдныхъ мѣстахъ и большихъ городахъ; по мѣрѣ же удаленія отъ полюсовъ къ болѣе сгущенному народонаселенію, онъ встрѣчается чаще и въ болѣе сильныхъ формахъ. 7. Сыпныя болѣзни: корь, скарлатина, оспа и др. свойственны всѣмъ климатамъ, но въ сѣверныхъ странахъ, отъ вліянія холода и простуды они причиняютъ большую смертность; въ особенности оспа, которая тамъ, гдѣ нераспространено предохранительное оспопрививаніе, свирѣпствуетъ, какъ наносная эпидемія, распространяясь чрезъ зараженіе. Такъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II, была занесена оспа въ Камчатку, и произвела между Камчадалами такое опустошеніе, что страна эта бывшая довольно населенною теперь мало населена. 8. Болѣзни же отъ болотныхъ испареній въ холодномъ климатѣ почти не встрѣчаются, потому что холодъ не благопріятствуетъ ихъ развитію.

Мы разсмотрѣли два противуположныхъ климата жаркій и холодный; но между ними въ каждомъ полушаріи лѣжитъ еще полоса земли въ 30° широты. Въ эту полосу отъ экватора продолжается жаркій климатъ съ постепеннымъ уменьшеніемъ его температуры; отъ полюсовъ же продолжается холодный климатъ съ постепеннымъ повышеніемъ его температуры, и въ срединѣ подъ 45° сѣверной и южной широты они сходятся и уравновѣшиваются. Значитъ въ этой полосѣ сливаются два противуположныхъ климата и уравновѣшиваются ихъ противуположныя свойства; отъ чего происходитъ климатъ средній умѣренный, въ которомъ лучи солнечные никогда не падаютъ такъ перпендикулярно, какъ въ жаркомъ и такъ косвенно, какъ въ холодномъ климатѣ; отъ этого и температура его выходитъ средняя. Далѣе намъ вполнѣ уяснится характеръ климата этой полосы, когда прибавимъ, что въ ней встрѣчается полярное теченіе воздуха въ экваторіальномъ и въ ней происходитъ постоянная борьба между ними. Этою борьбою и объясняется безпрестанное измѣненіе вѣтровъ и быстрое повышеніе и пониженіе температуры, свойственныя этой полосѣ, названной полосою измѣнчивой погоды. Здѣсь часто температура, въ теченіи одного и того же дня, подвергается значительнымъ измѣненіямъ и термометръ повышается и понижается быстро и рѣдко нѣсколько дней стоитъ на одномъ градусѣ. Но гораздо быстрѣе происходитъ перемѣна температуры и вѣтровъ весною и осенью. Времена года въ этомъ климатѣ рѣзче обозначены и температура одного времени года постепенно переходитъ въ температуру другаго. Вѣтры часто смѣняются, но не смотря на ихъ разнообразіе и перемѣнчивость, въ основаніи ихъ лежатъ два главныхъ движенія воздуха, полярное и экваторіальное, и сохраняется свойство ихъ воздуха съ его вліяніемъ на органическую жизнь. Такъ при полярномъ теченіи дуетъ сѣверный вѣтеръ, который по извѣстной уже намъ причинѣ переходитъ въ сѣверо-восточный и восточный. Эти вѣтры приносятъ воздухъ холодный, сухой и богатый кислородомъ; а такой воздухъ обусловливаетъ засуху и вреденъ для всѣхъ страдающихъ грудными болѣзнями. Восточный вѣтеръ можетъ быть смѣненъ только экваторіальнымъ теченіемъ, которое начинаетъ дуть въ видѣ южнаго вѣтра, и при встрѣчѣ восточнаго вѣтра съ южнымъ происходитъ среднее направленіе—юговосточный вѣтеръ; при чемъ теплый и влажный

Digitized by Google

воздухъ экваторіальнаго теченія, осаждаясь холоднымъ, полярнымъ воздухомъ, даетъ осадки въ видѣ дождя; потомъ южный вѣтеръ беретъ перевѣсъ и переходитъ въ юго-западный и западный. Эти вѣтры приносятъ воздухъ теплый, разряженный и влажный, обусловливаютъ дождь и ясную погоду; но при разряженности воздуха уменьшается его давленіе и нѣсколько затрудняется дыханіе. Западный вѣтеръ можетъ быть смѣненъ только сѣвернымъ; при встрѣчѣ ихъ происходитъ сѣверо-западный вѣтеръ; опять смѣшивается холодный воздухъ полярнаго теченія съ теплымъ и влажнымъ воздухомъ экваторіальнымъ, отъ чего происходятъ осадки и наступаетъ сырое и холодное время, вредное для больныхъ нервныхъ, ревматическихъ и катарральныхъ. Далѣе сѣверный вѣтеръ беретъ перевѣсъ и повторяется тотъ же самый порядокъ и въ этомъ порядкѣ происходитъ смѣна вѣтровъ въ умеренномъ климатѣ.

Весною часто измѣняется температура и вѣтры, которые, вмѣстѣ съ таяніемъ снѣга и испареніемъ воды, сильно охлаждаютъ воздухъ. Лѣтомъ температура достигаетъ наибольшей высоты въ іюлѣ мѣсяцѣ (до 30°) и погода бываетъ постояннѣе. Но около осенняго равноденствія температура и вѣтры опять начинаютъ быстро измѣняться и наступаетъ осеннее ненастье, за которымъ слѣдуетъ зима. Въ теченіи зимы погода становится постояннѣе и сопровождается низкою температурою. Самая высокая степень холода бываетъ въ январѣ и при сѣверномъ вѣтрѣ иногда достигаетъ до 30°, а при южномъ вѣтрѣ бываютъ оттепели. Вотъ общій характеръ измѣненія погоды въ нашемъ умѣренномъ климатѣ.

Умѣренный климатъ можетъ быть раздѣленъ на три совершенно отдѣльные пояса.

1. Первый поясъ между 30° и 40° сѣверной (и южной) широты, по своему географическому положенію, лежитъ рядомъ съ жаркимъ климатомъ и, составляя его непосредственное продолженіе, приближается къ нему сходствомъ температуры, состояніемъ погоды, а равно и вліяніемъ на жизнь органическую и на человѣка; только по мѣрѣ удаленія отъ экватора температура понижается (на 1° на каждые 10° широты), вѣтры становятся измѣнчивы и вліянія жаркаго климата болѣе и болѣе умѣряются. 2. Второй поясъ между 60° и 50° сѣверной (и Южной) широты, лежитъ рядомъ съ холоднымъ климатомъ и составляя его непосредственное продолженіе, сходенъ съ нимъ по состоянію погоды, температуры и направленію вѣтровъ; только по мѣрѣ удаленія отъ полюсовъ, умѣряется суровость зимы, лѣто становится продолжительнѣе и погода измѣнчивѣе. Мы сами находимся въ этой полосѣ и характеръ ея климата каждому изъ насъ извѣстенъ. 3. Третья полоса средняя, заключающаяся между 40° и 50° сѣверной широты, составляетъ собственно умѣренный климатъ. Характеръ этой полосы вытекаетъ изъ вліянія тропическаго и полярнаго климатовъ и отличается измѣнчивостію погоды и равновѣсіемъ временъ года: здѣсь зима, весна, лѣто и осень содержатъ по 3 мѣсяца и рѣзко разграничены.

Отъ разнообразія климатическихъ условій и вліяніе умѣреннаго климата на органическую жизнь и на человѣка весьма разнообразно, а этимъ объясняется безконечное разнообразіе въ растительныхъ и животныхъ формахъ, встрѣчающихся въ этой умѣренной полосѣ. Климатъ этотъ не представляетъ рѣзкихъ особенностей, какъ климатъ холодный и жаркій; но всѣ дѣятели атмосферы здѣсь уравновѣшиваются и не вызываютъ усиленную дѣятельность какого либо органа, и поэтому весь организмъ человѣка и всѣ его органы развиваются правильно, равномѣрно и своевременно. Эта

Digitized by Google

равномѣрность развитія всѣхъ органовъ и составляетъ совершенство человѣческаго организма, составляетъ то, что древніе Греки называли совершенною организаціею. У Европейцевъ умѣреннаго климата мы видимъ такой приблизительно совершенный организмъ, въ которомъ нѣтъ никакихъ крайностей, ничего запоздалаго и преждевременнаго, кромѣ рѣзко обозначенной индивидуальности, какъ выраженіе умственнаго развитія. Такой организмъ способенъ къ безконечному усовершенствованію и развитію физическому и умственному, и къ правильному проявленію дѣятельности человѣческаго ума. Въ доказательство того достаточно упомянуть, что климатъ этотъ заселенъ самыми образованными народами міра, представляющими собою исторію всего человѣчества, его умственную и политическую жизнь.

Отъ измѣнчивости и разнообразнаго вліянія умѣреннаго климата и болѣзни его весьма разнообразны. Въ немъ соединяются болѣзни обоихъ противуположныхъ климатовъ: въ 1-мъ поясѣ продолжаются болѣзни жаркаго климата и вліяніе болотныхъ испареній; во 2-мъ поясѣ продолжаются болѣзни холоднаго климата; а въ среднемъ поясѣ соединяются тѣ и другія и на развитіе ихъ оказываютъ большое вліяніе времена года. Весною и осенью развиваются болѣзни катаральныя и ревматическія. Зимою болѣзни воспалительныя и ревматизмы; а лѣтомъ, подъ вліяніемъ гнилостныхъ испареній, распространяются заносныя эпидемическія болѣзни: чума, холера и др; которыя свирѣпствуютъ преимущественно въ городахъ, находящихся въ дурныхъ гигіеническихъ условіяхъ, и въ низменныхъ болотистыхъ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе развивается гнилостныхъ испареній.

Къ болѣзнямъ преимущественно свойственнымъ умѣренному климату должно отнести: 1. Разнообразныя формы нервныхъ болѣзней и разные виды разстройства умственныхъ способностей. Нервная система и мозгъ, у образованныхъ народовъ умѣреннаго климата, находятся въ усиленной и часто въ напряженной дѣятельности, поэтому и болѣзни ихъ здѣсь встрѣчаются чаще. 2. Тифъ въ умѣренномъ климатѣ существуетъ постоянно, какъ болѣзнь спорадическая, но очень часто и почти ежегодно распространяется эпидемически. Мы видѣли, что болѣзнь эта въ жаркомъ и холодномъ климатѣ встрѣчается рѣдко и тѣмъ рѣже, чѣмъ меньше народонаселеніе; а по мѣрѣ приближенія къ сгущенному народонаселенію она болѣе и болѣе развивается, и въ средней полосѣ, въ самомъ густомъ народонаселеніи, переходитъ въ эпидеміи, особенно въ городахъ и чѣмъ хуже гигіеническое условіе города, тѣмъ сильнѣе тифозныя эпидеміи. Тамъ, гдѣ сосредоточивается большое число людей и несоблюдаются должныя гигіеническія условія, воздухъ заражается испареніями людей; отъ чего, какъ неизбѣжное послѣдствіе, развивается тифозная горячка и распространяется чрезъ зараженіе. При сосредоточеніи большихъ армій, часто отъ тифозной горячки больше погибаетъ людей, нежели отъ военныхъ дѣйствій. Только содѣйствіемъ народной гигіены можно ослабить и остановить распространеніе ея.

М. Г., обозрѣвши вліяніе климата, обратимся къ предстоящей этнографической выставкѣ, на которой вы увидите фигуры всѣхъ племянъ и народовъ, населяющихъ Россію и принадлежащихъ къ климату холодному и умѣренному. Вы увидите на этой выставкѣ какъ велико разнообразіе внѣшнихъ формъ человѣка и встрѣтите разнообразіе весьма рѣзкое, если сравните высокаго и крѣпкаго Великоросса имѣющаго лице открытое и умное, съ маленькимъ, худымъ и тощимъ

Digitized by Google

Комчадаломъ, въ лицѣ котораго выражается только апатія. Но это разнообразіе увеличится до безконечности, если взять всѣ народы и всѣ племена жаркаго климата. Сравнивая образованнаго Европейца съ качующимъ дикаремъ средней Африки, невольно возбуждается сомнѣніе въ томъ, что бы эти два существа могли принадлежать къ одной семьѣ и произошли отъ одного родоначальника; невольно при этомъ сравненіи можно склониться къ мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ натуралистовъ—думающихъ, что въ моментъ сотворенія человѣка должно было возникнуть нѣсколько первичныхъ типовъ и каждый изъ нихъ имѣлъ свою особенную родину. Но сомнѣніе это ослабляется при помощи тѣхъ данныхъ, которыя мы получили разсматривая климаты.

Мы видѣли, что организмъ человѣка подъ вліяніемъ различныхъ климатовъ развивается различно. Въ умѣренномъ климатѣ образуется болѣе совершенный организмъ и болѣе способный къ правильному проявленію духовной жизни человѣка. Подъ вліяніемъ холоднаго климата, при усиленіи дѣятельности однихъ органовъ и ослабленіи другихъ, организмъ развивается менѣе правильно; въ полярной же полосѣ холоднаго климата, отъ подавляющаго холода, организмъ развивается не только неправильно, но уродливо и даже останавливается въ своемъ развитіи. Въ жаркомъ климатѣ организмъ человѣка представляетъ еще болѣе разнообразія, уклоненія и несовершенства и всего менѣе способенъ къ проявленію духовной жизни. Неподлежитъ сомнѣнію, что отъ вліянія климата зависятъ существенное разнообразіе и недостатки человѣческаго организма, составляющаго только орудіе, органъ, чрезъ который проявляется его духовная жизнь. Приэтомъ мы живемъ, вѣруемъ, чувствуемъ и мыслимъ, по законамъ религіи христіанской, которая учитъ насъ, что безсмертная душа не можетъ измѣняться. Слѣдовательно мы должны признать, что измѣняется только тѣло, нашъ организмъ, составляющій орудіе для проявленія души; чѣмъ несовершеннѣе, хуже этотъ огранизмъ, тѣмъ слабѣе и ничтожнѣе проявленіе души.

Изъ этого должно придти къ тому убѣжденію, что всѣ люди одарены душею одинаковою по своему происхожденію и своему безсмертію и всѣ они братья одной многочисленной семьи, разсѣявшейся по всей землѣ. Въ этомъ убѣжденіи насъ подкрѣпляютъ изслѣдованія ученыхъ и преданія всѣхъ древнѣйшихъ народовъ; подкрѣпляетъ насъ въ этомъ убѣжденіи и ученіе христіанское.

П. Медвѣдевъ.

Digitized by Google

ВЛІЯНІЕ

РАСТИТЕЛЬНАГО МІРА НА КУЛЬТУРУ ЧЕЛОВѢКА.

Мм. Гг.

Не изъ васъ, кто посѣтитъ этнографическую выставку, приготовляемую въ настоящее время къ открытію Обществомъ Любителей Естествознанія, состоящимъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, увидятъ, что группы манекеновъ, изображающихъ различныя племена, населяющія обширное пространство Россіи и единоплеменныя съ нами славянскія народы западной Европы, окружены характеристическими растеніями мѣстностей, занимаемыхъ ими. Не примите этого за красивую только обстановку, за изящный бордюръ къ группамъ. Обстановка эта имѣетъ иной, глубокій смыслъ.

Между человѣкомъ и окружающею его природою существуетъ тѣсная связь. Она обусловливаетъ и физическій складъ его, и развитіе, и нравы, и обычаи, и весь строй его жизни. Кто не знаетъ разницы между жителями материка и прибережья моря, горъ и долинъ, лѣсной страны и безлѣсной? кто не знаетъ, что климатъ и мѣстность обусловливаютъ особенности образа жизни?

Человѣкъ—царь природы, какъ говоримъ и читаемъ мы очень часто. Выраженіе это не совсѣмъ вѣрно. Подъ словомъ «царь» мы привыкли понимать лицо, стоящее выше закона, которое само есть источникъ его, воля котораго есть законъ для всего, окружающаго его. Не таковы отношенія человѣка къ природѣ. Онъ не только не стоитъ выше законовъ ея, но не можетъ измѣнить на одного изъ нихъ, или освободить себя отъ зависимости отъ самаго незначительнаго изъ этихъ, не имъ данныхъ законовъ. Онъ дѣйствительно выше всего окружающаго, но онъ не полновластный царь его, онъ скорѣе конституціонный монархъ, вся сила котораго въ умѣньи пользоваться законами, постановленными народомъ, такъ, чтобы дать себѣ, не нарушая ихъ, надлежащую власть силу и положеніе.

Конечно, признавая эту зависимость человѣка отъ природы, мы не считаемъ его исключительно продуктомъ окружающихъ его внѣшнихъ условій и матеріальныхъ силъ, дѣйствующихъ въ немъ. Мы признаемъ въ немъ нѣчто высшее, независящее отъ матеріяльнаго міра, мы признаемъ въ немъ начала, существующія независимо отъ

Digitized by Google

всего окружающаго, присущія человѣку всюду, на всѣхъ степеняхъ его развитія, безъ которыхъ человѣкъ не мыслимъ. Но и эти высшія начала могутъ свободно развиваться и дать всѣ благотворныя, выходящія изъ нихъ послѣдствія въ особенности легко тамъ, гдѣ соединены въ природѣ благопріятныя для этого условія. Изъ этихъ-то счастливыхъ мѣстностей разливается свѣтъ просвѣщенія на иныя, менѣе приспособленныя къ развитію человѣчества, и научаютъ меньшую братію его бороться съ стѣсняющими ее условіями природы, побѣждать ихъ и, слѣдуя за могущественными вожаками, достигать до высшихъ степеней развитія, къ которому, въ силу общаго всему человѣчеству высшаго духовнаго начала, способны всѣ племена человѣческаго рода. Однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ, объусловливающихъ развитіе человѣчества, является растительный міръ. Только тамъ живетъ привольно человѣкъ, гдѣ растительный міръ посредственно, питая нужныхъ ему животныхъ, или непосредственно давая ему пищу, достаточно развитъ, чтобы поддерживать безбѣдно его существованіе. Притомъ растенія является всегда и вездѣ цивилизующимъ началомъ.

Неодинаковы послѣдствія зависимости человѣка отъ животнаго и отъ растенія. Человѣкъ, зависящій въ своемъ существованіи отъ животнаго, становится или охотникомъ, бродящимъ по лѣсамъ, горамъ и степямъ за звѣрями, или рыболовомъ, странствующимъ по рѣкамъ и озерамъ, или пастухомъ, переходящимъ съ мѣста на мѣсто за стадами. Уменьшилось количество дичи, отошла періодически являющаяся рыба или не стало корма для стадъ, и охотникъ или пастухъ покидаетъ или переноситъ вмѣстѣ съ собою на скорую руку устроенное, легко подвижное жилье. У него не можетъ быть постояннаго жилища, нѣтъ у него домашняго прочнаго очага, нѣтъ роднаго угла, нѣтъ прочнаго семейнаго быта, онъ скиталецъ. Не такова зависимость человѣка отъ растенія. Разведеніе его привязываетъ его къ опредѣленному мѣсту, съ этимъ становится возможно постоянное жилье, и за домашнимъ очагомъ и прочно развившимся семейнымъ бытомъ, являются гражданственность, ясное понятіе о собственности и развитыя религіозныя понятія. Вездѣ и всегда разведеніе растеній служило первымъ шагомъ къ образованію правильно устроеннаго гражданскаго общества:

Въ исторіи цивилизаціи человѣчества блестящая роль досталась растеніямъ изъ семейства злаковъ. Вездѣ, гдѣ мы находимъ начинающуюся цивилизацію, мы встрѣчаемся съ которымъ нибудь изъ представителей этой группы. Но важнѣйшая доля этого благотворнаго вліянія принадлежитъ безспорно нашимъ зерновымъ хлѣбамъ. Рожь, пшеница, овесъ, ячмень, эти истинные основатели гражданскаго быта Европейскихъ народовъ и спутники Европейской культуры по всему земному шару. Превосходная картина введенія культуры разведеніемъ хлѣбныхъ растеній изображена Шиллеромъ въ его «праздникѣ Цереры»:

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ,
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте,
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ,
И пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте.
Она помирила враждебныхъ людей,
Жестокіе нравы смягчила
И въ домъ постоянный межъ нивъ и полей
Шатеръ подвижной обратила.

Кто не знаетъ этого стихотворенія, кто не вспомнитъ, какъ за богиней земледѣлія, первой образовательницей кровожадныхъ дикарей, являются всѣ другіе боги и одаряютъ новое человѣческое общество всѣми благами гражданской жизни, возводятъ стѣны города, утверждаютъ право собственности, вводятъ законы и порядокъ, и на ал-

Digitized by Google

тарь возлагаются колосья,—жертва богамъ угодная, и теплая молитва возносится къ жизнь—дающему Зевесу?

Картина эта есть картина первоначальнаго образованія каждаго европейскаго народа. Наши зерновые хлѣба, кромѣ общей со всѣми разводимыми растеніями цивилизирующей силы, отличаются еще тѣмъ, что хотя они вполнѣ способны обезпечить существованіе человѣка, но не иначе, какъ при условіи постояннаго труда, постоянной заботы: а что развиваетъ лучше труда, что можетъ дать такое движеніе развитію мысли, изобрѣтеніямъ, усовершенствованіямъ, какъ достаточно вознаграждаемый, но необходимый и постоянный трудъ? И европейскіе народы оставались всегда вѣрны своимъ первымъ цивилизаторамъ. Наши злаки послѣдовали за ними вокругъ земнаго шара.

Разведеніе ихъ началось въ такой глубокой древности, что исторія перваго опыта его сохранилась лишь въ формѣ миѳовъ, и древніе народы считали ихъ непосредственнымъ даромъ боговъ, такъ напр. въ Египтѣ—Озирисэ, въ Греціи—Деметры, и т. п. До сихъ поръ неизвѣстно отечество ихъ. Находятъ дикими наши хлѣбные злаки въ равнинахъ около Тигра и Ефрата, но всякому извѣстно, въ какой глубокой древности началась культура этихъ странъ, нынѣ опустошенныхъ варварскимъ владычествомъ Турокъ, оставившемъ и въ нихъ, какъ вездѣ, свои губительные слѣды. Поэтому не возможно рѣшить, дѣйствительно-ли это первоначально дикая форма ихъ, или это одичалые потомки нѣкогда разводимыхъ растеній. Рожь найдена Кохомъ на Араратѣ на высотѣ 12000 ф., какъ кажется положительно дикою, хоть можетъ быть и тутъ она была занесена птицами. Но ежели мы и не нашли до сихъ поръ нашихъ хлѣбныхъ растеній въ дикомъ состояніи, за то всѣ историческія преданія указываютъ на среднюю Азію, какъ на отечество ихъ. Китайцы по преданіямъ получили ихъ, съ запада, Индусы съ сѣвера, Европейцы съ востока, все, и преданія и языковѣденіе, указываетъ, какъ на отечество ихъ на высокія равнины Средней Азіи. Трудно согласить это съ нынѣшнимъ безплодіемъ ихъ, остается принять, что разнесеніе ихъ изъ этого центра случилось до тѣхъ послѣднихъ геологическихъ переворотовъ, которые дали окончательно нынѣшній видъ нашему материку, которые отрѣзали Каспійское и Аральское море отъ океана и обратили въ сушу среднюю Африку, что несомнѣнно было при существованіи на землѣ человѣка, и о чемъ сохранилась память въ преданіяхъ древнихъ Грековъ о страшныхъ наводненіяхъ и о Геркулесѣ, раздвинувшемъ Кальпе и Абилу. Этотъ Геркулесъ и была неудержимая сила моря. Изъ этого центра первыми явились въ Европу ячмень, древнѣйшій изъ разводимыхъ злаковъ по словамъ Плинія, и пшеница, переданная Грекамъ вѣроятно изъ Малой Азіи и Египта, и овесъ, разводимый издревле Германцами. Позднѣе явилась рожь, которая разводилась во времена Плинія лишь въ незначительномъ количествѣ и стала обыкновенною въ Германіи лишь съ VII-го столѣтія, принесенная туда Вендами, и просо, появившееся въ Испаніи лишь съ I-го вѣка по Р. Х. Изъ Европы наши хлѣбные злаки слѣдовали за Европейской культурой по всюду, гдѣ только климатъ дозволялъ разведеніе ихъ. Англичане перенесли ихъ въ сѣверную Америку, Испанцы въ южную, гдѣ въ Квито Гумбольдтъ видѣлъ хранимый, какъ святыня, глиняный горшокъ, въ которомъ невольникъ Негръ нашелъ, какъ увѣряетъ преданіе, три зерна пшеницы, которыя посадилъ патеръ Іодоко Рокеи, и которыя были праотцами всей пшеницы, разводимой въ южной Америкѣ. Не стоитъ-ли большей

Digitized by Google

славы это малоизвѣстное имя, чѣмъ имена людей, заливавшихъ землю кровью, усыпавшихъ ее костями и пепломъ? И въ южную Африку, и въ новую Голландію проникли наши злаки вслѣдъ за европейскою цивилизаціей, и тамъ они ея знамя. Таково было побѣдоносное шествіе хлѣбныхъ злаковъ — цивилизующаго начала вокругъ всего земнаго шара.

Вездѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ сколько нибудь развитую культуру или хоть начинающуюся гражданственность, мы встрѣчаемся съ разведеніемъ того или другаго изъ растеній, принадлежащихъ къ семейству злаковъ. Такъ въ Китаѣ и Индіи издревле разводился рисъ, который въ послѣдней странѣ найденъ дикимъ, и былъ извѣстенъ жителямъ прежде прочихъ злаковъ. Всѣмъ извѣстно какъ древня культура этихъ странъ; политическія и религіозныя условія сдѣлали то, что обѣ они остановились въ своемъ развитіи, но разведеніе злаковъ сдѣлало свое дѣло и дало могущественный толчекъ первоначальному умственному движенію обѣихъ народностей. Вездѣ, гдѣ въ Америкѣ нашли цивилизованныя страны, господствовало разведеніе масла, хотя оно, по чрезвычайному богатству жатвы (до самъ 700), не могло дѣйствовать такъ благотворно, какъ разведенія нашихъ хлѣбныхъ злаковъ. Въ Абиссиніи, въ средней Африкѣ мы находимъ разведеніе другихъ растеній того же семейства, сорго и дурры. Словомъ разводимые злаки — всегдашніе спутники начинающейся гражданственности и цивилизаціи во всѣхъ концахъ земнаго шара.

Разведеніе нашихъ хлѣбныхъ злаковъ, дѣйствующее такъ могущественно на человѣка, измѣняетъ и окружающую его природу. Невелико количество питательнаго матеріяла, доставляемое ими и поэтому для разведенія ихъ требуется значительное пространство земли. Для расширенія полей осушаются болота, вырубаются лѣса, и вмѣсто земнаго моря деревьевъ является золотистое море хлѣбовъ. Вся физіономія страны измѣняется, измѣняется и самый климатъ. Растенія испаряютъ постоянно чрезъ листья значительное количество воды, что легко доказать опытами; можно опредѣлить и количество ея, испаряемое въ данное время. Такіе опыты доказали, что напримѣръ четверть десятины, засаженная подсолнечниками, испаряетъ въ 120 дней жизни ихъ около 1,500,000 фунтовъ воды, четверть десятины сѣнокоснаго луга — до 6,000,000 ф. въ лѣто. Понятно изъ этого, какое огромное количество воды испаряетъ цѣлый лѣсъ. Съ вырубкою лѣсовъ воздухъ страны становится суше и уменьшается суровость климата. Нынѣшняя Германія конечно имѣетъ въ настоящее время болѣе теплый климатъ нежели во времена Тацита, когда она была покрыта сплошными дремучими лѣсами, хотя Тацитъ очевидно предвеличиваетъ суровость климата этой страны, пугавшую его, Итальянца, привыкшаго къ безоблачному небу своей родины. Конечно, крайности въ истребленіи лѣсовъ могутъ повести и къ вреднымъ послѣдствіямъ, уменьшая количество дождя до жестокихъ засухъ, уменьшая количество воды въ краю до того, что онъ можетъ стать необитаемымъ. Оказывается оно и на уменьшеніи воды въ рѣкахъ, и на непомѣрно быстромъ таяніи снѣга весною, что подъ защитою лѣсовъ происходитъ постепенно.

Истребленіе лѣсовъ, вслѣдствіе разведенія хлѣбныхъ злаковъ, имѣетъ и другія неменѣе важныя послѣдствія. Наступаетъ недостатокъ въ строевомъ матеріялѣ, дерево замѣняется камнемъ, желѣзомъ и другими металлами; являются желѣзные и каменные мосты, ограды, строенія, суда. Становится въ тоже время слишкомъ цѣннымъ

Digitized by Google

топливо, и человѣкъ врѣзывается за нимъ въ нѣдра земли, добываетъ оттуда каменный уголь, и погребенныя въ видѣ его, Богъ-вѣсть когда, растенія возстаютъ изъ гробовъ, куда положила ихъ природа, и становятся животворящею силою цивилизаціи, удесятеряя могущество человѣка и власть его надъ силами природы. Такимъ образомъ не только нынѣ живущія, но и давно погибшія растенія становятся орудіемъ образованія чловѣческаго рода. Мы видѣли какъ дѣйствуетъ на культуру разведеніе нашихъ хлѣбныхъ злаковъ, пріучающее человѣка къ спасительному труду и борьбѣ съ природою. Не таково вліяніе тѣхъ растеній, которыя даютъ огромное количество питательнаго матеріяла и разведеніе которыхъ не требуетъ притомъ особенныхъ усилій и заботливости. Таковы растенія, употребляемыя въ пищу въ тропическихъ странахъ. Тамъ, и безъ трудовъ человѣка, природа во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ соединены благопріятнѣйшія условія жизни растеній — весела и тепла, представляетъ ему богато накрытый столъ. Растенія, разводимыя человѣкомъ въ этихъ странахъ: ямсъ, пататы, пизангъ, бананъ, хлѣбное дерево, далеко превосходятъ наши хлѣбные злаки по своей производительности. Такъ напр. 1000 фунт. земли, засаженной бананами, даютъ до 4000 фунтовъ плодовъ, пизангомъ до 5000 фунтовъ, между тѣмъ какъ, на томъ же пространствѣ, картофель даетъ только 462 фунта клубней, а пшеница только 38 фун. зеренъ. Нашъ картофель, даръ южноамериканскихъ Кордильеръ, не можетъ равняться съ ямсомъ, корни котораго достигаютъ до 9 футовъ въ окружности. Кто разъ въ жизни посадилъ 10 хлѣбныхъ деревьевъ, говоритъ Кукъ, тотъ также обезпечилъ свое семейство, какъ нашъ крестьянинъ, который ежегодно пашетъ, сѣетъ, жнетъ и молотитъ. Но посмотрите каковъ туземецъ этихъ странъ, гдѣ существованіе такъ легко, благодаря названнымъ растеніямъ. Не много приходится ему захватывать земли подъ свое поле; маленькіе разработанные участки теряются среди раскошно-развитой растительности лѣсовъ, и человѣкъ — нагой дикарь, стоящій на весьма низкой степени развитія. Ничто не возбуждаетъ его дѣятельности, спитъ его умъ, живя чисто животною жизнью онъ тамъ не стремится властвовать надъ природою, а живетъ среди богатыхъ даровъ ея, играя лишь роль самаго ловкаго, опаснаго и кровожаднаго изъ звѣрей, населяющихъ эти страны, или роль мирнаго, но ни къ чему высшему не способнаго островитянина иныхъ острововъ Тихаго Океана.

И какъ дикіе звѣри передъ развивающеюся культурой, отступаютъ и гибнутъ всѣ эти низшія расы передъ наплывомъ мощнаго бѣлаго племени, воспитаннаго своими хлѣбными злаками.

Ежели вредно дѣйствуетъ на человѣка излишняя роскошь растительнаго міра, то не менѣе вредна и полная скудость его. Такъ на Новой Зеландіи природа представляетъ весьма мало растеній способныхъ питать человѣка. Въ древности жили тамъ гигантскія птицы, похожія на страуса, мясомъ которыхъ питались жители. Ограниченное пространство острова сдѣлало то, что ихъ истребили, такъ, что ежели они и существуютъ внутри острова, какъ увѣряютъ иные, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно рѣдки. Вслѣдствіе недостатка пищи на островѣ развилась людоѣдство, глубоко вошедши въ нравы туземцевъ. Лучшее средство уничтожить его и смягчить нравы, это вводить въ такія страны питающія человѣка растенія: не изъ прихоти, или извращеннаго вкуса становится человѣкъ людоѣдомъ, а изъ нужды. Примѣромъ этому служитъ другое несчастное племя, жители Огненной

Digitized by Google

земли. Растительность острова далеко не скудная; но нѣтъ питающихъ человѣка растеній, кромѣ кое-какихъ ягодъ, да грибовъ. Всю пищу даетъ море. Зимою, при голодѣ, тузѣмцы поѣдаютъ своихъ старухъ, и только въ послѣдней крайности жарятъ болѣе нужныхъ имъ собакъ. Это жалкое племя, почти незнакомое съ растительною пищею, стоитъ на такой же низкой степени развитія, какъ и африканскіе бушмены, находящіеся въ томъ же положеніи. У нихъ нѣтъ даже старшинъ, — всѣ равны, у нихъ нѣтъ собственности, даже кусокъ сукна, данный одному изъ нихъ на одежду, разрываютъ на ровныя части. Они представляютъ собою осуществленіе той полной свободы, равенства и общности имущества, о которыхъ грезятъ иные мечтатели, хотя можетъ быть весьма умные и честные, но отбившіеся отъ здраваго смысла. Не дай Богъ человѣчеству достигать до подобныхъ идеаловъ. — Говоря о вліяніи разведенія растеній мы не можемъ не упомянуть о тѣхъ изъ нихъ, которыя даютъ одежду человѣку. Одежда дикаря — шкуры убитыхъ имъ звѣрей, но вездѣ гдѣ начинается культура начинаютъ употреблять ткани, сдѣланныя изъ волоконъ растеній. Чѣмъ выше развивается человѣкъ тѣмъ болѣе искусства находимъ въ ихъ приготовленіи. Понятно, что приготовленіе ихъ, требующее искусственной обработки не остается безъ вліянія на человѣка, давая движеніе изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ. Вліяніе ихъ конечно не одинаково, и къ нимъ прилагается тоже, что сказано о питательныхъ растеніяхъ. Велика разница между народами Тихаго Океана, одѣвающимися въ ткань изъ луба Брусонеціи, расколоченнаго колотушкою и тѣми, которые одѣты въ требующія труда, заботъ, и искусства ткани изъ льна и хлопчатой бумаги. Да и разведеніе этихъ послѣднихъ имѣло далеко не одинаковое вліяніе на народы. Дочери и жены свободныхъ Германцевъ пряли ленъ, и прялка была знаменемъ домашняго очага, а хлопчатая бумага стала распространительницею рабства въ Америкѣ, требуя для своего разведенія и для прибыльнаго производства дешевыхъ рукъ несчастныхъ Негровъ. Найди лишь кто-нибудь растеніе, которое бы убило производство хлопчатой бумаги, и освобожденіе рабовъ совершилось бы въ Соединенныхъ штатахъ безъ выстрѣла.

Первыя потребности человѣка — одежда и пища, но кромѣ ихъ есть еще одна потребность, повидимому далеко не существенная, а между тѣмъ общая человѣческому роду на всѣхъ степеняхъ развитія, потребность неудержимая, которую мы встрѣчаемъ во всѣхъ, отъ дикаря до образованнѣйшаго Европейца, потребность въ веществахъ, возбуждающихъ нервы. Можетъ быть причины этаго неодинаковы. Въ однихъ народахъ это постоянная работа головы, не могущая въ теченіи длиннаго ряда поколѣній не отразиться на нервной системѣ, вслѣдствіе чего является общее стремленіе къ искуственному возбужденію ея. Въ другихъ народахъ и личностяхъ потребность эта вызывается бѣдственнымъ положеніемъ, человѣкъ хочетъ забыть хоть на время ужасную, гнетущую его дѣйствительность. Но намъ кажется, что невозможно приписывать употребленія веществъ возбуждающихъ нервы лишь этимъ двумъ причинамъ. Есть еще одна общая человѣческому роду причина, заставляющая людей повсемѣстно не только употреблять подобныя вещества, но и злоупотреблять ими повсемѣстно это присущее всему человѣческому роду постоянное недовольство настоящимъ, стремленіе къ лучшему будущему, никогда на землѣ неудовлетворимое, и заставляющее всякаго создавать въ себѣ самомъ, въ своихъ мечтахъ, идеалъ удовле-

Digitized by Google

творяющій его стремленіямъ. И вотъ человѣкъ прибѣгаетъ къ веществамъ возбуждающимъ нервную дѣятельность и помогающимъ ему забыть дѣйствительность и перенестись на время мечтою въ такое положеніе, которое сколько нибудь соотвѣтствуетъ его идеалу. Нѣтъ почти страны на земномъ шарѣ, гдѣ бы не употребляли какое нибудь подобное вещество. Образованный Европеецъ употребляетъ спиртные напитки, житель Востока и Африки опіумъ и хашишъ, Перуанецъ жуетъ листья коки, Камчадалъ упивается мухоморомъ. Всѣ подобныя вещества добываются изъ растеній. Нѣкоторыя изъ нихъ положительно вредны, и могутъ быть употребляемы лишь какъ лекарство со всею нужною при томъ осторожностью, другія при умѣренномъ употребленіи безвредны и даже полезны, но при злоупотребленіи ими обращаются въ губителей человѣчества. Къ этому разряду принадлежатъ спиртные напитки, приготовляемые изъ растеній содержащихъ въ себѣ крахмалъ или сахаръ. Конечно употребленіе какихъ бы то ни было спиртныхъ напитковъ въ неумѣренномъ количествѣ вредно, но въ особенности губительны тѣ изъ нихъ, которые содержатъ значительное количество алкоголя, какъ напримѣръ различные водки, приготовляемыя преимущественно изъ зерновыхъ хлѣбовъ. Когда почтенные отцы химіи описывали приготовленіе водки и почтенный Альбертъ Великій, епископъ Регенсбургскій, такъ серьезно, такъ добросовѣстно описывалъ приготовленія сладкой померанцовки, которую считалъ чуть не панацеей отъ всевозможныхъ болѣзней, они не знали какую страшную силу пускали въ свѣтъ; силу, гибельное дѣйствіе которой мы къ несчастію слишкомъ часто видимъ въ своемъ отечествѣ. Однако вредное вліяніе злоупотребленія спиртныхъ напитковъ далеко не можетъ сравниться съ послѣдствіями употребленія еще менѣе возбуждающихъ веществъ употребляемыхъ азіатскими и африканскими народами, —опіума и хашиша. Опіумъ есть сгущенный сокъ незрѣлыхъ маковокъ восточнаго мака, а хашишъ смолистое вещество, выдѣляемое коноплею, разводимою въ предтропическихъ странахъ. Оба вещества принимаютъ для опьяненія въ видѣ пилюль, и курятъ ихъ. Дѣйствіе ихъ не одинаково. Отъ опіума человѣкъ сосредоточивается въ самомъ себѣ, имъ овладѣваетъ полное равнодушіе ко всему внѣшнему, мечты создаютъ ему свой міръ наполненный самыми обольстительными образами, представляютъ ему самыя очаровательныя картины. Хашишъ, напротивъ того усиливаетъ до чрезвычайности впечатлительность ко всему внѣшнему. Размѣры предметовъ и времени кажутся увеличенными, всѣ впечатлѣнія, пріятныя и непріятныя, воспринимаются съ необыкновенною силою. Поэтому потребители хашиша стараются окружить себя всѣмъ для нихъ пріятнымъ и удалить все тягостное. Велико наслажденіе доставляемое этими страшными опьяняющими веществами, но ужасны послѣдствія ихъ употребленія, особенности опіума, который неизбѣжно губитъ человѣка попробовавшаго его употребленіе. За искусственнымъ возбужденіемъ слѣдуетъ жесточайшее изнеможеніе, полный упадокъ нравственныхъ и физическихъ силъ. Человѣкъ, чувствуя тѣмъ сильнѣе такую рѣзкую противоположность, прибѣгаетъ къ новому пріему, чтобы возвратиться къ прежнему блаженному состоянію, и тогда онъ погибъ. Нѣтъ ему возможности отстать отъ гибельной привычки, онъ теряетъ волю и власть надъ собой, онъ совершенный рабъ опіума. Пока потребитель опіума не принялъ обычнаго пріема, который приходится все болѣе и болѣе увеличивать, онъ разбитый, изнеможенный, едва владѣющій чле-

Digitized by Google

нами страдалецъ; съ пріемомъ онъ оживаетъ, становится бодрымъ здоровымъ и энергическимъ. Ни что не въ силахъ удержать отъ этой привычки, ниже самая перспектива ранней смерти въ ужасныхъ мученіяхъ, вѣрнаго послѣдствія употребленія опіума. Употребленіе его распространено въ Турціи, юго-западной Азіи, Остъ-Индіи и Китаѣ. Увѣряютъ, что на Китайцевъ опіумъ дѣйствуетъ не вреднѣе, чѣмъ на Европейцевъ употребленіе спиртныхъ напитковъ, что примѣры гибели отъ него не чаще, чѣмъ у насъ въ Европѣ отъ вина и водокъ. Но нельзя не вспомнить при этомъ что подобный разсказъ мы находимъ у доктора — Англичанина, бывшаго въ добавокъ на службѣ у Остъ — Индской компаніи. Невольно впадаешь въ сомнѣніе не старается-ли онъ извинить позорные для образованнаго народа поступки Англичанъ во время извѣстной войны за опіумъ, оружіемъ защищавшихъ право изъ-за прибыли систематически отравлять цѣлый народъ. Немудрено, что опіумъ порабощаетъ своей власти необразованныхъ, грубыхъ жителей Востока, но онъ дѣйствуетъ не менѣе сильно и на Европейца, испытавшаго его дѣйствіе. Мы имѣемъ примѣры, и примѣры взятые не изъ низшихъ классовъ народа, а изъ самыхъ образованныхъ. Англійскій поэтъ Кольриджъ и докторъ дю-Кенсей оставили письменныя свидѣтельства о страшной силѣ привычки принимать этотъ ядъ. Кольриджъ отсталъ отъ него только послѣ 20-ти лѣтъ борьбы съ самимъ собою. Поразительны признанія обоихъ названныхъ лицъ о безсиліи воли побѣдить влеченіе къ опіуму, даже постепенная отвычка отъ него требуетъ невѣроятныхъ усилій. Оба не разъ постепенно уменьшали пріемы и потомъ вдругъ снова принимались за прежніе. Таковъ этотъ страшный ядъ; хашишъ мало чѣмъ уступаетъ ему, хотя по описаніямъ отстать отъ него легче, и дѣйствіе нѣсколько менѣе разрушительно. Нельзя не желать, чтобы употребленіе этихъ веществъ было довѣрено исключительно опытнымъ рукамъ медиковъ, чтобы они не могли попадать въ руки людей могущихъ злоупотребить ими.

Интересно наркотическое вещество, употребляемое въ южной Америкѣ, и, судя по описаніямъ очевидцевъ несравненно менѣе опасное. Туземцы, а иногда и бѣлые поселенцы странъ, лежащихъ вдоль хребта Кордильеръ, жуютъ листья кустарника, называемаго кока. Дѣйствіе ихъ напоминаетъ дѣйствіе опіума. Тоже равнодушіе ко всему внѣшнему, таже сосредоточенность въ самомъ себѣ и въ образахъ, создаваемыхъ воображеніемъ, но только въ несравненно слабѣйшей степени, и поэтому нѣтъ такихъ губительныхъ послѣдствій. Неумѣренное употребленіе коки конечно губительно и можетъ обратиться въ такую же непобѣдимую привычку, какъ и употребленіе опіума, оно разслабляетъ нервную систему, а за нею и весь организмъ, но умѣренное, по увѣренію наблюдателей, даже полезно, поддерживая силы и здоровье, въ особенности на высотахъ горъ. Чуди говоритъ, что выпивъ отвара коки, онъ легко переносилъ путешествія и охоты по крутизнамъ горъ, и не чувствовалъ вреднаго вліянія разрѣженнаго воздуха горныхъ высей, какъ другіе путешественники. Туземцы употребляютъ впрочемъ кромѣ коки еще другое несравненно болѣе вредное растеніе, а именно, они пьютъ отваръ сѣмянъ краснаго дурмана. Онъ производитъ совершенное изступленіе и судороги. Индѣйцы убѣждены, что этимъ способомъ они входятъ въ сношеніе съ душами своихъ предковъ, видятъ ихъ и бесѣдуютъ съ ними.

Упомянемъ еще объ одномъ сильно одуряющемъ веществѣ, а именно о мухоморѣ,

Digitized by Google

которымъ опиваются и объѣдаются Камчадалы. Дѣйствіе его похоже на дѣйствіе хашиша, и пьянство это представляетъ такія отвратительныя подробности, что и описывать ихъ неудобно.

Мы видѣли, что потребность въ возбуждающихъ нервы веществахъ общее всему человѣческому роду, что уничтожить ее нѣтъ возможности. Что же остается дѣлать, чтобы предохранять отъ злоупотребленія ими? По нашему мнѣнію, лучшее средство, кромѣ распространенія образованія, лучшаго цѣлителя недуговъ человѣчества, это распространеніе безвредныхъ, слабо-возбуждающихъ нервы веществъ. Для нашихъ спиртныхъ напитковъ такими противуядіями служатъ два растенія, уроженецъ Китая-чай, и уроженецъ средней Африки — кофе. Намъ кажется, что эти два растенія легче могутъ побѣдить распространяющееся пьянство, чѣмъ даже общества трезвости. Примѣръ безсилія этихъ послѣднихъ отучить вовсе народъ отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, уже былъ въ западной Европѣ, гдѣ обратившіеся сначала къ нимъ во множествѣ, вслѣдствіе проповѣдей патера Метью, и его приверженцевъ, толпами стали отставать отъ нихъ и возвращаться къ прежнимъ привычкамъ. Между тѣмъ можетъ быть многимъ изъ присутствующихъ случалось замѣчать, что въ деревняхъ, гдѣ распространяется употребленіе чая, уменьшается употребленіе водки. Настой чая и кофе не только возбуждаетъ нервы, но въ тоже время питателенъ, что еще болѣе способствуетъ распространенію его употребленія. Полезно также распространеніе слабо спиртуозныхъ напитковъ, пива, меду, и виноградныхъ винъ. Словомъ, растительный міръ далъ ядъ, онъ же даетъ и противуядія.

Мы видѣли зависимость человѣка отъ растеній, дающихъ ему пищу, одежду, и вещества возбуждающія нервы. Краткость времени не позволяетъ намъ изложить подробно всѣ иныя точки соприкосновенія между человѣкомъ и растеніемъ, мы можемъ только напомнить о нихъ, такъ онѣ разнообразны и многочисленны. Кто не знаетъ участія растеній въ исцѣленіи болѣзней, которыми такъ богато разсѣевшееся по всему лицу земному, вдали отъ своей родины, а потому искусственно живущее человѣчество? Кто не вспомнитъ, что тотъ же растительный міръ даетъ намъ матерьялы и для жилищъ, и для мебели, и для посуды, и для экипажей и судовъ. Онъ участвуетъ во всей обстановкѣ нашей повседневной жизни. Понятно изъ всего до сихъ поръ сказаннаго, какую роль играетъ растительный міръ въ торговлѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что масса растительныхъ продуктовъ, переносимыхъ изъ страны въ страну торговлею, не въ примѣръ и болѣе и важнѣе чѣмъ масса животныхъ продуктовъ, ежели взять въ расчетъ всю торговлю земнаго шара. Торговля обусловливаетъ международныя отношенія, которыя поэтому зависятъ отчасти и отъ растительнаго царства. Какъ интересный примѣръ того можно привести отношенія Англіи и сѣверо-американскихъ Штатовъ. Не разъ случалось замѣчать необыкновенную уступчивость и мягкость гордой и неподатливой на уступки Англіи относительно ихъ. Причина тому хлопчатая бумага, вывозимая изъ Штатовъ и дающая работу и хлѣбъ цѣлымъ округамъ Англіи. Стѣна изъ ваты надежнѣе защищаетъ Соединенные Штаты отъ Англичанъ, чѣмъ мониторы, нарѣзныя пушки и ядра всѣхъ сортовъ.

Мы уже видѣли въ растительномъ мірѣ двухъ опасныхъ враговъ человѣчества: макъ и коноплю, но кто подумалъ бы, что между самыми низшими формами растительнаго міра, между микроскопическими грибками, мы найдемъ опасныхъ враговъ благоденствія человѣка, дѣятелей вліяющихъ

Digitized by Google

на нервы и обычаи его. Одинъ изъ нихъ губитъ шелковичныхъ червей и разворяетъ шелководовъ южной Европы, другой уничтожаетъ сборы винограда, и заставляетъ иногда вовсе оставлять виноделіе, такъ что напр. настоящая мадера есть въ нынѣшнее время мечта, и жители острова Мадеры уже нѣсколько лѣтъ какъ почти оставили виноделіе и занялись разведеніемъ кошениля, третій уничтожаетъ сборы картофеля и моритъ голодомъ несчастныхъ Ирландцевъ. Замѣтимъ между прочимъ, что голодные годы — лучшіе годы для бунтовъ и революцій, и что волненія Ирландіи подготовлены можетъ быть не только политическими причинами, но и микроскопическимъ грибкомъ.

Глубоко входитъ растительный міръ въ жизнь человѣка, и это конечно отражается и въ языкѣ его и въ вѣрованіяхъ. Сколько образовъ взяла изъ него поэзія, сколько образцевъ далъ онъ искусству. Міръ язычества, сводившій небо на землю, вездѣ и всюду бралъ изъ растительнаго міра аттрибуты своихъ боговъ, и обоготворялъ самыя растенія; изъ растительнаго же міра беретъ эмблемы и христіанство возвышающее человѣка до неба. Бѣлую лилію, символъ чистоты, даемъ мы въ руки архангела — благовѣстника, пальмы — въ руки мучениковъ, а на крестъ, стоящій на могилѣ милыхъ нашему сердцу, мы надѣваемъ вѣнокъ изъ неувядающихъ цвѣтовъ, символъ нашей вѣры въ безсмертіе ихъ, надежды, что разлука съ ними лишь временная.

Мы видѣли зависимость человѣка отъ растенія, зависимость неизбѣжную и благодѣтельную. Но ежели человѣкъ, вслѣдствіе ли скудости даровъ природы, вслѣдствіе ли неразвитости зависитъ исключительно отъ одного какого нибудь растенія, тамъ онъ становится съ нимъ въ такое же отношеніе, какъ ниже его стоящія животныя.

Перенесемся мысленно въ антиподамъ, въ южное полушаріе. Передъ нами громадный материкъ, величиною съ цѣлую Европу, гдѣ мы находимъ все точно на изворотъ противъ нашего, гдѣ въ рѣчкахъ плаваютъ звѣри съ утиною мордою, а на озерахъ разгуливаютъ черные лебеди, гдѣ рѣки текутъ отъ береговъ въ средину материка, и оканчиваются болотами, гдѣ листья на деревьяхъ стоятъ ребромъ къ верху и лѣсъ не даетъ тѣни, и деревье періодически теряютъ кору какъ у насъ листья, гдѣ богатыя растительностью пространства очередуются съ сотнями лишь песчаныхъ, каменистыхъ и соляныхъ степей, гдѣ неподвижный воздухъ оставляетъ нетронутыми по 40 лѣтъ слѣды колесъ на сыпучемъ пескѣ, а жаръ таковъ, что упавшая на полъ спичка загорается. Это новая Голландія. На всемъ этомъ материкѣ нѣтъ растенія, которое бы давало съѣдобный плодъ болѣе вишни величиною. Только одно хвойное дерево, Араукарія Бидвилля (Araucaria Bidwillii) скрываетъ въ своихъ крупныхъ шишкахъ значительное количество сѣмянъ, могущихъ пропитать человѣка. Ею живутъ жалкіе дикари, отребье человѣчества, туземцы этой страны, не представившей никакихъ данныхъ для развитія его. Случись въ какой либо мѣстности неурожай шишекъ Араукаріи и толпы дикарей переселяются въ края, гдѣ ихъ уродилось, какъ въ Сибири бѣлки переселяются стадами при неурожаѣ кедровыхъ шишекъ.

Перенесемся снова мысленно въ иной край. Передъ нами огромная рѣка, дельтою впадающая въ море; кругомъ зыбкая болотная почва, поросшая мангмеми; по мѣстамъ высятся красивыя пальмы. Это-дельта Ориноко и пальма Мавриція. Гварауны, дикое племя, населяющее эту мѣстность, независимые благодаря своимъ болотамъ, по которымъ одни они умѣютъ пробираться,

Digitized by Google

живутъ дарами этого дерева. Они ѣдятъ его плоды, вершинную почку и крахмалъ находящійся внутри ствола, пьютъ вино, приготовляемое изъ его сока, кроютъ хижины его листьями, вьютъ веревки изъ волоконъ, добываемыхъ изъ нихъ. Наконецъ во время разлива рѣки, когда вся окрестность представляетъ огромное озеро, Гварауны живутъ на этомъ деревѣ. Между нѣсколькими пальмами устроивается висячій помостъ, его вымазываютъ глиною, и вечеромъ путешественникъ съ удивленіемъ видитъ ряды огней, висящихъ въ воздухѣ надъ разливомъ. Здѣсь человѣкъ также связанъ въ своемъ существованіи съ деревомъ какъ насѣкомое, питающееся исключительно однимъ видомъ растеній и гибнущее съ уничтоженіемъ его въ какой либо мѣстности. Человѣкъ становится въ такомъ же отношеніи къ растенію какъ какой нибудь жукъ, это уже не зависимость, а рабство. Одна изъ задачъ культуры и есть вырывать человѣка изъ этого унизительнаго рабства растенію, и напротивъ того дать человѣку власть надъ растеніемъ, насколько это дозволяютъ законы природы.

А. Петровскій.

Digitized by Google

ЗНАЧЕНІЕ КРАНІОЛОГІИ.

Мм. Гг.

На будущей нашей выставкѣ публика встрѣтитъ отдѣлъ, который (какъ это можно положительно сказать даже и теперь, не боясь ошибиться) будетъ принятъ очень холодно ею, который будетъ даже казаться ей прибавкомъ, безъ котораго удобно было бы обойтись. Рядомъ съ картиною человѣка въ его естественной обстановкѣ, въ различныхъ мѣстностяхъ будетъ нѣкоторое подобіе кладбища, въ которомъ сложитъ свои останки тотъ же человѣкъ, различныхъ мѣстностей и племенъ. Рядомъ съ картиною жизни, будетъ и картина конечнаго результата ея—смерти, представляемой скелетами и препаратами. Если философъ можетъ быть и найдетъ это назидательнымъ, то большинство естественно предпочло бы ограничиться только картиною жизни. Печальный отдѣлъ этотъ будетъ антропологическій, и мнѣ выпало на долю, если не постараться заинтересовать имъ, успѣхъ въ чемъ болѣе чѣмъ сомнителенъ, то, по крайней мѣрѣ, убѣдить въ законности появленія этого отдѣла на самой выставкѣ, такъ какъ этотъ отдѣлъ существенъ для той цѣли, къ которой стремится она, съ которою задумана и осуществлена; цѣль эта—всестороннее изученіе человѣка, изученіе естественноисторическое и бытовое.

Въ ученомъ мірѣ въ послѣднее время замѣчается одинъ фактъ, не лишенный интереса; этотъ фактъ состоитъ въ томъ, что въ разныхъ мѣстахъ Европы образуются ученые кружки, выдвигающіе науку, если не новую по ея задачамъ и цѣли, то новую потому, что она до того лежала въ архивѣ и не обращала на себя общественнаго вниманія. Наука эта—антропологія, или наука о человѣкѣ, преимущественно по однимъ, и исключительно по мнѣнію другихъ, наука естественноисторическая. Какъ будто сговорились люди разныхъ странъ и разныхъ до того спеціальностей ввести въ моду старое дѣтище въ новомъ платьѣ, въ новомъ покроѣ. Дѣйствительно модою и новинкою объясняютъ себѣ это «влеченье, родъ недуга» къ антропологіи агитаторовъ въ пользу ея какъ тѣ, которые не очень затрудняются въ пріисканіи причинъ для общественныхъ явленій, такъ и тѣ, которые, на основаніи своихъ сложившихся уже убѣ-

Digitized by Google

жденій, не сочувствуютъ начинающемуся дѣлу. Но стоитъ только подумать немножко побольше надъ происходящимъ и побезпристрастнѣе отдать себѣ отчетъ въ немъ, чтобы усомниться въ модѣ, какъ причинѣ сказаннаго явленія. Самая мода только въ массѣ является необъяснимою, повидимому, прихотью, но въ сущности и мода имѣетъ своимъ основаніемъ вовсе не безотчетное увлеченіе, и это очень хорошо знаютъ тѣ, которые прямо и матеріально заинтересованы въ ходѣ моды и которые «лансируютъ» ее, если употребить техническое выраженіе, въ массу. Если это такъ въ обыденной жизни, если это замѣчается въ явленіяхъ вкуса и произвола, то мода, какъ увлеченіе и прихоть, еще меньше имѣетъ мѣста въ наукѣ. Когда начало новаго движенія въ наукѣ полагаютъ такія личности какъ Ретціусъ, Бэръ, Брока, Гисъ, Велькеръ и другіе, тогда это движеніе образуется въ новое направленіе въ наукѣ, въ новую школу въ ней. Тогда такое направленіе имѣетъ глубокіе корни и основывается на законахъ развитія науки, вызывается дѣйствительными требованіями ея. Такое движеніе коснулось и нашего новаго Московскаго Общества Естествознанія и оно сознательно пошло по пути той «моды», начало которой въ Россіи составляетъ и составитъ одну изъ многихъ заслугъ К. М. Бэра.

Изученіе человѣка, даже и въ физическомъ отношеніи, всегда интересовало человѣка, въ особенности изученіе отличныхъ отъ насъ племенъ. Но для такого изученія мало одного, такъ сказать, интереса; нужны благопріятныя условія для него и средства; нужна извѣстная подготовка для того общества и его условій; нужно, наконецъ, чтобы и сама наука дошла до яснаго сознанія того, что желательно, и какъ можно достигнуть этого желательнаго. Условій всѣхъ этихъ до послѣдняго времени не существовало и потому антропологія и оставалась «im Werden», какъ говорятъ нѣмцы. Нашему времени выпала доля дорости до возможности ученой разработки антропологическихъ вопросовъ. Успѣхи наукъ естественныхъ, съ ихъ точнымъ и положительнымъ методомъ изслѣдованія, достаточно подготовили общество къ тому, чтобы оно могло съ необходимымъ безпристрастіемъ и достаточною сдержанностію отнестись къ изученію человѣка. Нашъ научный горизонтъ достаточно опредѣлителенъ для того, чтобы при изслѣдованіи человѣка не впасть въ ошибку древнихъ и видѣть въ вопросахъ тѣла конечные вопросы человѣческой сущности и жизни, чтобы избѣгнуть и воззрѣній средневѣковыхъ, считая человѣка существомъ стоящимъ внѣ природы, въ антагонизмѣ съ нею. Какъ ни тривіально просто кажется положеніе, въ которомъ мы убѣждаемся ежедневно, что жизнь человѣка состоитъ изъ двухъ факторовъ: проявленій жизни тѣлесной и духовной; какъ ни охотно сознаемъ мы это въ обыденной жизни и при болѣзни, но при всемъ этомъ мы не прочь измѣнить тотчасъ же нашъ взглядъ, когда коснется дѣло изученія человѣка. Мы охотно съуживаемъ значеніе изученія человѣка какъ органическаго тѣла и не прочь умышленно сдѣлать его поверхностнымъ. Цѣль наша при этомъ хороша: воспитать сознаніе человѣка исключительно какъ существа жизни духовной и нравственной, но наши усилія не достигаютъ своей цѣли; потому что тѣло постоянно заявляетъ свои права на насъ, и тѣмъ больше напоминаетъ намъ о себѣ, чѣмъ меньше обращаемъ мы на него вниманія. Эти крайности во взглядахъ на изученіе человѣка сгладились въ наше время на столько, что сдѣлали возможнымъ безпристрастное отношеніе къ вопросу о

Digitized by Google

значеніи организаціи для человѣка и вслѣдствіе этого явились и необходимыя условія для того, чтобы въ обществѣ могла быть принята антропологія какъ наука, а не какъ вредный и односторонній агитаторъ.

И такъ явились въ общественной жизни условія, благопріятныя для появленія антропологіи и сдѣлавшія ее возможною; но она бы еще долго не появилась, если бы сама наука не дошла въ своихъ результатахъ до необходимости удѣлить большій интересъ и большее вниманіе изученію человѣка съ естественно-исторической точки зрѣнія. Послѣдовательность развитія наукъ и нашихъ знаній вообще не представляется случайною, но развивается органически, подобно тому, какъ развивается самый организмъ человѣка, какъ развивается его исторія. То, что служитъ средствомъ, должно развиться прежде цѣли, то, что составляетъ основаніе, должно окрѣпнуть прежде, чѣмъ сдѣлается возможною закладка вершины. Вопросы, касающіеся человѣка, принадлежатъ къ самымъ сложнымъ и труднымъ вопросамъ, и для рѣшенія ихъ необходимо, чтобы другія естественныя науки достигли значительнаго совершенства; только тогда они станутъ средствомъ, достаточно надежнымъ для антропологіи, только тогда эта послѣдняя въ своихъ выводахъ можетъ опереться на выводы первыхъ и начать свое развитіе. И такъ для возможности серьозной антропологіи требуются и серьозные успѣхи, и значительное совершенство въ методахъ и выводахъ тѣхъ наукъ, которыя служатъ ей основаніемъ.

Достаточная подготовка общества и большіе успѣхи основныхъ наукъ естествознанія сдѣлали возможнымъ появленіе антропологіи какъ науки положительной, строго-опредѣленной. Но кромѣ того, или лучше сказать вслѣдствіе того, явились нѣкоторыя обстоятельства, сдѣлавшія появленіе интереса къ антропологіи какъ науки въ наше время необходимымъ; явились условія, которыя естественно должны были сосредоточить вниманіе на естественно—исторической сторонѣ человѣка. Главнѣйшими условіями въ этомъ отношеніи были: во 1) нахожденіе доисторическаго населенія, сохранившагося въ своихъ остовахъ и во 2) нахожденіе въ самыхъ остовахъ основаній для изслѣдованія ихъ на столько серьозныхъ и точныхъ, что ими значительно расширялась область естествознанія и непосредственно переходила въ другую область знаній, область историческую. Оказалось, что толщи земныя, что могилы заключаютъ въ себѣ останки человѣка, говорящіе не только то, что человѣкъ былъ болѣе давнимъ обитателемъ земли, чѣмъ предполагали, но и то, что эти останки несутъ рѣзкія характерныя черты особаго населенія, особаго племеннаго характера. Дознаніе доисторическаго человѣка, изученіе останковъ бронзоваго и каменнаго вѣка не только по своему интересу и важности стало вопросомъ интересующимъ общество, но также вопросомъ, который прямо велъ къ признанію необходимости болѣе тщательнаго, болѣе подробнаго изученія человѣка въ антропологическомъ отношеніи, и преимущественно со стороны его скелета. Открылись незнаемые дотолѣ обитатели земли, почтенные по той глубокой древности, въ которой жили они исторія ничего не знаетъ, ничего не говоритъ о нихъ. Все въ нихъ загадка, и ихъ судьба, и ихъ бытъ. Но человѣкъ не можетъ по самой своей сущности довольствоваться загадками; если вопросъ возбужденъ, онъ долженъ быть рѣшенъ, или, по крайней мѣрѣ, должно быть выполнено все возможное для его разрѣшенія. Нѣтъ историческихъ сказаній, но за то есть орудія этихъ людей; нѣтъ указаній на то, что это были за люди, но есть остовъ ихъ, и онъ дол-

Digitized by Google

женъ сказать все, что только можетъ быть высказано имъ. И стала наука по необходимости, такъ сказать, изучать, сравнивать если не остовы, то, по крайней мѣрѣ, черепа различныхъ племенъ, чтобы въ нихъ найти буквы, которыми можно было бы уяснить себѣ доисторическаго человѣка; наука въ современныхъ черепахъ старалась найти ключъ къ гіероглифамъ, представляющимся въ доисторическихъ черепахъ. Ключъ этотъ уже былъ найденъ въ наблюденіи Ретціуса; онъ былъ усовершенствованъ Бэромъ и другими антропологами. Наблюденіе Ретціуса очень просто: онъ замѣтилъ, что черепа представляютъ два существенно различные типа: типъ короткій и типъ длинный, и что отношеніемъ наибольшей длины черепа къ наибольшей ширинѣ его дается такая характеристика, которая можетъ лечь даже въ основаніе дѣленія племенъ. Существенное вліяніе на антропологію Ретціуса было то, что до него если и сравнивали черепа, то только у племенъ, одаренныхъ особенно выдающимися различіями; онъ сталъ сравнивать черепа не однѣхъ только большихъ расъ, но и племенъ, и сравнивать ихъ по соотношенію ихъ размѣровъ. Изученіе соотношеній размѣровъ черепа и обработка методовъ полученія самыхъ размѣровъ сдѣлали содержаніе краніологіи удовлетворяющимъ требованіямъ естественно-исторической науки вообще, и потому она и заняла мѣсто въ числѣ наукъ.

И такъ изученіе доисторическаго человѣка выдвинуло, какъ необходимое, изученіе костяка племенъ и придало антропологическимъ вопросамъ общій интересъ. Усовершенствованіе методовъ изслѣдованія черепа и вообще антропологической стороны человѣка, дало антропологіи строго научную форму. Явилась нужда въ самой антропологіи какъ наукѣ, явилась нужда также въ новыхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ изслѣдованіяхъ о племенахъ, изслѣдованіяхъ, которыя бы удовлетворяли новымъ методамъ, новому уровню антропологіи. Когда является насущная потребность въ изслѣдованіяхъ какого либо рода въ наукѣ вслѣдствіе недостатка ихъ, когда открывается новое заманчивое поле для дѣятельности, то естественно сосредоточеніе силъ на этомъ поприщѣ. Антропологія въ настоящее время представляетъ вновь открытый золотой пріискъ, въ которомъ на каждомъ шагу можно разсчитывать на богатыя находки, на интересные выводы. Само собою понятно теперь, почему въ этой области замѣчается усиленная дѣятельность, усиленный интересъ. Антропологія теперь переживаетъ то возбужденное состояніе молодости, эпохи энергическихъ усилій и смѣлыхъ предпріятій, которую уже пережили сравнительная анатомія и недавно еще эмбріологія. Въ антропологіи вездѣ можно прокладывать новые пути, а потому люди болѣе смѣлые и предпочитаютъ слѣдовать скорѣе по нимъ, чѣмъ по готовымъ, обдѣланнымъ и менѣе безопаснымъ путямъ уже окончательно установившихся наукъ.

Усиленіе интереса къ антропологіи вызвало въ послѣднее время и усиленное собираніе череповъ и составленіе краніологическихъ собраній. Собираніе череповъ произошло какъ отъ того, что расовыя отличія преимущественно и всего нагляднѣе выражается на черепѣ, такъ и отъ того, что собираніе и храненіе череповъ на практикѣ представляетъ и сравнительно большую легкость, чѣмъ собираніе полныхъ скелетовъ, не говоря уже о препаратахъ мягкихъ частей организма нынѣ живущихъ племенъ, для полученія которыхъ нужны и особенныя благопріятныя условія, и значительныя средства, какъ матеріальныя, такъ и техническія. Собираніе череповъ вообще не есть, впрочемъ, особенность нашего вре-

Digitized by Google

мени; оно происходило давно и давно уже существуютъ собранія ихъ; характеристичнымъ для нашего времени является только цѣль собиранія, т. е. характеристично только особеонне развитіе краніологическихъ собраній. По цѣли собиранія коллекціи череповъ можно раздѣлить на три группы: анатомическія (къ которымъ можно отнести и патологическія собранія), френологическія и краніологическія.

Анатомическія собранія существуютъ уже издавна. Цѣль ихъ служить уясненіемъ типа строенія человѣческаго черепа вообще и частей, входящихъ въ составъ его, равно какъ и показать тѣ видоизмѣненія въ общемъ и частяхъ, которыя замѣчаются при различныхъ условіяхъ организма болѣе или менѣе нормальныхъ или патологическихъ. Анатомъ изучаетъ черепъ человѣка какъ органъ, имѣющій важное значеніе, какъ въ физіологической жизни человѣка, такъ и въ патологическихъ, болѣзненныхъ проявленіяхъ ея. Анатомъ изучаетъ черепъ человѣка какъ представителя типа и потому всѣ его изысканія группируются около типической формы, составляющей центръ, около котораго въ видѣ дополненія группируются формы уродственныя и болѣзненныя, нужныя для анатоміи какъ основанія медицины. Для анатома важнѣе всякая небольшая часть, всякая мелочь, вліяющая на жизнь и отправленіе черепа какъ органа, но анатомъ только для полноты, изъ простой любознательности, пополняетъ свою программу тѣми, съ его точки зрѣнія несущественными видоизмѣненіями, которыя представляютъ различныя племена. Изъ сказаннаго вытекаетъ существенная разница между собраніями анатомическими и краніологическими, цѣли которыхъ почти прямо обратны. Для анатома важенъ черепъ и важны тѣ его особенности, которыя типичны, характерны для человѣка, разсматриваемаго вообще; для краніолога важны только тѣ черепа, которые по своимъ постоянымъ особенностямъ типичны для племенъ. Для анатома важны тѣ видоизмѣненія, которыя такъ или иначе вліяютъ на черепъ какъ органъ, и факты оцѣниваются имъ сообразно этой точки зрѣнія; краніологъ напротивъ смотритъ только на то, что можетъ служить ему характеристическимъ отличіемъ для классификаціи череповъ по племенамъ. Послѣднему въ каждомъ черепѣ нѣтъ вовсе дѣла до того, что обще всѣмъ моделямъ, что составляетъ существенную принадлежность его: онъ останавливается только на томъ, что выходитъ по своей племенной особенности изъ общаго типа и даетъ постоянное различіе. Если краніологъ и обращаетъ вниманіе на уродства и патологическіе случаи, то только для того, чтобы исключить ихъ изъ своихъ соображеній и чтобы не ввести себя этими формами въ какое либо заблужденіе. Изъ этой разноты цѣли и вытекаетъ то, что факты первостатейной важности для анатома вовсе не важны для краніолога, и на оборотъ. Для анатома важенъ составъ черепа, для краніолога его форма. Понятно, что это различіе въ цѣляхъ изученія черепа анатомами и краніологами выражается и въ различіи характера собраній анатомическихъ и краніологическихъ. Различіе въ цѣляхъ и пріемахъ вызываетъ всего чаще у анатомовъ сожалѣніе о томъ трудѣ, который прилагаютъ краніологи къ изученію черепа съ тѣхъ сторонъ его, кои для широкой и уже окончательно установившейся анатомической точки зрѣнія кажутся мелкими и не могущими дать важныхъ выводовъ. Этимъ объясняются и тѣ взгляды, подъ часъ добродушно насмѣшливые, а подъ часъ и ѣдко насмѣшливые, которые бросаютъ часто анатомы на кропотливый трудъ краніологовъ. Одинъ извѣстный анатомъ въ Германіи далъ

Digitized by Google

себѣ трудъ составить коллекцію такъ называемую псевдо-расовую изъ ненормальныхъ череповъ жителей одной мѣстности, и любитъ смущать краніологовъ тѣмъ, что представляетъ имъ черепъ съ особенностями какой нибудь расы и прибавляетъ, что эти расы собраны между Нѣмцами. Для незнакомаго съ состояніемъ краніологіи такое собраніе говоритъ сильно противъ краніологіи, но для краніолога собственно оно не представляетъ ничего смущающаго. Варіаціи череповъ представляютъ большое подобіе тому, что представляютъ намъ метеорологическія наблюденія: кажущуюся неправильность, отрывочныя явленія, повидимому, совершенно случайныя, если ихъ разсматривать отдѣльно, и строгій законъ, большую опредѣленность, если принять во вниманіе всѣ факторы, обусловливающіе явленіе. Отдѣльный черепъ и нѣсколько отдѣльно, отрывочно взятыхъ череповъ не говорятъ ничего, кажутся случайностію, или даже могутъ привести къ ложнымъ выводамъ; но если взять достаточную сумму череповъ, если собрать относительно нихъ матеріалъ, дѣлающій возможнымъ сравненія по поламъ и возрастамъ, удовлетворительный по выдѣленію болѣзненныхъ, или вообще не нормальныхъ представителей, если ограничиться черепами, не взятыми случайно, но принадлежащими несомнѣнно извѣстному племени, тогда результатъ будетъ другой, и тогда только и можетъ быть то, что заслуживаетъ имени результата. Слѣдовательно псевдорасовыя коллекціи хороши развѣ тѣмъ, что рельефно указываютъ необходимость большаго числа наблюденій для рѣшенія краніологическихъ вопросовъ и что они предупреждаютъ противъ увлеченій, рекомендуя быть осторожными и наглядно совѣтуя не позволять себѣ скорые выводы.

Краніологическія коллекціи существенно отличаются и отъ френологическихъ, хотя убѣжденіе въ этомъ различіи еще не составляетъ общаго достоянія. Относительно френологіи каждый считаетъ себя вполнѣ свѣдущимъ, кто знаетъ, что френологія состоитъ въ опредѣленіи по возвышеніямъ на черепѣ способностей и наклонностей человѣка. Но не вся сущность френологіи въ шишкахъ черепа, недостаточность которыхъ для опредѣленія способностей человѣка доказывается и въ водевиляхъ и въ юмористическихъ разсказахъ. Если френологія и занимала многихъ потому только, что даетъ надежду по формѣ головы узнать хотя немножко чужую душу, до чего каждый человѣкъ немножко падокъ, то люди, полагавшіе основанія френологіи, люди, серьозно занимавшіеся ею, если и ошибались во многомъ, то въ основаніе своихъ ошибокъ клали рядъ размышленій очерь серьозныхъ. Галля можно считать по справедливости основателемъ френологіи, хотя этотъ терминъ и введенъ былъ впервые Форстежомъ. Самъ же Галль не принималъ ни этого термина, ни названія «краніоскопіи» такъ какъ считалъ ихъ недостаточными. «Предметъ моихъ изслѣдованій, говоритъ Галль, есть мозгъ, черепъ же входитъ въ нихъ по стольку, по сколькуонъ является вѣрнымъ отпечаткомъ послѣдняго, а потому черепъ составляетъ только часть главной задачи. Названіе краніоскопіи для моихъ изслѣдованій было бы на столько же односторонне, на сколько односторонне было бы назвать поэта риѳмоплетомъ». Основанія, данныя Галлемъ для френологіи, слѣдующія: мозгъ есть органъ духа и его можно назвать организмомъ, такъ какъ онъ состоитъ изъ многихъ органовъ, служащихъ для различныхъ проявленій духа. Необходимо разсматривать мозгъ за сложный организмъ, за совокупность отдѣльныхъ, но тѣсно другъ съ другомъ связанныхъ орга-

Digitized by Google

новъ, а это доказывается соображеніями анатомическими, физіологическими и патологическими. А) Анатомическія: 1) чѣмъ сложнѣе проявленіе психической жизни у животныхъ, тѣмъ сложнѣе и мозгъ, 2) различіе строенія мозга у животныхъ, представляющихъ различіе способностей, 3) сравненіемъ съ другими системами органовъ, у которыхъ является тѣмъ большая сложность органа, чѣмъ сложнѣе отправленіе. В) Физіологическія: 1) различныя отправленія у животныхъ идутъ параллельно съ нахожденіемъ различія и въ его органахъ, а потому если одно животное имѣетъ съ другими различныя психическія проявленія, то это заставляетъ предполагать и различіе въ мозгѣ, каковое различіе было бы необъяснимо, если бы каждое особенное проявленіе психической жизни не соотвѣтствовало особенной части мозга; 2) это же доказывается и тѣмъ, что отдѣльныя особи одного вида имѣютъ различныя степени способностей; 3) что прирожденныя способности различныя; 4) что различныя способности появляются неодновременно (мы знаемъ, что и мозгъ развивается постепенно) и исчезаютъ тоже неодновременно; 5) геній рѣдко бываетъ всеобъемлющимъ, но является или тонкопоэтическимъ или музыкальнымъ, научнымъ и т. д. 6) умственное напряженіе истощаетъ не всѣ проявленія умственной дѣятельности одновременно, но можно устать для одной работы и быть способнымъ еще къ другой; 7) различіе способностей мужчины и женщины можетъ быть объяснено только приниманіемъ мозга за сложный органъ. С) Патологическія: 1) Проявленіе душевныхъ болѣзней и ихъ леченіе показываютъ, что существуютъ нѣсколько отдѣльныхъ органовъ психической жизни, такъ какъ болѣзнь можетъ поразить извѣстныя отправленія, оставивши остальныя нормальными или даже усиливъ ихъ, какъ это замѣчается у сумасшедшихъ. По мнѣнію Галля исповидѣнія, и частный идіотизмъ, и, наконецъ, сомнамбулизмъ объясняются только тѣмъ, что одни органы мозга дѣйствуютъ, тогда какъ другіе недѣятельны. Всѣ указанные факты необъяснимы, если принять мозгъ за одинъ органъ, а не за совокупность многихъ.

И такъ, по мнѣнію Галля, мозгъ есть организмъ и состоитъ изъ совокупности органовъ, соотвѣтствующихъ кореннымъ первоначальнымъ душевнымъ свойствамъ. Какія же это свойства? Я укажу здѣсь только на нѣкоторыя изъ нихъ. Во 1-хъ Влюбчивость и матеріальная любовь; органъ ея есть мозжечекъ. Подобно этому чувству онъ доразвивается только съ годами; онъ развитъ особенно сильно у тѣхъ животныхъ, у которыхъ развита и эта наклонность. 2) Семейная любовь имѣетъ органъ между вершиною стрѣловиднаго шва и мозжечкомъ, потому во 1) что особенно онъ развитъ у женщинъ и дѣтей и между животными, особенно у тѣхъ, у которыхъ только мать заботится о семьѣ, напримѣръ у курицы, у коровы; часть эта развита мало у пѣтуха и быка и, вообще говоря, у мужчинъ и не встрѣчается у кукушки, крокодила и т. д. Чѣмъ больше какой либо органъ мозга, тѣмъ большее и его проявленіе, слѣдовательно и наоборотъ: развитіе какой нибудь способности вызываетъ развитіе органа. Такъ какъ форма мозга обусловливаетъ и форму черепа и его стѣнки моделлируются, такъ сказать, по мнѣнію Галля, по мозгу, то слѣдовательно на черепѣ отражается и относительное развитіе соприкасающихся съ нимъ органовъ мозга, а слѣдовательно по черепу, по его развитію на мѣстахъ, соотвѣтствующихъ положенію различныхъ органовъ душевной жизни, можно заключать и о развитіи способностей этой послѣдней.

Digitized by Google

Такимъ рядомъ воззрѣній положилъ Галль начало френологіи, начало френологическимъ коллекціямъ. Изъ сказаннаго понятно, что эти коллекціи имѣли совершенно своеобразный составъ и своеобразную цѣль. Въ нихъ, главнымъ образомъ, собирались черепа людей, отличавшихся какою либо своеобразною способностью, какимъ либо своеобразнымъ развитіемъ частей черепа. Черепа преступниковъ, маніаковъ и т. п. исключительныхъ личностей занимали самое видное мѣсто, потому что у этихъ людей можно было надѣяться найти въ наиболѣе ясномъ развитіи отпечатокъ тѣхъ органовъ на черепѣ, которые соотвѣтствовали особенностямъ ихъ психической жизни. Черепа изучались не по скольку они типичны и обще въ данной мѣстности и данномъ племени, не по скольку они отличаются по общей формѣ, по соотношенію своихъ размѣровъ, а по скольку они разнятся по относительному развитію тѣхъ частей, которыя считались соотвѣтствующими первичнымъ органамъ мозга. Было время, когда френологія была въ большомъ ходу, когда не нее полагали большія надежды. Ее прилагали къ изученію древнихъ историческихъ череповъ и думали найти въ нихъ разъясненіе характера тѣхъ исчезнувшихъ народовъ, которымъ они принадлежали. Думали, что френологіею можно воспользоваться при воспитаніи дѣтей, узнавъ по черепу, какая способность у нихъ особенно развита и можетъ быть съ пользою развиваема, и какая должна быть перевоспитываема. Наконецъ питали надежду, что, изучивъ голову своего ближняго, можно узнать—будетъ ли онъ вѣрнымъ другомъ или коварнымъ врагомъ. Всѣ эти надежды придавали интересъ френологіи, плодили для нея диллетантовъ; но все это, кромѣ нѣсколькихъ вѣрныхъ мыслей, хотя и выраженныхъ въ невѣрной формѣ, разлетѣлось передъ холоднымъ изслѣдованіемъ науки. Френологія въ ея классической формѣ въ настоящее время не есть наука и имѣетъ только по преимуществу историческій интересъ: она существенно различается и по цѣли и по методу отъ краніологіи.

Краніологія изучаетъ типъ черепа у племени, какъ характеристическую черту его; она основывается, главнымъ образомъ, на изученіи среднихъ чиселъ, средняго черепа племени; она вытекаетъ изъ той части антропологіи, которая носитъ названія ученія о пропорціяхъ человѣческаго тѣла. Ученіе это получило свои первѣйшія основы не изъ ученаго изученія человѣка, а вышло изъ художественныхъ потребностей; корни его не въ холодно анализирующей мысли ученаго, но въ поэтическомъ созерцаніи художника. Вопросомъ, вызвавшимъ это ученіе, былъ тотъ: какія пропорціи человѣческаго тѣла наиболѣе соотвѣтствуютъ типу красоты человѣка. Тому уваженію, которое оказывали Греки красотѣ въ природѣ и въ произведеніяхъ искусства, обязаны мы первыми зачатками ученія о пропорціяхъ. Греки первые выяснили, что изящество формы выражается въ опредѣленномъ соотношеніи частей и въ извѣстныхъ относительныхъ размѣрахъ ихъ. Какъ ни далеки, повидимому, эстетика и сухія цифры другъ отъ друга, но Греки поняли своимъ художническимъ инстинктомъ, что числа и ихъ гармоническое сочетаніе есть основаніе того эстетическаго удовольствія, которое доставляетъ намъ пластика человѣческаго тѣла. «Художникъ, говоритъ Плутархъ, не выпускаетъ линейки, отвѣса, масштаба и постоянно прибѣгаетъ къ числамъ, чтобы не допустить въ свои произведенія случайности и произвола». Въ то время какъ философы объяснили теоретически, въ чемъ состоитъ красота, какую связь она имѣетъ съ формою и числомъ, художники, и пре-

Digitized by Google

имущественно скульпторы, старались дать практическую схему тѣхъ пропорцій человѣческаго тѣла и его различныхъ частей, которыя могутъ назваться типичными съ точки зрѣнія красоты и идеала ея въ человѣческомъ тѣлѣ. Поликлетъ даетъ схему и дѣлаетъ модель статуи, долженствующей служить образцомъ для художника; его взгляды пользовались такою славою, что по словамъ Эліана «образцы соперниковъ Поликлета суть произведенія искусства, тогда какъ его образецъ ость самоолицетворенное искусство». За древними и вплоть до нашихъ временъ идетъ цѣлый рядъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлію указать правила для художественнаго выполненія человѣческихъ изображеній. Вездѣ во всѣхъ этихъ произведеніяхъ ищется норма размѣровъ для человѣка вообще, для человѣческаго типа, и при томъ для типа красоты по преимуществу. Всѣ эти изслѣдованія основываются на томъ положеніи, что размѣры тѣла человѣческаго и его частей суть нѣчто постоянное, строго опредѣленное, математическая формула.

Это же убѣжденіе руководитъ и антропологомъ при его изученіи размѣровъ человѣка, но хотя исходная точка у него одна и таже съ художниками, но цѣль различна; антропологу важно знать — представляютъ ли соотношенія размѣровъ у различныхъ племенъ какія либо особенности, могутъ ли они дать какую либо характеристическую черту для племени. Ему нужно не единство типа человѣческаго рода и не тѣ размѣры этого типа, которые соотвѣтствуютъ наиболѣе эстетическимъ требованіямъ; для него важнѣе самыя неэстетическія соотношенія, если только они характеристичны. Отъ этого кореннаго различія въ цѣли художниковъ и антропологовъ происходитъ то явленіе, что, напримѣръ, художникъ при изображеніи какого нибудь племени, отличающагося какимъ нибудь замѣтнымъ безобразіемъ, всегда, вслѣдствіе своего художническаго чувства, старается подкрасить, улучшить природу по своимъ идеаламъ. Отъ этого происходитъ также и то, что антропологъ часто остается недоволенъ самымъ художественнымъ антропологическимъ изображеніемъ потому только, что оно украшено, что оно не рабская копія природы, а испорчено различными эстетическими соображеніями. Это различіе во взглядѣ художника и естествоиспытателя выражается всегда и вездѣ и вызываетъ разногласіе, различіе въ сужденіяхъ; оно высказалось и при устройствѣ манекеновъ на нашей этнографической выставкѣ.

Ученіе о пропорціяхъ человѣческаго тѣла хотя и имѣетъ въ основѣ своей математическія величины, опредѣленныя числа, а слѣдовательно и одно фактическое основаніе, но выводы изъ этого основанія, способы полученія этихъ выводовъ различны. Что нужно принять за основную величину для опредѣленія пропорцій тѣла, за такъ называемый модуль или органическую единицу? Одни принимаютъ голову, другіе длину лица, третьи длину ступни и такъ далѣе. Карусъ — въ своей «Symbolik der menschlichen Gestalt» — принимаетъ за такой модуль $^1/_3$ длины позвоночнаго столба, такъ какъ длина позвоночнаго столба новорожденнаго составляетъ величину равную $^1/_3$ взрослаго, и притомъ величину, къ которой легко подвести всѣ остальные органы. Карусъ выражаетъ размѣры тѣла слѣдующимъ образомъ:

Продольный діаметръ головы.	1	модуль.
Высота головы (безъ нижней челюсти).	1	»
Наибольшая окружность	3	»
Позвоночный столбъ.	3	»
Длина грудины.	1	»
Отъ грудины до средины живота.	1	»

Digitized by Google

Низъ живота	1	модулъ.
Ширина таза	1	»
Длина верхней конечности	3	»
Длина руки	1	»
Длина голени	2	»
Вся длина тѣла или ростъ	9½	»

У Каруса каждый органъ человѣческаго тѣла получается только относительно этого модуля или органической единицы.

Другіе выражаютъ размѣры иначе, и въ особенности антропологи. Они берутъ весь ростъ, принимаютъ его равнымъ 1000 и потомъ вычисляютъ, какую долю этой 1000 составляютъ отдѣльныя части тѣла. Напр. длина позвоночника и конечностей. Такимъ образомъ получаются соотношенія, выражающіяся въ числахъ, основанныхъ не на извѣстной органической мѣрѣ или модулѣ а на постоянной опредѣленной математической единицѣ. Методъ Каруса имѣетъ въ виду типъ организма и потому соотвѣтствуетъ больше требованіямъ и методу художниковъ. Послѣдній методъ имѣетъ цѣлію указать опредѣленную величину, математическую формулу соотношеній, и основывается на математической единицѣ, и потому выражаетъ требованія антропологовъ.

Мы можемъ спросить себя еще о томъ въ ученіи о пропорціяхъ: въ какой же послѣдовательности состоятъ соотношенія различныхъ органовъ, полученныя тѣмъ или другимъ способомъ? Величина верхней и нижней конечностей и ихъ частей относительно цѣлаго роста представляютъ ли совершенно независимыя другъ отъ друга числа, хотя и постоянныя, но не слѣдующія никакому закону, или же въ самой послѣдовательности этихъ соотношеній, въ разчлененіи тѣла на отдѣлы, замѣчается, такъ сказать, не эмпирическій законъ, а математическая послѣдовательность, свой законъ соотношеній? Антропологи ограничиваются только сравненіемъ полученныхъ соотношеній частей у различныхъ племенъ, такъ какъ ихъ цѣль состоитъ только въ этомъ. Ученые съ художественными цѣлями отыскиваютъ въ нихъ извѣстный законъ размѣщенія органовъ въ типическомъ тѣлѣ. Цейзингъ, напр. выражаетъ то убѣжденіе, что соотношенія различныхъ частей тѣла идутъ по закону такъ называемаго золотаго разрѣза. Свой законъ онъ выражаетъ такъ: «если дѣленіе цѣлаго на нервныя части должно быть пропорціональнымъ, то дѣленіе это должно происходить такъ, чтобы меньшая часть относилась къ большей, какъ эта послѣдняя ко всей суммѣ обѣихъ частей. Напримѣръ если мы проведемъ черезъ средину живота человѣка линію, то она раздѣлитъ тѣло на двѣ неравныя части, изъ коихъ верхняя наименьшая будетъ относиться къ нижней наибольшей, какъ эта послѣдняя къ цѣлому росту. Понятно, что изслѣдованіе такихъ соотношеній имѣетъ особенную важность только тогда, когда мы имѣемъ цѣлію изучить типъ человѣческаго тѣла, слѣдовательно когда имѣемъ преимущественно художественную цѣль.

И такъ тѣло человѣка представляетъ извѣстную пропорціональность, могущую, однакоже, варьировать у различныхъ племенъ. Изученіе варіяцій этой пропорціональности частей у племенъ составляетъ задачу антропологіи вообще, а на черепѣ племенъ задачу краніологіи. Сущность задачи этой послѣдней состоитъ въ указаніи на то, какія отличія въ соотношеніи различныхъ размѣровъ представляютъ черепа племенъ и какія изъ этихъ различій можно счесть за постоянныя и характеристичныя. Чтобы уяснить это примѣромъ, возьмемъ два черепа одинъ типа короткоголоваго или брахицефалическаго, другой типа длинноголоваго или долихоцефалическаго. У одного мы видимъ, что наибольшая ши-

Digitized by Google

рина равняется 80—85 частямъ наибольшей длины, а у послѣдняго только 70—74. И такое различіе мы будемъ замѣчать какъ нѣчто постоянное у различныхъ племенъ: у однихъ все будутъ преобладать головы длинныя и узкія, у другихъ короткія и широкія. Слѣдовательно, вотъ мы уже получаемъ признакъ, взятый изъ соотношеній частей черепа, который намъ можетъ служить для характеристики племенъ. Возьмемъ теперь два другихъ соотношенія: длину верхней части лица и наибольшую ширину его, напримѣръ, у русскихъ и у якутовъ; если длина лица будетъ 100, то у русскихъ ширина его будетъ 158, у якутовъ 198. Разница замѣтная по своей значительности и слѣдовательно характеристическая.

Такихъ соотношеній и такихъ разницъ у различныхъ племенъ можно найдти нѣсколько; только понятно, что эти различія могутъ касаться различныхъ соотношеній у различныхъ племенъ. Соотношенія размѣровъ черепа, слѣдовательно, могутъ дать намъ данныя для характеристики племенъ. Этими различіями можно пользоваться въ иныхъ случаяхъ для опредѣленія происхожденія народонаселенія какой либо мѣстности. Чтобы показать это на примѣрѣ, я возьму народонаселеніе средней Россіи и постараюсь указать на главнѣйшее изъ того, что можно извлечь относительно этого вопроса изъ изученія череповъ.

Если рѣшать этотъ вопросъ, то будемте рѣшать его съ самаго начала, т. е. если не съ потомковъ Адама, то, по крайней мѣрѣ, съ самыхъ первыхъ московскихъ жителей, покоящихся въ курганахъ. Что за племя обитало впервые на почвѣ Московской губерніи? Какъ далеко простиралось его мѣстообитаніе? Въ какомъ отношеніи оно находилось къ нынѣшнему народонаселенію и съ какимъ изъ нынѣ существующихъ племенъ оно имѣло наибольшее сходство? Историки говорятъ намъ, что первыми поселенцами въ Московской губерніи были финскія племена. Что скажетъ намъ краніологія на эти вопросы?

Но длинный курганный черепъ можетъ ли принадлежать тому первобытному племени, которое историки считаютъ финскимъ? Посмотримъ, чѣмъ отличается финскій черепъ нынѣшній: онъ отличается своею короткостію, своими признаками, совершенно отличными отъ типа длинноголовыхъ. Отсюда опять мы получаемъ основаніе предполагать, что по формѣ черепа, по крови длинноголовое курганное племя было не финское. Можетъ быть, оно было сходно съ финнами по культурѣ, по обычаямъ, по языку, но оно имѣло другое происхожденіе по крови. Кромѣ этого спеціально краніологическаго результата, отсюда можно вывести еще одну полезную мысль, а именно ту, что родство племенъ по языку, быту и обычаямъ не есть еще родство по происхожденію, и что археологи, этнографы и историки грѣшатъ въ свой ущербъ, когда съ высоты твердыни своихъ уже установившихся положительныхъ выводовъ, смотрятъ съ снисхожденіемъ, чтобы употребить мягкое выраженіе, на попытки краніологовъ, не ожидая отъ нихъ ничего особеннаго. Краніологія конечно еще молода, она еще шатка, и выводы ея часто еще гадательны, но вѣдь было время, когда и археологія и лингвистика пытались только предположеніями и дѣлали частые промахи: вопросъ не во временныхъ промахахъ, происходящихъ отъ молодости науки и малаго недостаточнаго числа фактовъ, а въ томъ, имѣетъ ли она серьозную будущность, можетъ ли она сказать что нибудь новое, пополнить чѣмъ либо наши уже извѣданные пути изслѣдованія? Вопросъ въ томъ, чтобы собирать факты, собирать кол-

Digitized by Google

лекціи, доставлять средства, и со всѣмъ этимъ всякая молодая наука, и краніологія въ свою очередь, со временемъ стряхнетъ заблужденія своей молодости, исправитъ ихъ и станетъ на твердую почву.

Вся бѣда краніологіи въ томъ, что ей приходится разрѣшать очень сложные вопросы относительно племенъ и народонаселеній, вопросы, обусловленные самыми разнообразными факторами, а для рѣшенія этихъ вопросовъ она имѣетъ пока чрезвычайно мало данныхъ. Нужно ей, напримѣръ, разрѣшить такой сложный вопросъ, какъ вопросъ о краніологическихъ свойствахъ великорусскаго народонаселенія, этого болѣе, чѣмъ пятидесятимилліонаго колосса, вобравшаго въ себя въ разныхъ мѣстностяхъ различныя небольшія племена, живущаго подъ самыми разнообразными условіями, и для рѣшенія этого вопроса у науки существуютъ только наблюденія, сдѣланныя надъ сотнею, другою череповъ, взятыхъ изъ разныхъ мѣстностей, относительно которыхъ по большей части еще неизвѣстно, всѣ ли они дѣйствительно принадлежатъ коренныхъ великоруссамъ.

Въ предыдущемъ я старался выяснить вамъ, милостивые государи, во 1) законность и естественность интереса, возбуждаемаго въ настоящее время антропологіею вообще и краніологіею въ частности; 2) выставить разницу между цѣлію собиранія и изученія череповъ анатомами, физіологами и краніологами и, наконецъ, въ 4) выяснить примѣромъ цѣль ея. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что краніологія хотя въ настоящее время и представляется наукою очень молодою, едва рѣшающеюся на выводы, но зато наука эта имѣетъ опредѣленныя и положительныя основанія. Вся ея будущность состоитъ въ увеличеніи числа наблюденій, въ обработкѣ ихъ, въ собираніи матеріала, т. е. череповъ. Краніологическія коллекціи составляютъ основу надеждъ этой науки, въ область которой входятъ задачи, не лишенныя значенія и общаго интереса. Безъ естественно-историческаго изученія племени мы никогда не будемъ имѣть полнаго знанія его, и вотъ почему не придаткомъ, а существенною частію, является краніологія на нашей выставкѣ, почему она не можетъ не занять виднаго мѣста на ней, если смотрѣть на выставку не съ точки зрѣнія преходящаго интереса и узкаго увлеченія болѣе видными и болѣе разработанными спеціальностями, а съ болѣе общей точки зрѣнія — успѣха человѣческаго знанія вообще.

Анатолій Богдановъ.

Digitized by Google

ОБЪ ОБЩИХЪ ПОКРОВАХЪ ТѢЛА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

Наблюденія надъ развитіемъ понятій и мышленія у человѣка показываютъ намъ, что первыми предметами, или (говоря ученымъ языкомъ) первыми субъектами этихъ понятій бываютъ самые ближайшіе къ нему и первымъ побужденіемъ, при взглядѣ на встрѣченный предметъ, бываетъ усиліе назвать его; форма же или терминъ этого названія, большею частію, соотвѣтствуетъ первому впечатлѣнію.

Уже изъ одного наложенія названія или термина очевидно начало мышленія, въ процессѣ развитія котораго выказывается побужденіе собрать о предметѣ какъ можно болѣе свѣдѣній и осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ. Каждый найденный признакъ или свойство рождаетъ вопросы, рѣшеніе которыхъ выводитъ на сцену другіе и т. д., до тѣхъ поръ пока предметъ не выльется такъ сказать, въ опредѣленной формѣ понятія.

Далѣе у человѣка уже рождается какая то потребность передать собранныя свѣдѣнія другому лицу. Тутъ является необходимость уложить собранныя свѣдѣнія въ опредѣленномъ порядкѣ, въ которомъ одна мысль вытекаетъ изъ другой, одно явленіе объясняетъ другое и т. под. Такая форма сложенія понятій и выводовъ изъ нихъ составитъ уже науку, распадающуюся при дальнѣйшей разработкѣ на отдѣльныя отрасли, въ свою очередь разсыпающіяся на многіе кружки, получающіе уже значеніе отдѣльныхъ наукъ. Такой процессъ развитія умственной дѣятельности мы наблюдаемъ у каждаго человѣка съ ранняго времени его развитія до зрѣлости и такой же процессъ развитія ея былъ у цѣлыхъ народовъ.

Само собою разумѣется, что самый ближайшій предметъ къ человѣку, при его появленіи на свѣтъ, былъ самъ онъ. Нѣтъ сомнѣнія, что предметъ этотъ, при появленіи способностей мышленія у человѣка, не могъ не обратить на себя его вниманія. Мы не знаемъ на какомъ языкѣ говорилъ первый человѣкъ и потому не знаемъ какъ назвалъ онъ самъ себя. По крайней мѣрѣ, на языкѣ весьма близкомъ къ доисторическому и болѣе извѣстномъ намъ, на языкѣ греческомъ—названіе человѣка дано согласно съ общимъ закономъ мыш-

Digitized by Google

ленія. Греки назвали его Ανθρῶπος (отъ ανοτρεπο вверхъ обращаю и οψ или ὦπος лице, или какъ другіе производятъ отъ ανῶ θεοπέο вверхъ смотрю).

Предметъ этотъ такъ интересовалъ человѣка, что изслѣдованіе его предпочиталось другимъ, окружающимъ его. Оно было облегчено въ форму кажущейся необходимости или даже закона (γνῶθι σεαὐτον). «Познай самаго себя», выраженное Хилономъ, (а по другимъ-Талесомъ) и безпрестанно повторяемое Сократомъ, старавшимся о приведеніи его въ дѣйствительность, было принято всѣми съ большимъ сочувствіемъ. Вслѣдствіе всего этого древніе оставили намъ науку о человѣкѣ названную ими Антропологіею (ανθρῶπος и λογος, слово о человѣкѣ).

По ограниченности суммы познаній о человѣкѣ, въ раннемъ періодѣ развитія этой науки, она представляла груду разностороннихъ свѣдѣній о немъ. Разработка разныхъ сторонъ предмета выставила впередъ нѣкоторыя изъ нихъ и въ результатѣ явились отдѣльныя и самостоятельныя науки, затушевавшія первоначальное названіе антропологія. Только въ новѣйшее время этотъ терминъ выведенъ на сцену въ группѣ наукъ, но, какъ мнѣ кажется, въ болѣе ограниченномъ объемѣ, не соотвѣтствующемъ его значенію. Во Франціи появилось отдѣльное Общество-Антропологическое; въ нашемъ обществѣ сформировался отдѣлъ антропологическій; но какъ ни стараются оспеціализировать эту науку, вездѣ проявляется ея обширность и принадлежность къ ней всѣхъ наукъ о человѣкѣ, связанныхъ неразрывными узами. (Для полноты цѣлой науки человѣку кажется даже мало спеціальной разработки его самаго, а потому и въ окружающей природѣ даже онъ ищетъ объясненій своего бытія).

Слѣдившимъ за всѣмъ курсомъ чтеній предпринятыхъ нашимъ Обществомъ-доказательства словамъ моимъ на лицо. Предшественники мои уже затрогивали предметъ нашъ съ разныхъ сторонъ,—какъ матеріальной такъ и духовной; но повсюду видно, что каждая изъ сторонъ ищетъ опоры въ другихъ и эти другія, въ свою очередь, обращаются за поясненіемъ къ первымъ, представляя чрезъ это всѣ вмѣстѣ неразрывное цѣлое науку о человѣкѣ (Антропологія).

Такъ одна изъ весьма интересныхъ работъ въ области Антропологіи, или одна изъ весьма постоянныхъ заботъ антрополога съ давнихъ временъ была-распредѣлить весь родъ человѣческій на породы или племена, или расы (races). Линней, Петръ Камперъ, Блюменбахъ, Дюмериль, Кювье, Демуленъ, Bory de St. Vincent, Maltebrum, Вирей, Брокъ, Соссеротъ и многіе другіе оставили намъ болѣе или менѣе замѣчательные труды въ разработкѣ этого предмета. Они старались отыскать болѣе рѣзкіе признаки, которые могли бы отличить одну породу человѣка отъ другой и, само собою разумѣется, ихъ вниманіе съ самаго начала не могло не остановиться на весьма рѣзкомъ признакѣ — цвѣтѣ и строеніи кожи или общихъ покрововъ человѣка, равно и придатковъ ихъ—волосъ. Линней даже ограничился однимъ цвѣтомъ кожи и раздѣлилъ весь родъ человѣческій, на основаніи этого признака, на 4 племени, прибавивъ къ нимъ 5-е названное имъ уродствомъ. Но уже Камперъ счелъ недостаточнымъ это основаніе для раздѣленія на расы и замѣтилъ болѣе важный новый признакъ:—составъ и формы черепныхъ, или лучше лицевыхъ костей. Слѣдующіе за Камперомъ антропологи пошли далѣе и къ наружнымъ признакамъ стали присоединять другіе, выработанные анатоміею, фи-

Digitized by Google

зіологіею и иными отраслями антропологіи. Такимъ образомъ въ область занятій антрополога стали врываться опять тѣ отдѣлы науки о человѣкѣ, которые хотятъ, кажется, устранить отъ нея.

Въ область антропологіи должны войдти не только тѣ науки о человѣкѣ, которыя причисляются къ области естествовѣденія, но и всѣ собственно медицинскія науки, потому что только въ нихъ можно найдти объясненіе всѣхъ проявленій, могущихъ выказаться въ человѣческомъ тѣлѣ; объясненіе, говорю, безъ котораго нельзя вывести никакого раціональнаго заключенія для установленія какого-либо научнаго положенія.

Такъ, мы остановимся на признакѣ, взятомъ Линнеемъ за основаніе при раздѣленіи всего рода человѣческаго на расы — на цвѣтѣ кожи человѣка. Дѣйствительно, мы не можемъ не удивляться тому, что люди, происходя отъ одного человѣка и будучи разсыпаны по всему лицу земной поверхности, представляютъ намъ, дѣйствительно, такое разнообразіе въ окраскѣ кожи и, что всего замѣчательнѣе, каждая изъ этихъ окрасокъ имѣетъ свой родной районъ или географическій центръ, около котораго, распространяясь волнообразно, постепенно измѣняется и переходитъ въ другой, опять рѣзко выраженный въ своемъ собственномъ центрѣ. Начнемъ-те съ какого угодно конца земнаго шара, напр., хотя съ нашего отечества. Въ средней и отчасти въ сѣверной полосахъ европейской Россіи, въ сѣверной Германіи, Швеціи, сѣверной Франціи, Бельгіи, Голландіи и Англіи, насъ поражаетъ особенная тонкость, прозрачность, нѣжность и бѣлизна кожи (разумѣется, я говорю о большинствѣ). Къ востоку и югу отъ этой полосы, мы встрѣчаемъ уже измѣненіе,—является сначала какой-то матъ, смугловатость, постепенно, какъ бы по ступенямъ, переходящая въ болѣе и болѣе темный оттѣнокъ; такъ: южная Франція, сѣверная и южная Испанія, Морокко,—средняя и южная Германія, Италія, Алжирія, Тунисъ и т. д., Австрія, Балканскій Полуостровъ, Греція, Малая Азія и сѣверный Египетъ,—южная и юго-восточная Россія, Киргизы, Персія и Арабы.

Я прошу Васъ обратить вниманіе также на мои раздѣленія полосъ въ отношеніи къ меридіану. Тутъ также проявляются особые оттѣнки хотя не столь значительные, какъ въ полосахъ по широтамъ.

Въ этихъ полосахъ (отъ сѣвера къ югу) мы замѣчаемъ постепенный переходъ отъ бѣлой кожи къ черной, пока не достигнемъ центральной Африки,—центрѣ противуположнаго цвѣта выраженнаго въ многочисленномъ племени африканскихъ негровъ *). Къ югу эта окраска опять постепенно уменьшается, но не столь значительно какъ къ сѣверу, по причинѣ краткости пространства. Теперь возьмемъ другое направленіе на востокъ. Уже переходя за Уралъ въ племенахъ Калмыковъ, Киргизовъ, Хивинцевъ, Бухарцевъ, кромѣ темнаго оттѣнка въ переходной окраскѣ бѣлой кожи, мы находимъ новый—желтоватый, къ востоку постепенно сгущающійся и преизобилующій въ племенахъ, по мѣрѣ приближенія къ Китаю и восточной Индіи. Въ этихъ послѣднихъ является уже третій центръ племенной окраски человѣка-желтый.

Къ сѣверу отъ Китая, по сѣвернымъ окраинамъ Азіи и Америки, отъ него отдѣлилась полоса съ примѣсью темнаго цвѣта

*) См. Histoire naturelle de l'homme comprenant des recherches, sur l'influence des agens physiques et moraux considérés comme causes des variétés qui distinguent entre elles les différents races humaines, par J. C. Prichard, traduit par le Dr. T. Roulin. Paris, 1843. T. II, pl. XVI.

Digitized by Google

(Prichard., T. II, pl. XXIV). Къ югу же по островамъ, въ естественномъ порядкѣ, желтый цвѣтъ переходитъ въ оливковый (Prichard, T. II, pl. XVII, острова Каролинскіе, Австралія) переходящій въ черносиній, фиксирующій центръ свой въ новой Голландіи и Австраліи.

Но если возьмемъ нашъ путь отъ Китая и Австраліи по островамъ Тихаго Океана далѣе къ востоку, то замѣтимъ новый переходъ въ окраскѣ, отъ оливковаго и желтаго въ темно-оранжевый (Prichard, T. II, pl. XIX. Сандвичевы острова) и далѣе въ красный или мѣдно-красный, представителями котораго служатъ туземцы Центральной Америки—Индѣйцы, постепенно вытѣсняемые, въ настоящее время, новыми пришельцами изъ Европы. Но интересно прослѣдить развитіе окраски по американскому материку. Начнемъ съ самаго юга, сроднаго въ этомъ отношеніи съ тропическими полосами земнаго шара (Африки и новой Голландіи). Во первыхъ, на самой оконечности южной Америки, мы встрѣчаемъ уже смѣсь чернаго племени съ краснымъ; но послѣднее еще въ слабой степени развитія (Prichard, T. II, pl. XXXIX et XL, Патагонцы).

Далѣе къ экваторіальнымъ странамъ являются особенные типы въ Чили (Prichard, T. II, pl. XXXVII). Туземцы Калифорніи (Prichard, T. II, pl. XXXVIII), и какъ особенность между ними (Prichard, T. II, pl. XXXIV), переходъ отъ нихъ къ красному-Мандары, по Миссисипи (Prichard, T. II, pl. XXIX et XXXI).

Центръ краснаго-Канадцы (Prichard, T. II, pl. XXXVI), Колумбійцы (Prichard, T. II, pl. XXV), и наконецъ переходъ опять къ желтому Москитосы *).

Таково распредѣленіе цвѣтности кожи человѣка въ различныхъ странахъ свѣта; она является сгруппированною въ 4-хъ главныхъ центрахъ, съ многочисленными видоизмѣненіями въ промежуткахъ, при естественномъ сближеніи разноцвѣтныхъ представителей и при искусственномъ наплывѣ одного цвѣта въ районъ другаго.

Что касается до волосъ, то цвѣта ихъ не представляютъ такихъ рѣзкихъ и чистыхъ центральныхъ красокъ, какія мы встрѣчаемъ въ кожѣ. Тутъ болѣе важны другіе анатомическіе признаки, о которыхъ я буду имѣть честь сказать кое-что ниже. Дѣйствительно, за исключеніемъ Европы, во всѣхъ странахъ въ волосахъ человѣка обладаетъ цвѣтъ черный; разница будетъ въ длинѣ, толщинѣ, направленіи и глянцовитости волоса. Только въ Европѣ до нѣкоторой степени мы можемъ пользоваться цвѣтомъ волосъ и то для подраздѣленія одного племени или лучше одного сложнаго племени, имѣющаго бѣлую кожу. Такъ если мы отдѣлимъ полосу народонаселенія отъ западной половины средней Россіи и захватимъ въ эту полосу Литву и даже весь сѣверо-западный край и прибалтійскія губерніи, сѣверную Пруссію, Голландію, Бельгію и сѣверную Францію, то на большинствѣ этихъ народовъ замѣтимъ бѣлокурые, тонкіе и мягкіе волосы. Къ сѣверу отъ этой полосы бѣлокурость эта переходитъ въ красноту и мы встрѣтимъ цѣлые районы рыжихъ каковы: Финны, Шведы, Норвежцы и Британцы. Къ югу и востоку бѣлокурость измѣняется различнымъ образомъ: во Франціи и Германіи, она быстро переходитъ въ черный цвѣтъ; въ славянскихъ же земляхъ и преимущественно въ русскихъ, прежде перехода въ

*) См. Wanderungen eines Künstlers unter Indianer Nordamerikas von Canada nach der Uancouvers-Insel und nach Oregon durch das Gebiet der Hudsons-Bay-Gesellschaft und zurück, von Paul Kane, deutsch v. Luise Hauthal. Leipzig, 1862; 2 Heft.

Digitized by Google

черный являются постепенные оттѣнки: свѣтлорусый, русый, темнорусый и каштановый. Спѣшу оговориться, что я говорю о коренныхъ обитателяхъ, потому что наплывъ различныхъ расъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производитъ такое разнообразіе оттѣнковъ, которое невозможно подвести подъ общія правила.

Это второе замѣчаніе относительно общихъ пороковъ. Есть еще третье, послужившее Линнею поводомъ къ составленію его 5-й расы уродливой; уродливость эта однакожь найдена Линнеемъ только у женщинъ (у Бушменокъ въ отродьѣ Готтентотовъ) и состоитъ оно въ чрезмѣрномъ развитіи глубокаго слоя общихъ покрововъ на нижнихъ частяхъ тѣла, именно въ сѣдалищѣ. Я въ этомъ отношеніи прибавилъ бы противуположную уродливость недоразвитія этого слоя. (Prichard. T. II, pl. XXIII).

Вотъ проявленія въ наружныхъ частяхъ человѣческаго тѣла, которыми пользовались антропологи какъ признаками при раздѣленіи народовъ на отдѣльныя и самостоятельныя племена; но уже въ первой половинѣ текущаго столѣтія возродились вопросы для разрѣшенія которыхъ, антропологи обратились къ чисто спеціальнымъ наукамъ о человѣкѣ—къ анатоміи, физіологіи здороваго человѣка и больнаго, къ психологіи и т. под.

Главныхъ вопросовъ родилось два: первый потребовалъ опредѣленія мѣста въ общихъ покровахъ и ихъ придаткахъ, въ которомъ залегаетъ красящее начало и элементы видоизмѣненія и второй состоялъ въ опредѣленіи причинъ такого явленія. Далѣе къ этимъ вопросамъ присоединились и другіе, какъ-то: изслѣдованіе причины разнообразныхъ свойствъ человѣческихъ волосъ, изслѣдованіе причины племенной уродливости и проч.

Мы займемся только изслѣдованіемъ предметовъ нами обозначенныхъ, а именно: изслѣдованія племенной цвѣтности кожи, свойствъ волоса и отчасти изслѣдованіемъ племенныхъ уродливостей. Чтобы опредѣлить мѣсто залеганія красящаго начала и не смѣшать окраски племенной съ окраскою случайною (поверхностною какъ увидимъ ниже), нужно прежде уговориться, что принимать за кожу или общіе покровы.

Подъ словомъ кожи (какъ народнаго выраженія) или общихъ покрововъ разумѣется слой частей человѣческаго тѣла, одѣвающій болѣе существенныя его части и защищающій ихъ отъ разнообразныхъ и многочисленныхъ наружныхъ вліятелей; она состоитъ изъ 3-хъ слоевъ замѣтныхъ и невооруженному глазу и извѣстныхъ еще древнимъ анатомамъ. (Собственно говоря, подъ словомъ кожа или общіе покровы древніе разумѣли только два слоя: кожицу (epidermis) и (corium s. derma)—собственно кожу; я присоединяю сюда еще третій, такъ называемый, клѣтчато-жирный слой, также извѣстный древнимъ).

Всякому, вѣроятно, случалось видѣть дѣйствіе огня, шпанской мушки, или другаго какого ѣдкаго вещества на кожу, или усиленнаго тренія ея. Тутъ образуется пузырь, верхняя или поверхностная стѣнка котораго тонкая, полупрозрачная перепонка (только на ладони и подошвѣ она болѣе толста) есть не что иное какъ первый слой кожи отслоившійся отъ подлежащаго или кожица (epidermis).—Если снять ее, или разрѣзать, то мы увидимъ красную, бугроватую поверхность, которую считаютъ въ народѣ за мясо, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, это есть болѣе глубокій слой кожи — собственно кожа (corium) съ развитымъ на ней слоемъ безчисленнаго множества тоненькихъ кровяныхъ жилокъ (при-

Digitized by Google

чина ея красноты). Два слоя эти въ здоровомъ состояніи такъ плотно прилегаютъ другъ къ другу, что при помощи ножа, совершенно невозможно ихъ раздѣлить. У живаго человѣка ихъ можно раздѣлить только усиливъ выдѣленіе жидкой части крови при посредствѣ упомянутыхъ агентовъ, на трупѣ же — вымачиваніемъ и гніеніемъ.

Кто наблюдалъ образованіе прыщей на кожѣ или большихъ нарывовъ, тотъ вѣроятно замѣтилъ другое явленіе: на кожѣ образуется красный бугоръ, въ срединѣ или въ нѣсколькихъ мѣстахъ его образуются желтоватыя точки, которыя, разрушаясь (прорываясь, какъ говорятъ), выдѣляютъ кромѣ жидкаго гноя желтоватые куски и оставляютъ послѣ себя мѣшки съ толстыми поверхностными стѣнками. Въ этихъ случаяхъ первая стѣнка такого мѣшка будетъ уже состоять изъ двухъ простому глазу видимыхъ поверхностныхъ пластинокъ кожи, кожицы (epidermis) и собственно кожи (corium) а выходившіе куски или стержни суть части умершей клѣтчатки, или третьяго, изъ видимыхъ простымъ глазомъ слоя общихъ покрововъ. На трупѣ этотъ слой видимо отдѣляется при разрѣзахъ и можетъ быть легко отдѣленъ ножомъ.

Эти элементы легко отличаются простымъ глазомъ и были извѣстны поэтому въ глубокой древности.

Во второй половинѣ XVII вѣка знаменитому анатому Мальпигію удалось открыть еще слой между кожицею и кожею; онъ назвалъ его слизистымъ, потому что въ натуральномъ состояніи онъ дѣйствительно находится въ полужидкомъ безсвязномъ состояніи. Этотъ слой названъ былъ въ честь Мальпигія его именемъ, хотя и неправильно названъ сѣтью. Поводомъ къ открытію Мальпигію послужило изслѣдованіе кожи негра. Онъ замѣтилъ, что окраска кожи зависитъ именно отъ этого слизистаго слоя; но замѣченное оставалось безъ подробнаго изслѣдованія, по недостатку тѣхъ инструментовъ, которыми, въ настоящее время, мы пользуемся. Еще съ помощію неусовершенствованнаго микроскопа, около 30-хъ годовъ текущаго столѣтія, Брешетъ и Руссель старались опредѣлись даже органъ, отдѣляющій красящее начало. Надъ этою задачею работами Cruikschaank, Gaultier и Florens.

Послѣдній, на основаніи препаратовъ представленныхъ имъ Парижской Академіи, между верхнимъ слоемъ кожицы, уже превратившимся въ роговое вещество, и верхнимъ слоемъ кожи (derma) насчиталъ 4 слоя: 1) клѣтчато-сѣтчатый слой лежащій тотчасъ на кожѣ (derma s. corium), 2) перепонку имѣющую видъ слизистой, 3) безсвязный слой пигмента и 4) глубокій слой собственно клѣточекъ кожицы (epidermis). Florens обратилъ особенное вниманіе на 2-й слой, въ которомъ онъ нашелъ отложеніе отдѣльныхъ клѣточекъ пигмента. По словамъ его, у людей съ бѣлою кожею этого слоя нѣтъ, по крайней мѣрѣ, онъ не открылъ его при помощи простаго вымачиванія; равно онъ отвергаетъ присутствіе и 3-го слоя у бѣлокожихъ. Рядъ изслѣдованій микроскопическихъ Henlle, Purkinje, Schwann, потомъ Rollet, Billroth, Kölliker и другихъ показали намъ, что дѣленіе Florens' а было искусственное, что разности въ слояхъ зависятъ отъ большей или меньшей зрѣлости элементовъ кожицы, хотя подъ микроскопомъ она ясно представляетъ глазу два слоя разно-характерныхъ элементовъ. Если бросимъ взглядъ на анатомическіе элементы всей толщи общихъ покрововъ, прослѣдимъ ихъ переобразованія и отношенія другъ къ другу, то съ большею достовѣрностью можемъ опредѣлить мѣсто отложенія красящаго элемента

Digitized by Google

и уяснить себѣ причины его разнообразнаго проявленія.

Такъ возмемъ кусокъ кожи, напр. съ пальца руки, вырѣжемъ изъ него тоненькую пластинку (что Нѣмцы называютъ Schnitt), въ направленіи съ поверхности въ глубину, положимъ эту пластинку, расправленную на стеклѣ, подъ микроскопъ такъ чтобы глубокій край пластанки пришелся на оси зрѣнія (въ фокусѣ). Тогда мы замѣтимъ сначала множество круглыхъ и овальныхъ тѣлецъ съ прозрачнымъ содержимымъ, лежащихъ какъ отдѣльно такъ и группами и соединенныхъ перепутанными нитями и полыми трубочками, внутри которыхъ мѣстами мы замѣчаемъ овальныя бляшки краснаго цвѣта. Круглыя и овальныя тѣльца суть не что иное, какъ шарики жира; тонкія нити-суть волокна соединяющей ткани; а трубочки—кровеносныя жилы или, говоря ученымъ языкомъ, сосуды и все это вмѣстѣ составляетъ такъ называемую подкожную клѣтчатку или просто глубокій жирный слой общихъ покрововъ. Передвигая препаратъ по столику микроскопическаго прибора, чѣмъ далѣе будемъ слѣдить глазомъ отъ сказаннаго края лежащую подъ микроскопомъ пластинку, тѣмъ болѣе будемъ находить измѣненій въ ея содержимомъ. Вопервыхъ, шарики жира ближе къ переферіи кожи, группируются тѣснѣе въ отдѣльныя кучки и потому форма ихъ изъ округлой дѣлается угловатою, во вторыхъ, въ связующей ткани являются новые элементы:—волокна, расположенныя правильными волнами; это такъ называемая упругая ткань; въ третьихъ, являются канальцы или трубочки, свернутые клубочками, выпускающими изъ себя къ поверхности сначала прямую, а потомъ спирально завитую трубочку—это потовыя желѣзы съ ихъ испразнительными каналами. За тѣмъ жирные шарики мало по малу исчезаютъ; вмѣсто ихъ увеличивается количество упругихъ волоконъ. Тутъ уже начинается собственно, такъ называемая кожа (corium s. derma). Здѣсь вы замѣтите правильно расположенные промежутки, идущіе изъ глубины къ поверхности. Въ этихъ промежуткахъ сидятъ или выводящіе протоки потовыхъ желѣзъ или волосы съ ихъ луковицами (или корешками), съ примыкающими къ нимъ гроздообразными кистями—сальными желѣзками и все это одѣто рядами клѣточекъ, входящими съ поверхности вглубь до основанія луковицы волоса. Верхній край кожи (corium) выступаетъ волнообразно или даже въ видѣ отростковъ. между которыми сидятъ корни волосъ. Въ самыхъ же отросткахъ или проходятъ потовые канальцы, или мы замѣчаемъ свертки тонкихъ кровеносныхъ жилокъ (волосныхъ сосудовъ), въ срединѣ которыхъ, особаго рода сидящія на нитяхъ, овальныя тѣльца:—окончаніе чувствующихъ нервовъ, почему каждый изъ этихъ отростковъ съ его содержимымъ называется чувствительнымъ сосочкомъ (papille sensitivum). Кровеносные сосуды сосѣднихъ сосочковъ соединяются между собою и представляютъ на поверхности кожи частую сѣть, отчего если смотрѣть на кожу, лишенную кожицы у живаго человѣка, она представляется красною, что и подаетъ поводъ незнающимъ этого называть ее мясомъ. За чувствительными сосочками вы ясно различаете два слоя клѣточекъ: одинъ (глубокій) покрашенный, другой совершенно безцвѣтный; первый состоитъ изъ клѣточекъ болѣе полныхъ (ближе къ кожѣ (corium) цилиндрическихъ или луковицеобразныхъ, а болѣе круглыхъ, но отъ взаимнаго давленія угловатыхъ); второй же изъ болѣе плоскихъ. Оба эти слоя составляютъ поверхностный слой общихъ покрововъ, называемый кожицею (epidermis). Мы

Digitized by Google

остановимся на этой части покрововъ нашего тѣла и разсмотримъ ея элементы. Глубокій слой ея и есть тотъ самый, особенный характеръ котораго былъ усмотрѣнъ Мальпигіемъ. Онъ состоитъ, какъ я уже сказалъ, изъ клѣточекъ разнаго очертанія въ глубинѣ цилиндрическихъ или луковицеобразныхъ и далѣе угловатыхъ.

Первыя, по свойству своей формы, расположены двумя правильными рядами, а послѣднія сидятъ безъ порядка.

Это и подало поводъ Флорану раздѣлить Мальпигіевъ слой на 4 слоя; въ сущности же ихъ раздѣлить нельзя. Всѣ эти клѣточки равно покрашены; каждая имѣетъ въ срединѣ ядро и множество зеренъ, которыя у различныхъ народовъ бываютъ покрашены различнымъ цвѣтомъ, просвѣчивающимъ сквозь первый слой кожицы, клѣточки котораго плоски, имѣютъ свѣтлое ядро и не имѣютъ покрашенныхъ зеренъ, особенно на поверхности, гдѣ даже связь между клѣточками (или лучше сказать бляшками) по мѣрѣ приближенія къ периферіи дѣлается болѣе слабою и даже вовсе уничтожающейся. Наконецъ мы замѣчаемъ, что весь слой кожицы имѣетъ равномѣрное напластаніе на кожѣ, а потому верхняя его поверхность и представляетъ возвышенія и углубленія, соотвѣтствующія чувствительнымъ сосочкамъ кожи (corium) и ея углубленіямъ. Клѣточки кожицы (особенно мальпигіеваго слоя) внѣдряются, какъ я уже сказалъ, между чувствительными сосочками и одѣваютъ корешки и луковицы волосъ, до самаго ихъ основанія; такъ что при основаніи луковицы они смѣшиваются съ клѣточками мягкой части волоса, отдѣляя ихъ отъ элементовъ кожи (corium) и давая намъ полное право причислить элементы волоса къ одной группѣ съ элементами кожицы; почему и принято называть ткань и того и другой однимъ именемъ—роговою тканью. Дѣйствительно, если сравнить элементы кожицы съ элементами волоса, то найдемъ въ нихъ большое сходство, особенно если мы возьмемъ для этого самую луковицу волоса. Какъ въ кожицѣ переферическая часть состоитъ изъ плоскихъ и безцвѣтныхъ клѣточекъ, такъ и въ волосѣ; какъ въ кожицѣ есть глубокій слой клѣточекъ заключающій въ себѣ зерна красящаго вещества, такъ и въ волосѣ, въ центрѣ котораго мы наблюдаемъ рядъ клѣточекъ, заключающихъ въ себѣ такія же зерна.

И такъ анатомическое изслѣдованіе опредѣляетъ вполнѣ 1) мѣсто и положеніе цвѣтности какъ самой кожи, такъ и волосъ и 2) причину различныхъ степеней окраски этихъ органовъ. Но кромѣ того, наблюденія показали, что степень яркости окраски зависитъ еще отъ большаго или меньшаго количества зеренъ красящаго начала, что бываетъ даже у различныхъ субъектовъ одной и той же расы; особенно это замѣтно въ элементахъ волоса, что и составляетъ трудность въ принятіи за основаніе ихъ цвѣтности въ распредѣленіе людей на расы.

При опредѣленіи однакожъ мѣста окраски общихъ покрововъ, нужно отличать истинную и постоянную окраску отъ случайной и временной, напримѣръ, окраску ихъ отъ сильнаго дѣйствія солнечныхъ лучей, отъ химическихъ агентовъ подѣйствовавшихъ снаружи. Тутъ окраска ложится разлитымъ пластомъ на верхній слой кожицы, который въ процессѣ жизненныхъ отправленій, легко отходитъ, а кожа принимаетъ опять въ свой натуральный цвѣтъ. Постоянная же окраска всегда находится въ глубокомъ мальпигіевомъ слоѣ клѣточекъ кожицы. Здѣсь однакожъ является другой болѣе важный вопросъ: почему это красильное начало, при однородномъ свойствѣ клѣ-

Digitized by Google

точекъ обоихъ слоевъ кожицы, находится только въ одномъ глубокомъ и почему его нѣтъ въ поверхностномъ?

Для разрѣшенія этого вопроса, мы должны обратиться къ физіологіи,—иначе, мы должны прослѣдить образованіе и жизнь клѣточекъ кожицы. Какъ роговое вещество, клѣточки кожицы составляютъ органъ, покрывающій болѣе важные органы нашего тѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ вещество отдѣляемое и извергаемое изъ организма, а именно: сквозь стѣнки частой сѣти тонкихъ кровеносныхъ жилокъ, называемыхъ волосными сосудами или конечными переходами бьющихся жилъ (артерій) въ возвратныя (вены) выдѣляется пластическая жидкость (т.-е., жидкость, способная образовать изъ себя форменные элементы); изъ этой жидкости (подобно раствору какой нибудь соли) образуется первый разсмотрѣнный нами слой клѣточекъ кожицы со всѣми разсмотрѣнными нами выше элементами въ нихъ заключающимися. По прошествіи нѣкотораго времени клѣточки эти окрѣпаютъ, твердѣютъ и отодвигаются новыми родившимися послѣ нихъ клѣточками. Отодвигаясь онѣ лишаются, вліянія управляющаго жизнедѣятельностью нервнаго элемента (т.-е. нервовъ), дѣлаются элементомъ почти неорганическимъ, сдавливаются и измѣняютъ свою форму, а въ послѣдствіи выдѣляютъ изъ себя жидкое содержимое вмѣстѣ съ разложившимися зернами красящаго начала, а въ конецъ всего дѣлаются плоскими и, лишенныя связи другъ съ другомъ, отстаютъ и слупливаются. Замѣтнѣе всего это можно наблюдать въ частяхъ кожи, покрытыхъ волосами, или при механическомъ вліяніи извнѣ, усиливающемъ это отдѣленіе.

Теперь когда мы опредѣлили мѣсто, въ которомъ залегаетъ красящее начало общихъ покрововъ, приступимъ къ объясненію причинъ его проявленія и видоизмѣненія. Разрѣшить прямо этотъ вопросъ мы не имѣемъ еще данныхъ; попробуемъ разрѣшить его по анатоміи. Для этого мы зададимъ себѣ другой вопросъ: не способны-ли люди съ бѣлою кожею пріобрѣсти окраску общихъ покрововъ подобную цвѣтнокожимъ? И можемъ сказать утвердительно: кожа бѣлыхъ, какъ частями такъ и всецѣло, можетъ принять и принимаетъ окраску черную, желтую и красную, со всѣми оттѣнками; и явленіе это можетъ быть какъ натуральнымъ, такъ и случайнымъ. Дѣйствительно, на тѣлѣ бѣлокожаго человѣка есть мѣста, въ которыхъ отложеніе пигмента большей или меньшей яркости бываетъ постоянно, напр. вокругъ сосковъ грудныхъ желѣзъ и на другихъ частяхъ кожи и нужно замѣтить, что яркость красящаго начала усиливается въ то время, когда усиливается дѣятельность органа, покрытаго покрашенною кожею, напримѣръ, на грудяхъ женщинъ беременныхъ и кормящихъ дѣтей. Въ послѣднемъ случаѣ выдѣленіе пигмента изъ крови до того усиливается, что распространяется не только на сосѣднія части, но даже и на все тѣло. Такъ Бомаръ и Камперъ разсказываютъ о двухъ случаяхъ: первый объ одной французской крестьянкѣ, а второй о женщинѣ высшаго круга, у которыхъ къ концу интереснаго положенія, кожа дѣлалась совершенно черною. Докторъ Stark наблюдалъ у одного больнаго лихорадкою почернѣніе кожи. Блюменбахъ видѣлъ нищаго (настоящаго европейца) сдѣлавшагося негромъ. Haller, Albin и Ludwig насчитываютъ множество фактовъ подобнаго рода; и наконецъ кому неизвѣстны, такъ называемыя, матежины или темныя и болѣе или менѣе обширныя пятна на лицѣ у женщинъ, образовавшіяся въ первую беременность и нерѣдко на всю жизнь со-

Digitized by Google

ставляющія предметъ безуспѣшныхъ усилій къ удаленію ихъ и поводъ къ пролитію обильныхъ тайныхъ слезъ.

На этихъ фактахъ можно бы было остановиться и построить цѣлую теорію причины развитія пигмента въ кожѣ. Можно бы было объяснить себѣ это явленіе усиленнымъ притокомъ крови къ периферіи тѣла, а слѣдовательно и большимъ количествомъ выдѣленія изъ нея красящаго вещества, но этого было бы недостаточно, явились бы новые вопросы: откуда же взялся пигментъ въ самой крови? И почему въ одномъ случаѣ онъ выдѣляется съ большею силою, а въ другомъ съ меньшею? Трудность положительнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ, въ настоящее время, велика главнымъ образомъ отъ того, что химія не дала намъ еще точнаго анализа составныхъ частей пигмента у человѣка. Есть только попытки къ этому, которыя, можно надѣяться, современемъ и примутъ характеръ точности. Въ настоящее время, мы не должны однакожь останавливаться на этомъ затрудненіи; но постараемся выбраться изъ лабиринта другимъ путемъ, на сколько онъ освѣщенъ наукою. Мы возмемъ для объясненія заданныхъ вопросовъ явленіе случайное, а именно: я наблюдалъ одного больного субъекта, чисто русской крови, страдавшаго падучею болѣзнію и лѣчившагося прежде употребленіемъ внутрь селитрокислаго серебра или ляписа (argentum nitricum s. lapis infernalis). Вслѣдствіе внесенія въ организмъ этого средства въ большомъ количествѣ, кожа больного сдѣлалась совершенно черною и больной сдѣлался совершенно негромъ. Въ этомъ случаѣ окраска кожи намъ ясна. Селитрокислое серебро, имѣя свойство чернѣть отъ соприкосновенія сѣрнистыхъ минераловъ, а также отъ соприкосновенія воздуха и при вліяніи свѣта, какъ вещество не нужное для организма, выбрасывалось чрезъ кожу и выдѣлившись въ клѣточки мальпигіева слоя усилило окраску ихъ зернистаго вещества. Этотъ примѣръ позволяетъ намъ обратить вниманіе и на другіе минеральные и металлическіе элементы крови и по аналогіи искать въ нихъ причины проявленія большей интензивности окраски зеренъ въ клѣточкахъ мальпигіева слоя. Такъ напримѣръ самый сильный элементъ крови—различныя сѣрнистыя соединенія, которыя, при выдѣленіи изъ организма, чувствительно даютъ о себѣ знать, вѣроятно не безучастны въ произведеніи окраски, напримѣръ, въ случаяхъ застарѣлыхъ язвъ, антонова огня и проч. и даже просто въ обыкновенной испаринѣ (особенно у негровъ).

Если принять во вниманіе, что человѣкъ въ различныхъ странахъ свѣта ѣстъ и пьетъ различныя вещества, состоящія изъ различныхъ химическихъ элементовъ, то, конечно, мы положительно можемъ сказать, что составныя части его крови (хотя это еще не доказано химіей) должны быть различны, отсюда и выдѣленія изъ организма должны быть различны. Далѣе, уже извѣстно, что не только различныя страны свѣта, но даже и различныя мѣстности покрываются слоями атмосферы, заключающей въ себѣ различныя примѣси, и что эти примѣси имѣютъ большое вліяніе на человѣка вводящаго ихъ въ себя какъ чрезъ дыхательные пути, такъ равно и чрезъ кожу. Эти уже факты нѣсколько освѣщаютъ намъ причины проявленія той или другой окраски на кожѣ человѣка. Мы присоединимъ къ этому еще вліяніе солнечнаго свѣта, заставляющаго даже животныхъ мѣнять свои цвѣта на зиму въ бѣлый, а на лѣто въ болѣе яркій, а жителя сѣвера-чернѣть при переселеніи на югъ. Наконецъ какъ на развитіе цѣлаго организма, такъ и на цвѣта

Digitized by Google

общихъ покрововъ имѣютъ несомнѣнное вліяніе моральныя силы. Увѣренность въ этомъ существовала еще въ глубокой древности, такъ Іаковъ окружалъ стада свои разноцвѣтною изгородью, дабы родились у него разноцвѣтныя животныя, этимъ же моральнымъ вліяніемъ, мы можемъ объяснить себѣ разницу въ окраскѣ кожи даже у одного и того же племени. Мы далеко не пойдемъ: возьмемъ въ примѣръ Славянъ, прозябающихъ подъ властію нѣмецкой и варварской турецкой расы. Сравните славянина живущаго въ Россіи и славянина живущаго въ Австріи. Я не буду описывать кожу нашего поселянина: не смотря на тяжкій его трудъ и матеріальныя лишенія, она всегда представляется нѣжною и бѣлою; но меня поразилъ грязно-желтый цвѣтъ кожи и многочисленные виды болѣзней ея у Славянъ, пользующихся въ госпиталяхъ Вѣны и Праги. Извѣстно, что продолжительное разлитіе желчи оставляетъ по себѣ на долго, если не на всегда, слѣды въ покраскѣ кожи. Такъ накипѣла она на покровахъ бѣдныхъ нашихъ заграничныхъ единокровныхъ братьевъ!

Мнѣ могутъ возразить, что расовая окраска кожи явленіе не случайное, а врожденное, передающееся изъ рода въ родъ, даже при переселеніи цвѣтнаго субъекта изъ одной страны въ другую, гдѣ всѣ люди имѣютъ кожу бѣлую. Не отвергая наслѣдственности различныхъ накожныхъ отпечатковъ, скажу въ отвѣтъ, что наслѣдственность этихъ отпечатковъ всегда можетъ имѣть свое начало; такъ напримѣръ, у отца и матери, имѣющихъ лица безукоризненной чистоты, раждается сынъ съ большимъ коричневымъ пятномъ на лицѣ, женится на женщинѣ, у которой, какъ ни у самой такъ и ни у родителей ея, никакихъ особыхъ помѣтокъ нѣтъ, и эта женщина раждаетъ пятерыхъ дѣтей, совершенно съ такими же пятнами на лицѣ, какія существуютъ у ея мужа. Дѣти, въ свою очередь, производятъ новое поколѣніе съ дѣдовскими отмѣтками на лицѣ и т. д. Но бываетъ и на оборотъ. У животныхъ это встрѣчается еще чаще.

Что касается до волосъ, устройство ихъ вполнѣ сходно съ устройствомъ кожицы (какъ уже выше сказано), только поверхностный слой клѣточекъ нѣсколько длиннѣе. Цвѣтъ ихъ не представляетъ надежнаго признака для обозначенія расы. Новѣйшіе антропологи указываютъ на ихъ длину, очертаніе, завручиваніе, лосность и проч., но и на этихъ признакахъ мы не можемъ основать твердаго положенія, по причинѣ обилія видоизмѣненій въ каждой расѣ. Prunerberg написалъ цѣлую книжку по поводу замѣченнаго имъ различія въ очертаніи волоса и распредѣленіи въ немъ клѣточекъ красящаго начала, т. е., центральной его части; но если вглядѣться въ приложенные къ его сочиненію рисунки, то мы много найдемъ сходнаго въ волосѣ Индѣйца съ волосомъ Европейца.

Закончимъ наше обозрѣніе расовыхъ свойствъ общихъ покрововъ изслѣдованіемъ признака, послужившаго Линнею поводомъ къ установленію отдѣльной расы съ уродливыми возвышеніями въ нижнихъ частяхъ тѣла, (Бушменъ, въ отродьѣ Готтентотовъ). Я сказалъ уже, что къ этому расовому отдѣлу можно присоединить противоположное свойство общихъ покрововъ — исхудалость ихъ (Patêt *) обитатели залива короля Георга въ Австраліи). Оказывается, что эти два противоположныя видоизмѣненія очертаній тѣла зависятъ отъ большаго или меньшаго развитія подкож-

*) Histoire naturelle de l'homme, Prichard, Paris 1843. T. II, p. 73, pl. XXIII.

Digitized by Google

ной клѣтчатки, проявляющихся въ случайныхъ формахъ и у прочихъ расъ человѣческаго рода, какъ въ болѣзненномъ состояніи, такъ и въ соврожденномъ. Разительный примѣръ усиленнаго развитія подкожной клѣтчатки представляетъ намъ, такъ называемая, слоновая опухоль или арабская болѣзнь (elephantiasis arabum) извѣстная еще въ глубокой древности.

Изъ этого уже краткаго изслѣдованія расовыхъ отличій человѣческихъ породъ, мы легко можемъ вывести: 1) ихъ первоначальное происхожденіе, способы распространенія и утвержденія въ извѣстномъ племени и 2) достаточны ли они для того, чтобы принять ихъ за твердое основаніе для установленія классификаціи человѣческихъ породъ. Объемъ времени, назначенный для моей лекціи, не позволяетъ мнѣ войти въ сравненіе съ изложенными расовыми признаками и другихъ существующихъ въ прочихъ органахъ человѣческаго тѣла. Изъ этого сравненія мы могли бы вывести болѣе точныя данныя для этого; но уже сказаннаго достаточно, чтобы судить на сколько отдѣльная спеціальная наука о человѣкѣ можетъ быть независима отъ другихъ спеціальностей и на сколько можетъ она установить за собою полное названіе — Антропологія.

Н. Никитинъ.

Digitized by Google

ЭТНОГРАФІЯ И ПРАВО.

По своему направляющему значенію для жизни, право соприкасается всѣмъ наукамъ, имѣющимъ предметомъ своимъ изслѣдованія о человѣкѣ. Ничто человѣческое не чуждо ему. Охраняя жизнь въ ея формахъ достиженія блага, право не можетъ оставаться только отвлеченною идеей, а неразрывно связано съ жизнью, со всѣми ея явленіями. Тотъ не юристъ, кто не способенъ понять дѣйствительности и ограничивается отвлеченными умствованіями о правѣ; только путемъ наблюденія наука права можетъ освободиться отъ безплоднаго формализма логическихъ построеній. Она обновлялась и почерпала всегда новыя силы отъ соприкосновенія съ другими науками, имѣющими предметомъ своимъ природу человѣка и его общественный бытъ.

Исторія уже оказала свою дѣятельную и плодотворную помощь наукѣ о правѣ. Въ послѣднее время всѣми сознается связь права съ политическою экономіей, такъ что многіе затрудняются въ проведеніи границы между областями обѣихъ наукъ. Повидимому, теперь наступила очередь естественныхъ наукъ; необходимо опредѣлить точнѣе, въ какомъ отношеніи находятся онѣ къ ученію о правѣ, что между ними общаго и въ чемъ состоитъ ихъ различіе.

Наука о правѣ уже усвоила себѣ тотъ методъ изслѣдованія, который до сихъ поръ считался исключительно принадлежащимъ естествознанію; понятіе объ обществѣ, какъ о живомъ организмѣ, навело на мысль отыскивать въ немъ тѣ же отправленія, какія существуютъ въ физіологической сторонѣ человѣка; проводится параллель между нравственными явленіями и естественными (Левенгардтъ); юристы говорятъ объ анатоміи права, о физіологіи общества и тому под.

При такомъ направленіи науки, вопросъ объ отношеніи права къ антропологіи и этнографіи долженъ былъ возникнуть снова, и предстоящая этнографическая выставка послужитъ отчасти къ его разрѣшенію. Одежда, домашняя утварь, картина свадебныхъ обрядовъ, даже скелеты наглядно возбудятъ въ юристѣ представленіе о формахъ юридическаго быта различныхъ племенъ; онъ увидитъ, на сколько богатый матеріалъ этнографіи можетъ объяснить разнообразіе и сходство въ юридическихъ институтахъ.

Digitized by Google

Съ своей стороны я считаю нелишнимъ предварительно указать на тѣ пункты, въ которыхъ антропологія и этнографія сходятся и расходятся съ правомъ и напомнить о сдѣланныхъ уже попыткахъ закрѣпить связь между этими науками.

—

Вопросъ о человѣческихъ породахъ, составляющій предметъ антропологіи, не остался чуждымъ наукѣ о правѣ и обществѣ. Первые торговцы Неграми, американскіе плантаторы и даже многіе европейскіе публицисты основывали господствующее и подчиненное положеніе народовъ на различномъ устройствѣ ихъ черепа и скелета, на качествѣ ихъ кожи, цвѣтѣ волосъ и проч.; по ихъ мнѣнію, соціальное положеніе расы опредѣляется непреложно ея внѣшними признаками; явилось ученіе о проклятыхъ породахъ, о законности рабства вслѣдствіе тѣлесныхъ свойствъ племени. Этотъ фаталистическій взглядъ на общественное положеніе лицъ находитъ защитниковъ и въ настоящее время. Еще недавно въ журналѣ лондонскаго антропологическаго общества доказывалось, что положеніе рабовъ условливается ихъ породою: «общественное положеніе раба, сказано въ Antropological Review (1866, apr., p. 125), какъ во время рабства, такъ и послѣ эманципаціи, опредѣляется отношеніемъ его породы къ породѣ господина, кто не сознаетъ этой истины, тому нужно поучиться не только антропологіи, но и исторіи»; въ другомъ мѣстѣ авторъ отрицаетъ равенство даже тѣхъ племенъ, которыя служатъ представителями цивилизаціи: «неужели, говоритъ онъ, Тевтоны, Кельты и Славяне одинаково способны пріобрѣсти свободу и пользоваться ею (ibid. p. 127)?»

Еслибъ всѣ антропологи придерживались такого взгляда, то наукѣ о правѣ пришлось бы объявить рѣшительный разрывъ и борьбу съ антропологіей: связь между ними противорѣчила бы тому призванію, которое должно было исполнить и дѣйствительно исполнило право, охраняющее всѣмъ равно блага общественной жизни, чуждое понятія о породахъ, вызывающее свободу человѣческаго духа. Но въ области самой антропологіи анатомическая школа Блуменбаха вызвала протестъ: въ основу различія человѣческихъ расъ стали полагать не тѣлесныя особенности, а языкъ или первовачальное мѣсто жительство; большинство антропологовъ принадлежитъ или къ лингвистической школѣ (Притчардъ, Джонсъ, Шлейхеръ), или къ географической (Агассизъ). «Понятія о расахъ, говоритъ Мюллеръ (Geogr. Iahrbuch von Behm, 1866, p. 484) такъ неопредѣленны, что на основаніи ихъ нельзя создать науки. Изъ горячихъ споровъ, которые издавна ведутъ между собою антропологи, оказывается что вопросъ остается далеко неразъясненнымъ. Многіе серіозные изслѣдователи утверждаютъ, что породы не суть первоначальныя и неизмѣнныя явленія, но являются результатами климата, образа жизни и другихъ условій, зависящихъ отъ природы и отъ измѣняющихся человѣческихъ отношеній.»

Такимъ образомъ антропологія въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей сливается съ этнографіей. Сочиненіе Вайтца, не смотря на свое заглавіе, столько же относится къ антропологіи, какъ и къ праву; отвергая фаталистическій приговоръ надъ народами, авторъ начерталъ картину первыхъ зачатковъ цивилизаціи, первыхъ общественныхъ учрежденій и первыхъ юридическихъ институтовъ; въ Антропологіи Вайтца занимаютъ видное мѣсто указанія на семейное право, собственность, договоры, наслѣдство, судопроизводство, потому что безъ этихъ указаній картина жизни пер-

Digitized by Google

вобытныхъ народовъ была бы неполною и многое осталось бы не понятнымъ. По словамъ одного ученаго (Зелигманъ въ Geogr. Jahrb. p. 427), «научная антропологія имѣетъ задачею не только описаніе и изслѣдованіе отличительныхъ признаковъ породъ, но и объясненіе ихъ изъ опредѣленныхъ условій, отысканіе законовъ для нихъ.» Въ ряду этихъ условій безспорно значительная доля принадлежитъ юридическимъ формамъ быта, а потому антропологія должна по необходимости, вмѣстѣ съ этнографіей, воспользоваться выводами науки о правѣ.

Что касается до того содѣйствія, которое этнографическія изслѣдованія могутъ оказать юристамъ, то сознаніе о немъ существовало постоянно. Разрѣшенія вопросовъ объ особенныхъ формахъ права у разныхъ народовъ искали въ естественныхъ условіяхъ, при которыхъ слагается общественный порядокъ; этимъ условіямъ придавали нерѣдко слишкомъ большое значеніе, впадали иногда въ крайность и забывали вовсе творческую силу права.

Отправляясь отъ того вѣрнаго положенія, что всѣ явленія жизни не случайны, а имѣютъ свое основаніе, еще древніе искали этого основанія для права въ непреложномъ и неизмѣнномъ вліяніи внѣшней природы. Такимъ неизмѣняющимся условіемъ прежде всего представлялся климатъ. Иппократъ и Діодоръ Сицилійскій, Боденъ, Вико, Монтескье и Бокль старались объяснить климатическимъ вліяніемъ разнообразіе права, общественнаго быта и учрежденій. Рабство, значеніе семейства, труда и признаніе личности ставились въ прямую зависимость отъ климата. Особенно подробно говоритъ объ этомъ Монтескье, посвятившій вопросу о вліяніи климата на законодательство книги 14—18 своего сочиненія Esprit des lois.

Монтескьё указалъ на нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ юридическіе институты и обычаи объясняются безусловнымъ подчиненіемъ человѣка природѣ; по его словамъ, въ жаркомъ климатѣ la nature a une force et la morale une faiblesse; инстинкты имѣютъ здѣсь непреодолимую силу, тогда какъ въ странахъ умѣренныхъ самодѣятельность лица получаетъ большее значеніе. Примѣры, приводимые Монтескьё, выбраны наудачу; нѣкоторые изъ нихъ отличаются остроуміемъ и наблюдательностью, другіе грѣшатъ крайностью: такъ, онъ считаетъ пьянство необходимымъ явленіемъ на сѣверѣ и старается исключительно климатическими условіями объяснить положеніе женщины. По его словамъ, въ жаркихъ странахъ женщины достигаютъ физической зрѣлости 8—10 лѣтъ отъ роду; онѣ выходятъ замужъ еще дѣтьми и старѣются въ 20 лѣтъ; поэтому сила и вліяніе красоты у нихъ не совпадаетъ съ силою ума; когда приходитъ разумъ, красота исчезаетъ, и женщины всегда остаются въ подчиненномъ положеніи; основываясь на этомъ исключительномъ вліяніи климата, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ умѣренномъ климатѣ женщины уравниваются съ мужчинами, а въ холодномъ онѣ господствуютъ, потому что неподвержены пьянству, которое составляетъ климатическую необходимость для всѣхъ мужчинъ. Впрочемъ, объясняя извѣстныя стороны быта вліяніемъ климата, Монтескьё не придаетъ этому вліянію характера безусловнаго; онъ говоритъ, что законы должны противудѣйствовать, а не потворствовать порокамъ, свойственнымъ климату; такъ, онъ порицаетъ покровительство монастырямъ въ южныхъ странахъ и хвалитъ обычай, по которому въ Китаѣ императоръ каждую весну ходитъ за плугомъ, подавая тѣмъ примѣръ трудолюбія.

Digitized by Google

По слѣдамъ Монтескьё въ новое время Бокль указалъ на экономическое вліяніе климата, который не только вызываетъ большую или меньшую энергію труда, но также опредѣляетъ постоянство занятій и привычекъ: въ холодныхъ странахъ напр. это постоянство невозможно, а потому здѣсь необходимо возникаетъ свобода труда. Бокль объясняетъ рабство климатическимъ вліяніемъ, хотя въ этомъ объясненіи не сходится съ Монтескье; по его мнѣнію, здѣсь дѣйствуетъ не столько разслабленіе силъ, сколько явленіе экономическое: на востокѣ человѣкъ нуждается въ меньшемъ количествѣ пищи, поэтому заработная плата здѣсь очень низка и положеніе рабочихъ переходитъ въ рабство; въ Европѣ напротивъ, вслѣдствіе высшей заработной платы, распредѣленіе богатства болѣе равномѣрно, а потому личная независимость обезпечивается вѣрнѣе (Hist. of civilization, I. 59).

Въ связи съ климатическими условіями ставилось свойство почвы, географическое положеніе страны, преимущественное занятіе земледѣліемъ или торговлею, развитіе селъ или городовъ и проч. Юристы и политики видѣли извѣстное соотвѣтствіе между этими явленіями и правомъ, но по необходимости должны были останавливаться на объясненіи ближайшихъ причинъ, не приходя ни къ какому теоретическому выводу. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно было допустить непреложность вліяній внѣшней природы уже потому, что извѣстныя причины производили неодинаковыя послѣдствія: на одной и той же почвѣ, при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ могла существовать свободная Греція и деспотическая Турція; на римскомъ форумѣ происходили историческія явленія столь разнообразныя, что никто не рѣшался вѣрить, чтобъ ихъ освѣщало одно солнце; почва земли измѣнялась подъ руками человѣка, и самъ Монтескьё, указывавшій на вліяніе климата, въ другомъ мѣстѣ пришелъ къ заключенію, что земледѣліе процвѣтаетъ не въ той мѣрѣ, въ какой страна одарена отъ природы, а въ мѣрѣ своей свободы: Голландія и Англія далеко опередили въ этомъ отношеніи Италію и Испанію. Вѣра въ возможность нравственнаго усовершенствованія не могла примириться съ роковымъ вліяніемъ природы, осуждающей будто бы цѣлый народъ на опредѣленную и неподвижную общественную форму.

Выше внѣшней обстановки и вліяній необходимо было признать новую силу, которая творитъ право и овладѣваетъ природою.

Такою силою признанъ былъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія народный духъ или геній, свойственный извѣстному племени и проявляющій себя въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Боппъ и братья Гриммы, Савиньи и Эйхгорнъ въ разныхъ областяхъ народной жизни отыскивали выраженія этого духа въ данное время; новѣйшіе изслѣдователи продолжаютъ и теперь эту работу: Лазарусъ, Михаэлисъ предприняли изданіе двухъ журналовъ, съ цѣлью разъяснить народную психологію и такъ-называемую культурную исторію. Всякое проявленіе народной жизни получило смыслъ и для этнографа и для юриста; народные обычаи, пословицы, преданіе сдѣлались предметомъ уваженія; право поставлено было въ связи со всею народною жизнью, и видимымъ, наглядным выраженіемъ этой связи сдѣлались присяжные и представители, призванные къ участію въ составленіи законовъ. Результаты новаго направленія оказались въ высшей степени плодотворны и для науки и для жизни. Право перестало являться произвольнымъ философскимъ началомъ; этнографія не ограничивалась болѣе указаніемъ на непреложные законы природы; объ нау-

Digitized by Google

ки нашли общую почву — жизнь народа въ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Нерѣдко одна, по видимому, мелкая черта народныхъ нравовъ объясняла многое; постройки, домашняя утварь, имя напоминаютъ о правѣ и юридическихъ институтахъ.

Для примѣра можно привести способъ постройки деревень у разныхъ народовъ, въ которомъ отражаются формы собственности отдѣльной, общинной и родовой. Такъ, въ Германіи деревни имѣютъ видъ отдѣльныхъ домовъ и усадебъ, между которыми находится пашня; наши славянскія села представляютъ собою тѣсно сплоченныя усадьбы, за которыми тянутся поля и луга; въ Индіи всѣ дома строятся подъ одною сплошною кровлею, такъ что цѣлая деревня кажетъ видъ одного зданія съ многочисленными пристройками. Конечно, не эта форма поселеній имѣла вліяніе на понятіе о собственности; она была только внѣшнимъ воспроизведеніемъ того, что̀ заключается въ сознаніи народа: этнографъ воспользуется этимъ указаніемъ такъ же, какъ и юристъ для объясненія народной особенности, — но ни тотъ, ни другой не примутъ послѣдствіе за причину. Кому неизвѣстно, что великолѣпная ратуша въ старыхъ городахъ служитъ признакомъ развитаго муниципальнаго устройства, а развалины замка или тщательно-поддерживаемой готической замокъ означаютъ, что въ странѣ существуетъ аристократія? Это — особенности народа, этнографическія и юридическія, указатели быта, но не его источникъ и сила. Построить ратушу или замокъ не значитъ укоренить муниципальное управленіе или аристократію въ странѣ. Громадныя казенныя зданія въ столицахъ указываютъ на централизованное государственное управленіе; но самоуправленіе достигается не разрушеніемъ этихъ зданій, а законодательствомъ.

То же самое можно сказать и о другихъ явленіяхъ народной жизни, объясняющихъ право, но также вызванныхъ правомъ. Народный духъ, первый источникъ того, что̀ доступно нашему наблюденію, представляется неразгаданною таинственною силою: онъ самъ видоизмѣняется и образуется при различныхъ вліяніяхъ и принужденъ отстаивать себя, облекаясь боевыми доспѣхами національности. Языкъ, нравы и обычаи указываютъ намъ на извѣстныя понятія, но понятія измѣняются, выясняются; мы отыскиваемъ въ народѣ его особенности, дѣйствующее въ немъ право, но не можемъ сказать, чтобы то, что̀ мы нашли, было послѣднимъ словомъ науки и жизни. И если этнографія можетъ довольствоваться существующими проявленіями народнаго духа, то право не останавливается на немъ, а ищетъ вѣчныхъ законовъ справедливости.

Можно бы привести множество примѣровъ тому, что извѣстная форма быта и права измѣнялась и что право не можетъ оставаться пассивнымъ отраженіемъ того, что̀ существуетъ въ дѣйствительности. Изслѣдователи явленій народнаго духа придаютъ имъ слишкомъ большое значеніе въ области права. Такъ, говорятъ, что одни народы одарены способностью къ городской жизни, другіе осуждены жить въ селахъ; Галлы напр., подобно древнимъ Грекамъ, съ перваго раза образовали крѣпкіе города, тогда какъ Германцы и Славяне по преимуществу сельскіе жители: Лонгобарды, Бургунды и Готы не строили въ Галліи новыхъ городовъ, нашли ихъ готовыми, въ Германіи же города основывались съ большимъ трудомъ, по приказанію, насильственно. Отъ этой прирожденной способности заключаютъ объ общественной формѣ. Горожане по преимуществу отличаются демократическимъ направленіемъ, сель-

Digitized by Google

чане же суть консерваторы и вызывают земледѣльческую аристократію. У городскихъ жителей собственность простирается на всякаго рода имущество, bona, biens; у насъ «имѣніе», у Нѣмцевъ Gut означаетъ исключительно землю. Далѣе, въ селахъ встрѣчаются чаще всего преступленія противъ лица, въ городахъ — противъ собственности; у народа земледѣльческаго, при его бѣдности, преобладаютъ тѣлесныя наказанія, съ которыми соединяются отсутствіе понятія о чести и проч.

Не отвергая правильности этихъ наблюденій, юристъ не можетъ считать ихъ для себя безусловными. Онъ скажетъ, что муниципальные законы вызвали въ Германіи города и городскую жизнь, что отмѣна тѣлеснаго наказанія вызывала понятіе о чести, что свобода труда и обмѣна увеличиваетъ богатство, которое состоитъ не въ одной землѣ, но и во всякаго рода цѣнностяхъ, что участіе въ общественныхъ дѣлахъ вызываетъ интересъ къ нимъ. И это вліяніе права неограничивается какимъ-либо народомъ, независитъ отъ его этнографическихъ особенностей, а прилагается и оправдывается повсюду.

Между тѣмъ проявленія народнаго духа или народной жизни, повторяющіяся съ извѣстною опредѣленностью, навели многихъ на мысль, что въ нихъ выражается непреложный законъ, что свободною дѣятельностью лицъ управляетъ роковая необходимость.

Еще Савиньи признавалъ право чѣмъ-то безсознательнымъ, непреложнымъ. По его мнѣнію, право не можетъ быть измѣнено ни отдѣльнымъ лицомъ, ни даже извѣстнымъ поколѣніемъ народа: оно принадлежитъ всѣмъ преемственно-слѣдующимъ поколѣніямъ, какъ представителями народнаго духа. Настоящее обязано пассивно ожидать, чтобъ надъ нимъ выразилась сила времени, судьбы, исторіи; всякая кодификація останавливаетъ или извращаетъ такое выраженіе; право должно быть простымъ зеркаломъ народной жизни; законодатель, по выраженію Амари (Scienza delle legislaz. p. 281) есть неболѣе, какъ секретарь или регистраторъ данной эпохи.

Вслѣдствіе этого естественное право превратилось въ формулированіе того, что̀ уже существуетъ; выше всего ставилось такъ-называемое «законодательство безъ законодателя»; оно является готовымъ во всякое время, — стоитъ только наблюдать и вывести соціяльный законъ. Въ такомъ дагерротипномъ отраженіи права полагали его силу, положительность или позитивизмъ. Шарль Контъ предложилъ чисто-механическую методу составленія законовъ. По его мнѣнію, нужно расположить въ извѣстномъ порядкѣ существующія отношенія между лицами, описать условія ихъ существованія, причины и слѣдствія; законы этого существованія и составляютъ право. Это участіе послужило основаніемъ новой школы Кетле, которая въ настоящее время имѣетъ много послѣдователей.

Прилагая къ жизни теорію вѣроятности, Кетле пытался отыскать средняго нравственнаго человѣка, подобно тому, какъ существуетъ средній физическій человѣкъ. Онъ пришелъ къ заключенію, что свобода отдѣльныхъ лицъ не существуетъ, такъ какъ общество непремѣнно воспроизводитъ опредѣленное количество извѣстнаго рода дѣйствій; статистика указываетъ, что въ данномъ государствѣ ежегодно совершается одинаковое число браковъ, преступленій, отправляется опредѣленное число писемъ, однимъ словомъ, — всѣ лица приближаются болѣе или менѣе къ среднему соціяльному человѣку. Эти выводы навели одного изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ мыслителей на грустное раздумье о томъ, что

Digitized by Google

средній человѣкъ получаетъ преобладающее значеніе, что личность и характеры блѣднѣютъ и стираются массою. Общественная физика Кетле нашла послѣдователей между юристами и привела ихъ къ такимъ построеніямъ права, въ которыхъ являются дѣйствующими не живыя лица, а отвлеченныя роковыя силы.

Но наблюденія и выводы Кетле нисколько не колеблютъ значеніе права, какъ отдѣльной нравственной силы. Они указываютъ только на то, что общественныя условія измѣняются медленно, что слѣдовательно дѣйствія, совершающіяся подъ ихъ вліяніемъ повторяются въ болѣе или менѣе одинаковой формѣ и въ равномъ числѣ. Но право, законъ можетъ измѣнить это однообразіе. Если сравнить напр. количество преступленій до изданія извѣстнаго уголовнаго кодекса и послѣ него, то увидимъ значительную разницу: пониженіе почтовой таксы значительно увеличиваетъ количество писемъ, посылаемыхъ въ странѣ; законы о тарифѣ имѣютъ рѣшительное вліяніе на преступленіе контрабанды; наши новые суды окажутъ, конечно, благодѣтельное дѣйствіе на народную нравственность и проч.

Я не думаю отвергать пользу уголовной статистики; она служитъ указаніемъ на народные нравы, она объясняетъ законодателю, противъ чего слѣдуетъ бороться и что нужно охранять. Изслѣдованія народной жизни, этнографическихъ и историческихъ особенностей народа даютъ матеріялъ для права, но этнографія даже и въ этомъ болѣе широкомъ значеніи не совпадаетъ съ правомъ. Если справедливо говорятъ: quid leges sine moribus, то еще съ большимъ правомъ можно сказать: quid mores sine legibus. Законодательство не есть только зеркало его быта; оно не можетъ вносить на свои скрижали все то, что выражается въ жизни; оно не должно относиться безразлично къ предразсудкамъ и неправдѣ; оно не обязано быть на сторонѣ большинства; оно воспитываетъ въ народѣ чувство и сознаніе справедливости.

Проводниками лучшихъ, высшихъ началъ всегда являлись преобразователи, которые вели народъ на пути развитія посредствомъ новыхъ законовъ. На слово правды и свободы, произнесенное народными вождями, всегда откликнутся лучшіе люди, готовые послужить родной землѣ, внести новую жизнь, работать надъ улучшеніемъ нравовъ. Не этнографическія особенности, а начала правды и добра въ состояніи исполнить эту задачу.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось ровно сто лѣтъ отъ перваго призыва русскихъ людей къ составленію Уложенія. Императрица въ своемъ Наказѣ начертала цѣлую систему законодательства, которое должно было вызвать народъ къ новой жизни. Этотъ Наказъ послужилъ италіянскому ученому Филанджіери орудіемъ противъ ученія Монтескьё о вліяніи климата. Пораженный важностью задуманнаго Екатериною дѣла, онъ указывалъ на ту великую задачу, которую должно выполнить законодательство въ странѣ, гдѣ климатъ представляетъ неблагопріятныя условія. Филанджіери, подъ впечатлѣніемъ Наказа, написалъ слѣдующее: «повидимому, скипетръ Европы, которой переходилъ отъ Испаніи къ Франціи и отъ Франціи къ Англіи, достается теперь Москвитянамъ. Они получаютъ на него право своими хорошими законами. Быть-можетъ это преимущество останется за Русскими надолго и когда-нибудь всѣ Европейцы усвоятъ себѣ законодательство этой трезвой націи. Наказъ Екатерины наводитъ на меня гораздо болѣе размышленій, чѣмъ флотъ, посланный ею въ Архипелагъ.»

Ожиданія Филанджіери не сбылись. Ни мысль императрицы о русскомъ уложеніи,

Digitized by Google

ни планы ея на Востокѣ не увѣнчались немедленнымъ успѣхомъ. Но въ жизни народа великія мысли не проходятъ безслѣдно, и отложить исполненіе не значитъ отказаться отъ него. Законодательная дѣятельность послѣднихъ лѣтъ, то воспитательное значеніе, которое имѣетъ она для поднятія въ народѣ чувства нравственнаго долга и гражданской свободы служатъ ручательствомъ, что предсказаніе италіянскаго ученаго и планы великой императрицы близки къ осуществленію. Наши суды и наше земство, такъ же какъ и наша дипломатія стоятъ въ уровень съ тѣмъ завѣтомъ, который на разстояніи цѣлаго вѣка слышится громко и явственно.

М. Капустинъ.

Digitized by Google

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ОБЛАСТИ ПРАВА.

I.

Мм. Гг.

Предметъ своихъ чтеній я обозначилъ такимъ выраженіемъ, которое явно имѣетъ два значенія, смотря по тому, на какомъ словѣ сдѣлать удареніе. Если вы возвысите голосъ при словѣ: человѣкъ, то смыслъ фразы будетъ тотъ, что въ области права дѣйствуетъ, или имѣется въ виду не сановникъ, не чиновникъ, не гражданинъ, или подданный, а человѣкъ, и только человѣкъ, но всякій человѣкъ. Это — положеніе современной науки права, равно какъ основаніе провозглашенія правъ человѣчества въ первую французскую революцію. Не скажу при этомъ, что бы теорія права или французская революція остались вполнѣ вѣрны своему началу; потому что во время той же революціи допущена была формула обращенія лица къ лицу: гражданинъ А, гражданка В, а въ теоріи права до сихъ поръ говорятъ не вообще о человѣческихъ дѣйствіяхъ, а только о гражданскихъ сдѣлкахъ, да о проступкахъ и преступленіяхъ. Мы думаемъ напротивъ, что въ правѣ дѣйствуетъ весь человѣкъ. Недавнее введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій успѣло однакоже каждому изъ насъ показать, что въ судѣ разсматриваютъ не одни внѣшнія дѣйствія человѣка, и что судъ предлагаетъ вопросы о томъ, съ намѣреніемъ совершено дѣйствіе или безъ намѣренія, — предумышленно или безъ предумышленности, — или, если отвѣтчикъ отказывается платить по копіи съ заемнаго письма, то ему предлагаетъ вопросъ, не считаетъ ли онъ себя должнымъ, по совѣсти, — а если совѣсть молчитъ, то могутъ обратиться къ его религіозному чувству, къ присягѣ. Слѣдовательно, на судѣ принимаютъ во вниманіе и религіозную и моральную сторону гражданскаго, по видимому, внѣшняго дѣйствія. Прибавлю, что исторія положительнаго права у разныхъ народовъ ясно свидѣтельствуетъ, что это право возрастало и расширялось, по мѣрѣ развитія разумныхъ и моральныхъ началъ жизни въ народѣ и въ человѣчествѣ, для котораго сначала было довольно десяти заповѣдей, XII таблицъ, короткихъ распоряженій варварскихъ законовъ (Leges Barbarorum) и Русской Правды объ убійствѣ, разбоѣ, воровствѣ, а потомъ являлись обширные законодатель-

Digitized by Google

горизонтальной плоскости; но въ человѣчествѣ замѣчается еще борьба въ плоскости вертикальной, сверху внизъ и снизу вверхъ, борьба отдѣльнаго человѣка съ обществомъ, единичности или особности съ цѣлымъ, съ общимъ, борьба юридическая исконная и вѣчная, по вѣчному воспроизведенію въ обществѣ отдѣльныхъ лицъ и недѣлимыхъ. Кому предсказать и пожелать тутъ побѣду?

Начнемъ вопросомъ о значеніи человѣческаго общества, потому что отдѣльнаго человѣка изучаютъ и антропологи и натуралисты и этнографы и т. д. Очевидно, что слово: общество произошло отъ слова: общій, а все общее играетъ въ мысли и въ жизни человѣка особую роль. Знаемъ, что мы не можемъ ничего представить, сознать или пожелать опредѣленно, ясно и точно, не думая, что не можемъ думать не говоря, хотя мыслимъ сами съ собою; не можемъ думать не употребляя словъ, изъ которыхъ каждое выражаетъ собою общее понятіе, и притомъ такое общее, что въ каждомъ языкѣ, для выраженія всего сознаваемаго и познаваемаго цѣлымъ народомъ, цѣлыми десятками милліоновъ мыслящихъ головъ, существуетъ весьма не много словъ, по крайней мѣрѣ, опредѣленное число, напр. 70.000, или 100.000. Сколько словъ, столько понятій въ народѣ, и не болѣе. Очевидно, что мыслимъ мы, посредствомъ общаго, что общее служитъ условіемъ для мысли, для познанія, для знанія. Мыслить значитъ опредѣлять частное и данное явленіе общимъ понятіемъ, напримѣръ: это липа, или береза, или груша; липа, береза, груша—дерево; дерево есть организмъ растительнаго царства; далѣе вещество, существо и т. д. Каждое понятіе даетъ намъ болѣе, чѣмъ сколько даютъ чувства, а потому, чѣмъ отвлеченнѣе, чѣмъ общнѣе, или выше опредѣляющее общее понятіе тѣмъ шире, глубже познаніе, тѣмъ истиннѣе положеніе, тѣмъ разумнѣе знаніе. Разумное обще, и только обще-разумно. Тѣмъ болѣе силы имѣетъ общее въ практической жизни человѣка, для котораго только общее справедливо, истинно, полезно, благо, потому что справедливое непремѣнно обще, какъ истинно полезное, истинно благое. Человѣкъ, безъ общихъ воззрѣній, есть человѣкъ безъ мысли, человѣкъ, безъ общихъ началъ, человѣкъ безъ правилъ. Поэтому, въ быту человѣческомъ, все общее воплощается въ союзахъ и въ обществахъ, которыя всегда выражаютъ общую мысль, общую задачу, общую потребность, общую цѣль, какъ первое и главное общество, образуемое общностію понятій, или языка, народъ.

Что же такое общество? Натуралисты заимствуютъ это понятіе у историковъ и юристовъ, и стараются найдти общества въ царствѣ растеній и въ жизни животныхъ, такъ что напримѣръ лошадиные охотники видятъ отцовъ и дѣтей въ конюшняхъ,— скотопромышленники открываютъ семейства въ хлѣвахъ, и натуралисты встрѣчаютъ общества въ пчелиныхъ ульяхъ и въ муравьиныхъ кучахъ. Одного лишь не находятъ натуралисты даже въ царствѣ животномъ, мужа и жены, и одного не видятъ они здѣсь—супружества, безъ котораго нигдѣ и никогда не обходится человѣкъ. Русскій языкъ мѣтко обозначилъ отношеніе производителей въ царствѣ животномъ словами: самецъ и самка, гдѣ каждый изъ производителей существуетъ самъ по себѣ, безъ всякой мало-мальски постоянной связи, не исключая плотоядныхъ, среди которыхъ, какъ среди собакъ и волковъ, не укажутъ на производителя данныхъ щенковъ, и гдѣ видимое сожитіе условливается только щенятами и волчатами до возраста, а не связію волка съ волчицей, и т. п. А это весьма важное указаніе на особое значеніе человѣческихъ об-

Digitized by Google

ществъ, выростающихъ на законѣ именно супружества. Только существа, способныя создавать и сознавать общія понятія, способны составлять общества; и, сколько бы ни находили внѣшняго сходства между пчелиными ульями и муравьиными кучами, съ одной, и человѣческими обществами съ другой стороны; въ существѣ, между нами пропасть и бездна, потому что человѣческое общество, и самое малое стремится разростись въ безконечность, и простѣйшая въ захолустьѣ русская деревня имѣетъ видимые пути къ сближенію съ цѣлымъ человѣческимъ родомъ, даже посредствомъ своихъ незатѣйливыхъ дорогъ.

Много, весьма много общихъ понятій, которыя могутъ послужить основою для образованія человѣческихъ обществъ, но для уясненія дѣла, постараемся найдти для нихъ постоянныя основы, постоянные признаки. Съ этою цѣлію, мы различаемъ два вида человѣческихъ обществъ, а именно: 1) общества гражданскія, договорныя, условныя, основанныя на соглашеніи, или разсчетѣ, и существующія для достиженія какой нибудь, или какихъ нибудь заранѣе опредѣленныхъ цѣлей, каковы напр. товарищества, артели, складчины, компаніи, даже общества ученыхъ художниковъ, или ученыя и артитическія общества, даже учреждаемыя правительствомъ званія и сословія. Очевидно, тутъ не лица соединяются въ одно, а ихъ извѣстныя средства: капиталы, работы, познанія, усилія, и вотъ почему въ такихъ обществахъ все зависитъ отъ лицъ, и характеръ гражданскихъ или договорныхъ обществъ опредѣляется свойствомъ ихъ членовъ; и 2) общества естественныя, или историческія, необходимыя, не гражданскія, а истинно человѣческія, существующія въ силу нашей человѣческой природы, связующія во едино лица во всей ихъ цѣлостности и полнотѣ, а потому имѣющія своими цѣлями всѣ цѣли человѣка и человѣчества, каковы напр. браки, семейства, общины, земства, народы, въ средѣ которыхъ отдѣльныя лица сами получаютъ характеръ окружающаго ихъ общества. Называемъ каждое такое общество естественнымъ и необходимымъ, потому что принадлежимъ къ нему по требованію нашей человѣческой природы, а не по разсчету, или произвольному соглашенію, условію и договору. Называемъ такое общество органическимъ, сложнымъ, составнымъ образующимся изъ элементовъ, завѣдомо неравныхъ и различныхъ, изъ высшихъ и низшихъ, сильнѣйшихъ и слабѣйшихъ, старѣйшихъ и младшихъ, отправляющихъ разнообразныя функціи, но такъ, что это разнообразіе служитъ явленіемъ и развитіемъ единой, цѣльной, индивидуальной, самостоятельной жизни того существа, которое называется обществомъ. Если вообще организмъ есть всякое обособленное существо, одаренное своею инаивидуальною жизнію; то надобно сказать, что органическая жизнь въ области растеній и животныхъ остановилась на индивидуальной формѣ, и что только въ быту человѣческомъ жизнь органическая возвышается и расширяется на всю безконечность человѣческихъ союзовъ и обществъ, изъ которыхъ каждый союзъ и каждое общество составляютъ обособленныя существа, одаренныя индивидуальною жизнію. Это общество называемъ также земскимъ или территоріальнымъ, потому что оно необходимо осѣдло, занимаетъ въ пространствѣ извѣстное мѣсто, всегда представляется географическою величиною, надѣленною извѣстнымъ количествомъ земельнаго владѣнія, какъ семья, или крестьянскій дворъ, сельская и городская община, уѣздное, или областное земство, народъ, на пространствѣ его земли, и государство въ предѣ-

Digitized by Google

лахъ его территоріи. Наконецъ это общество, въ отличіе отъ гражданскихъ обществъ, называемъ человѣческимъ, потому что въ немъ господствуютъ, развиваются и раждаются обще-человѣческіе интересы, вопросы, начала, и потому что каждое, самое мелкое изъ этихъ соединеній стремится къ сліянію съ обще-человѣческимъ единствомъ, съ человѣчествомъ, посредствомъ всѣхъ своихъ интересовъ, вопросовъ, задачъ и принциповъ.

Каждый отдѣльный человѣкъ, находясь въ этой общественной средѣ, окруженъ ею, какъ своею атмосферою, каждый отдѣльный человѣкъ, въ предѣлахъ своего общества, подчиняется вліянію этого общества, какъ разумнаго начала и въ этомъ выражается право общества и каждаго изъ его членовъ, или человѣка въ области права: каждый отдѣльный человѣкъ, постоянно и законно подчиняясь вліянію своей общественной атмосферы, становится проявленіемъ началъ и жизни своего общества, или его этнографическимъ типомъ. Чтобы вполнѣ убѣдиться въ этихъ положеніяхъ, стоитъ провести параллель между жизнію отдѣльнаго лица и жизнію человѣческаго общества, между ихъ жизнію видимою, физическою, и жизнію незрѣлою, духовною, начиная съ вопроса о происхожденіи.

Принимая общество, въ указанномъ смыслѣ, за особое, не зависимое отъ частныхъ лицъ существо, думаю, что могу найдти указанія на его происхожденіе въ той же Книгѣ Бытія, гдѣ разсказана исторія происхожденія первыхъ людей, и гдѣ выраженія: не добро быть человѣку одному, или: сотворимъ ему помощника по немъ, или: наполните землю, господствуйте надъ нею, или: въ потѣ лица твоего съѣшь свой хлѣбъ, — выраженія исключительно обращенныя къ людямъ, къ установленію между ними брака и семьи, работы и труда, даже до господства надъ землею, невозможнаго для отдѣльныхъ лицъ, эти выраженія несомнѣнно служатъ указаніемъ, что при самомъ сотвореніи человѣка положено основаніе для человѣческаго общества. Но первое общество было слишкомъ близко къ лицамъ, слишкомъ матеріально, зане плоть суть, по дальнѣйшему выраженію Библіи, такъ что въ немъ могло быть равное число Авелей и Каиновъ, а потомъ больше Каиновъ, и помысли Господь, продолжаетъ Св. Писаніе, и размысли: и одни изъ этихъ обществъ уничтожаются водой потопа, а другія пожираются огнемъ Геморры и Садома. Должно было и создать и воспитать человѣческое общество не посредственнымъ участіемъ божества, какъ то совершилось въ исторіи семействъ Авраама, Исаака и Іакова. Послѣ чего, сплотивши іудейское общество египетскимъ гнетомъ, можно было дать ему заповѣди вѣры и морали, — можно было вручить управленіе надъ нимъ его судьямъ, — можно было установить умѣренное управленіе, поддерживая въ народѣ начало личной свободы, при господствѣ рабства во всемъ остальномъ окружающемъ мірѣ.

Обращаясь за тѣмъ къ области опыта, повторимъ, что уже сказали, что бракъ въ человѣчествѣ необходимъ. Бракъ же заключается не по условію, или договору, а во исполненіе того жизненнаго, общаго принципа и чувства, которое называется любовію, и которое, подобно солнечному лучу, распадающемуся на нѣсколько цвѣтовъ, состоитъ изъ многихъ чувствъ, изъ сочувствія, дружбы, уваженія, иногда удивленія, часто даже ревности. Это — общее всецѣлое притяженіе одного лица къ другому лицу. Такою же любовію изъ брака создается семья, которой отдѣльныя лица одолжены бытіемъ, но не наоборотъ если не допустите невозможнаго, что семья основана на

Digitized by Google

договорѣ. Изъ лицъ состоятъ общества, но не лицами они составляются. И напримѣръ сколько бы ни взяли лицъ, хоть милліоны, но если въ нихъ нѣтъ общаго, связующаго начала, то, само по себѣ, эти лица не составятъ народа, какъ они не составятъ ни земства, ни общины, ни семьи.

Наружный видъ отдѣльныхъ лицъ опредѣляется извѣстнымъ типическимъ образомъ, а именно извѣстнымъ развитіемъ головы, шеи, стана, груди, рукъ и ногъ, при извѣстныхъ душевныхъ проявленіяхъ, памяти, воображенія, разума, воли. Только при этомъ типическомъ образѣ, человѣкъ признается за человѣка, но признается повсюду и всегда, такъ что отсюда происходитъ представленіе объ отдѣльныхъ людяхъ, какъ существахъ одинаковыхъ, похожихъ, равныхъ, а изъ этого представленія необходимо вытекаетъ идея о равенствѣ между людьми. Обращая же вниманіе на человѣческія общества, античныя, азіятскія и европейскія, средневѣковыя, западныя и восточныя, новыя въ различныхъ частяхъ свѣта, далѣе обращая вниманія на племена и народы, на области и провинціи, на города и села, на фамиліи и роды, мы несомнѣнно приходимъ къ заключенію о господствѣ въ человѣчествѣ разнообразія, различія, которыя отражаются на частныхъ членахъ этихъ обществъ, и до такой степени, смотря на портреты отдѣльныхъ лицъ, мы относимъ одного къ Стюартамъ, другаго къ Бурбонамъ, того къ Гогенцоллерамъ, къ Габсбургамъ, къ Англичанамъ, Нѣмцамъ, Китайцамъ и т. д. и т. д. Слѣдовательно разнообразіе есть свойство и продуктъ обществъ, какъ это разнообразіе есть проявленіе начала свободы, въ отличіе отъ начала равенства, однообразія порядка.

Отдѣльныя лица состоятъ изъ тѣла и души, или имѣютъ видимое, ощутимое тѣло, занимающее собою извѣстное пространство въ природѣ, и одарены особыми силами, принадлежащими къ отправленіямъ духа. Какъ видимое и ощутимое занимающее мѣсто въ пространствѣ, человѣческое тѣло есть принадлежность и предметъ физическаго міра, и потому даетъ поводъ называть самого человѣка физическимъ лицомъ, хотя это названіе—рѣшительная несообразность.

Самое тѣло человѣка есть живое существо, или животный организмъ, состоящій изъ разнообразныхъ частей, отправляющихъ разнообразныя функціи, не проникнутыхъ и связанныхъ единствомъ общей для всѣхъ частей, цѣлостной жизни; и въ тоже время это цѣлое органическое существо служитъ только орудіемъ, или органомъ для человѣческаго духа, или для души человѣка, въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ, или въ ея дѣйствіи на окружающій міръ. Матеріальное тѣло имѣетъ вѣсъ, способно къ движенію, способно къ работѣ, и работаетъ, какъ работаютъ рабочія животныя, или машины, которою мало-по-малу замѣняется работа въ человѣческомъ быту, гдѣ господствуетъ начало труда, или умственнаго движенія. Съ другой стороны матеріальное тѣло, особенно легко и съ особой силой, или энергіей возбуждается къ дѣятельности матеріальными побужденіями, или физическими потребностями, напр. ѣды, отдыха, моціона, которыя безраздѣльно или исключительно принадлежатъ извѣстному тѣлу, откуда необходимо выходитъ начало эгоизма; такъ что въ физическомъ быту человѣкъ является въ работѣ иногда съ замѣчательною энергіею, но всегда для своихъ исключительныхъ, или эгоистическихъ цѣлей. Общество имѣетъ свое тѣло, состоящее изъ живыхъ частей, или органовъ, предназначенныхъ къ разнообразнымъ отправленіямъ, слѣдовательно тѣло также органически, занимающее мѣсто въ пространствѣ, какъ географическая величина, и издавна нося-

Digitized by Google

щее названіе corpus, или корпорація. Въ тоже время, общество одарено духовными силами, проникнуто духовными, общими началами, идеями, идеальными стремленіями, которыя достигаются посредствомъ его внѣшней, тѣлесной организаціи. Извѣстно впрочемъ, какъ многіе, отрицая реальность, во всемъ, во что нельзя ткнуть пальцемъ, или чего нельзя топтать ногами, объявляютъ общество просто фикціей, вымысломъ, какъ будто фикція, а не семья плачетъ по умершемъ сочленѣ, вымыселъ, а не семья попокрывается стыдомъ, при совершенномъ ея сочленомъ преступленіи, какъ будто вымыселъ радуется, фикціи торжествуютъ и т. д. И хороша фикція, которая, какъ государство, рѣшаетъ тѣ или другія реальности: запереть въ тюрьму, сослать на каторгу, разстрѣлять, повѣсить. Хорошъ и вымыселъ, который разоряетъ край войною, обращаетъ города въ пепелъ, уводитъ населенія въ плѣнъ и наволю и т. п. Тѣлесности, конечно, не имѣетъ ни семья, ни народъ, ни государство, но тѣмъ не менѣе эти общества дѣйствительно живутъ и существуютъ, имѣютъ несомнѣнную реальность, которая выражается въ трудѣ, вызываемомъ потребностями отвлеченными, духовными, общими, а не матеріяльными и эгоистическими. Въ обществахъ стимуломъ для дѣятельности служатъ идеи, а принципомъ разумность.

Жизнь физическая отдѣльныхъ лицъ естественно, подлежитъ возможному вліянію внѣшней природы, начиная съ вліянія, но которому у недѣлимыхъ кожа, глаза и волоса окрашиваются извѣстнымъ цвѣтомъ, переходя къ вліянію, по которому жизнь недѣлимыхъ полна лишеній, страданій, болѣзней, и оканчивая тѣмъ, по которому слабость и ничтожество недѣлимыхъ предъ силами природы чувствуются нами отъ рожденія и до смерти. Жизнь обществъ выражается преимущественно въ стремленіи и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и тѣмъ чаще въ успѣхѣ стремленіе обществъ къ высвобожденію себя отъ географическихъ климатическихъ, физическихъ и разныхъ физіологическихъ вліяній природы. Гдѣ теперь не живетъ человѣкъ, при помощи колонизаціи, или совмѣстнаго способа разселенія и заселенія земли? Гдѣ теперь человѣкъ не устрояетъ того или другаго религіознаго культа, совершенно независимо отъ климата и почвы? Куда теперь не заноситъ человѣкъ сѣмень образованія, цивилизаціи, благоустроенной общественности, начиная отъ странъ полярныхъ и кончая экваторомъ? Нельзя не видѣть въ этихъ явленіяхъ особаго могущества, присущаго человѣческому обществу, которое одно побѣдоносно борется съ окружающею внѣшнею природою. Это законно и разумно. Съ состраданіемъ относимся мы къ отдѣльнымъ лицамъ, которыя подвергаются болѣзнямъ, пожарамъ, наводненіямъ и другимъ несчастіямъ, и, въ тоже время, негодуемъ на тѣ общества, которыя не принимаютъ мѣръ къ отстраненію себя и отдѣльныхъ своихъ членовъ отъ всякой опасности отъ болѣзней, огня, наводненій и вообще отъ дѣйствія природы. Отъ человѣческихъ обществъ мы требуемъ идеальныхъ совершенствъ, прощая отдѣльнымъ лицамъ неосторожность ихъ и даже вину. Мы вполнѣ убѣждены, что могущество человѣческаго общества равно всемогуществу внѣшней природы. Исторія нашей цивилизаціи—исторія побѣдъ, одержанныхъ обществомъ надъ природою.

Скажемъ наконецъ еще объ одной особенности, которая существуетъ въ физической жизни отдѣльныхъ людей, въ сравненіи съ жизнію обществъ, и которыя состоятъ въ кратковременности индивидуальной жизни. Еще Римляне говорили, что жизнь коротка, а наука продолжительна, vita bre-

Digitized by Google

vis, ars longa, и до сихъ поръ въ этомъ смыслѣ, мы жалуемся на скоротечность всего земнаго. Но теперь мы знаемъ, съ одной стороны, что вѣкъ Маѳусала коротокъ для пріобрѣтенія необходимыхъ свѣдѣній, опытовъ и знаній, если это пріобрѣтеніе совершать собственными усиліями одного человѣка; а, съ другой, что въ самый короткій періодъ времени, можно въ обществѣ снабдить умъ человѣка такими средствами, при которыхъ человѣкъ становится весьма полезнымъ, замѣчательнымъ, благодѣтельнымъ дѣятелемъ въ человѣческомъ родѣ. Жизнь нашихъ обществъ почти вѣчная жизнь, и при томъ постоянно возвышающаяся надъ каждымъ даннымъ своимъ уровнемъ, такъ что съ каждымъ новымъ поколѣніемъ жизнь общественная дѣлаетъ новый шагъ впередъ, а чрезъ то озаряетъ новымъ свѣтомъ жизнь своихъ наличныхъ членовъ, облагороживая, возвышая, развивая отдѣльныя лица до предѣловъ собственнаго уровня. Вотъ почему, чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже появляются тѣ исключительно недосягаемо высокіе и великіе люди, полубоги, герои, богатыри, которыми переполнены первыя преданія, или первыя страницы исторіи каждаго народа. Великость, благородство, великодушіе, самопожертвованіе становятся добродѣтелями и свойствами все болѣе и болѣе близкими ко всякому и каждому, и героизмъ дѣлается понятнымъ и доступнымъ для массъ. Такъ примиряется въ обществѣ печальная кратковременность частной жизни съ великостію человѣческой задачи.

II.

Мм. Гг.

Въ начертаніи той параллели, которую мы взялись превести между жизнію отдѣльныхъ лицъ и бытіемъ обществъ, мы доходимъ до сравненія духовной стороны этихъ человѣческихъ существъ, до сравненія души индивидуальной съ духомъ обществъ, или до сравненія проявленій души въ недѣлимыхъ и въ обществѣ. Душа! Но сколько теперь сомнѣвающихся въ самомъ бытіи души! И теперь ли только появились сомнѣнія? Когда же было время, въ которое всѣ были согласны въ признаніи бытія за существомъ, котораго нельзя ни видѣть глазомъ, ни осязать рукою? Не находятъ ли наконецъ, что умноженіе сомнѣвающихся соразмѣрно съ развитіемъ образованія въ странѣ? Весьма возможно, но такъ же неудивительно, какъ умноженіе случаевъ грамотности, или частое появленіе средствъ къ изученію исскусства читать и писать въ данной странѣ, по мѣрѣ успѣховъ ея въ наукахъ, въ искуствахъ, въ развитіи высшаго просвѣщенія. Много сомнѣвающихся означаетъ, что много думающихъ, изслѣдующихъ, изучающихъ. Но не можетъ ли все это кончиться отрицательнымъ отвѣтомъ? Нѣтъ, за это намъ порукой служитъ человѣческое общество, его духъ, его жизнь, его вліяніе на отдѣльныя лица. Сомнѣваются въ тѣлесности общества, уравнивая его въ этомъ отношеніи съ понятіемъ, съ фикціей, вымысломъ; но не могутъ отрицать дѣйствій общественнаго духа и его проявленій, его разума, его воли, его принциповъ, или началъ. Духъ народа іудейскаго, греческаго, римскаго, англійскаго, французскаго, нѣмецкаго, русскаго, духъ Японцевъ, Китайцевъ, Американцевъ,—не простое выраженіе, не одни слова, а могущество, творящее историческія событія. Есть

Digitized by Google

духъ у государствъ, есть духъ у областей, у Корсики, у Ирландіи, у Чехіи, у Закавказья, Малороссіи, Великороссіи; есть свой духъ въ той другой губерніи, въ томъ другомъ уѣздѣ. Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. Есть духъ у армій, въ полкахъ, въ корпусахъ, въ закрытыхъ и некрытыхъ заведеніяхъ, и притомъ часто почти въ буквальномъ значеніи, родъ атмосферы, которая можетъ измѣниться только полнѣйшимъ разрушеніемъ общества или учрежденія. Духовность общества необходимо поддерживаетъ увѣренность въ духовности недѣлимыхъ. Возраженія противъ бытія души, или сомнѣнія въ этомъ бытіи могутъ колебать то, или другое лицо, но, пока живъ духъ общества, признается жизнь индивидуальной души. Можетъ то или другое лицо сомнѣваться въ бытіи своей души, сколько его душѣ угодно, и между тѣмъ, живя въ обществѣ, оно подчинится требованіямъ своего общества жить, дѣйствовать, трудиться, существовать, по духовнымъ началамъ. Общество потребуетъ отъ него всѣхъ духовныхъ проявленій, развитыхъ познаній и воззрѣній, честныхъ и добрыхъ правилъ, разумныхъ, человѣческихъ началъ въ жизни. Кажется, что человѣческое общество призвано также одухотворять отдѣльныхъ людей, какъ внѣшняя природа выражаетъ свою жизнь, творя недѣлимые организмы. Перейдемъ къ своему сравненію духовной жизни у недѣлимыхъ и у обществъ, начиная съ самаго труднаго вопроса, о познавательной дѣятельности того и другаго изъ дѣятелей человѣческаго знанія.

Познавательная сторона индивидуальной духовной жизни обнаруживается во впечатлѣніяхъ, представленіяхъ, мечтахъ воображенія, въ дѣятельности памяти, разсудка, въ составленіи понятій, сужденій, умозаключеній, и наконецъ въ созданіи системъ и наукъ. Въ отличіе отъ всего этого общество не знаетъ впечатлѣній, лишено всѣхъ неясныхъ представленій, не имѣетъ игры воображенія, недоступно для мечты и фантазіи. Общество прямо начинаетъ съ понятій, съ сужденій, съ принциповъ. Самыя ложныя представленія общества въ извѣстный періодъ его развитія, и самыя фантастическія, сказочныя его воззрѣнія на предметы всегда имѣютъ видъ и достоинство общепризнанной истины, серьезной реальности. Ничего неорганическаго, или атомистическаго не теряется во внѣшней природѣ; ничего общаго, или выражающаго общій принципъ не изчезаетъ въ человѣческомъ обществѣ. Такимъ только образомъ жизнь недѣлимыхъ въ быту человѣческомъ не дѣлается безслѣдною, наполняя общество словами или понятіями, названіями и выраженіями, притчами и поговорками, пословицами и общими сужденіями, или сентенціями, сказками и пѣснями, изъ которыхъ общество постоянно удерживаетъ самое вѣрное, самое разумное, самое общее. И можно сказать, что, какъ въ природѣ, насъ окружающей, существуютъ и дѣйствуютъ законы, которыхъ сознаніе составитъ науку въ объективномъ смыслѣ; такъ въ обществѣ живутъ и развиваются общія начала, которыхъ сознаніе родитъ для частнаго лица науку въ субъективномъ смыслѣ, или въ значеніе системы господствующихъ воззрѣній на извѣстный отдѣлъ истинъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ и соображеній, для уясненія нашей мысли. Въ каждомъ обществѣ, есть свои мѣстныя наблюденія и свои опыты; напр. у приморскихъ жителей вѣками подмѣченные приливы и отливы, которые издавна вызывали жителей на объясненія, и давно уже возбуждали у общества мысль о связи этихъ явленій съ фазами луны, такъ что для ученаго построенія теоріи почва была давно приготовлена. У жителей горныхъ мѣстностей также давно извѣстно, что

Digitized by Google

чѣмъ выше поднимается человѣкъ въ атмосферѣ, тѣмъ ниже становится температура воздуха, тогда какъ у жителей равнинъ легко можетъ родиться ложное воззрѣніе на этотъ счетъ. Народы тѣхъ странъ, въ которыхъ живутъ обезьяны, львы и тигры, или въ которыхъ растутъ пальмы, бананы, лавры, навѣрное раньше ученыхъ сѣвера знали черты изъ образа жизни означенныхъ животныхъ и условія развитія названныхъ древесныхъ породъ. У разныхъ народовъ издавна встрѣчаются извѣстные пріемы въ сельскомъ хозяйствѣ, которыхъ научное объясненіе составляетъ задачу спеціальныхъ ученыхъ, равно какъ у разныхъ народовъ издавна существуютъ извѣстныя средства врачеванія, которыхъ опредѣленіе вызываетъ вниманіе ученаго врача. Итакъ вообще опытныя науки во многомъ обязаны обществу, обществамъ.

Съ другой стороны, нельзя не согласиться, что у каждаго народа есть свое особое направленіе ума, или свое призваніе, отъ чего происходитъ различіе участія и успѣха въ разработкѣ наукъ, со стороны различныхъ національностей. Это исторія наукъ, процвѣтавшихъ въ Греціи, Римѣ, или во Франціи, равномѣрно исторія ученыхъ направленій въ Англіи, въ Германіи. Извѣстно далѣе что въ одной и той же странѣ, но въ разныя эпохи, напримѣръ въ вѣкъ матеріальныхъ интересовъ почти вовсе не является ни поэтовъ, ни философовъ, ни ученыхъ, а только администраторы, или акціонеры, хотя не задолго передъ тѣмъ тамъ жили и могущественно дѣйствовали такіе умы, какъ Шиллеры, Гёте, Гегели. И, конечно, не природа человѣка въ томъ виновата, а состояніе общества.

Что науки не плодъ однихъ частныхъ усилій и личной дѣятельности, это можно примѣтить до очевидности въ исторіи наукъ. Кто не знаетъ, что простой хронологическій разказъ о системахъ, построенныхъ въ преемственномъ порядкѣ отдѣльными учеными, не можетъ составить исторіи науки. При такомъ разказѣ, на всякомъ шагу встрѣчаются неясности, неполноты, перерывы и скачки, которые могутъ быть избѣгнуты лишь приведеніемъ разныхъ личныхъ системъ въ соотношеніе съ ихъ общею почвой, духомъ времени, общимъ состояніемъ образованія, положеніемъ страны, настроеніемъ общества, и т. д.

Наконецъ не должно выпускать изъ виду современнаго явленія въ ученомъ движеніи Европы, гдѣ всѣми одинаково чувствуется недостаточность частныхъ отдѣльныхъ усилій для разработки наукъ, гдѣ поэтому учреждаются академіи и ученыя общества, по всѣмъ частямъ знанія и гдѣ входитъ въ обычай ученыхъ составлять съѣзды, конгрессы и разнаго рода сближенія спеціалистовъ. Не раздѣленіе работы и умственнаго труда, а соединеніе и обобщеніе усилій служитъ теперь въ Европѣ обезпеченіемъ для успѣха и процвѣтанія наукъ и знаніе.

Столько же, если не болѣе услугъ оказываетъ общество, возбуждая и развивая вкусъ, частныхъ лицъ къ прекрасному и изящному. Вѣдь раздаются же — не станемъ скрывать событія — раздаются же по мѣстамъ возгласы въ родѣ того, что не нужно изящнаго, или: что въ вашемъ прекрасномъ? или: намъ подавайте только полезное, сытное, теплое, да необходимое. И отдѣльно взятый человѣкъ, почти естественно склоняется къ возможному ограниченію своихъ потребностей, во избѣжаніе особыхъ усилій. Діогеномъ быть легче, нежели собственно человѣкомъ, устрояющимъ свою жизнь удобно, уютно, согласно требованію человѣческаго достоинства, сообразно идеямъ изящнаго и прекраснаго. Но общество не дозволяетъ личности опуститься, пре-

Digitized by Google

слѣдуя смѣхомъ и укоромъ всякое неряшество, всякую нечистоту, всякую грязь, и требуя отъ своихъ живыхъ членовъ вкуса и вкуса. Но вкусъ частныхъ лицъ, начинаясь отъ впечатлѣній пріятнаго и непріятнаго, мягкаго и жесткаго, милаго и безобразнаго, естественно, не находитъ въ этихъ впечатлѣніяхъ никакой для себя нормы и ничего общаго, такъ что частные, отдѣльные люди не могутъ и спорить о своихъ вкусахъ, весьма разнообразныхъ. Собственно вкусъ какъ развитое чувство изящнаго есть плодъ общества, общественной жизни, общественнаго воспитанія, и тутъ подлежитъ изученію, допускаетъ свою теорію, возвышается до принципа науки вкуса, или эстетики, откуда иногда переходитъ въ обязательные законы напр. относительно духовной музыки, церковной живописи, общественныхъ построеній, доходя даже до установленія, указнаго понятія о безобразной, неприличной одеждѣ и т. д.

Но еще болѣе вліянія имѣетъ общество на религіозныя вѣрованія своихъ членовъ, не смотря на постоянныя ихъ возраженія. Отдѣльныя лица ссылаются въ этомъ случаѣ то на свою естественную свободу вѣрованій, то на предполагаемую независимость своей морали отъ религіозныхъ воззрѣній. Но общность вѣры у даннаго народа такъ же мало нарушаетъ личную свободу какъ общность извѣстной, для всѣхъ доказаной истины. Изъ того, что я вмѣстѣ со всѣми признаю существованіе міра и бытіе Бога, никакъ не слѣдуетъ, чтобы это признаніе было внѣшнею силою вынужденное признаніе. А что касается до положенія, что я могу быть добрымъ и даже добродѣтельнымъ, независимо отъ тѣхъ, или другихъ религіозныхъ вѣрованій; это положеніе опровергается исторіей, которая доказала и доказываетъ, что нравственность и мораль, въ ихъ свойствѣ, существенно различаются по различію исповѣданій языческихъ, магометанскихъ, христіанскихъ; слѣдовательно, по различію общихъ началъ, или догматовъ вѣры, господствующихъ въ обществѣ. Наконецъ извѣстно что отдѣльныя лица даннаго общества могутъ вовсе не имѣть никакой религіи, тогда какъ мы не знаемъ общества, которое бы не признавало и не исповѣдывало божества. Безбожное общество невозможно, какъ не мыслимо общество безъ идей. Далѣе, чтобы не говорили о свободѣ личныхъ вѣрованій, онѣ всегда носятъ опредѣленый, односторонній характеръ. О вѣрѣ отдѣльныхъ лицъ мы имѣемъ столько меткихъ народныхъ поговорокъ: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится; тотъ Богу не молился, кто на морѣ не бывалъ, или пожалуй аналогическое изреченіе, что тотъ усердно не молился, кто не былъ въ числѣ пассажировъ на Козловско-Рязанской чугунной дорогѣ февр. 8-го, и т. д. Такимъ образомъ происходитъ, что вѣра отдѣльныхъ лицъ есть вѣра въ Бога гнѣва, Сатурна, пожирающаго собственныхъ дѣтей, Юпитера Громовержца, Перуна, или Перкуна съ подобными же атрибутами разрушительной силы, и т. д. И естественно: потому что у отдѣльныхъ людей воззрѣніе имѣютъ основою ощущенія, а изъ этихъ ощущеній самое сильное, и безъ содѣйствія общества, самое частое— страхъ, боязнь смерти и опасеніе за жизнь. Когда же общество настолько окрѣпнетъ, что сможетъ защищать своихъ сочленовъ отъ дѣйствія внѣшней природы, да настолько разовьется, что сможетъ представить имъ въ своей исторіи опыты счастливыхъ событій, напр. хоть, избавленіе отечества отъ нашествія Половцевъ, отъ ига монгольскаго, отъ усобицы междуцарствія, тогда естественно, божество представится и отдѣльнымъ людямъ, какъ Господь всѣхъ силъ и всѣхъ благъ, согласно ученію христіанства, ученію, по

Digitized by Google

которому вѣра безъ дѣлъ мертва, или, что тоже, дѣла наши и наша нравственность опредѣляются нашимъ исповѣданіемъ.

Переходя къ вопросу о нравственности лицъ, мы должны начать съ явленія, всѣмъ извѣстнаго, состоящаго въ борьбѣ, которую ведутъ въ насъ духъ и плоть, истина и заблужденіе, добро и зло, изящное и безобразное. Причемъ не можемъ не отмѣтить, что въ исторіи встрѣчались нерѣдко глубокіе умы, благородные характеры, друзья человѣчества, рѣшавшіеся, единственно для водворенія мира въ человѣкѣ, проповѣдывать безразличіе добра и зла, матеріализмъ и механизмъ. Для немыслящихъ, для большинства это была пѣснь сирены. Что же однако мѣшало, мѣшаетъ и будетъ вѣчно мѣшать успѣху такой проповѣди, которая по видимому сулитъ человѣку желанный внутреній міръ и искомую гармонію?—Общество, не говоря о другихъ причинахъ, самое бытіе общества, которое признаетъ реальность и право на господство только за истиною, за добромъ, за прекраснымъ и достойнымъ человѣческаго духа, и признаетъ это право съ извѣстной силою и настойчивостію, съ извѣстнымъ авторитетомъ. Не чувствуютъ въ себѣ иные отдѣльные члены общества охоты держаться господствующихъ въ ихъ обществѣ моральныхъ началъ и воззрѣній; общество преслѣдуетъ ихъ своимъ смѣхомъ, неодобрѣніемъ, или негодованіемъ. Позволяютъ себѣ иные отдѣльные члены общества дѣйствовать и жить по правиламъ, которыя противны принятымъ въ ихъ обществѣ началамъ; общество караетъ ихъ и наказываетъ по суду и приговору, при содѣйствіи государственной власти. Власть общества надъ лицами, въ этой сферѣ, несомнѣнно выказывается въ слѣдующемъ, общеизвѣстномъ фактѣ. Кто не замѣчалъ, какъ иной человѣкъ, самъ по себѣ и не очень правдивый, и не очень разборчивый въ средствахъ, и не довольно честный, или благородный, разъ находясь предъ обществомъ, считаетъ своею обязанностію говорить и стоять за любовь къ истинѣ, за честность, за благородство, за великодушіе, за добро? И, это не школа притворства, обмана и лжи, а общественная дисциплина, при дѣйствіи которой, сначала человѣкъ, повнѣшнему побужденію, далѣе по привычкѣ, наконецъ же, раздумавъ, по собственному убѣжденію, становится сторонникомъ и защитникомъ добра, иногда же героемъ чести. Что ложь, грязь тѣла и всякое зло и безобразіе притворствуютъ, прячутся, это есть уже, какъ сказалъ кто-то, первый шагъ побѣды, одерживаемой истиной и добромъ надъ дурными явленіями человѣческой жизни. Открытое, явное бытіе, это поле битвы остается за добромъ и истиной, благодаря силѣ общественной, народной морали. Прибавимъ, что народная, общественная мораль не есть только фраза; напротивъ во многихъ случаяхъ, это доказано, особый кодексъ нравственныхъ началъ. Такъ прощеніе обидъ есть добродѣтель частныхъ лицъ, неизвѣстная обществамъ: равно какъ пропаганда религіозная входитъ въ систему частнымъ добрыхъ дѣлъ, но отвергается обществами, которыя разумно настаиваютъ на законѣ терпимости. Такъ далѣе, въ частномъ быту, экономія можетъ перейдти въ скупость, и защищать поговоркой: кто скупъ, тотъ не глупъ, но общество презираетъ скупость, даже до снисхожденія къ расточительности. Наконецъ можно, предъ глазами общества, идеализовать разбойниковъ и никогда воровъ, душителей, карманныхъ мошенниковъ. Итакъ у народа есть своя мораль.

Мораль народа, мораль общества! Чтоже такое наша человѣческая совѣсть? Конечно, совѣсть каждаго изъ насъ имѣетъ средства отличать добро отъ зла, побуждать насъ

Digitized by Google

къ добру, отклонять отъ зла и наконецъ, какъ говорится, служить высокою наградою за добро, которое совершаемъ. Но каждый изъ насъ очень хорошо знаетъ, что наша совѣсть сама подлежитъ развитію, воспитанію, возбужденію, и что кроткій голосъ совѣсти часто заглушается въ насъ движеніемъ страстей, разсчетомъ, иногда простымъ неудовлетвореніемъ физическихъ нуждъ, голода, жажды, холода и т. д. Если же напротивъ къ этому кроткому голосу совѣсти присоединится общественное признаніе, одобреніе, почетъ, тогда стимулъ къ добру становится всемогущимъ, и въ состояніи довести до геройскаго подвига иногда весьма мелкую душу. Такого чуда не можетъ совершить всемогущество государства, съ его внѣшними наградами, чинами, мѣстами, знаками отличія, и особенно потому, что эти награды государственныя получаютъ свое истиное значеніе только отъ общества. При размѣрѣ, или дисгармоніи между воззрѣніемъ общества на поступокъ гражданина и сужденіемъ о томъ со стороны правительства, внѣшнія отличія часто могутъ содѣлаться вывѣскою укора. Совершенно тоже должно сказать и о внѣшнихъ наказаніяхъ, гдѣ торговая казнь и вырванныя ноздри часто могли служить трофеями мученичества для лицъ, которыхъ, поведеніе одобрялось общественнымъ мнѣніемъ ихъ среды.

Общественное мнѣніе — вотъ выраженіе для той силы, которою общество господствуетъ, какъ надъ отдѣльными людьми, такъ и надъ цѣлыми царствами. Обыкновенно, эта общественная сила называется общественнымъ мнѣніемъ, хотя очевидно, это не столько мнѣніе, допускающее другія мнѣнія и сомнѣнія, сколько приговоръ, неотмѣнимое опредѣленіе, окончательное рѣшеніе, безъ возможности апелляціи. Наши предки называли это голосомъ народа и гласомъ Бога, говоря напр. «а то и гласъ божій, что выборные говорятъ». Мнѣніе можетъ быть у васъ, у меня, у каждаго свое, и это мнѣніе носитъ названіе частнаго, личнаго, отдѣльнаго мнѣнія; оно можетъ быть у многихъ изъ насъ и составлять мнѣніе меньшинства, большинства, и даже общее мнѣніе. Но ни мнѣнія отдѣльныхъ лицъ, ни мнѣніе большинства, ни даже мнѣніе общее всѣхъ лицъ даннаго общества не есть общественное имѣніе, которое составляется только обществомъ, принадлежитъ цѣлому обществу, безъ раздѣла между лицами, и безъ вниманія къ мнѣніямъ отдѣльныхъ наличныхъ членовъ. Общество старѣе насъ, и остается послѣ насъ, да и теперь имѣетъ свои особыя основы бытія, независимыя отъ нашихъ личныхъ воззрѣній, а потому его общественное мнѣніе не есть сумма, а нераздѣльная цѣлостность убѣжденія общества. Это рѣшеніе, по требованію господствующаго въ обществѣ принципа, и въ этомъ могущество и сила общественнаго мнѣнія для лицъ и для цѣлыхъ поколѣній и даже государствъ, правительствъ.

Думаютъ, что общественное мнѣніе возможно только въ обществахъ извѣстнаго развитія, выражается только классами извѣстнаго образованія и положенія, развивается только въ данныя эпохи народной цивилизаціи. При этомъ конечно, имѣютъ въ виду извѣстныя, опредѣленныя мнѣнія общества объ извѣстныхъ, опредѣленныхъ вопросахъ и предметахъ, которые возникаютъ постепенно, съ развитіемъ общества и его исторіи. Но чтобы какое нибудь общество существовало безъ своего общественнаго мнѣнія, это немыслимо, потому что немыслимо общество безъ началъ, безъ убѣжденій, безъ силы обсужденія, безъ идей. Во времена призванія у насъ Варяговъ, принятія христіанской вѣры, составленія и дѣйствія Русской Правды, Русь имѣла также свое общественное мнѣніе, какъ имѣли его

Digitized by Google

позднѣе государство новгородское, княжество Рязанское, Москва Іоанна IV, Петербургъ Петра Великаго и какъ нынѣ имѣетъ свое общественное мнѣніе Россія и въ Россіи, каждый городъ, каждое село, каждая деревня. Безъ общественнаго мнѣнія были бы невозможны, въ старину, вѣча и земскіе соборы, а въ настоящее время, сходы и выборы; безъ общественнаго мнѣнія нѣтъ ничего общественнаго, нѣтъ общества. Слѣдовательно каждое лицо, находясь въ обществѣ, необходимо и постоянно состоитъ подъ контролемъ и водительствомъ общественнаго мнѣнія своего общества, своего народа, своей области, своего уѣзда, своего кружка, своей среды. И тутъ такимъ образомъ каждое лицо получаетъ значеніе опредѣленной личности, съ опредѣленною свободою, съ опредѣленными направленіями съ опредѣленными стремленіями къ развитію, съ опредѣленными цѣлями и средствами, или съ опредѣленными правами. По этому можемъ сказать, что человѣкъ въ обществѣ есть человѣкъ въ развитіи, человѣкъ настоящій, человѣкъ, разсматриваемый въ области права.

Наконецъ, въ заключеніе нашей параллели между частнымъ лицомъ, отдѣльнымъ человѣкомъ и союзомъ человѣческимъ, обществомъ, должно было бы указать на различіе, существующее между разумомъ и волею частныхъ, отдѣльныхъ лицъ и разумомъ и волею человѣческихъ обществъ. Но мы не должны выходить изъ предѣловъ, назначенныхъ для нашихъ чтеній, должны принять во вниманіе то нетерпѣніе, съ которымъ наша авдиторія ожидаетъ слѣдующей лекціи, и потому должны торопиться заключеніемъ своего изложенія. Это заключеніе можетъ быть выражено въ нѣсколькихъ выводахъ, и въ ихъ приложеніи къ явленіямъ ожидаемой этнографической выставки. Главный выводъ, который можно сдѣлать изъ сказаннаго нами, состоитъ въ томъ, что господствующій, извѣстный всѣмъ дуализмъ человѣческаго быта не ограничивается общепризнанною двойственностію и противоположностію тѣла и духа; но что онъ идетъ дальше и выражается въ несомнѣнной противоположности отдѣльныхъ лицъ и общества, въ противоположности, которую опускаетъ антропологія и психологія, но которая играетъ въ исторіи, въ жизни и въ правѣ весьма важную роль. Отдѣльный человѣкъ, въ обществѣ, что тѣло въ отдѣльномъ человѣкѣ, служитъ источникомъ и почвою для страстей, для всей ограниченности, слабости, узкости, для самолюбія, эгоизма, матеріализма, зла; напротивъ общество въ человѣческомъ родѣ есть тотъ же бодрый духъ, который является дѣйствующимъ въ отдѣльномъ лицѣ, созидая и творя идеи, принципы, все разумное, и сообщая господство и силу идеализму и добру. Да такъ, что напр. только отдѣльные люди по легендамъ, видали діавола, въ котораго Лютеръ долженъ былъ швырнуть чернильницей, и который никогда не смѣлъ явиться ни одному человѣческому обществу. Смыслъ нашей басни ясенъ и состоитъ въ томъ, что если, въ частной жизни, тѣло, эгоизмъ, матеріализмъ и зло большею частію господствуютъ надъ духомъ, совѣстію, разумомъ и волею отдѣльныхъ лицъ, то въ человѣческомъ обществѣ это господство напротивъ неотразимо принадлежитъ духу, идеализму и добру, и общество необходимо ведетъ людей къ разумному развитію. Отъ того христіанство построено на обществѣ, въ образѣ церкви, отъ того государство должно искать для себя основы въ обществѣ.

Общество ведетъ людей къ ихъ человѣческому развитію, потому что имѣетъ силы и способности раждать, сознавать, творить разумные принципы, идеи, потому что эти принципы, идеи облечены въ обществѣ

Digitized by Google

всѣмъ могуществомъ истины и авторитета, и такимъ образомъ становятся ясными цѣлями, путеводными звѣздами, маяками для обществъ и для отдѣльныхъ лицъ, которыя въ обществѣ не могутъ не чувствовать и не знать, для чего они существуютъ. Въ обществѣ, жизнь каждаго человѣка получаетъ цѣну и значеніе отъ цѣли, указанной для человѣчества, и достигаемой въ данномъ обществѣ. Вѣкъ Сатурна, вѣкъ золотой не за нами, а впереди насъ ожидаетъ, манитъ насъ; мы къ нему стремимся, и въ этомъ нашъ прогрессъ, и въ этомъ наше развитіе.

Слѣдъ этого прогресса и развитіе есть исторія, — процессъ его — право, а документомъ, въ данное время, служатъ для него этнографія и подобныя предстоящей этнографическія выставки, выставки вызывающія разные вопросы о томъ, — какъ и почему. При общемъ взглядѣ на выставленные здѣсь въ Москвѣ предметы, фигуры, утварь, вооруженіе и т. п., вы глазами увидите, но въ миніатюрѣ, все русское государство и частію славянское общество, съ ихъ еще весьма отдаленными задачами, относительно объединенія. При встрѣчѣ фигуры, представляющей цыганку, съ дитятей за плечами, вы невольно спросите у себя, какъ случилось, что доселѣ, среди цивилизованнаго міра Европы, встрѣчаются не окаменѣлости, а живые экземпляры дикаго, кочеваго быта. При видѣ молящагося Еврея, вы, конечно, вспомните исторію народа, который всѣ тысячелѣтія своей жизни посвятилъ религіи, котораго преступленіе, съ точки зрѣнія христіанства, есть чисто религіозное, идеальное, и между тѣмъ явно, физически тяготѣетъ надъ племенемъ. Наконецъ, встрѣчаясь, на выставкѣ, съ огнепоклонниками, эскимосами, самоѣдами, черкесами, медвѣжьими поводчиками, поляками, бѣлорусссцами, и т. д. и т. д., вы скажите себѣ: русская земля велика, разнообразна, и великорусскому племени и обществу предстоитъ трудная задача внести единство въ это разнообразіе, — единство духа, убѣжденія, разумныхъ началъ слова, закона и права, безъ чего не существуетъ свободнаго, народнаго единства.

В. Лешковъ.

Digitized by Google

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ВЫМЫСЛЫ НАШИХЪ ПРЕДКОВЪ.

Въ отношеніи къ Этнографіи, литература можетъ быть разсматриваема въ двоякомъ смыслѣ: или какъ матеріалъ для юной науки, то-есть, какъ одинъ изъ элементовъ народности; или — какъ пособіе для этнографіи, то-естъ, какъ собраніе свѣдѣній и понятій, сохранившихся въ исторіи литературы и въ народныхъ преданіяхъ, о различныхъ племенахъ и народахъ.

Въ первомъ смыслѣ, особенно богатый матеріалъ для Этнографіи предлагаютъ словесность народная и языкъ. Языкъ — это первый и существенный знакъ народности: племена семитическія, индоевропійскія, монгольскія, отличаются не только по внѣшнимъ признакамъ тѣлосложенія, но и преимущественно по языку; потому въ церковнославянскихъ текстахъ слово языкъ означаетъ и даръ слова, а также и народъ, и языци — народы.

Народы, выступая на историческое поприще, уже говорятъ каждый на своемъ языкѣ. Устройство языковъ и ихъ развѣтвленіе по народностямъ — это первый великій шагъ человѣчества на пути историческаго развитія. Наука не привела еще въ систему всѣхъ языковъ, существующихъ на землѣ: по крайней мѣрѣ она успѣла разработать родственные нашему славянскому — языки индоевропейскіе, т. е. языки арійскіе, классическіе, кельтскій, нѣмецкій, литовскій; совокупное изученіе этихъ языковъ, приведенное въ систему, именуется Сравнительною Грамматикою языковъ индоевропейскихъ. Эта наука на основаніи самыхъ точныхъ данныхъ показываетъ — какъ взаимное сродство сказанныхъ языковъ, такъ и индивидуальныя особенности, которыми каждый изъ нихъ выдѣляется изъ общей родственной массы. Итакъ Сравнительная Грамматика предлагаетъ первыя основы для изученія національностей: и если существо каждаго народа заключается въ его національности; то сравнительная грамматика должна составлять существенную, основную часть Этнографіи. А такъ какъ русскій языкъ есть одно изъ нарѣчій славянскихъ, то въ тѣсномъ смыслѣ, для познанія народности русской, необходимо положить въ основаніе Этнографіи Русской — Сравнительную Грамматику славянскихъ нарѣчій.

Національныя особенности образуются

Digitized by Google

въ теченіе историческаго развитія какъ бы изъ цѣлаго ряда слоевъ, одинъ на другой налагаемыхъ. Древнѣйшій слой, лежащій въ основѣ—это языкъ, который представляется уже въ полномъ своемъ устройствѣ, какъ только является народъ изъ мрака доисторическихъ временъ. Все богатство грамматическихъ формъ русскаго языка мы уже усматриваемъ въ древнѣйшихъ славянскихъ текстахъ перевода Св. Писанія, и притомъ въ бо́льшей правильности и чистотѣ и въ большемъ ихъ разнообразіи и обиліи. Дѣло доисторическаго періода — состояло въ рѣшеніи великой задачи—создать самыя совершеннѣйшія формы языка.

На этомъ основномъ слоѣ народности налагается другой, столько же существенный. Это народная словесность, какъ выраженія вѣрованій, преданій, нравовъ и обычаевъ народа. Начала преданій, вмѣстѣ съ миѳологіей, восходятъ ко временамъ доисторическимъ: они слагались вмѣстѣ съ образованіемъ языка; но потомъ — въ содержаніе народной поэзіи входятъ древнѣйшія историческія событія, смѣшенныя съ вымысломъ, въ которомъ народъ выражаетъ свои убѣжденія и взгляды.

Литература цивилизованная, искуственная — есть принадлежность народовъ болѣе или менѣе цивилизованныхъ. Словесность народная, состоящая въ сказкахъ, пѣсняхъ, пословицахъ, причитаньяхъ есть достояніе каждаго народа, и просвѣщеннаго и дикаго, такъ же какъ и языкъ.

Народы цивилизованные господствуютъ надъ первобытными своею искусственною литературой, какъ выраженіемъ успѣховъ человѣческаго разума; но могутъ уступить имъ въ словесности народной. Какъ необозримо высоко стоятъ надъ нашими Финнами напр. Французы, съ цѣлымъ рядомъ своихъ трагиковъ, нѣкогда плѣнявшихъ всю Европу, съ своимъ Вольтеромъ и Руссо, которымъ когда-то преклонялся весь просвѣщенный міръ. За то Финны имѣютъ въ своей національной поэмѣ, подъ названіемъ Ка́левала, такое великое произведеніе, равнаго которому по достоинствамъ поэтическимъ никогда не знала Франція, и которое можно постановить наравнѣ развѣ съ поэмами Гомера или нѣкоторыми изъ эпическихъ пѣсенъ русскихъ и сербскихъ.

Точно тоже надобно разумѣть и объ языкѣ. Народъ можетъ стоять высоко по своей цивилизаціи, и имѣть языкъ самый бѣдный, въ отношеніи грамматическомъ. Напримѣръ, тѣже Французы—едвали настолько превосходятъ насъ русскихъ успѣхами цивилизаціи, на сколько мы превосходимъ ихъ грамматическимъ богатствомъ своего языка. Англійская грамматика еще бѣднѣе французской, но это не мѣшаетъ Англичанамъ стоять въ главѣ всего современнаго просвѣщенія.

Какъ языкъ составляетъ въ народѣ общую принадлежность всѣхъ и каждаго, такъ и народная словесность. И то и другое обязано своимъ происхожденіемъ не личному авторству, а цѣлымъ массамъ народа, цѣлымъ вѣкамъ и поколѣніямъ. Напротивъ того цивилизація создается успѣхами отдѣльныхъ личностей и искуственнымъ вліяніемъ. Языкъ и народная словесность создаются безсознательно, какъ бы по инстинкту, какъ поетъ птичка или какъ пчела созидаетъ свой сотъ. Цивилизація можетъ налагаться и насильственно, какъ напримѣръ — на Руси Петромъ Великимъ. Цивилизованная, искусственная литература на столько опредѣляетъ характеръ народа, насколько она приближается къ особенностямъ народности, и потому сама по себѣ не имѣетъ прямаго интереса для этнографіи. Напротивъ того, словесность народная, точно также, какъ и языкъ, пред-

Digitized by Google

лагаетъ богатый матеріалъ для этой науки, потому что, какъ и языкъ, она опредѣляетъ физіономію народа также отчетливо и рѣзко, — какъ въ отношеніи тѣлесномъ — цвѣтъ кожи, форма черепа и другія примѣты.

Въ прежнее время интересовались только такъ называемыми образцовыми писателями, и произведеніе литературное цѣнилось по степени его искусственности, какъ отпечатки цивилизаціи. Нашему времени принадлежитъ наука о народѣ, основанная на изученіи его языка и безъискуственной его словесности, въ связи съ вѣрованьями и преданьями. Это ученое направленье соотвѣтствуетъ идилліи, которая ищетъ себѣ идеаловъ не въ роскошныхъ палатахъ, а въ бѣдныхъ хижинахъ, и открываетъ достоинство человѣка и на низшей ступени его развитія. Эта наука объ языкѣ и народной словесности какъ бы выполняетъ завѣщаніе знаменитаго мечтателя прошлаго столѣтія, Жан-Жака Руссо, который, заподозрѣвши искусственную цивилизацію, думалъ видѣть идеалъ человѣчества въ его первобытныхъ, прирожденныхъ качествахъ. Какъ воспитанникъ этаго мечтателя, разобщенный съ преданіями христіанской цивилизаціи, создалъ свою миѳологію, такъ и эта наука знаетъ только народныя миѳологіи и игнорируетъ христіанство. Эта наука, уравниваетъ по интересамъ языка и народной словесности дикарей съ народами просвѣщенными — какъ уравниваются геніальный авторъ и пошлый поденщикъ въ ихъ трупахъ подъ ножемъ анатоміи. Опираясь на правахъ большинства, это уравненіе народностей — соотвѣтствуетъ политическому броженію нашего времени, и, какъ въ страшную эпоху переселенія народовъ — готово грозить новыми нашествіями варварства на европейскую цивилизацію.

Такова, мм. гг., въ общемъ своемъ характерѣ наука объ языкѣ и народной словесности, какъ существенная часть этнографіи. Для безпристрастнаго историческаго взгляда, обозрѣвающаго судьбы всего человѣчества, это прочная основа, это незыблемый пьедесталъ, на которомъ сооружается историческая пирамида цивилизаціи; для агитатора и матеріалиста — это знамя невѣжественныхъ массъ, осаждающихъ плоды многовѣковой цивилизаціи, — это прирожденные инстинкты, въ которыхъ совокупная дѣятельность толпы выражается по тѣмъ же безсознательнымъ законамъ, по которымъ муравьи строятъ свой муравейникъ.

Такимъ образомъ въ смыслѣ матеріала для этнографіи, русскій языкъ и народная словесность, въ полномъ своемъ составѣ служа выраженіемъ народности, могли бы предложить самое богатое содержаніе для цѣлаго ряда лекцій, назначаемыхъ для такой публики, которая болѣе или менѣе спеціально интересуется этнографіей. Но такъ какъ — это значило бы излагать всю исторію языка и все содержаніе народной словесности; то — я нахожу удобнѣе для одной лекціи — взять тему изъ моего предмета, по его отношенію къ этнографіи: то есть — какъ пособіе для этой науки, знакомящее насъ съ понятіями и представленіями нашихъ предковъ о различныхъ народахъ.

Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ составлялись въ древней Руси двоякимъ путемъ, или по преданію о сказаніяхъ своеземныхъ, или подъ вліяніемъ чуждымъ, и преимущественно Византійскимъ. Своеземныя сложенія древней Руси предлагаютъ смѣсь немногихъ историческихъ воспоминаній съ миѳологическими и поэтическими вымыслами. Источники Византійскіе, въ Патерикахъ, Хронографахъ, въ баснословномъ

Digitized by Google

повѣствованію объ Александрѣ Македонскомъ, въ разныхъ легендахъ апокрифическаго содержанія — кромѣ средневѣковыхъ представленій вообще-внесли въ понятіе древней Руси нѣкоторыя представленія изъ античнаго міра, напр., о сиренахъ, о кентаврахъ и т. п.

Самыя раннія представленія древней Руси сливаются съ чудовищными образами народной миѳологіи. Древнѣйшіе народы, выступившіе изъ мрака незапамятной старины въ воображеніи-нашихъ предковъ принимали колоссальные размѣры гигантовъ или великановъ, точно-также какъ и старшіе богатыри народнаго эпоса своимъ исполинскимъ характеромъ отличаются отъ богатырей младшихъ, по виду обыкновенныхъ уже смертныхъ, которые окружаютъ ласковаго князя Владиміра. Преданія и другихъ народовъ основаны на убѣжденіи, что люди въ незапамятную старину — были иные, совершеннѣе, выше ростомъ и сильнѣе. Это были величавые, исполинскіе праотцы и дѣды, отъ которыхъ идутъ измелчавшія поколѣнія внуковъ. Исторія рано примѣшивается въ иреданіяхъ къ эпическому, чудесному и баснословнымъ великанамъ даетъ имена историческихъ народовъ. Такимъ образомъ, собственное имя народа-становится нарицательнымъ именемъ великана вообще. Такъ когда-то, очень давно Славяне столкнулись съ однимъ племенемъ чудскаго или скиѳскаго происхожденія, жившимъ между Волгою и Дономъ, и называвшимся Спали или Спалеи — и это историческое и собственное имя доселѣ осталось въ нашемъ языкѣ — въ словѣ Исполинъ и знакъ вообще великанъ. У родственныхъ намъ Чеховъ — великанъ вообще — называется Обръ, а наши предки еще во времена лѣтописца Нестора называли Обрами цѣлый народъ, только народъ необыкновенный, исполинскій и разказывали, будто эти Обре воевали съ Славянами и особенно тиранили Дулѣбовъ, запрягая Дулѣбскихъ женъ въ свои телѣги. Это преданіе, эпизодъ народнаго эпоса — нашъ лѣтописецъ заключаетъ такою характеристикой: «были Обре тѣломъ велики и умомъ горды, и Богъ истребилъ ихъ, померли всѣ, не оставивъ по себѣ ни одного Обрина: есть притча (т. е. пословица) въ Руси и до сего дни: погибоша аки Обре, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка.» То есть — народы исполинскіе — во времена, когда сложилась эта притча — уже исчезли съ лица земли: они были давно и Богъ истребилъ ихъ, точно также, какъ не возвратно прошли времена старшихъ исполинскихъ богатырей.

Было еще одно историческое собственное имя народа, которое оставило по себѣ прочную память и въ русскомъ языкѣ и въ поэтическихъ преданьяхъ нашихъ предковъ. Это Славянское племя — Велеты или Волоты, нѣкогда засѣлявшіе побережье Балтійскаго моря. Волоты были могущественны и страшны для враговъ, и имя ихъ до позднѣйшаго времени сохранилось, какъ нарицательное въ смыслѣ великана вообще. Такъ въ переводѣ библейскихъ книгъ на русскомъ взыкѣ въ XVI в. Франциской Скориною изъ Полотска, вмѣсто исполинъ употребляется волотъ. Какъ богатыри нашихъ былинъ — перевелись будто бы отъ того, что превратились въ камни, т. е. въ утесы, или какъ по скандинавской миѳологіи — великаны превращаются въ громадныя горы; такъ и преданье о Волотахъ сохранилось на руси въ названіи высокихъ кургановъ — волотками.

Но этого мало. Русская старина знаетъ нѣкотораго богатыря и вѣщаго героя — по имени Волотъ Волотовичъ. Онъ былъ старшій и набольшій изъ всѣхъ 42-хъ царей, будто бы съѣхавшихся на нѣкоторое

Digitized by Google

совѣщаніе. Смѣшивая доморощенные вымыслы съ именами библейскихъ лицъ, народная фантазія заставляетъ этого Волота бесѣдовать съ царемъ и псалмопѣвцемъ Давидомъ, даже роднитъ его съ нимъ, такъ какъ будто бы на роду было написано царю Давиду Іесеевичу женить своего сына царя Соломона на дочери Волота Волотовича на Соломонидѣ Волотовнѣ.

Въ послѣдствіи великанъ Волотъ въ этомъ сказаніи замѣняется княземъ Владиміромъ, который ведетъ бесѣду съ царемъ Давидомъ Іесеевичемъ — что̀ и послужило содержаніемъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ народныхъ стиховъ, извѣстнаго подъ именемъ стиха о Голубиной Книгѣ.

Чтобы вести параллельно поэтическія сказанья съ понятіями и представленіями нашихъ предковъ о народахъ, теперь слѣдуетъ упомянуть о народѣ, превращавшемся въ волковъ. Еще Геродотъ повѣствуетъ о народѣ Неврахъ, засѣлявшихъ пространство, нынѣ занимаемое западною Россіей, будтобы эти Невры однажды въ годъ превращались въ волковъ. Согласно съ этимъ мы встрѣчаемъ одно изъ славянскихъ племенъ — по имени Влъци (т. е. волки) или Вълчки.

Повѣрія о превращеніи людей въ волковъ распространены у всѣхъ славянскихъ племенъ. Эти оборотни именуются Волколоками или волкодлаками и упирями (вампиръ). Слово о полку Игоревѣ свидѣтельствуетъ, что и князь Полоцкій Всеславъ — по ночамъ превращался въ сѣраго волка и рыскалъ по полямъ.

Литературнымъ путемъ занесено было въ древнюю Русь сказанье объ одномъ сверхъестественномъ существѣ, подъ названіемъ Китоврасъ (κένταυρος = Центавръ), который не только входитъ въ сношенія съ Ветхозавѣтнымъ премудрымъ царемъ Соломономъ и удивляетъ его своею вѣщею мудростью, но и похищаетъ у Соломона его супругу, и на ней женится. Китоврасъ былъ царь: обычай свой будто бы имѣлъ такой — днемъ царствовалъ надъ людьми, а ночью — превращался въ Китовраса — и царствовалъ надъ звѣрьми: «а по родству — говоритъ сказаніе — Китоврасъ былъ братъ царю Соломону.»

И такъ, мм. гг., мы видимъ, что сама библейская исторія усвоялась нашими предками, окруженная фантастическимъ обаяніемъ эпическаго чудеснаго. Премудрый царь Соломонъ женился на дочери великана Волота, вѣроятно тоже великаншѣ, и имѣетъ себѣ братомъ оборотня — Центавра, который по ночамъ царствуетъ надъ звѣрьми.

И народная поэзія, основанная на миѳологіи, и христіанское благочестіе воспитанное легендами — располагали средневѣковую фантазію къ необычайному и чудесному. Крайнее незнаніе законовъ природы укореняло и усиливало убѣжденія въ необходимости сверхъестественнаго. Грубые умы должны были пробуждаться къ дѣятельности только мѣрами насильственными. Надобно было поразиться чѣмъ-либо необычайнымъ, чудеснымъ, чтобъ очнуться отъ оцѣпененія, чтобъ заинтересоваться мыслію. Народы могли быть для грубаго ума занимательны не такіе, какъ всѣ обыкновенные люди, съ человѣческой головой, съ руками и ногами, а необычайные, какихъ у себя дома не увидишь, народы дивовища: «вѣдай — говоритъ (въ Славян. переводѣ) одинъ изъ знаменитыхъ средневѣковыхъ ученыхъ — Раймундъ Лулій: вѣдай, иже людіе разные образы плоти имѣютъ: есть земля, идѣже людіе родятся съ песьею головою (т. е. съ собачьей); есть иныя, гдѣ уши людямъ висятъ на плечахъ; есть, гдѣ родятся люди о единой ногѣ великой и тою (ногою) закрываются отъ солнца, а бѣгаютъ вельми скоро безъ труда;

Digitized by Google

есть еще и такій родъ человѣческій, иже главъ не имѣютъ, но очи, уста и прочія чувства въ грудяхъ носятъ.» — Въ Польшѣ — прибавляетъ отъ себя переводчикъ — въ Польшѣ недавно у Короля Іоанна III былъ Мишка человѣкъ (т. е. человѣкъ медвѣдь), въ лѣсу пойманъ, на рукахъ и ногахъ ползающій и не глаголющій ничего, но только ревуще, яко медвѣдь, косматый весь; на древо восходящъ: о которомъ всѣ разумѣли, еже отъ грудей матери взятъ бысть и вскормленъ отъ медвѣдицы: а понеже знаки являлися въ немъ разума и души человѣческой, крещенъ бысть.»

Средневѣковое богословіе особенно затруднялось рѣшеніемъ вопроса, надъ которыми изъ этихъ дивовищъ или чудовищъ подобаетъ совершать таинство крещенія, какъ надъ людьми, и надъ которыми не подобаетъ. Для того слѣдовало между дивовищами отличать истинныхъ людей, по существу человѣческому, отъ мнимыхъ, имѣющихъ только нѣкоторое человѣческое подобіе. — «Вѣдати подобаетъ — говоритъ таже старинная рукопись — иже не всякое существо, образъ человѣка плотской имущее, человѣкъ есть. Сирены убо рыбы морскія, отъ главы до самаго чрева подобіе имѣютъ человѣка, но не суть истинный человѣкъ. Сказуютъ нѣціи, иже птицы райскія имѣютъ лица человѣческія, но не суть человѣки. Харпіи женщины славныя поэтовъ не суть человѣки. Сатыри (сатиры) или лѣсняки косматыя подобны людямъ, и си не суть человѣки. Обезьяны, аще лицемъ, брадою и многимъ — человѣку подобны, но не суть человѣки. Не по плоти убо и изображенію, истиннымъ человѣкамъ подобному, но по разуму и по провидѣнію человѣкъ истинный познавается.» Впрочемъ, такъ какъ всякая тварь поклоняется своему творцу, то по убѣжденію суевѣрной старины, и сирены, и сатиры и другія чудовища, вмѣстѣ съ людьми поклоняются Господу Богу. Такъ напримѣръ въ одной великолѣпной латинской рукописи библейскаго комментарія Николая de Lira, украшенной изящными миніатюрами XV в., въ Амброзіанской библіотекѣ въ Миланѣ (въ листъ, № B, 40), на первой миніатюрѣ, по сторонамъ — изображено сотвореніе міра, а въ срединѣ — всякая плоть поклоняется Господу Богу, возсѣдающему на облакахъ: поклоняющіеся ему собрались внизу, на землѣ — это всѣ люди, и самъ Папа съ Имераторомъ, и Короли, и духовенство, и воины — и по сторонамъ этой толпы на право и на лѣво — поклоняются Господу Богу дивовища, на другой сторонѣ Сирена съ рыбьимъ хвостомъ, а на другой козлоногій Фавнъ и Центауръ или — по нашему китоврасъ.

На западѣ баснословныя свѣдѣнія о чудовищныхъ народахъ распространялись не только въ рукописяхъ вплоть до самаго изобрѣтенія книгопечатанія, но и въ старь печатанныхъ книгахъ XVI столѣтія, а у насъ на Руси — особенно господствовали въ XVII в. и перешли въ народныя лубочныя изданія позднѣйшаго времени.

Главнымъ источникомъ для этихъ сказокъ была баснословная исторія объ Александрѣ Македонскомъ, во множествѣ прозаическихъ и стихотворныхъ передѣлокъ, распространившихся и на западѣ и на востокѣ. Будто бы въ своихъ завоевательныхъ походахъ по отдаленнымъ странамъ македонскій герой встрѣчаетъ цѣлые народы всевозможныхъ дивовищъ: «Александръ же царь къ востоку пойде, и ту въ земли той множество языкъ безсловесныхъ, скоти дивіи и звѣри человѣко-образны. И тако 10 дней ходили, и тутъ обрѣли дикихъ женщинъ и великихъ, всякая жена въ 3 сажени, и всѣ косматы, а космы аки свиныя, очи же аки звѣзды, и напали онѣ на вой-

Digitized by Google

сію Александрово... въ другой землѣ обрѣлъ Александръ людей, мѣрою только съ лоть; и привели ихъ къ Александру, и много принесли они въ ему меду и фиников, а тѣ люди птицами называются... и оттуда пошелъ Александръ въ землю людей псоглавыхъ (Кинокефалы): тіи бо человѣци таковы: все тѣло ихъ человѣческое, главы же песьи... Потомъ возстали на полки Александровы человѣцы — отъ пояса до главы человѣка, а отъ пояса внизъ — конь, исполини нарицаются.» Александру Македонскому удалось увидѣть и Медузу или Горгону, Горгонѣю — какъ она называется въ нашихъ рукописяхъ: «есть въ земли той ходяще дѣвица нарицаема Горгонѣя: имущи же лице и перси и руки человѣчески, а ноги и хвостъ имѣетъ аки у коня; на главѣ же ея, вмѣсто волосъ — змѣю,» — и подобно сиренѣ — привлекаетъ она къ себѣ и людей и животныхъ.

Но особенной важности былъ для средневѣковаго суевѣрія эпизодъ изъ той же баснословной исторіи, о томъ, какъ Македонскій завоеватель нашелъ народы нечестивые и поганые, которымъ не подобало осквернять человѣчество своими сношеніями съ прочими народами. Для того эти поганые народы Александръ Македонскій загналъ въ непроходимыя горы, которыя потомъ — по промыслу Божію — сами чудесно сомкнулись, оставивъ только тѣсное ущелье, которое Александръ заперъ громадными мѣдными воротами, замазавъ ихъ особеннымъ цементомъ. Между этими народами были Гогъ и Магогъ. Въ послѣдніе дни, передъ страшнымъ судомъ — эти поганые народы освободятся изъ своего заключенія — пройдутъ по всей землѣ, и пожрутъ всѣхъ людей и кровь ихъ выпьютъ.

Новгородцы люди промышленные и бывалые и до того любознательны, что искали въ своихъ странствіяхъ — земнаго рая, — они же еще въ XI в. открыли слѣдъ и этихъ поганыхъ народовъ Александра Македонскаго далеко на сѣверъ, какъ разсказывали имъ людіе Югра, что будто въ неприступныхъ горахъ лукоморія — слышится кличь нѣкій и великій говоръ, и какіе-то люди сѣкутъ ту гору и хотятъ изъ нея выйти, но не могутъ, и въ горѣ той просѣчено малое оконце, и оттуда они молвятъ, но языкъ ихъ никому не понятенъ — и кажутъ они на желѣзо и помаваютъ рукою, проса желѣза, и кто дастъ имъ ножъ или сѣкиру — платятъ ему звѣриными мѣхами. Когда одинъ новгородецъ повѣдалъ это нашему лѣтописцу — «я знаю, отвѣчалъ лѣтописецъ — это люди, заключенные Александромъ Македонскимъ: въ послѣдніе дни міра по повелѣнію Божію, эти скверные языцы освободятся и пройдутъ по всей землѣ.

Такимъ образомъ, баснословная исторія о Македонскомъ героѣ была неразрывно связана съ господствовавшими въ средніе вѣка представленіями о страшномъ судѣ. Басня переходила въ догматъ — и выражалась новымъ рядомъ затѣйливыхъ представленій. Наша старина полчище Гога и Магога представляла съ песьими головами, и внесла ихъ изображенія въ Лицевые Апокалепсисы, именно какъ эти чудовища пожираютъ святыхъ людей, передъ наступленіемъ Страшнаго Суда.

Согласно съ этимъ, по наставленію иконописнаго подлинника — въ изображеніи Страшнаго Суда — между народами, собранными передъ вѣчнаго судію — помѣщены не только Литва, Русь, Жиды, Арапы синіе — но и Измаильтяне песьи головы.

Средневѣковой фантазіи, отличавшейся непонятною для насъ смѣлостію, стоило только сдѣлать одинъ шагъ, чтобы между народами-дивовищами, между великанами и несьими головами — открыть личности, сподобившіяся ореола святости.

Digitized by Google

Въ этомъ отношеніи, и на западѣ, и у насъ на Руси, такое назначеніе выпало на долю Св. мученика Христофора.

По западному преданію св. Христофоръ былъ великанъ и необыкновенный силачъ. Еще будучи язычникомъ, онъ искалъ себѣ самаго могущественнаго князя, чтобы быть въ его службѣ. Нашелъ одного, дѣйствительнаго храбраго владѣтеля; онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ неустрашимъ, но все же боялся черта и всякій разъ крестился, когда слышалъ его имя произносимое скоморохами въ пѣсняхъ. Узнавъ такимъ образомъ, что дьяволъ могущественнѣе того князя, Св. Христофоръ пошелъ искать дьявола, отыскалъ, и записался къ нему въ службу. Но вскорѣ увидѣлъ, что и дьяволъ страшится креста. Тогда св. Христофоръ отправился отыскивать самаго Іисуса Христа; и на пути встрѣтилъ пустынника, который наложилъ на нашего великана благочестивый подвигъ. Пусть онъ живетъ при широкой и глубокой рѣкѣ и переноситъ въ бродъ всѣхъ прохожихъ — и такъ долгое время св. Христофоръ былъ перевозщикомъ или перенощикомъ какъ нашъ Кій, отъ котораго будто получилъ свое имя городъ Кіевъ. Однажды является къ св. Христофору ребенокъ и проситъ его перенести черезъ рѣку. Великанъ сажаетъ мальчика къ себѣ на плечо, и, опираясь на цѣлое бревно, вмѣсто посоха, идетъ въ рѣку; но ребенокъ вдругъ становится такъ тяжелъ, что великанъ начинаетъ подъ его тяжестью изнемогать, даже чуть чуть не потонулъ; наконецъ черезъ силу перенесши его на ту сторону, и спустивъ на берегъ, ему говоритъ: «ну, дитя, совсѣмъ было ты меня погубилъ; ты такъ тяжелъ, что если бы на своихъ плечахъ я несъ всю землю, кажется, чувствовалъ бы мѣньшую тяжесть» «Не дивись, Христофоръ, отвѣтствовалъ ему мальчикъ: потому что дѣйствительно ты несъ на своихъ плечахъ не только весь міръ, но и того, то міръ сотворилъ: ибо азъ есмь твой Господь Іисусъ Христосъ.» Потому то-этотъ святый великанъ и былъ названъ Христофоромъ (т. е. Христо-носцемъ), а прежде имя ему было Репробъ (Reprobus).

Нѣмецкіе ученые въ исполинскомъ типѣ Христофора видятъ слѣды миѳологическихъ личностей Бога Тора (нашего Перуна), или же миѳическихъ великановъ, Іотуновъ и Турсовъ, съ которыми этотъ скандинавскій богъ дрался своимъ летучимъ молотомъ. Во всякомъ случаѣ — это исполинъ, какъ бы богатырь породы старшей, подобный нашему Святогору, который изнемогаетъ поднимая сумку съ тягою или тяжестью земли; какъ Христофоръ - по западнымъ легендамъ — понесъ бы на плечахъ весь міръ, но изнемогаетъ подъ великою тягою Предвѣчнаго Младенца.

Въ соотвѣтствіе западному исполину — по восточнымъ сказаньямъ — Св. Христофоръ изъ необычайной породы дивовищъ, изъ народа съ песьми головами, изъ Кинокефаловъ. Въ печатномъ прологѣ, подъ 9-мъ ч. мая читается: Св. мученика Христофора: «и о семъ преславномъ мученикѣ глаголется нѣкое чудно и преславно, яко песію главу имяше, отъ страны человѣкоядецъ (т. е. людоѣдовъ, какъ тѣ полчища Г'ога и Магога, которые передъ наступленіемъ Страшнаго Суда будутъ пожирать народы; въ прологахъ рукописныхъ еще наивнѣе прямо сказано, что Св. Христофоръ — «песью главу имѣяше — человѣкы ядяше — т. е. поѣдалъ людей)». Димитрій Ростовскій въ своихъ Четьихъ-Минеяхъ находитъ уже неудобнымъ приводить народныя легенды о Христофорѣ, какъ о великомъ, или какъ о дивномъ, и ограничивается только свидѣтельствомъ св. Амвросія, который повѣствуетъ о томъ, какъ Св.

Digitized by Google

Христофоръ обращалъ язычниковъ въ христіанство и какъ потомъ претерпѣлъ мученическую кончину. Впрочемъ авторъ Четьихъ-Миней не отвергаетъ и не опровергаетъ сказаннаго въ прологѣ, потому что свое повѣствованіе объ этомъ мученикѣ заключаетъ такъ: «сія Амвросій святый написа о св. мученикѣ Христофорѣ: прочая же о немъ зри въ прологѣ.»

Наша иконопись съ давнихъ временъ усвоила себѣ изображать типъ св. мученика Христофора—въ воинскомъ одѣяніи, но съ песьею головою (а не съ лошадиною—какъ думаю), хотя такой странный типъ удерживается до позднѣйшаго времени, такъ что онъ встрѣчается даже въ печатныхъ святцахъ XVIII в., однако въ иконописныхъ подлинникахъ (т. е. наставленьяхъ для иконописцевъ) уже и въ XVII в. кромѣ типа съ песьею головою допускается и типъ обыкновеннаго воина, юноши, который, только въ видѣ аттрибута держитъ въ лѣвой рукѣ отрубленную собачью голову, или же копье, которое дало отъ себя вѣтви и цвѣты потому въ подлинникахъ описываются оба эти типа такъ въ слѣдующихъ словахъ: «св. мученикъ Христофоръ: глава у него песія, во броняхъ, въ рукѣ крестъ, а въ другой мечъ въ ножнахъ; а индѣ пишутъ Христофора—младъ, аки Димитрій Солунскій» (т. е. какъ молодой человѣкъ въ воинскихъ доспѣхахъ).

Такимъ образомъ—начиная отъ древнѣйшихъ эпическихъ преданій и до произведеній иконописи XVII и даже XVIII в., мы встрѣчаемъ тѣ же смутныя понятія и фантастическія представленія о существѣ человѣка вообще и о народахъ. Старина была крѣпка памятью и вѣрна сама себѣ. Чудесное и чудовищное было для нея не только прикрасою въ поэзіи и въ архитектурныхъ орнаментахъ, но и основою всей нравственной жизни: потому-то эту существенную черту старины встрѣтили мы и въ этнографическихъ вымыслахъ нашихъ предковъ.

Какой же изъ всего сказаннаго выведемъ мы результатъ?... Что въ старину много было на Руси заблужденій и суевѣрій?—но кто же этого не знаетъ? для одного этого не стоило бы и заниматься исторіею быта и литературы.

Гораздо важнѣе для насъ то, что—какъ вы видѣли мм. гг., чудовищныя понятія о человѣкѣ господствовали въ нашемъ отечествѣ очень недавно, они были у насъ въ полной силѣ даже въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, когда на западѣ уже процвелъ вѣкъ Людовика XIV и когда Рафаэль, Лютеръ и Шекспиръ вошли уже въ основу преданій цивилизованнаго міра.

Напротивъ того—чудовищные образы людей съ песьими головами и теперь еще мерещутся русскому простому народу, который такимъ образомъ—въ смутныхъ представленіяхъ—и доселѣ еще не умѣетъ отдѣлить своего человѣческаго достоинства отъ нѣкоторыхъ, такъ сказать, звѣриныхъ элементовъ, которые пластически выразились въ этихъ дивовищахъ нашей старины.

Въ послѣднее время—распространилась было мода на популярныя для народныхъ школъ книжки, въ которыхъ проводились разныя матеріальныя тенденціи, какъ напримѣръ, что у человѣка вовсе нѣтъ души, отличающей его отъ животныхъ,—что отъ обезьяны до человѣка только рукою подать и т. п.

Если бы составители такихъ книжекъ по короче знали исторію и бытъ русскаго народа, то по малой мѣрѣ—посовѣстились бы свысока толковать народу о томъ, до чего доходилъ онъ и самъ самоучкою, по своимъ старинным сказкамъ и по лубочнымъ картинкамъ.

Ѳедоръ Буслаевъ.

Digitized by Google

ЗНАЧЕНІЕ ПЛЕМЕННАГО ХАРАКТЕРА ВЪ НАРОДНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

Предметомъ сегоднешней бесѣды мм. гг., будетъ значеніе племеннаго характера въ народномъ хозяйствѣ. Народы трудятся и промышляютъ о своихъ нуждахъ, но каждый народъ живетъ на извѣстной почвѣ, при извѣстныхъ климатическихъ условіяхъ, и вліяніе ихъ необходимо обнаруживается на его физическихъ и нравственныхъ свойствахъ. Ими объ условливается его характеръ и характеръ всей его дѣятельности, между прочимъ хозяйственной, а слѣдовательно и всего народнаго хозяйства.

Не буду входить въ подробности того громаднаго значенія, которое имѣетъ природа на человѣка. Предшествовавшія бесѣды исчерпали этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Отъ наблюдательнаго взора не можетъ укрыться вліяніе Географическаго положенія, климата, его сухости или влажности, вліяніе горъ, равнинъ на растительность, на животное царство и наконецъ на человѣка. Но какъ ни велико вліяніе окружающей человѣка природы, его не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать. Человѣкъ родится при извѣстныхъ условіяхъ, природа кладетъ на него свою печать, и и передъ нами являются породы съ строго опредѣленнымъ типическимъ характеромъ, а сей послѣдній стоитъ за тѣмъ уже превыше всякаго вліянія климата, а нерѣдко даже условій цивилизаціи. Гдѣ бы мы ни встрѣтили Еврея, подъ знойнымъ ли небомъ Испаніи или на пинскихъ болотахъ, на улицахъ ли римскаго Гетто или на нашемъ еврейскомъ подворьѣ, вездѣ сохраняютъ они свой типическій характеръ, эту гибкость, живучесть и подвижность. Куда ни заброситъ судьба Англичанина или Нѣмца колониста, они всегда остаются вѣрны себѣ; Англичане и Французы, отдѣленные другъ отъ друга узкою полосою соленой воды, выработали себѣ каждый такія особенности, которыя ни при какихъ климатическихъ условіяхъ не сгладятся. Флегматическій неповоротливый характеръ сѣвернаго Германца хотятъ объяснить климатомъ, неблагодарною почвою, сырымъ воздухомъ, туманами, а между тѣмъ рядомъ съ ними и въ тѣхъ же климатическихъ условіяхъ, среди ихъ живутъ Поляки съ характеромъ беззаботнымъ, веселымъ,

Digitized by Google

племя легкомысленное, беззаботное, французы сѣвера, какъ они любятъ себя называть.

Великое значеніе всегда имѣли и имѣютъ въ судьбахъ народныхъ рѣчныя области. Отъ рыбака, ставящаго свой шалашъ на берегу рѣки до большаго торговаго города съ дѣятельнымъ промышленнымъ населеніемъ, все это льнетъ къ рѣкамъ и селится на нихъ. Государства основываются, крѣпнутъ и разносятъ цивилизацію по рѣкамъ. По Днѣпру, Волгѣ и Двинѣ тянулись мы къ Черному, Каспійскому и Балтійскому морю, по Миссисипи, Огейо и Сускеганнѣ двигались европейскіе колонисты. Не будь Волги, говоритъ одинъ замѣчательный волжскій промышленникъ, мы были бы Киргизами-кочевниками. Это такъ — значеніе Волги для всего нашего сѣверо — юговостока несомнѣнно, но только славянское племя, двинувшееся по Волгѣ, умѣло ею воспользоваться. Оно назвало ее матушкой, кормилицей, золотымъ днемъ своимъ, усѣяло берега ея цвѣтущими богатыми городами, пустило по струямъ ея цѣлые флоты судовъ нагруженныхъ товарами, покрыло Волгу пароходами, тогда какъ прежніе обитатели и хозяева царственной рѣки или исчезли, слившись съ новыми пришельцами, или удалились въ дремучіе лѣса, коснѣя въ старинныхъ формахъ хозяйства, или же кочуя по прежнему на необозримыхъ степяхъ съ своими стадами и табунами. Народныя особенности и различія племеннаго характера зависятъ отъ природы точно также и характеръ и направленіе народной промышленности, но одно племя способнѣе къ хозяйственному развитію, крѣпче духомъ, настойчивѣе и упорнѣе въ трудѣ и скорѣе выходитъ изъ непосредственно надъ нимъ тяготѣющихъ оковъ природы, подчиняя себѣ послѣднюю т. е. научаясь ею владѣть и ея силами пользоваться; другое не въ силахъ высвободиться изъ-подъ физическихъ условій страны, и пребываетъ или въ вѣчномъ застоѣ или же въ постоянной зависимости и подчиненіи у другаго племени. Теперешній Кабилъ такой же сынъ пустыни какъ и Нумидіецъ временъ Югурты. Туже заунывную пѣснь поетъ въ своей кибиткѣ Монголъ, также онъ кочуетъ какъ и его предки, современники Чингисъ-Хана. За каменнымъ поясомъ, за Рифейскими горами, оттѣсняемые все далѣе и далѣе русскимъ племенемъ, живутъ Вогулы звѣроловы, также какъ и прежде жили, да и самый каменный поясъ до появленія Великоруссовъ былъ въ теченіе вѣковъ пограничной стѣной между двумя частями свѣта, за которою рисовала себѣ народная фантазія баснословныхъ чудовищъ, сквозь которую прорывались изрѣдка полчища дикихъ ордъ, вносившія гибель и опустошеніе въ восточную равнину, а теперь это одна изъ самыхъ богатыхъ и промышленныхъ мѣстностей Россіи и не далеко можетъ быть, то время, когда чугунными путями она свяжется съ нашимъ центромъ, опять таки потому, что явилось племя, съумѣвшее своею энергіей и настойчивостью осилить самой природой противопоставляемыя преграды.

И такъ, мм. гг., племенной, каждому народу прирожденный характеръ имѣетъ помимо природныхъ естественныхъ условій мѣстности великое значеніе въ судьбахъ народныхъ, а слѣдовательно вліяетъ и на его хозяйственный бытъ. Суровый климатъ сѣверной полосы Европы безспорно отразился на ея обитателяхъ. Они не такъ страстны какъ южные Европейцы, гораздо хладнокровнѣе и менѣе живой одарены фантазіей, но вглядимся пристальнѣе въ Нѣмца и Финна, Шведа и Русскаго — развѣ они похожи другъ на друга какъ бы близко другъ подлѣ друга не жили. Одинъ народъ

Digitized by Google

можетъ быть просто отъ природы воинственъ; ни обстоятельства, ни сосѣди, ничто его не вызываетъ на брань и на завоеванія — но таковъ просто врожденный ему характеръ. Другой народъ отличается способностью и наклонностью къ торговлѣ и промысламъ и сравнительно со всѣми его окружающими народами перещеголялъ всѣхъ ловкостью и умѣньемъ вести свои торговыя дѣла. Въ лѣсахъ вдали отъ дорогъ и водныхъ путей засѣли остатки финскихъ племенъ поволжскихъ, а оттѣснившіе ихъ великоруссы прибрали къ своимъ рукамъ всѣ самыя бойкія мѣста, и по главнымъ трактамъ да по рѣкамъ занялись промыслами, торговлей и кто съ лубкомъ за спиной, кто съ топоромъ за поясомъ искрещиваютъ они всю Русь широкую, сходятъ и въ Питеръ и на Сыръ-Дарью, и въ Ростовъ на Дону и въ Варшаву, попадетъ иной и въ бусурманскій городъ, какъ попалъ-разъ суздальскій богомазъ въ извѣстный своимъ фанатизмомъ персидскій городъ Мешгедъ, гдѣ продалъ всѣ образа Георгія Побѣдоносца за Шіитскаго героя Рустема.

Почти всегда и вездѣ основные элементы производства, которыми можетъ располагать и располагаетъ извѣстный народъ опредѣляется свойствомъ и качествомъ народнаго труда и естественно зависитъ отъ его характера. Ни одинъ народъ не сравнится съ Англичаниномъ или Американцемъ въ настойчивости и энергіи къ труду; Нѣмецъ передъ всѣми отличается точностью, Французъ изящностью работы.

Напрасно будемъ мы доискиваться въ произведеніяхъ англійской промышленности изящества и вкуса; англійскій фарфоръ напр. превосходящій всѣ фарфоры добротою, далеко уступаетъ красотой формы и рисунка французскому; и всѣ фабричныя произведенія, которыя англичанинъ подразумѣваетъ подъ словомъ Fancy и гдѣ главную роль играетъ вкусъ, а не прямая польза, все это плохо въ Англіи и все ввозится изъ заграницы. Знаменитая industrie parisienne, снабжающая цѣлый міръ своими прекрасными изящными издѣліями, находитъ себѣ одинъ изъ обширнѣйшихъ рынковъ въ Англіи. Въ Манчестерѣ, этомъ центральномъ пунктѣ хлопчатобумажнаго производства на всѣхъ фабрикахъ найдемъ мы французскихъ рисовальщиковъ. Но за то англійскій рабочій беретъ надъ всѣми рабочими въ мірѣ верхъ своею неутомимостью, прилежаніемъ, стойкостью, выдержкою и постоянствомъ въ трудѣ. «Мы слишкомъ часто повторяемъ, сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей Робертъ Пиль, что богатство Англіи вызвано ея неисчерпаемыми запасами желѣза и каменнаго угля. Напрасно. Величайшее сокровище Англіи состоитъ въ несокрушимой энергіи самаго народа. Эта энергія не допускаетъ его бросать разъ начатаго дѣла и эта-то сила дала ей возможность создать великое государство, покорить Индію, царствовать на всѣхъ моряхъ, и сдѣлаться всемірнымъ торговымъ рынкомъ. Когда парламентская коммиссія задала фабрикантамъ вопросы относительно качества рабочаго труда въ Англіи и во Франціи, то одинъ англійскій мастеръ, работавшій на французскихъ фабрикахъ, такъ выразился о работѣ французской: it cannot be called coork, they do: it is only looking at id and esisching it done. Англійскаго рабочаго нельзя сравнить и съ нѣмецкимъ. Нѣмецкіе же фабриканты не могутъ безъ нихъ обойдтись. Англійскій рабочій на фаянсовой фабрикѣ сработаетъ 360 дюжинъ тарелокъ въ недѣлю и получаетъ 11 талеровъ, нѣмецкій 150 дюжинъ и зарабатываетъ въ недѣлю не болѣ 4½ талеровъ. Отъ того-то въ сущности работа во Франціи и Германіи обходится по об-

Digitized by Google

щему отзыву дороже нежели въ Англіи, потому что вдвое нужно рабочихъ. Англійскій поденьщикъ въ шиллингъ обходится дешевле ирландскаго въ ½ шиллинга, а далеко ли живетъ Ирландецъ отъ Англичанина. Чѣмъ же это объясняется какъ не врожденнымъ характеромъ Англичанина и Ирландца. Отличительная черта Англичанина—это стойкость, трезвость мысли, разсудительность, здравый практическій взглядъ на жизнь и на всѣ ея условія и врожденное отвращеніе отъ всякой неясности, неточности и неопредѣленности. Ирландецъ, пожалуй, и работящъ, но онъ и лѣнивъ, онъ домовитъ и въ тоже время легкомысленъ; расточителенъ и въ тоже время умѣренъ, свыкнется съ недостаткомъ и легко выноситъ нищету. Онъ за все легко берется и ни въ чемъ нѣтъ у него выдержки, и онъ портитъ часто дѣло или чрезмѣрною стремительностью въ исполненіи и нетерпѣливостью, или же медленностью и лѣностью.

Въ торговлѣ, въ промышленности, во всемъ складѣ народнаго хозяйства рѣзко выдаются особенности племеннаго характера. Кто не любитъ денегъ и кого не прельщаетъ довольство и обезпеченность жизни? но оба народы и Французы и Англичане любятъ деньги по своему. Только въ Англіи да въ Америкѣ бѣдность срамна. «Куй себѣ деньги, писалъ Юніусъ извѣстному издателю журнала Daily advertiser, сколько тебя на это станетъ. Безъ денегъ нельзя быть ни счастливымъ, ни честнымъ.» Деньги даютъ въ Англіи силу, значеніе, власть и независимость — это величайшее благо для Англичанина. Французъ любитъ деньги для наслажденія, и такъ какъ удовольствія и потребности въ разныхъ силахъ общества относительны, то простой rentiér въ 600 фр. дохода, также счастливъ въ своей сферѣ какъ и rentier съ 10,000 фр. Во французской палатѣ одинъ изъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей такъ опредѣлялъ торговлю: «C'est la science d'acheter pour trois sous ce qui côute six et de vendre à 6 ce qui côute 3.» Такое пониманіе торговли какъ великой цивилизующей силы слишкомъ узко. Великій торговый народъ съ широкимъ меркантильнымъ взглядомъ не объ одномъ только томъ заботится, чтобы выторговать копѣйку и потомъ копѣйку надбавить. Онъ хочетъ знать свои рынки и знать ихъ условія. Тѣсны становятся рынки, онъ новыхъ себѣ ищетъ, основываетъ колоніи, или умною торговою политикой связываетъ интересы едва выступающихъ на поприще международной торговли народовъ съ своими интересами. Въ этомъ отношеніи Англія взяла верхъ надъ всѣми торговыми націями, и захвативъ въ руки свои всю сѣверо и южно-американскую торговлю, вознаградила себя съ лихвой за всѣ утраты на европейскомъ континентѣ. Именно въ дѣлѣ колонизаціи высказалось все превосходство англо-германскаго племени надъ романскимъ. Англійскія, голландскія колоніи цвѣтутъ и богатѣютъ, словно здоровыя чада здоровой матери и въ самихъ себѣ кроютъ зародыши будущей независимости, тогда какъ романскія племена умѣли только завоевывать колоніи, но не заводить и населять ихъ здоровыми рабочими людьми; и много истины въ извѣстномъ изреченіи, что прокладывая пути, вырубая вѣковые лѣса и заводя новое поселеніе Англо-американецъ сооружаетъ храмъ Божій, но подлѣ заводитъ школу, типографію и банкъ, Французъ же въ своихъ поселеніяхъ — театръ, и кафе, да цѣлый легіонъ чиновниковъ, Испанецъ монастырь.

На нашей выставкѣ собраны всѣ племена населяющія наше обширное, наше славное отечество. Ни одна страна въ мірѣ не можетъ представить такого разно-

Digitized by Google

образія племеннаго состава, столько разнообразныхъ типовъ, но ни одно не представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ такого крѣпкаго единства и такого многочисленнаго однороднаго ядра какъ Россія. Это ядро есть племя русское въ обширномъ значеніи этого слова—единственное, мощное славянское племя, единственный въ своемъ родѣ колонизаторъ. Но этою колонизаторскою способностью отличается главнымъ образомъ одна отрасль русскаго племени великоруссы. Отдѣльными толпами или Новогородской вольницей, срубавшей городки среди туземныхъ финскихъ племенъ или купцами, промышленниками являлись они, выбирали привольныя мѣста, селились міромъ, что весьма важно, ибо черезъ это сохраняли они крѣпко и непоколебимо свой народный характеръ и находились въ постоянныхъ непрерывныхъ связяхъ съ родимой стороной. Великорусское племя приняло въ себя естественно много чужой крови и не осталось племенемъ чистымъ, сохранивъ однакожъ преобладающій славянскій характеръ; но и это одно изъ тѣхъ счастливыхъ историческихъ обстоятельствъ, которое дается избранникамъ Вседержителя историческихъ судебъ, ибо существуетъ одинъ непреложный законъ, что только народы, происшедшіе изъ смѣшенія разныхъ племенъ, призваны играть великую всемірно-историческую роль. Создавъ же единственную сильную славянскую державу, создавъ литературу и не только литературный, но и одинъ изъ всемірно-торговыхъ языковъ, который давно уже ставятъ рядомъ съ языкомъ англійскимъ, какъ захватывающій въ область свою самую обширную послѣ Англіи торговую область, Великорусское племя имѣетъ полное право на значеніе всемірноисторическаго племени. Постепенное вымираніе или, лучше сказать, обрусеніе финскихъ племенъ, сихъ коренныхъ обитателей сѣверовосточной равнины, совершается на нашихъ глазахъ. Москва повалила ихъ, всѣхъ задавила, и упрямый рыжій Зырянинъ и Чудь бѣлоглазая и Мордва полоротая живьемъ закопалась, подъ землей пропала и ходитъ преданье по сѣверовосточной Руси, что когда появилась въ лѣсахъ бѣлая береза, дерево царя бѣлаго, соорудила Чудь подкопы на стойкахъ, убралась туда со всѣмъ имуществомъ, подрубила стойки и погибла.

Общій всѣмъ финскимъ племенамъ и отличительный ихъ характеръ легко объясняетъ это явленіе. Твердость, спокойствіе, настойчивость, упрямство, неподвижность встрѣчаемъ мы во всѣхъ одинаковую. Они по преимуществу расположены къ земледѣлію и къ скотоводству и, благодаря неутомимому труду, терпѣнію и никогда не унывающему духу, они первые обработали негостепріимныя пустыни сѣверной лѣсистой равнины. Финнъ, Вотякъ, Черемисинъ, Чувашинъ любятъ свой маленькій мірокъ, куда бы не досягало до него постороннее вліяніе. У себя и воду пить изъ рѣшета лучше, чѣмъ пиво изъ серебряной кружки въ чужомъ дому, говоритъ Финнъ. У нихъ все свое домашнее, начиная отъ пищи до одежды и до домашней утвари. Это исключительно сельскій народъ, ненавидящій города. Они и деревни свои строятъ гдѣ нибудь подальше отъ бойкихъ мѣстъ. Гдѣ же было этому мирному племени бороться съ неистощимою оборотливостью великорусса, съ его расчетливостью, предпріимчивостью и готовностью на всякаго рода предпріятія. Великоруссъ ненавидитъ этотъ покой; скудная пашня сѣвера не можетъ быть его міромъ, а для финскаго народа этотъ однообразный покой—высшее блаженство. И вотъ при тѣхъ же условіяхъ, въ той же природѣ, одно племя богатѣетъ, двигается впе-

Digitized by Google

редъ, промышляетъ, а другое рѣдѣетъ съ каждымъ годомъ, и все ближе и ближе тотъ часъ, когда на всемъ обширномъ пространствѣ сѣверной, сѣверовосточной Россіи будетъ одна рѣчь, одинъ говоръ, будетъ сидѣть одно племя, сложившееся изъ бойкаго, подвижнаго, тароватаго Великорусса и трудолюбиваго, неутомимаго, домовитаго домосѣда финскаго племени.

Взглянемъ теперь на великорусса въ его сношеніяхъ съ одноплеменниками Славянами, съ ближайшими своими братьями бѣлоруссомъ и малоруссомъ. Одна ли окружающая населеніе природа или племенной типъ имѣлъ вліяніе на условія быта и хозяйства обоихъ. Далеко ходить нечего: обратимся къ Смоленской намъ близкой губерніи и сравнимъ ея восточную и западную часть или же возмемъ болѣе широкое пространство всей губерніи, гдѣ и Великоруссы и Бѣлоруссы живутъ вмѣстѣ. Въ населеніи восточныхъ уѣздовъ Смоленской губерніи видна удаль, изворотливость и предпріимчивость великорусскаго человѣка, и умѣнье найдти средства для жизни. Онъ любитъ строиться на большихъ дорогахъ гдѣ легче заработать деньги, изба его красивѣе и удобнѣе, одежда щеголеватая. Все это измѣняется въ западныхъ частяхъ губерніи населенной вялыми Бѣлоруссами, которые прячутся въ проселкахъ, терпѣливы и добродушны болѣе изъ неподвижности и лѣни нежели по сознанію. Бѣлыя избы не рѣдкость въ селахъ великорусскихъ, почти диковинка въ бѣлорусскихъ деревняхъ. Пушной хлѣбъ ихъ обыкновенная пища, что для великорусса составляетъ величайшее лишеніе. Кафтанъ темнаго или цвѣтнаго сукна, всегда почти крашеная рубаха, шляпа или высокая московка или низкая сычевка, почти всегда сапоги — вотъ одежда великорусса восточныхъ уѣздовъ. Въ уѣздахъ бѣлорусскихъ вездѣ и во всемъ бѣлый цвѣтъ, и бѣлая рубашка и бѣлый кафтанъ изъ некрашенаго сукна, и бѣлый войлочный колпакъ и почти исключительно лапти. Перейдя же въ Могилевскую губернію, населенную почти сплошь бѣлоруссами, мы встрѣтимъ еще большую разницу между двумя родными братьями, и эта разница преобладаетъ всюду, гдѣ они только живутъ вмѣстѣ. Въ бѣлоруссѣ точно также, какъ и въ малороссѣ, мы больше замѣтимъ домовитости, что проявляется особенно въ заботливости устроить свой дворъ или окружить его огородомъ и садомъ; вездѣ видно желаніе имѣть все нужное для жизни у себя подъ рукою, но безъ риска, безъ продолжительныхъ лишеній. Великоруссъ же является исключительно промышленникомъ и гдѣ только онъ соприкасается съ бѣлоруссомъ, въ тѣхъ уѣздахъ и бѣлоруссъ начинаетъ промышлять по немногу. И гдѣ бы не жилъ великоруссъ отдѣльно ли или цѣлой деревней, въ Литовскихъ ли губерніяхъ, въ Малороссіи, въ Остзейскомъ ли краѣ, вездѣ одинъ говоръ— это лучшій работникъ, лучшій мелкій торговецъ, садовникъ, рыболовъ и великорусскія села въ Лифляндіи и Курляндіи самыя богатыя зажиточныя и русскій рабочій самый искомый и самый хваленый. Въ Черниговской губерніи на пространствѣ 1,000 почти кв. миль въ старой сѣверской странѣ— сошлись лицомъ къ лицу и живутъ другъ подлѣ друга три братскихъ племени: Великоруссы, Малоруссы и Бѣлоруссы. У малороссовъ дѣлимость семействъ, исключительное занятіе земледѣліемъ, но значительная доля домовитости, все свое непокупное кромѣ косъ да соли, ремеслъ почти никакихъ и сидитъ онъ себѣ трудолюбивымъ земледѣльцемъ на всемъ черноземномъ пространствѣ губерніи, чуждый всякой коммерческой и промышленной дѣятельности, а рядомъ съ нимъ и съ Бѣлоруссомъ, сохра-

Digitized by Google

нившимъ здѣсь въ чистотѣ свой типъ и свою сносливость во всякаго рода лишеніяхъ и притворство и апатичную безпечность, живетъ въ Суражскомъ, Стародубскомъ, Новозыбковскомъ и Городнянскомъ уѣздѣ великоруссъ слобожанинъ, народъ рослый, статный, красивый, съ окладистою бородою, совершенною противоположностью бритому малороссу иклинобородому бѣлоруссу, смѣтливый, чрезвычайно трудолюбивый, бывалый и слишкомъ хорошо цѣлой Малороссіи извѣстный ходебщикъ и прасолъ, вѣрный и на благословенной почвѣ Малороссіи всѣмъ своимъ привычкамъ, перенесшій сюда и свои щи, и свою телѣгу на высокомъ передкѣ, и весь свой коммерческій смыслъ. На правильныхъ степяхъ новороссійскихъ сошлось уже нѣсколькъ славянскихъ племенъ, и малороссы и Болгары и великоруссы, и кромѣ ихъ молдаване. Условія и природы одни и тѣ же; живутъ они не рѣдко другъ подлѣ друга и во всемъ громадная разница. Упорно держится малороссъ своего стараго хозяйства, перенесеннаго имъ съ родины и отличающагося своею первобытностью; также плохо и скудно хозяйство Молдавское, и наоборотъ Болгары и Великоруссы явились здѣсь лучшими хозяевами. Они главные садоводы и огородники, они принесли сюда капусту, которая еще лѣтъ 30 тому назадъ была рѣдкостью. А условія одни и тѣ же были. Какъ же объяснить это различіе? развѣ не имѣетъ тутъ значенія племенной характеръ?

Въ нашихъ народныхъ сказкахъ царевичи и богатыри выѣзжаютъ изъ дому родительскаго людей посмотрѣть и себя показать и почти всегда возвращаются домой со славою, богатствомъ. Не символъ ли это великорусскаго племени, не представляетъ ли собой каждый выходящій изъ роднаго села парень такого странника и труженика, оставляющаго родное село, отчій кровъ, чтобы или сложить буйную голову на чужбинѣ или воротиться домой съ достаткомъ, сдѣлаться богачемъ и основателемъ новой богатой купеческой фирмы на родинѣ или на чужбинѣ. Старая Суздальская земля — это типическая сторона великорусскаго племени, разсадникъ его торговыхъ предпріимчивыхъ людей. Четыре города, 40 слишкомъ селъ и 99 деревень Владимірской губѣрніи это — родина офенской торговли и ходебщиковъ, этихъ главныхъ посредниковъ торговли, тучею налетающихъ на сибирскія губерніи, Финляндію, Малороссію, западный край, Оренбургъ, заводя вездѣ связи, являясь со всякимъ товаромъ и готовые на всѣ руки. Торговать и промышлять было нужно, чтобы добыть себѣ копейку, и подобно нашимъ бородатымъ извощикамъ великорусскимъ, проложившимъ себѣ пути по всему пространству Россіи, — тогда какъ малороссъ чумакъ остался только при своей соли да рыбѣ, за которою ѣздилъ въ Крымъ да на Донъ — промышленная энергическая суздала, этотъ типъ великорусса, а вслѣдъ за нею и жители другихъ подмосковныхъ губерній создали торговлю, создали и кредитъ — это самое могучіе орудіе промышленности, и притомъ одну изъ самыхъ высшихъ его формъ-кредитъ личный, благодаря которому продукты промышленности расходятся по всѣмъ концамъ развозимые и разносимые нашими офенями, ходебщиками отъ Владиміра и Нижняго до Иркутска, Украйны, Дона и Кавказа.

Пашней изъ за хлѣба на квасъ не заработаешь; топоръ кормилецъ всему дѣлу голова, отъ него щепки летятъ, подати оплачиваютъ. Не проситъ промыселъ хлѣба, а самъ кормитъ; — такъ говоритъ великоруссъ и пестрыми узорами легла издѣльная промышленность на всемъ пространствѣ сѣверо-

Digitized by Google

восточной Руси и каждому городу, каждому посаду, каждой слободѣ или волости, пріурочилось какое нибудь ремесло или промыселъ и пошла имъ кличка на всю Русь. Уломцы гвоздари, Кимряки штукатуры и чеботари, Владимірцы каменьщики; Юрьевцы китаешники; Суздальцы богомазы; Ковровцы коробейники; Княгининцы шапошники; Семеновцы баклушники, Шуяне овчинники; Арзамазцы гусятники; Ветлужане санники, Вичуговцы салфетники, Устюжане черносребренники, Тулякъ стальная душа — и мало ли этихъ прозвищъ. Природа не дала благодатной почвы Великоруссу; она заставила его удариться въ промыслы, въ торговлю, ну а Бѣлоруссы и Финны рядомъ и вмѣстѣ съ ними живущіе — отъ чего же они не бросились съ такою же силой и энергіей на заработки? Видно кромѣ внѣшнихъ условій окружающей природы кроется еще что нибудь иное въ самомъ характерѣ народа. И такъ велось изстари. Еще авторъ топографическаго описанія Харьковскаго намѣсничества конца прошедшаго столѣтія говоритъ, что торговый промыселъ по всей Украйнѣ примѣчателенъ, но что торговля есть домовная къ пристойному больше пропитанію, а не къ обогащенію располагающая, а Шафонскій въ своемъ описаніи Черниговскаго намѣстничества говоритъ, что вся торговля въ рукахъ великорусскихъ купцовъ.

Кромѣ условій представляемыхъ природой и мѣстностью бываютъ и нравственныя причины, вліяющія на характеръ народа и на его хозяйство. Случается, что государственная власть вызываетъ къ жизни поселенія, вызываетъ и дѣятельность тамъ, гдѣ можетъ быть она естественнымъ путемъ и не возникла бы; судьбы историческія, нашествія, измѣненія въ торговлѣ, прокладываніе новыхъ путей и оставленіе старыхъ, не могутъ остаться безъ послѣдствій на весь хозяйственный бытъ народа. Очень часто случается, что характеръ народа измѣняется и портится отъ дурнаго управленія, эта порча переходитъ за тѣмъ на весь послѣдующій характеръ администраціи, и народъ доходитъ до того, что теряетъ всякое сознаніе возможности улучшенія своего быта. Войны, голодъ, моръ, болѣзни эпидимическія, — все это бѣдствія преходящія; мать-природа сама стремится сторицею вознаградить бѣдствующихъ и пополнить пробѣлы, нанесенные ангеломъ смерти, и новыя крѣпкія рабочія руки подрастающаго трудолюбиваго народонаселенія быстро и скоро собираютъ расхищенное и погибшее богатство; но произвольное дурное грабительское или, что еще хуже, глупое управленіе гибельно тѣмъ, что оно подкашиваетъ энергію и трудъ народный, подавляетъ способность къ бережливости, отнимаетъ всякую охоту къ улучшенію хозяйственнаго быта, т. е. задерживаетъ накопленіе капиталовъ — этой главной двигательной силы каждаго хозяйства. Такіе примѣры у насъ не рѣдки передъ глазами и исторія часто намъ на нихъ указываетъ. Но и этого вліянія не слѣдуетъ преувеличивать. И здѣсь племенной характеръ проявляется во всей своей силѣ. Положимъ, что качества народнаго характера суть продукты его прошедшаго, его исторіи; но вѣдь и это прошедшее и его исторія, точно также какъ воспитаніе отдѣльнаго человѣка — это продуктъ врожденнаго народу характера. Въ одномъ и томъ же сообществѣ одинъ человѣкъ погибаетъ и грязнетъ въ порокахъ, другой выходитъ и чистъ и невредимъ. Иной народъ изопьетъ всю горькую чашу бѣдствій и, закалясь среди горькихъ испытаній, сумѣетъ вырваться на торную дорогу; другіе не умѣютъ со-

Digitized by Google

хранить своей самостоятельности и разсѣянные по всему лицу земли не въ правѣ винить только другихъ или враждебныя обстоятельства. Въ нихъ самихъ и во всемъ складѣ ихъ характера кроется причина ихъ бѣдствій. Но и они не безслѣдно проходятъ въ исторіи и сливаясь съ другими болѣе счастливыми, болѣе крѣпкими народами, вносятъ свою лепту въ общую сокровищницу человѣческаго духа.

И. Бабстъ.

Digitized by Google

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ДВИЖЕНІИ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

Мм. Гг.

Наука готовитъ роскошный пиръ; иначе нельзя назвать этнографическую выставку, задуманную обществомъ любителей естествознанія. Что же скажетъ намъ наука этою этнографическою выставкою? Что скажетъ намъ о Россіи, о насъ самихъ, чему научитъ? Что скажетъ намъ этотъ пестрый сонмъ разнообразныхъ человѣческихъ фигуръ? Я счелъ своею обязанностію принять посильное участіе при разрѣшеніи этихъ вопросовъ.

Прежде всего остановитъ насъ на выставкѣ пестрая кайма изъ разнообразныхъ народовъ на востокѣ, сѣверо и юговостокѣ. Теперь эта кайма узка; но въ старину предки нѣкоторыхъ изъ этихъ народовъ были хозяева на великой восточной европейской равнинѣ, которую мы теперь называемъ Россіею. На два главныхъ отдѣла можно раздѣлить эти послѣдніе народы: одни съ незапамятныхъ поръ жили на великой равнинѣ, въ сѣверной и средней ея части, жили рѣдко, разбросавшись на огромныхъ пространствахъ, притаившись въ лѣсныхъ чащахъ среди озеръ и болотъ. Жили они когда-то здѣсь — вотъ все, что̀ можетъ сказать объ нихъ исторія; незамѣтно, не слышно они жили; незамѣтно, не слышно они исчезли изъ срединныхъ частей великой равнины, оставивъ по ея окраинамъ свои образчики. Мордвинъ, чувашъ, черемисинъ, зырянинъ, лопарь — вотъ эти образчики. Отъ ихъ настоящаго, легко заключить къ прошедшему, легко понять, почему не они унаслѣдовали нашу землю. Они жили здѣсь, гдѣ живемъ теперь мы; отъ нихъ остались названія, слова; но дѣла ихъ не остались.

Отъ народовъ другаго отдѣла остались дѣла, записанныя въ исторіи; не тихо, не безъ движенія, не притаившись въ какихъ нибудь захолустьяхъ, прожили они свою жизнь. Напротивъ, они двигались съ неимовѣрною быстротою; и вѣсть объ ихъ движеніяхъ обхватывала ужасомъ народы; гдѣ пройдутъ—тамъ кровь и развалины; слыли они бичами Божіими, порожденіями злыхъ духовъ; дѣло ихъ — дѣло разрушенія, создать они ничего не могутъ; опустошивши все въ извѣстной мѣстности, они стремятся далѣе, какъ саранча. Такіе-то народы долго хозяйничали въ нашей странѣ, въ

Digitized by Google

южной, степной половинѣ, налагая тяжелую руку и на сѣверную лѣсную часть. Но они не воздѣлали земли и потому не унаслѣдовали ея. Къ наслѣдству былъ призванъ другой народъ, способный воздать плоды свои во времена своя. Грозныя орды, бичи Божіи, должны были бѣжать предъ нимъ въ дальнія степи. Въ пестрой каймѣ выставки мы найдемъ представителей потомства ихъ. Невольная улыбка является на устахъ при видѣ этого потомства и при сравненіи его значенія съ значеніемъ предковъ, страшныхъ бичей Божіихъ для Европы; но при этомъ сравненіи всего яснѣе обнаруживается значеніе того народа, который трудомъ, подвигами унаслѣдовалъ себѣ великую восточную равнину, отнялъ ее у Азіи и возвратилъ Европѣ.

Всѣ историческіе народы, эти добрые рабы, пріобрѣтающіе пятью талантами десять, трудомъ и подвигомъ воздѣлываютъ данную имъ землю, воздѣлываютъ въ обширномъ смыслѣ слова, подчиняютъ матеріальную природу вліянію своихъ духовныхъ силъ, своего разума, измѣняютъ природныя условія, улучшаютъ землю, даютъ ей новый видъ,—продолжаютъ, такимъ образомъ, дѣло творенія. Объ одномъ изъ западно-европейскихъ народовъ говорятъ, что онъ завоевалъ свою землю у моря: обратимся къ восточной Европѣ, къ нашей великой равнинѣ, и найдемъ, что нашъ народъ завоевалъ свою землю у моря, болѣе опаснаго болѣе бурнаго и разрушительнаго; у песчанаго моря—у степи, которая безпрестанно высылала своихъ жителей, кочевыхъ хищниковъ, разрушившихъ все, созданное трудомъ осѣдлаго европейскаго народа. Въ то время, какъ германскіе народы, поселившіеся въ областяхъ римской имперіи, получили богатое наслѣдство въ цивилизаціи древняго міра и, благодаря этому наслѣдству, получили на свою долю трудъ легкій, — нашъ народъ получилъ страну громадную и дѣвственную, по которой не прошла исторія, которую нужно было завоевать у дикихъ силъ природы и у дикихъ народовъ.

Въ началѣ главная историческая сцена русскаго народа утвердилась на Днѣпровской степной Украйнѣ, въ Кіевѣ и около него, въ странѣ лучшей по природнымъ условіямъ, на равнинѣ, вблизи европейскихъ христіанскихъ собратій; на великомъ водномъ пути изъ сѣверной Европы въ южную, не далеко отъ Византіи, —однимъ словомъ въ обстоятельствахъ, очень благопріятныхъ для труда, для промысловъ, которыми русскій народъ долженъ былъ воздѣлывать данную ему землю. Но вотъ лѣтопись сообщаетъ намъ извѣстія, которыя всего лучше дадутъ намъ понятіе о состояніи труда и промысловъ въ древней Кіевской Руси. Наступаетъ весна, и князья съ своими дружинами должны собираться въ походъ на степныхъ хищниковъ—за чѣмъ? За тѣмъ, что безъ этого, если земледѣлецъ выйдетъ въ поле на работу, то степной хищникъ подкрадется и убьетъ земледѣльца, захватитъ его семейство и пожитки. Одинъ походъ въ степь конченъ; но дружина княжеская опять сѣдлаетъ коней, опять идетъ въ степь, по берегамъ Днѣпра; ей нужно спѣшить на встрѣчу къ купцамъ, идущимъ изъ Греціи, иначе степные хищники разгромятъ ихъ. Искусственныя плотины противъ песчанаго моря, городки, которые строились на границахъ съ степью, мало помогали: хищники прорывались всюду и опустошали землю—«разносили розно русскую землю», по тогдашнему выраженію; въ городахъ, какъ жаловались князья, жили псари да половцы. При такомъ положеніи дѣлъ, люди, склонные къ мирному труду, не могли оставаться въ странѣ, и вотъ, съ запустѣніемъ и ослабленіемъ юго-западной Руси, люднѣетъ и

Digitized by Google

усиливается сѣверо-восточная — знакъ, что народонаселеніе отхлынуло отъ опаснаго сосѣдства съ степью въ болѣе суровую и бѣдную, но болѣе безопасную сѣверо-восточную лѣсную часть великой равнины. Здѣсь ждалъ русскаго человѣка громадный трудъ разчистки и воздѣланія нетронутой земли, покрытой лѣсами и болотами; но онъ не побоялся труда и покорилъ себѣ имъ суровую, упрямую сѣверную природу.

Между русскими людьми, занявшими сѣверную лѣсную страну, и между русскими людьми, оставшимися на югѣ, на степной Украйнѣ, скоро обозначилось различіе и вмѣстѣ явилось между ними раздѣленіе занятій. Съ юга на сѣверъ, изъ степной въ лѣсную сторону шелъ тотъ русскій человѣкъ, который чувствовалъ стремленіе къ мирному труду; на югѣ оставался тотъ русскій человѣкъ, которому нравились опасности украинской жизни, эта безпрерывная борьба съ кочевниками, гулянье по широкому раздолью степи. Кромѣ такихъ людей, оставшихся на Украйнѣ, сюда, съ теченіемъ времени, начали стремиться съ сѣвера люди, которые, по природѣ своей, не чувствовали склонности къ мирному труду, которымъ хотѣлось размять свое плечо богатырское, погулять по широкой степи, перевѣдаться съ ея жителями. Отсюда въ древней Россіи, раздѣленіе ея народонаселенія на сѣверное, преданное мирнымъ занятіямъ, на земскихъ людей, и южное, украинское и степное казаковъ. Земскій человѣкъ работаетъ, онъ воздѣлываетъ землю, упрочиваетъ ея цивилизацію, вольный казакъ гуляетъ, полякуетъ (отъ поле — степь), но вмѣстѣ и сторожитъ степнаго хищника, дерется съ нимъ и пролагаетъ земскому человѣку пути на юго-востокъ и сѣверовостокъ; гдѣ кочевалъ степной хищникъ, или гдѣ впустѣ лежала благодатная земля, тамъ гуляетъ вольный казакъ, а за нимъ является и земскій человѣкъ съ топоромъ, серпомъ и косою, съ своимъ воздѣлывающимъ землю трудомъ.

Такимъ образомъ, при этомъ раздѣленіи занятій между земскими людьми и казаками, европейская почва очищалась все болѣе и болѣе отъ заселявшихъ ее азіятскихъ кочевниковъ. Казаки, по обычаю и отыскивая, по ихъ выраженію, новыя землицы, прошли всю сѣверную Азію вплоть до Восточнаго океана, за ними явились и земскіе люди полагать начало воздѣлыванію неизмѣримой и пустынной страны. Съ окончаніемъ этой дѣятельности, объ части русскаго народонаселенія должны были измѣнить свои отношенія. Легко понять, что господствующая роль должна была принадлежать земскимъ людямъ, ибо ихъ былъ трудъ воздѣлыванія земли; они этимъ трудомъ унаслѣдовали ее себѣ, они завоевали ее у дикихъ народовъ и у дикой природы для европейско-христіанской цивилизаціи, они образовали крѣпкое государство.

Вольные казаки, гуляющіе по широкой степи, могли быть терпимы въ этой формѣ, пока широкая степь не понадобилась земскому человѣку для воздѣлыванія. Казаки также должны были принять участіе въ этомъ воздѣлываніи съ одной стороны, а съ другой, сохраняя свое историческое значеніе, составить вѣрное государству войско. Дѣло не могло совершиться вдругъ и безъ сильной борьбы. Люди, которымъ не нравился тяжелый трудъ земскаго человѣка, которые бѣжали на степной просторъ для вольнаго гулянья, для житья на чужой счетъ, эта голытьба, тянувшаяся постоянно въ степень безъ всего, плохо-одѣтая и безконная, чтобы пріобрѣсти и платье, и коня въ борьбѣ съ чужими, а, за недостаткомъ чужихъ, и съ своими, — эта голытьба не откажется безъ борьбы отъ своей воли и отъ своей степи, отъ своего широка-

Digitized by Google

го гулянья. Она жестоко дала почувствовать земскимъ людямъ свою силу въ началѣ XVII вѣка, когда земля замутилась и разшатались основы государства; но земскіе люди, отуманенные сначала смутою, скоро оправились, очистили землю и возстановили государство; казаки должны были бѣжать назадъ въ степь. Во второй половинѣ XVII вѣка, подъ предводительствомъ Разина, они опять схватились съ государствомъ; но государство, не смотря на истощеніе силъ отъ тяжелой внѣшней войны, оказалось сильнѣе казаковъ. Въ началѣ XVIII вѣка казаки подъ Булавинымъ снова поднимаютъ возстаніе на Дону и снова принуждены смириться предъ государствомъ. Это было послѣднее возстаніе казаковъ на Дону. Во второй половинѣ XVIII вѣка послѣдній казацкій бунтъ—пугачевскій; затѣянъ онъ донскимъ казакомъ, но не на Дону, а на самой дальней рѣкѣ на востокѣ, на Яикѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ эта степная борьба на великой равнинѣ, сначала съ кочевыми ордами, потомъ съ казацкою голытьбою, отодвигается постепенно съ запада на востокъ и вмѣстѣ съ этимъ Европа распространяется на счетъ Азіи. Въ туже вторую половину XVIII вѣка, когда былъ послѣдній казацкій бунтъ, пугачевскій, перестала существовать на Днѣпрѣ запорожская сѣчь, вслѣдствіе столкновенія казаковъ съ земскими людьми. Земскіе люди, воздѣлыватели земли, съ разныхъ сторонъ проникали въ степь, занимая ее для Европы, для цивилизаціи; Запорожцы протестовали противъ этого, требовали, чтобы степь оставалась степью, прежнимъ широкимъ раздольемъ для нихъ. Это требованіе, напоминавшее XII и XIV вѣка, звучало слишкомъ странно во второй половинѣ XVIII: сѣчь была уничтожена на Днѣпрѣ, но она возродилась въ новомъ видѣ, согласно съ новыми потребностями, на востокѣ; въ Черноморьѣ казакъ былъ разведенъ съ земскимъ человѣкомъ. Въ то же время прекратила свое независимое существованіе послѣдняя хищная орда,—орда крымская, и южная часть великой равнины была окончательно обезпечена для земскаго человѣка, для его труда, для цивилизаціи. Припомнимъ сказанное нами о состояніи Приднѣпровской Руси, степной Украйны въ XII и XIII вѣкѣ; припомнимъ, какъ русскій человѣкъ, не находя здѣсь обезпеченія труду, уступалъ мѣсто кочевому хищнику и удалялся на дальній сѣверъ, въ лѣсную сторону; здѣсь сталъ твердою ногою, положилъ прочныя основанія государству, и отсюда сильный двинулся во всѣ стороны, сметая передъ собою кочевыхъ хищниковъ, очищая европейскую почву отъ всего, что засоряло ее, мѣшало ея воздѣлыванію; слѣдствіемъ этого движенія было то, что въ XVIII вѣкѣ русскій человѣкъ опять явился на югѣ, но уже полнымъ хозяиномъ, не боясь степнаго хищника; земледѣлецъ могъ пахать спокойно и купецъ безопасно вести свои товары.

Таковы были результаты движенія русскаго народонаселенія на великой восточной равнинѣ, того народонаселенія, которое унаслѣдовало землю, воздѣлавъ ее для цивилизаціи, поливъ потомъ своимъ и кровью. Какъ послѣ долгаго ненастья небо наконецъ проясняется, только на краю горизонта виднѣется тонкая гряда истощенныхъ облаковъ, которыя уже не дадутъ болѣе дождя, такъ послѣ долгой непогоды, долгой и трудной борьбы, небо прояснилось надъ великой восточной равниной Европы,—и она представила намъ многочисленное сплошное русское народонаселеніе; только на краяхъ виднѣются разнообразные остатки иноплеменныхъ народовъ, ког-

Digitized by Google

да-то причинявшихъ ненастье нашей страны и странъ сосѣднихъ, но теперь безопасныхъ, слабыхъ въ своемъ размельченіи, слабыхъ въ своемъ красивомъ на этнографической выставкѣ разнообразіи.

Но кромѣ этихъ народовъ, въ которыхъ все обличаетъ чужое намъ племя, чужой бытъ, чужіе нравы, что̀ это за народы стоятъ по другую сторону нашихъ русскихъ людей, нашихъ великороссіянъ, малороссіянъ и бѣлоруссовъ? Какія это народы: за чѣмъ они тутъ выставлены? нашей ли земли они люди? это нашей крови люди, наши братья — Славяне. Русская наука не могла устроить праздникъ и не позвать родныхъ, тѣмъ болѣе, что устройство русской этнографической выставки вмѣстѣ съ славянскою есть уже само по себѣ великое торжество науки. Издавна существовали эти народы въ Европѣ, различна была судьба ихъ, но въ одномъ была она сходна, — въ томъ, что была очень печальна; причина — отсутствіе сознанія о своемъ единствѣ, о своихъ силахъ, о своихъ средствахъ къ исторической жизни. По отсутствію этого сознанія нѣкоторые изъ славянскихъ племенъ на первыхъ же порахъ отреклись отъ самихъ себя, приняли чужую народность; другіе сохранивъ въ массѣ свою народность, подпали чужому владычеству, занеслись въ чуждую сферу дѣятельности, служили чуждымъ цѣлямъ и интересамъ. Но для Славянъ настало, наконецъ, время пробужденія; въ нихъ начало обнаруживаться сознаніе о себѣ, какъ о великомъ цѣломъ, имѣющемъ свои средства къ исторической жизни. Не нужно много распространяться о томъ, какое значеніе въ пробужденіи и поддержкѣ этого сознанія имѣла Россія, эта единственная, независимая и сильная держава, единственная и полноправная представительница великаго племени. Не для одного себя, слѣдовательно, трудился русскій народъ, борясь съ страшными препятствіями, при воздѣлываніи своей громадной страны для цивилизаціи, завоевывая свою независимость политическую и нравственную, защищая ее и отъ востока и отъ запада, отъ бесерменства и латинства, по старому выраженію. Съ движеніемъ русскаго народонаселенія соединялась будущность всего славянскаго племени, ибо племя для достойнаго историческаго существованія, среди другихъ племенъ, должно достойно представиться, и славянское племя нашло это достойное представительство въ русскомъ народѣ. Въ этомъ народѣ славянское племя сознало свои силы, свои средства, свое величіе.

Но для полнаго просвѣтленія сознанія народовъ о самихъ себѣ, о своихъ средствахъ для историческаго существованія, необходима наука. И наука явилась на помощь славянскому племени: она взрыла его прошедшее, чтобъ просвѣтлить сознаніе о настоящемъ и возбудить надежды на будущее. Въ свою очередь счастливо будущее для насъ русскихъ немыслимо безъ научнаго преуспѣянія. Не даромъ исканіе науки имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи, въ историческомъ движеніи русскаго народонаселенія. Наука дорога́ для насъ, потому что мы ее добыли кровью, должны были ее завоевать; полтора вѣка завистливые сосѣди не давали намъ науки, отталкивали насъ отъ средствъ получить ее. Но народъ, развившій свои силы въ борьбѣ съ препятствіями, не отчаявался и наконецъ, достигъ своей цѣли — добылъ науку. Тяжелымъ, чернымъ трудомъ и кровью онъ завоевалъ свою страну у дикой природы и у дикихъ народовъ, но только посредствомъ науки могъ воздѣлать ее въ достойное жилище великаго историческаго народа, который долженъ выразить свой

Digitized by Google

духъ въ этомъ воздѣланіи. Нѣтъ страны, которая бы болѣе нуждалась въ помощи науки, чѣмъ наша страна. Съ пробужденіемъ своего сознанія русскій человѣкъ, обозрѣвая на картѣ обширность своей страны, поражался этою обширностью и гордился ею. Наша Россія величайшее государство въ мірѣ! Но историческая наука, въ своемъ постоянномъ движеніи впередъ, охладила его восторгъ; она сказала ему, что дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ, не въ обширности страны, а въ ея выгодныхъ условіяхъ, благотворно дѣйствующихъ на развитіе силъ народныхъ; отсюда маленькая область Греціи имѣетъ въ исторіи значеніе по важнѣе, чѣмъ громадная Вологодская или Архангельская губернія. Исторія указала, что обширность русской государственной области была постояннымъ и могущественнымъ препятствіемъ, для государственнаго и народнаго благосостоянія, что разбросанность рѣдкаго народонаселенія по громадной странѣ отнимала у него силу, суживала горизонтъ, не внушала привычки къ общему дѣйствію, усиливала особность жизни и мелкость интересовъ, препятствовала необходимой быстротѣ государственныхъ отправленій. Не входя въ подробности, стоитъ указать только на то, что разбросанность рѣдкаго народонаселенія по необъятной странѣ рѣдкость рабочаго человѣка, переманка его отъ одного землевладѣльца къ другому, дѣлали невозможнымъ вольнонаемный трудъ и повели къ крѣпосному. Наконецъ, обширность страны, составляющей особый міръ, дала такую многовѣковую, трудную работу русскому человѣку, что онъ только очень поздно, по окончаніи своей черной работы, получилъ досугъ и возможность сблизиться съ народами цивилизованными.

Итакъ нечего, повидимому, гордиться обширностію нашей страны; напротивъ, много причинъ тяготиться этою обширностію, какъ причиною многихъ и многихъ затрудненій. Но наука не любитъ поспѣшныхъ односторонніхъ выводовъ: наука не позволитъ безусловно восхищаться обширностію нашей страны; но она же не позволитъ и приходитъ въ отчаяніе отъ этой обширности; наука укажетъ намъ еще другую сторону дѣла.

Между страною и человѣкомъ, который въ ней живетъ, существуютъ двоякаго рода отношенія. Вліяніе природныхъ условій страны на характеръ, обычаи и дѣятельность народа, въ ней живущаго; безпорно и особенно это вліяніе бываетъ сильно на первыхъ порахъ исторіи народа, когда онъ еще слабъ предъ природою. Но человѣкъ немедленно же начинаетъ съ нею борьбу, который идетъ болѣе или менѣе для него удачно, смотря потому, къ какому племени, болѣе или менѣе одаренному, принадлежитъ онъ. Если борьба идетъ успѣшно для человѣка, то уже онъ начинаетъ, въ свою очередь, подчинять природу своему вліянію, вліянію своей разумной силы, своей дѣятельности. Страна, вслѣдствіе этого, начинаетъ измѣнять свой видъ, свои природныя условія; особенно такое измѣненіе оказывается ощутительнымъ, когда среди народа начинаетъ процвѣтать наука. Тутъ-то особенно начинается настоящее, многостороннее воздѣлываніе страны, ея измѣненіе, ея подчинепіе разумной силѣ человѣка; тутъ-то начинается творчество его, какъ царя природы. Непроходимыя болота превращаются въ тучныя пастбища, дремучіе лѣса просѣкаются, теряютъ свое исключительное господство; гдѣ не было лѣсовъ, тамъ они являются искусственно насажденные; вредныя растенія и животныя исчезаютъ, полезныя акклиматизируются; съ воздѣлываніемъ почвы, съ уменьшеніемъ болотъ и лѣсовъ смягчается климатъ; наконецъ, пространства исчезаютъ вслѣдствіе

Digitized by Google

быстроты сообщеній, созданною наукою. Высокія горы не составляютъ болѣе препятствій для сообщенія, не особятъ народонаселенія: горы прорыты тоннелями, чрезъ которыя мчатся вагоны желѣзной дороги. По прошествіи извѣстнаго времени страну узнать нельзя; такъ измѣнилъ ее человѣкъ.

Но, вслѣдствіе возможности такихъ измѣненій, иначе ставится вопросъ относительно страны. Обширность страны, безусловно взятая, есть условіе всегда выгодное; вредна она можетъ быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ: когда страна дѣвственная, нетронутая цивилизаціею, когда количество народонаселенія слишкомъ мало въ сравненіи съ обширностью страны, и когда это населеніе, по степени своего развитія, болѣе подчиняется природнымъ условіямъ, чѣмъ подчиняетъ ихъ себѣ. Но когда дѣло пойдетъ наоборотъ, когда, съ теченіемъ времени, обширная страна представила значительное и сплошное единоплеменное народонаселеніе, а главное, когда это народонаселеніе получило могущество въ наукѣ, когда, посредствомъ этого могущества, оно измѣняетъ природныя условія, уменьшаетъ, уничтожаетъ ихъ неблагопріятность, уничтожаетъ пространство: тогда, разумѣется, обширность страны явится своею выгодною стороною. Одинъ даровитый, хотя и увлекающійся иногда своимъ поэтическимъ чувствомъ, поэтическимъ талантомъ писатель Германіи, Риль, выразился, что у западныхъ европейцевъ нѣтъ будущности, потому что у нихъ нѣтъ лѣса; что будущность имѣютъ русскіе и сѣвероамериканцы, потому что у нихъ есть лѣсъ. Оставивъ въ сторонѣ оригинальность,— мысль, въ извѣстной степени, вѣрная. Риля безпокоитъ въ западной Европѣ отсутствіе лѣса, какъ признака простора: человѣкъ захватилъ уже все у природы, нечего больше взять; съ увеличеніемъ народонаселенія излишекъ его уже долженъ покидать страну и переселяться въ дальнія, совершенно иныя, совершенно чужія страны. У насъ, русскихъ, благодаря обширности нашей страны, много простора; намъ не нужно искать чужихъ странъ, новыхъ селищъ за океаномъ; наши владѣнія не за далекими морями, не населены сотнями милліоновъ, порабощенныхъ до поры до времени иноплеменниковъ; отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго вплоть до Восточнаго океана,— это все одна нераздѣльная сплошная Россія. Кто ее подѣлитъ? Кто осмѣлится прикоснуться къ ея нешвейной порфирѣ, сотканной природою и исторіею? Но чтобы пользоваться этими выгодами, надобно сознавать ихъ, а это возможно только посредствомъ науки. Наша будущность не въ лѣсѣ только, не въ просторѣ нашей неизмѣримой страны: наша будущность— будущность этой неизмѣримой страны, этой шестой части свѣта въ наукѣ. Наука уничтожитъ, или, по крайней мѣрѣ, уменьшитъ неблагопріятныя условія страны; наука укажетъ выгодныя условія, вскроетъ естественныя богатства и дастъ средства пользоваться ими; наука уменьшитъ пространство, сблизитъ, сдружитъ русскихъ людей, усилитъ ихъ дѣятельность; наука вскроетъ прошедшее и уяснитъ настоящее; наука скажетъ намъ, кто мы, откуда идемъ, а слѣдовательно, куда должны идти? Наука укажетъ намъ, кто подлѣ насъ, съ кѣмъ мы должны имѣть дѣло? гдѣ свои и гдѣ чужіе, гдѣ друзья и гдѣ враги? Недаромъ наука дорого куплена нашими предками; почтимъ же ихъ трудъ, ихъ кровь, сохранимъ священное наслѣдство и будемъ достойны родительскаго благословенія,— благословенія трудомъ и наукою.

С. Соловьевъ.

Digitized by Google

О ВЕЛИКО-РУССКОМЪ ПЛЕМЕНИ.

Мм. Гг.

Позвольте занять нѣсколько времени бесѣдою о велико-русскомъ племени. Въ Москвѣ,—въ сердцѣ великой русской земли всего приличнѣе повести бесѣду объ этомъ предметѣ, и тѣмъ болѣе это прилично, что еще недавно большая часть западно-европейскихъ журналовъ и газетъ, по командѣ польскихъ эмигрантовъ, общимъ хоромъ утверждала, что мы Велико-Руссы, никто другой какъ Татары, Скифы, Финны, Гунны, Тураны и чуть не Турки, даже хуже Турокъ, какія-то чудища оскверняющія европейскую землю. О всемъ этомъ даже читались публичныя лекціи, какъ говорятъ привлекавшія многочисленную публику въ Западной Европѣ. Да и въ настоящее время между западными европейцами еще много охотниковъ вѣрить всѣмъ подобнымъ толкамъ и росказнямъ.

Кто же мы Велико-Руссы? Что мы не Турки, не Татары, не Гунны, не какіе-то Тураны, — это ясно какъ свѣтлый актъ, этому неумолкающій свидѣтель — исторія, этого не можетъ видѣть только тотъ, кто не будетъ смотрѣть, кто съ намѣреніемъ зажмуритъ глаза отъ свѣта, кто съ злымъ умысломъ завяжетъ ихъ повязкой лжи: ни Татарскаго, ни Турецкаго, ни какого-то Туранскаго переселенія въ здѣшній край исторія не вѣдаетъ и его никогда не было на самомъ дѣлѣ. Вся азіятчина, которую польскіе крикуны навязываютъ намъ въ родоначальники и предки, или только держалась временно на южныхъ степныхъ окраинахъ нынѣшней Россійской имперіи, или только проходила чрезъ русскія земли, не оставляя на нихъ слѣда. Такъ по лѣтописямъ извѣстно, что Обры или Авары временно владѣли Волынью, но они скоро прошли далеко на западъ за границы Русской земли, и тамъ древнѣйшій лѣтописецъ Несторъ сказалъ объ нихъ: «были Обры велики тѣломъ и умомъ горды,» и Богъ истребилъ ихъ, измерли всѣ и не осталось ни одного Обрина и есть притча въ Руси и до сего дни: «погибли какъ Обры, и нѣтъ ихъ племени ни наслѣдка.» Да Авары и не заходили въ здѣшнюю сторону, ихъ поприщемъ на Руси были только южныя степныя окраины и Волынь. Въ VII, VIII, IX и X столѣтіяхъ въ низовь-

Digitized by Google

ахъ Волги и Дона даже до Чернаго моря была сильная держава Хазарская; но Хазары не доходили до Оки, и слѣды ихъ въ двухъ трехъ урочищахъ не заходятъ далѣе Дона и Донца, да въ низовьяхъ Волги говоритъ еще объ нихъ утка казарка. Камскіе или Волжскіе Болгары извѣстные и по нашимъ лѣтописямъ, и Арабамъ и Константину порфиро-родному, еще въ концѣ XIII столѣтія держались въ углу, образуемомъ Камою и Волгою и даже воевали съ Суздальскими князьями; но они поселились въ Суздальскомъ краю и поглощены или истреблены Татарами. Въ началѣ IX столѣтія въ придонскихъ и приднѣпровскихъ степяхъ появились Печенѣги и пробрались степями за Днѣпръ до Дуная; но они всегда держались съ своими кочевьями южныхъ степей и не доходили до Оки. Ока всегда оставалась непереходимымъ рубежомъ для степныхъ кочевниковъ. За Печенѣгами въ придонскихъ и приднѣпровскихъ стеняхъ явились Половцы, также протянувшіеся до Дуная; но и они въ Суздальскомъ и Рязанскомъ краяхъ непоказывались. Здѣшнимъ краемъ вѣроятно прошли въ X столѣтіи только Угры или Венгры, Мадьяры, сродники Башкирцевъ; но и они только развѣ прошли здѣшнимъ краемъ, и нигдѣ здѣсь не останавливались и неоставили никакихъ слѣдовъ. Наконецъ въ первой половинѣ XIII столѣтія черезъ Болгарскую и Мордовскую земли пришли сюда Монголы и Татары, подъ предводительствомъ Батыя, и прошли вдоль и поперекъ здѣшній край, опустошили его и заставили Русскихъ платить дань Монгольскому хану; но они Монгольскихъ и Татарскихъ поселеній здѣсь неоставили, и напротивъ всѣ, дошедши только до Игнача креста въ Новгородской землѣ, поворотили на югъ и раскинули свои кочевья въ степныхъ низовьяхъ Волги, Дона, Днѣпра и Днѣстра до самыхъ береговъ Чернаго моря, или заняли старыя пепелища Казаръ, Печенѣговъ и Половцевъ. Слѣдовательно не могли оставить даже и подозрѣнія о какомъ нибудь сродствѣ съ Русскими; Русскіе, будучи даже данниками Татаръ, всегда смотрѣли на нихъ какъ на поганыхъ, и ни та, ни другая сторона никогда не думали сближаться другъ съ другомъ. Даже клочекъ татарской орды, съ своимъ царемъ поселенный Московскими великими князьями въ Касимовѣ, до сего времени сохранилъ свой Татарскій типъ и не сроднился съ Русскими, хотя Касимовскіе Татары полюбили Петербургъ и ходятъ туда на заработки и даже живутъ тамъ по нѣскольку лѣтъ. О Туранахъ же и какихъ-то миѳическихъ Туранахъ, чтобы они когда-либо жили въ здѣшнемъ краѣ или проходили черезъ него, нѣтъ даже никакихъ слуховъ или сказочныхъ преданій, на которыя бы, хотя сколько нибудь, могли опереться горячечныя бредни польскихъ эмигрантовъ. Такимъ образомъ вся исчисленная нами азіятчина, навязываемая польскими крикунами въ предки Русскому народу, ни въ какомъ случаѣ, по свидѣтельству исторіи, не можетъ быть причислена хотя въ какую-либо дальнюю родню не только Велико-Русскому племени, но и Малорусскому, жившему въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ южными степями. Да кромѣ недавнихъ Польскихъ крикуновъ и ихъ товарищей никто никогда и не думалъ навязывать намъ въ родню всю эту Азіятчину.

Напротивъ того всѣ европейскія преданія и свидѣтельства оффиціальныя и литературныя искони, какъ только доходитъ память о здѣшнемъ краѣ, постоянно называютъ этотъ край Славянскимъ и Русскимъ и главныхъ жителей его Славянами и Русскими. Такъ Скандинавскія саги говорятъ, что здѣшній край принадлежалъ

Digitized by Google

Ильменскимъ Славянамъ или Новгородцамъ, и что Муромъ Суздаль, Ростовъ и Бѣлоозеро было богатыми Новгородскими колоніями съ своими отдѣльными правителями изъ Новгорода. Греки или Византійцы, какъ только вошли въ сношенія съ здѣшнимъ краемъ всегда называли его Русскимъ и народъ и князей Русскими. Тоже названіе здѣшнимъ жителямъ и князьямъ придаютъ Итальянцы: такъ Римскій папа Григорій IX, въ своемъ посланіи къ Владимиро-Суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу, писанномъ въ 1231 году, называетъ его Русскимъ княземъ и Суздальцевъ его подданныхъ Русскими людьми. Или папа Левъ X, въ своемъ посланіи къ великому князю Василью Ивановичу, писанномъ въ 1519 году называетъ его благороднымъ княземъ Москвы и Руси. Или Венеціанскій посланникъ Фоскарини, бывшій въ Москвѣ въ 1557 году, въ своемъ сказаніи о Московскомъ царствѣ говоритъ: «Руссія раздѣляется на двѣ половины, одна нижняя Литовская, а другая Бѣлая дальнѣйшая, Московская.... Москвитяне говорятъ по славянски, такъ же какъ Далматинцы, Богемцы, Поляки и Литовцы т. е. Бѣлоруссы.» А другой Венеціанскій посланникъ Тіополи, бывшій въ Москвѣ въ 1559 году, пишетъ: «Руссія великою рѣкою Днѣпромъ раздѣляется на двѣ половины, и одна изъ нихъ называется Московіею.» Наконецъ въ начертаніи Московіи, посвященномъ Кардиналу Алтіери въ 1672 году и писанномъ однимъ Италіянцемъ, скрывшимъ свое имя, сочинитель, говоря о Западной и Сѣверной Двинѣ, первую называетъ Ливонскою, а вторую Русскою, значитъ Московскую страну, гдѣ течетъ Сѣверная Двина, признаетъ Русскою землею. Такія же свидѣтельства о здѣшнемъ краѣ получаемъ и отъ старыхъ нѣмцевъ. Такъ посолъ Римскаго императора Герберштейнъ при Московскомъ дворѣ, хорошо и подробно изучившій всю тогдашнюю Русскую землю, въ своихъ превосходныхъ запискахъ, прямо называетъ здѣшній край Русскою землею. Онъ пишетъ: «изъ государей въ настоящее время управляющихъ Руссіею,— первый великій князь Московскій, который держитъ за собою большую часть Руссіи, второй великій князь Литовскій, и третій король Польскій, который въ настоящее время владѣетъ и Польшею и Литвою.» А въ другомъ мѣстѣ у Герберштейна сказано: «всѣ народы говорящіе по славянски и исповѣдающіе греческую христіанскую вѣру, вообще называются Русскими, или по Латыни Рутенами, и до того умножились, что всѣхъ жившихъ между ними инородцевъ или изгнали или обратили въ русскихъ, такъ что всѣ въ настоящее время носятъ одно имя русскихъ.» Другой нѣмецъ Іоаннъ Фабръ въ своемъ донесеніи Австрійскому эрцгерцогу Фердинанду пишетъ: «Народъ, который мы въ настоящее время называемъ Московитами, по главному ихъ городу Москвѣ, издревле называются Русскими.» Отъ Англичанъ тѣже вѣсти о здѣшнемъ краѣ; въ донесеніи о путешествіи Ченслера въ Москву сказано: Московія, она же и Бѣлая Руссія, обширнѣйшая страна сопредѣльная со многими народами.

Наконецъ и старые Поляки, предки нынѣшнихъ польскихъ крикуновъ, также называютъ здѣшній край Русскою землею, и здѣшнихъ людей Русскими людьми. Такъ архіепископъ Гнезненскій, Іоаннъ Ласскій, въ своемъ донесеніи, представленномъ Латеранскому собору въ 1514 году, исчисляя разныя племена Русскихъ, называетъ Москвитянъ Бѣлою Русью. Или польскіе лѣтописцы и историки XVI столѣтія пишутъ о здѣшнемъ краѣ такъ. Матвей Миховій: «Московія, или въ просторѣчіи Москва,

Digitized by Google

главный городъ всей Бѣлой Руси, Московское государство есть обширнѣйшая страна, и по всей этой странѣ одинъ языкъ русскій или Славянскій.» Или Станиславъ Сарницкій прямо называетъ Москвитянъ Русскими людьми; онъ говоритъ: «когда Московскій князь Димитрій, въ день пасхи шелъ въ церковь,—такъ Русскіе называютъ храмъ Божій.» Знаменитый польскій историкъ Длугошъ-князей здѣшняго края Владимирскаго Георгія, Переяславскаго Ярослава и Ростовскаго Константина называетъ Русскими князьями, и здѣшній край Русскою землею и здѣшнихъ жителей Русскими людьми. Такъ описывая извѣстный Липецкій бой (1206 года), между Константиномъ Ростовскимъ и Георгіемъ Владимірскимъ, Длугошъ говоритъ: «и въ томъ сказываютъ пало болѣе десяти тысячь Русскихъ.» (Lib. VI, pag. 602.) Александръ Гваньини, современникъ великаго князя Іоанна Васильевича IV-го пишетъ:» Московія, въ просторѣчіи Москва, обширнѣйшій городъ, столица всей Бѣлой Руссіи, подвластной великому князю Московскому.» Или въ другомъ мѣстѣ Москвичей прямо называетъ Русскими людьми; описывая нравы современныхъ ему Москвичей говоритъ: «у Москвичей или у Русскихъ есть обычай ежегодно въ извѣстные дни заводить кулачные бои, гдѣ-нибудь за городомъ на открытомъ мѣстѣ; на эти бои сходятся какъ молодые такъ и пожилые люди, съ этихъ боевъ зачастую возвращаются полуживые, а бываютъ и убитые.»

Такимъ образомъ всѣ историческія и достовѣрныя извѣстія и Византійцевъ, и Арабовъ, и всей западной Европы, и даже лучшіе польскіе лѣтописцы и историки прежняго времени, отъ древнѣйшихъ временъ въ продолжительный рядъ вѣковъ, единогласно и постоянно свидѣтельствуютъ, что здѣшній край чисто Русскій край, что Велико-Руссы чистые Славяне, что ихъ никто и никогда не причислялъ ни къ Финнамъ, ни къ Гуннамъ, ни къ Татарамъ, ни къ какимъ-то миѳическимъ Туранамъ. Слѣдовательно, по свидѣтельству самой же западной Европы, входившей въ сношенія съ здѣшнимъ краемъ и съ здѣшними людьми, и по свидѣтельству лучшихъ и достовѣрнѣйшихъ Польскихъ лѣтописцевъ и историковъ, нынѣшніе крики польскихъ эмигрантовъ съ товарищами о какомъ-то монгольскомъ и татарскомъ происхожденіи Велико-руссовъ есть ни больше ни меньше какъ горячечные бредни, ни на чемъ неоснованные и свидѣтельствующіе только о непомѣрной злобѣ современныхъ Поляковъ.

Доказавши всѣми достовѣрными свидѣтельствами и русскими и иноземными, что мы Велико - Руссы ни Гунны, ни Финны, ни Монголы, ни Татары, ни какіе-то Тураны, а напротивъ Славяне и чисто Русскіе, теперь слѣдуетъ показать къ какому же племени Русскихъ Славянъ мы принадлежимъ, или какъ образовалось Велико-Русское племя и по чему получило свое названіе?

По свидѣтельству древнѣйшаго и достовѣрнѣйшаго нашего лѣтописца Нестора, близко знавшаго всѣ племена славянскія, въ глубокой древности занимавшія разные края Русской земли на всемъ громадномъ ея пространствѣ,—здѣшній край, т. е. земли Рязанская и Муромская, Суздальская и Ростовская съ Бѣлымъ озеромъ принадлежали племени Ильменскихъ Славянъ или Новгородцевъ, которые еще въ доисторическія времена колонизовали этотъ край и построили въ здѣшнихъ дикихъ лѣсахъ между жилищами первобытныхъ здѣшнихъ обитателей, Мери, Веси и Муромы, свои славянскіе города Ростовъ, Бѣлоозеро, Суздаль и Муромъ и населили ихъ своими же братьями Славянами Ильменскими. Слѣ-

Digitized by Google

довательно здѣшніе Славяне или Великo-Руссы по происхожденію своему первоначально принадлежатъ къ Новгородцамъ или Ильменскимъ Славянамъ. Новгородъ и, кажется, еще Смоленскъ, древнѣйшая Новгородская колонія въ верховьяхъ Днѣпра, были первоначально главнымъ гнѣздомъ славянщины, изъ котораго постоянно напирали сюда славянскіе колонисты и постепенно подчиняли себѣ и ославянивали здѣшнихъ полудикихъ и робкихъ старожиловъ — Весь, Мерю и Муромy.

Это свидѣтельство Нестора подтверждаютъ и Арабскіе писатели VIII, IX, и X столѣтій, которые единогласно говорятъ, что чрезъ здѣшнюю страну въ древности шла большая торговая дорога Новгородцевъ въ Камскую Болгарію и Хозарію, которая естественно тянула сюда предпріимчивыхъ и отважныхъ Новгородцевъ, и выдвигала одну за другою ихъ колоніи въ здѣшній край, что бы ближе быть къ богатымъ и важнымъ для Новгорода рынкамъ Болгарскому и Хозарскому, на которыхъ Новгородцы пріобрѣтали себѣ Азіатскіе товары, необходимые имъ для торговли съ Западною Европою и для собственнаго употребленія, и сбывали Азіатцамъ дорогіе мѣха и другіе товары пріобрѣтаемые на глубокомъ Сѣверѣ. Да и кромѣ торговли сюда привлекало Новгородскихъ поселенцевъ богатство земли, обильнѣйшее сравнительно съ новгородскими болотинами. Дорого цѣня здѣшнее плодородіе, просторъ и приволье, богатые изъ Новгородцевъ при помощи повольниковъ, шнырявшихъ по здѣшнимъ рѣкамъ и рѣчкамъ, спѣшили захватывать земли изаселять ихъ своими ратниками изъ новгородцевъ же, надѣявшихся въ этй привольной странѣ, и при помощи своихъ покровителей богачей, удобнѣе устроить свои хозяйственныя дѣла. Такимъ образомъ здѣшній край еще въ доисторической древности сдѣлался раздольемъ для новгородскихъ бояръ богачей, — или большихъ людей, которые на просторѣ именемъ господина великаго Новгорода безконтрольно владѣли здѣшнею землею; точно также, какъ впослѣдствіи они владѣли въ привольномъ заволочьѣ, или въ сѣверномъ краю орошаемомъ сѣверною Двиною, Онегою и Вислою; они тутъ строили свои города и селенія. Такъ что здѣшнія земли Веси, Мери и Муромы покрылись сѣтью вотчинъ, или волостей, принадлежащихъ новгородскимъ большимъ людямъ, и болѣе или менѣе населились новгородскими колонистами и приняли общественный строй новгородскій. Здѣсь еще до прибытія варяго-русскихъ князей въ Новгородъ устроились свои старые города Бѣло-озеро, Ростовъ, Суздаль и Муромъ, гдѣ сидѣли правители, назначаемые новгородскимъ вѣчемъ.

Съ приглашеніемъ Новгородцами Варяго-Русскихъ князей въ 862 году христіанскаго лѣтосчисленія, положеніе здѣшняго края нѣсколько измѣнилось; новгородское вѣче здѣшнія земли уступило въ непосредственное управленіе одному изъ приглашенныхъ князей Синеусу, который съ своими Варягами-Русью и засѣлъ на Бѣлѣозерѣ; а по смерти Синеуса здѣшній край перешелъ во власть князя Рюрика, который разослалъ своихъ мужей съ ихъ Варяжскими дружинами, кого въ Ростовъ, кого на Бѣло-озеро, кого въ Суздаль, кого въ Муромъ: и такимъ образомъ къ здѣшнимъ старымъ новгородскимъ колонистамъ присоединились новые колонисты, Варяго-Русскіе; но разумѣется рядомъ съ старыми и новыми колонистами оставались здѣсь жить и здѣшніе старожилы Весь, Меря и Мурома. У Новгородцевъ не было въ обычаѣ истреблять старожиловъ, они только старались ославянить ихъ. По удаленіи Рю-

Digitized by Google

рикова преемника Олега изъ Новгорода на югъ, въ Кіевъ, здѣшній край по договору Новгородцевъ съ Олегомъ остался за нимъ и его потомками, и такимъ образомъ окончательно отдѣлился отъ Новгорода, и здѣшніе старые новгородскіе колонисты, мало по малу, смѣшались съ новыми колонистами Варяго-Русскими, ославянили ихъ и составили съ ними одно цѣльное племя Варяго-Русско-Новгородское. И новгородскіе бояре, здѣшніе вотчинники, по отдѣленіи здѣшней земли отъ Новгорода, сдѣлались вмѣстѣ съ Варяго-Руссами новыми пришельцами, главными владѣльцами здѣшнихъ земель, уже совершенно независимыми отъ Новгорода и полузависимыми отъ кіевскихъ князей, сюда никогда незаглядывавшихъ. И такъ прошло слишкомъ сто лѣтъ до того времени, какъ великій князь кіевскій Владиміръ Святославичъ, принявши христіанскую вѣру, сталъ разсылать своихъ сыновей по городамъ для введенія христіанства, и между прочими въ Ростовъ сперва отправилъ Ярослава, а потомъ Бориса, а въ Муромъ — Глѣба, разумѣется съ ихъ дружинами и священниками. Въ продолженіе этого столѣтняго періода здѣшній, первоначально финскій, край настолько уже былъ ославлянен, что при введеніи христіанства церковная служба уже совершалась на одномъ славянскомъ языкѣ, и не встрѣтилось неотложной надобности переводить церковныя книги на языкъ здѣшнихъ старожиловъ Веси, Мери и Муромы. По преданіямъ, сохранившимся въ народныхъ былинахъ, при Владимірѣ здѣшній край на столько уже былъ русскимъ, что выслалъ къ Владиміру чисто русскихъ богатырей Илью Муромца, крестьянскаго сына изъ Мурома, и Алешу Поповича — изъ Ростова.

Разсылка сыновей Владиміра по городамъ здѣшняго края дала нѣсколько иное направленіе здѣшней общественной жизни. Съ одной стороны главные здѣшніе города, Ростовъ и Муромъ, получили отдѣльныхъ князей, которые пришли сюда съ своими дружинами; дружины же сіи, приведенные изъ Приднѣпровья, конечно по-преимуществу состояли изъ Полянъ и вообще Приднѣпровцевъ и Варяговъ, слѣдовательно принесли пополненіе здѣшнему народонаселенію новымъ элементомъ приднѣпровскимъ, который разумѣется соединился съ здѣшними новгородскими и варяго-русскими поселенцами, и составилъ съ ними одно сплошное цѣлое. А, съ другой стороны, введеніе христіанства еще плотнѣе соединило здѣшнихъ разноплеменныхъ насельниковъ единствомъ вѣры и дало рѣшительный перевѣсъ славянскому элементу; ибо, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, христіанское богослуженіе и проповѣдь и здѣсь, какъ и въ другихъ краяхъ Русской земли, совершались только на славянскомъ языкѣ. Но обильнѣйшіе плоды этого новаго направленія мы увидимъ не ближе, какъ черезъ полтараста лѣтъ, т.-е. при внукахъ и правнукахъ Ярослава. Между тѣмъ, по смерти Ярослава, здѣшній край раздѣлился на двѣ половины и причислился къ двумъ приднѣпровскимъ удѣламъ ярославовыхъ сыновей, одна половина, именно: Муромъ и Рязань, досталась второму Ярославову сыну Святославу и была причислена къ Черниговскому удѣлу, а другая половина, Ростовъ и Суздаль съ Бѣлымъ озеромъ, досталась третьему Ярославову сыну Всеволоду и была причислена къ Переяславскому удѣлу на Днѣпрѣ. Оба князя по обычаю отправили въ здѣшніе города своихъ мужей для управленія, а мужи также по обычаю привели съ собою свои дружины преимущественно изъ сѣверянъ, ибо и Черниговъ и Переяславль, гдѣ набирались сіи дружины, были города

Digitized by Google

Сѣверной земли, и такимъ образомъ къ населенію здѣшняго края примѣшался еще новый элементъ сѣверянскій, который постоянно пополнялся присылкою новыхъ княжихъ мужей съ ихъ дружинами также изъ Сѣверянъ.

При внукахъ и правнукахъ Ярослава здѣшній край опять, какъ и при Владимірѣ, получилъ своихъ отдѣльныхъ князей, которые уже передали здѣшнія княжества своимъ потомкамъ, какъ самостоятельные удѣлы, независимые отъ удѣловъ приднѣпровскихъ. Именно, въ Муромѣ и Рязани утвердился Ярославъ Святославичь, выгнанный своимъ племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ изъ Чернигова, и отъ него потомъ пошелъ родъ князей Рязанскихъ и Муромскихъ, а Ростовъ и Суздаль получилъ младшій Мономаховъ сынъ Юрій Долгорукій, отъ котораго произошли князья суздальскіе и ростовскіе. Образованіе отдѣльныхъ и самостоятельныхъ княжествъ въ здѣшнемъ краю дало тотъ толчекъ жизни здѣшнихъ поселенцевъ, который поставилъ ихъ довольно высоко между прочими русскими племенами, и далъ возможность рѣзко выказаться тѣмъ характеристическимъ чертамъ, которыя были подготовлены предшествовавшими смѣшеніями поселеній и составили свой самостоятельный чисто русскій типъ Велико-Русскаго племени. Но дѣло полнаго составленія Велико-Русскаго племени на этомъ неостановилось. Великіе устроители и насадители здѣшняго края, князья Юрій Долгорукій и сынъ его Андрей Боголюбскій, настроили здѣсь множество новыхъ городовъ и насозывали сюда жителей со всѣхъ русскихъ краевъ, и изъ Сѣверской стороны, и изъ Кіевской, Смоленской и Волынской, неговоря уже о Новгородцахъ; такъ что въ это время Ростовско-Суздальская земля сдѣлалась настоящимъ гнѣздомъ всѣхъ возможныхъ русскихъ колоній. И всѣ сіи разнородные колонисты подъ общимъ именемъ Суздальцевъ сдѣлались первенствующимъ и сильнѣйшимъ народомъ на Руси и вся чисто русская жизнь во всемъ своемъ разнообразіи потянула въ Суздальщину.

Время князей Юрія Долгорукаго и Андрея Боголюбскаго было временемъ громаднаго переворота въ здѣшнемъ краю,— Ростовско-Суздальская земля, доселѣ какъ бы забытая князьями и носившая еще характеръ Новгородской колоніи, состоящей почти подъ исключительнымъ господствомъ мѣстныхъ бояръ — богатыхъ землевладѣльцевъ, вдругъ по волѣ энергическихъ князей должна была принять иной образъ, сбросить форму колоніи и подчиниться новымъ порядкамъ владѣнія, независимаго, самостоятельнаго, съ своими сильными князьями. А по сему естественно люди, бывшіе могущественными при старыхъ порядкахъ, должны были вступить въ борьбу съ нововведеніями, ограничивавшими ихъ своеволіе. И дѣйствительно, дошло до насъ нѣсколько темныхъ и запутанныхъ преданій о борьбѣ здѣшнихъ старинныхъ богачей — землевладѣльцевъ съ новыми князьями. Преданія сіи тѣмъ болѣе для насъ интересны, что они тѣсно связаны съ сердцемъ Россіи съ нашею дорогою Москвою. По свидѣтельству сихъ преданій мѣстность Москвы принадлежала изстаринному, кажется, Новгородскому колонисту, боярину Степану Ивановичу Кучкѣ, богатыя и многолюдныя вотчины котораго были расположены по рѣкамъ Москвѣ, Яузѣ и Неглинной, и составляли одно большое и сильное владѣніе. Этотъ Кучко, по одному преданію, возгордѣлся противъ князя Юрія Долгорукаго, и былъ убитъ имъ, а дѣтей его, еще очень молодыхъ и красивыхъ собою, Юрій отослалъ къ своему сыну Андрею Боголюбскому во Владиміръ, и тамъ выдалъ за Ан-

Digitized by Google

дрея Кучкову дочь, красавицу Улиму. По другому же преданію Кучко съ своими сыновьями воевалъ противъ князя Суздальскаго, но былъ разбитъ и убитъ имъ, а среди Кучковыхъ селъ князь построилъ городъ Москву. Темны и смѣшанны сіи и подобныя преданія о Кучкѣ и Москвѣ, но въ нихъ слышится голосъ исторической правды; о Москвѣ и по лѣтописямъ упоминается въ первый разъ при Юріи Долгорукомъ, и его не безъ основанія считаютъ основателемъ Москвы; а Кучковичи дѣйствительно состояли въ числѣ приближенныхъ слугъ Андрея Боголюбскаго, и одинъ изъ нихъ Якимъ Кучковичъ, вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Петромъ и ключникомъ Анбаломъ, былъ главнымъ заговорщикомъ и убійцею Андрея. А что Кучко былъ, по всему вѣроятію, старымъ Новгородскимъ колонистомъ, на это мы имѣемъ указаніе въ писцовыхъ Новгородскихъ книгахъ, по которымъ значится фамилія Кучковичей въ числѣ Новгородскихъ бояръ землевладѣльцевъ даже въ XV столѣтіи.

Но, конечно, борьба своевольныхъ, давно здѣсь зажившихся богачей — колонистовъ, немогла имѣть успѣха, какъ и свидѣтельствуютъ преданія. Да и что могли сдѣлать старые здѣшніе богачи землевладѣльцы, когда силы князей росли не по днямъ, а по часамъ, прибытіемъ новыхъ поселенцевъ со всѣхъ краевъ Русской земли, и особенно съ безпрестанно раззоряемаго приднѣпровья. Поселенцевъ влекло сюда, съ одной стороны, хорошее устройство и порядокъ, заведенный строгими и энергичными князьями Юріемъ и Андреемъ, и множество разнообразныхъ работъ, ими затѣянныхъ и доставлявшихъ хорошіе заработки. Здѣсь всякій видѣлъ разгарающуюся жизнь, тогда какъ она глохла въ другихъ краяхъ, и всякій охотно шелъ сюда селиться. А съ другой стороны, здѣшній край, какъ срединный, удаленный отъ степей, былъ обезпеченъ отъ внѣшнихъ набѣговъ. Каждый хорошо зналъ, что здѣсь нога не была ни Печенега, ни Половца, ни инаго какого кочевника — грабителя, что здѣшніе города и селенія ростутъ и развиваются спокойно, нетривожимые набѣгами поганыхъ, и каждый былъ увѣренъ, что здѣшняя нива, хотя не такъ богатая, какъ въ приднѣпровьѣ, всѣ плоды свои, ни съ кѣмъ не дѣлясь, передаетъ хозяину, а не будетъ потоптана или позжена поганымъ Половчиномъ. И множество охотниковъ спѣшили перебраться сюда изъ позженныхъ и разоренныхъ городовъ и селъ приднѣпровскихъ. А каждый новый поселенецъ — пришелецъ несъ новую силу здѣшнимъ князьямъ, строителямъ и насадителямъ, и былъ новымъ помощникомъ къ введенію новыхъ порядковъ и къ ослабленію стараго своеволія старыхъ богачей, прежнихъ колонистовъ. Изстаринные колонисты рѣшились наконецъ на послѣднее средство, — на злодѣйское убіеніе Андрея; но и злодѣйство, какъ и должно было ожидать, не помогло, и новая жизнь взяла свое; Ростовско-Суздальскій край превратился въ настоящее и самостоятельное гнѣздо велико-Русскаго племени, въ которомъ соединились и смѣшались лучшія силы всѣхъ племенъ Русской земли.

Новая жизнь Суздальско-Ростовскаго края, вызванная устроителями и насадителями его, князьями Юріемъ Долгорукимъ Андреемъ Боголюбскимъ, и поддержанная и распространенная ихъ знаменитымъ преемникомъ младшимъ сыномъ Долгорукаго, княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, не погибла и подъ тяжестью страшнаго Монгольскаго нашествія. Напротивъ того нашествіе Батыя съ безчисленными Татарскими и Монгольскими полчищами, сильно погромившее земли Суздальскую и Рязанскую, и въ конецъ разорившее при-

Digitized by Google

днѣпровье,—Кіевъ, Черниговъ, Переяславль и другіе тамошніе города, дало новыхъ поселенцевъ Суздальской землѣ. Жители опустошеннаго приднѣпровья, обратившагося въ татарское кочевье, и потерявшаго своихъ князей, толпами потянулись въ Суздальскую землю, хотя разоренную и подпавшую татарскому игу, но не занятую Татарами и управляемую дѣятелями и умными князьями, незнавшими устали въ возобновленіи городовъ и вообще въ устройствѣ всего здѣшняго края. И Суздальская земля снова стала переполняться пришельцами изъ разныхъ краевъ Руси, снова здѣшніе князья, строители и насадители начали отводить земли роднымъ пришельцамъ, и давать имъ разныя преимущества и льготы, на которыя разумѣется еще болѣе шло охотниковъ съ разныхъ сторонъ. Въ это страшное время Русскіе люди, разоренные въ конецъ, охотно шли селиться не только къ Русскому князю, дававшему льготы; но даже къ Татарину, ежели онъ задумывалъ жить осѣдло и вести Русское хозяйство на большую руку. Такъ въ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что къ Ахмату, татарскому баскаку, въ Курскѣ, въ 1284 году построившему на свое имя двѣ слободы, набралось, въ надеждѣ на покровительство богатаго татарина, столько поселенцевъ съ разныхъ сторонъ, что въ тѣхъ слободахъ открылись торги и разныя мастерства, и тѣ слободы наполнились Русскими людьми, какъ грады великіе. При таковомъ настроеніи населенія и при таковой существенной нуждѣ въ покровительствѣ, естественно переселенцы спѣшили изъ разныхъ краевъ Русской земли къ здѣшнимъ князьямъ, о которыхъ къ ихъ чести нельзя не сказать, что они одинъ предъ другимъ заботились о томъ, чтобы земли въ ихъ владѣніяхъ не пустовали, чтобы не было недостатка въ поселенцахъ, и для этого не скупились на льготы.

На движеніе русскихъ людей изъ приднѣпровья на сѣверо-востокъ въ земли Рязанскія и Суздальскія, мы имѣемъ указаніе и въ лѣтописяхъ, гдѣ, напримѣръ, подъ 1301 годомъ читаемъ о переселеніи въ Москву черниговскаго боярина Родіона Нестеровича съ цѣлымъ полкомъ княжатъ и дѣтей боярскихъ, числомъ 700 человѣкъ; и сколько таковыхъ переселенцевъ, чуть не каждый годъ, шло только на службу къ здѣшнимъ князьямъ съ именемъ княжатъ и бояръ, и всѣ они приводили съ собою хоть какія нибудь дружины и получали отъ здѣшнихъ князей земли въ вотчину, иногда даже города, и такимъ образомъ въ большей части случаевъ навсегда связывали судьбу свою и своего потомства съ здѣшнимъ краемъ. Но гораздо сильнѣйшія свидѣтельства о сильномъ движеніи поселенцевъ изъ приднѣпровья на Сѣверовостокъ представляютъ народныя преданія неписанныя,— всѣ народныя эпическія пѣсни и былины самыя древнія, повѣствующія о древнѣйшихъ приднѣпровскихъ князьяхъ, о тамошнихъ народныхъ богатыряхъ и о городахъ: Кіевѣ, Черниговѣ, Волыни и Галичѣ, до сего времени сохраняются въ народѣ, и поются и расказываются старухами и стариками изъ крестьянъ и мѣщанъ въ здѣшнемъ краю; тогда какъ всѣ сіи древнѣйшія приднѣпровскія преданія давно уже утратились въ приднѣпровьѣ, гдѣ теперь старина въ пѣсняхъ и былинахъ народныхъ невосходитъ старше казачества и борьбы съ Поляками. Самый языкъ старой приднѣпровской Руси, какъ онъ сохранился въ литературныхъ памятникахъ, ближе къ здѣшнему народному языку, чѣмъ къ теперешнему приднѣпровскому и здѣшнимъ людямъ напримѣръ Несторова лѣтопись, или поученія Кирилла Туровска-

Digitized by Google

го, или старый непечатный патерикъ печерскій гораздо понятнѣе, чѣмъ современному простолюдину Малороссу. И такимъ образомъ и древняя народная поэзія и языкъ какъ бы какимъ-то чудомъ изъ приднѣпровья перенеслись сюда, и конечно, они пришли сюда не одни, а вмѣстѣ съ своими носителями, старыми чисто-Русскими жителями приднѣпровья. Все это ясно и прямо показываетъ, что лучшая и наибольшая часть стараго приднѣпровскаго русскаго населенія во время татарскаго владычества, и позднѣе, при занятіи Галича и Волыни польскимъ королемъ Казиміромъ и во время погромовъ литовскихъ перебралась на сѣверо-востокъ, въ здѣшній край со всѣми своими мѣстными народными преданіями и, слившись съ здѣшнимъ русскимъ населеніемъ, передала ихъ своимъ потомкамъ, уже здѣшнимъ жителямъ, которые и хранятъ все это въ своей памяти, какъ общую народную святыню всей русской земли и всего славянскаго племени на Руси, и передаютъ изъ рода въ родъ.

Такимъ образомъ съ татарскимъ нашествіемъ на Русскую землю окончательно сложилось въ здѣшнемъ краѣ какъ бы новое русское племя Велико-Руссовъ, въ которомъ органически соединились всѣ живучія и дѣятельнѣйшія силы русскихъ племенъ изъ всѣхъ краевъ Русской земли, которое потому и получило имя Велико-русскаго племени, какъ представителя всѣхъ русскихъ племенъ, какъ племя всероссійское, а не частное и мѣстное; и посему, по самой природѣ своей потянуло къ себѣ всѣ остальныя частныя и мѣстныя племена всей Русской земли, и раскинулось на огромныя пространства, на какія не раскидывалось ни одно изъ славянскихъ племенъ на Руси, даже и Новгородцы. Оно на югъ охватило своими поселеніями берега Дона и его притоковъ, почти до Азовскаго моря и предгорій Кавказа, на востокъ заселило своими колоніями бассейнъ Волги почти до Каспійскаго моря и проникло на Уралъ, на Сѣверѣ и Сѣверо-востокѣ достигло береговъ Бѣлаго моря и пробралось въ Сибирь, на западѣ уперлось въ Финскій заливъ и простерлось почти до Днѣпра. И все это оно сдѣлало нестолько завоеваніемъ, сколько колонизаціей и своимъ все-россійскимъ значеніемъ. Всероссійское значеніе Велико-русскаго племени неукрылось и отъ частныхъ русскихъ племенъ на западъ отъ Днѣпра. Племена сіи, не смотря на несчастныя историческія обстоятельства, разлучившія ихъ съ Велико-Русскимъ племенемъ и притянувшія къ чуждымъ центрамъ, не смотря на всѣ старанія сильныхъ иноплеменниковъ уничтожить даже память о родствѣ съ Велико-русскимъ племенемъ. не могли забыть объ этомъ родствѣ, и чѣмъ больше насилій и хитростей употребляли иноплеменники для полнаго разъединенія сихъ племенъ съ велико-русскимъ племенемъ, и чѣмъ больше клеветали на великорусское племя и возбуждали злобу; тѣмъ сильнѣе высказывалось въ сихъ племенахъ чувство родства и единенія съ великорусскимъ племенемъ. Еще въ XV столѣтіи потянули къ Москвѣ нѣкоторыя населенія лѣваго берега Днѣпра, затѣмъ въ XVI столѣтіи русское племя, населяющее Великое княжество Литовское, заговорило о соединеніи съ Москвою и объ избраніи Московскаго царя въ государи Литовскіе. Затѣмъ въ XVII столѣтіи Малороссія или всѣ Южно-Русскія племена обѣихъ сторонъ Днѣпра, подъ предводительствомъ главнаго своего гетмана Богдана Хмѣльницкаго, единогласно признали государя Московскаго своимъ государемъ и навѣки соединились съ Москвою, т.-е. съ Велико-Русскимъ племенемъ, и во всемъ этомъ соединеніи со

Digitized by Google

стороны Велико-Русскаго племени не было никакихъ особыхъ стараній и происковъ. Москва и ея государь непротивились соединенію, соединеніе же вызванное самою жизнію произошло по доброй и прямой волѣ самого южно-русскаго населенія, по неумолкаемому чувству единовѣрія и единоплеменности съ велико-русскимъ племенемъ; не Москва искала Малороссію, а сама Малороссія тянула къ Москвѣ, какъ къ естественному племенному центру, къ общему гнѣзду, къ которому, по законамъ исторіи и природы, должны собраться всѣ частныя племена Русской земли, чтобы составить одно сплошное неразрывное всеРоссійское племя, какъ одна Русская земля, которая съ тѣхъ поръ какъ сознала свое единство, никогда не знала и не хотѣла знать никакихъ дѣленій и дробленій на народности, постоянно признавая одинъ Русскій народъ, всю Русь.

Чувство непрерывающагося родства и единоплеменности съ велико-русскимъ племенемъ и признаніе за нимъ естественнаго центра во всѣхъ Русскихъ племенахъ, и въ настоящее время находится въ полномъ своемъ развитіи и на нашихъ глазахъ заправляетъ всею жизнію Русскихъ племенъ. Припомнимъ недавнія, свѣжія, еще непростывшія событія послѣдняго Польскаго мятежа. Пользуясь нашею оплошностію и снисходительностію, чего не дѣлали Поляки, чтобы отдѣлить Западную Русь отъ восточной, какихъ происковъ и соблазновъ не употребляли они, чтобы достигнуть своей цѣли; все было пущено въ ходъ и золотыя грамоты для народа, и шутовское кумовство и побратимство мощныхъ пановъ съ бѣдными хлопами, и сепаратистическія теоріи разсѣянныя между недоучившеюся молодежью, и клеветы на Москву и на все велико-русское, и подкупы, и угрозы, и натравливаніе мѣстной администраціи на простонародіе; но все это оказалось окончательно безсильнымъ противъ чувства родства и единоплеменности западной Руси съ восточной, велико-русскаго племени со всѣми русскими племенами западнаго края, на которыя Польская интрига такъ тщательно старалась разбить единый западно-русскій народъ. Вся эта хитро задуманная и ловко веденная затѣя пошла прахомъ; какъ дошла очередь до дѣла, — западно-русскій народъ ни на минуту не задумался и какъ одинъ человѣкъ сталъ за единство и родство съ восточною Русью, т. е. съ велико-русскимъ племенемъ, не смотря на то, что инымъ изъ тамошнихъ доблестныхъ людей за это пришлось поплатиться жизнію подъ ножомъ или отъ веревки Польскихъ жандармовъ вѣшателей. Да и теперь въ настоящую минуту, на самыхъ крайнихъ западныхъ предѣлахъ старой Русской земли въ Галичинѣ и въ такъ называемой Угорской Руси, не толи же неумолкаемое чувство родства и едино племенности съ велико-русскимъ племенемъ движетъ массами тамошнихъ Русскихъ людей, и образованныхъ и простолюдиновъ. А между тѣмъ сколько десятковъ лѣтъ и Мадьяры, и Поляки, и Австрійцы хлопочутъ о томъ, чтобы изгладить самую память объ этомъ чувствѣ, и чего не дѣлали и не дѣлаютъ они для достиженія своей цѣли. Они давно уже успѣли притянуть тамошнихъ Русскихъ людей къ уніи съ латинствомъ, и отдѣлить отъ единеніи съ православною церковію, запрещали говорить и писать по Русски, старались сочинить какой-то особый Русскій языкъ, даже выдумали особое названіе Рутеновъ вмѣсто Русскихъ. Но несмотря на все это и многое другое въ томъ же родѣ, тамошніе Русскіе люди продолжаютъ быть Русскими людьми, и въ книгахъ и на сеймахъ прямо говорятъ, что они Русскіе, а не Рутены, что они одной

Digitized by Google

семьи со всѣми Русскими людьми, и самый языкъ ихъ годъ отъ года болѣе и болѣе освобождается отъ постороннихъ примѣсей и ближе подходитъ къ общему Русскому или Велико-Русскому языку. Русскіе люди въ Галичинѣ и Угорщинѣ своимъ народнымъ чувствомъ и сознаніемъ, что они Русскіе люди и что принадлежатъ къ одной семьѣ съ Великоруссами, служатъ лучшимъ доказательствомъ, что Велико-русское племя есть обще-русское племя, что оно составляетъ центръ соединенія всѣхъ Русскихъ племенъ, гдѣ бы они ни жили и въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находились. Въ Галичинѣ и Угорщинѣ всѣ обстоятельства сложились такъ, что бы тамошніе Русскіе люди отреклись отъ единоплеменности съ Россіею; но они не отрекаются, и прямо и гласно утверждаютъ, что они Русскіе одной семьи со всею Россіей, гдѣ общимъ представителемъ Велико-русское племя, что они не хотятъ быть ни отдѣльнымъ Русскимъ племенемъ, ни Малоруссами, ни Червонноруссами ни Бѣлоруссами, а что есть, были и будутъ просто Русскими, какъ и вся Россія. Значитъ народнаго чувства и исторической правды ничѣмъ незаглушишь; а историческая правда и народное чувство во всѣхъ концахъ Русской земли, даже за ея предѣлами закордонномъ, гдѣ только живутъ русскіе люди, говорятъ одно, что велико-русское племя есть всероссійское племя, что оно центръ всѣхъ русскихъ племенъ и слѣдовательно всѣмъ прямая родня до самыхъ костей.

Но чтобы не продолжать нашей бесѣды, и безъ того уже довольно затянувшейся, я просилъ бы всѣхъ, желающихъ увѣриться въ таковомъ значеніи велико-русскаго племени, посмотрѣть на Московскую Этнографическую выставку. Тамъ будутъ поставлены рядомъ типы всѣхъ русскихъ племенъ, какъ живущихъ въ самой Россіи, такъ и за кордономъ; и сами типы лучше всякихъ словъ и доказательствъ каждаго убѣдятъ, что велико-русское племя есть всероссійское племя, что въ его этнографическій обликъ всѣ русскія племена внесли свои черты, и что въ этомъ чистомъ обликѣ нѣтъ ни одной не русской черты. Да. Милостивые государи и милостивыя государыни! велико-русское племя на этнографической выставкѣ, такъ сказать, обдастъ васъ своимъ чистымъ русскимъ типомъ, я это самъ испыталъ своими собственными глазами и своимъ чувствомъ.

И. Бѣляевъ.

Digitized by Google

ПОТЕМКИНЪ И ЗАСЕЛЕНІЕ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ.

Мм. Гг.

Мы часто слышимъ и читаемъ выраженія удивленія по поводу необыкновенно быстраго возрастанія народонаселенія въ Соединенныхъ Штатахъ. Дѣйствительно, это явленіе заслуживаетъ удивленія; но мнѣ кажется, что намъ нѣтъ надобности переплывать океаны за подобными примѣрами. Гораздо ближе, у себя дома, мы можемъ видѣть и изучать возникновеніе многолюдныхъ городовъ тамъ, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ и даже менѣе, стоялъ одинокій хуторъ или ничтожное укрѣпленьице; мы можемъ, не покидая Россіи, указать на обширный, полный жизни и еще болѣе полный будущности край, который былъ еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія пустыней. Намъ стоитъ только обратить вниманіе на сѣверное прибрѣжье Чернаго моря. Правда, заселеніе Новороссійскаго края производилось не точно такъ, какъ производится заселеніе пустынь новаго свѣта, не свободнымъ приливомъ колонистовъ,— по крайней мѣрѣ не исключительно этимъ путемъ; заселеніе его было дѣломъ правительственныхъ соображеній, но я и не утверждалъ, что явленія замѣчаемыя у насъ и въ Соединенныхъ Штатахъ тождественны; я утверждаю только, что колонизація можетъ быть произведена и у насъ съ необыкновенною быстротою и ссылаюсь на примѣръ Новороссіи. Невозможно, конечно, впродолженіи одного часа, предоставленнаго мнѣ для бесѣды съ вами, мм. гг., прослѣдить всю исторію этой колонизаціи, а потому я избираю одинъ эпизодъ изъ нея, который, по справедливости, можетъ быть названъ Потемкинскимъ. Но ограничивъ предметъ нашего изученія 17-лѣтнимъ періодомъ времени, мы должны опредѣлить и географическое очертаніе предмета нашего изученія и составить себѣ возможно вѣрное понятіе о положеніи края при вступленіи въ управленіе имъ Потемкина (1774 г.).

Мѣстность, которая впослѣдствіи получила названіе Новороссійскаго края, была въ то время пустыней не только по причинѣ, безпрестанныхъ движеній по ней крымскихъ и другихъ хищническихъ партій, но и по причинѣ сознательнаго противодѣйствія къ ея заселенію политическими понятіями того времени. Въ договорахъ, которые Россія заключала съ Турціей въ XVII вѣкѣ и

Digitized by Google

даже въ началѣ XVIII вѣка, поставлялось непремѣннымъ условіемъ, чтобы между владѣніями той и другой державы оставалось нѣкоторое пространство совершенно не заселеннымъ. Это дѣлалось съ цѣлью предупредить столкновенія между порубежными жителями, и когда Россія предписывала миръ Турціи, то ближайшіе городки турецкіе подвергались разоренію, а когда Турція брала верхъ, то подобной же участи подвергались селенія русскія. Такимъ образомъ по договору, закончившему первую Турецкую войну Петра I (подписанъ 3 іюля 1700 г.), постановлено было разорить турецкіе городки, построенные на низовьяхъ Днѣпра, а пространству отъ Сѣчи до самаго Очакова равно какъ отъ Міусскаго городка (Таганрога) до Перекопа «быть пусту». Точно также послѣ катастрофы на Прутѣ, мы принуждены были срыть Самарскій городокъ, построенный во время правленія царевны Софіи, и Азовъ. Послѣ Прутской кампаніи были въ первый разъ съ точностью обозначены границы Турецкороссійскія между Днѣпромъ и Дономъ. Въ 1714 г. уполномоченные съ обѣихъ сторонъ съѣхались и учинили межевую запись, (13 іюля), которая опредѣляла слѣдующую пограничную линію: она начиналась на правомъ берегу Днѣпра, въ равномъ разстояніи отъ впаденія въ эту рѣку Самары и Орели, слѣдовала между ними въ равномъ же разстояніи отъ той и другой до ихъ вершинъ, затѣмъ поворачивала на юго-востокъ, проходила между верховьями «Бахмутскихъ, Луганскихъ и Крымскихъ водъ», какъ сказано въ записи, спускалась на Міусъ до Черкасской переправы, проходила оттуда на «отвершекъ» рѣки Тузловой, слѣдовала по ней до Каменнаго Брода и здѣсь переходила на р. Темирникъ, вмѣстѣ съ которою и упиралась въ низовья Дона между Азовомъ и Черкасскомъ. Эта южная граница Московскаго царства есть вмѣстѣ съ тѣмъ сѣверная граница подлежащаго нашему изученію Новороссійскаго края. Отсюда началось послѣдовательное, непрерывное поступательное движеніе наше къ Черному морю. Слѣдующая затѣмъ война съ Турціей, по конвенціи, заключенной 12 октября 1742 года, отодвинула наши предѣлы съ этой стороны до рр. Берды, впадающей въ Азовское море и Конскихъ Водъ, впадающей въ Днѣпръ; при вступленіи Потемкина въ управленіе Новороссійскимъ краемъ, оно составляло южную границу этого края, пока въ составъ онаго не вошли и остальныя части материка вмѣстѣ съ Крымскимъ полуостровомъ (1783 г.).

На правомъ берегу Днѣпра, близь Кременчуга, начиналась старинная граница наша съ Польшей; она была, такъ сказать, намѣчена Московскимъ договоромъ 1686 г., въ силу коего особые коммиссары должны были составить точную межевую запись; но мы не находимъ въ Пол. Соб. Зак., ни даже въ архивахъ никакихъ слѣдовъ, подобнаго разграниченія, до составленія Акта Разграниченія 5 января 1780 г. Согласно этому акту граница начиналась отъ устья р. Тясмина; по этой рѣкѣ она слѣдовала до впаденія въ нее Ирклея, потомъ Ирклемъ до его верховья, оттуда полемъ переходила на верховья Виси и слѣдуя далѣе по Синюхѣ, упиралась въ Бугъ. Къ сѣверу и западу отъ этой черты находились польскія владѣнія, къ югу и востоку — русскія; далѣе Бугъ разграничивалъ ихъ съ землями турецкими, до впаденія въ него Ташлыка. Отсюда Инструментъ, сочиненный 4 ноября 1740 г., проводилъ линію, которая перерѣзывала нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Бугъ, при ихъ вершинахъ, пересѣкала Ингулъ и Ингулецъ и останавлилась на

Digitized by Google

Днѣпрѣ близь Кизикерменя (Бериславля) при устьи рѣки Каменки. Позднѣе, по Кучукъ-Кайнайрджійскому договору, граница была перенесена на Бугъ, до самаго его устья, такъ что весь треугольникъ, образуемый этой рѣкой и Днѣпромъ (за исключеніемъ Очакова) присоединенъ былъ къ Россіи. Итакъ въ эпоху, которая насъ занимаетъ, Новороссійскій край заключался между пограничными чертами 1714 и 1742 годовъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, а на правой сторонѣ этой рѣки—между старою Польской и Турецкою границей 1744 г., вмѣщая въ себѣ не менѣе 100,000 квадр. верстъ степнаго пространства *). Теперь постараемся опредѣлить по крайней мѣрѣ приблизительно тогдашнее населеніе этого обширнаго края.

Главное основаніе этого населенія составляли Запорожцы. По берегамъ Днѣпра и его притоковъ, по берегамъ степныхъ балокъ, по опушкамъ не истребленныхъ еще окончательно лѣсовъ, были разбросаны ихъ села и деревни, ихъ хутора и зимовники. Скученные главнѣйше по берегамъ Днѣпра, селитьбы Запорожцевъ достигали съ одной стороны Буга, а съ другой, Донца и устьевъ Міуса. Эта и нѣкоторыя другія пустынныя рѣки, впадающія въ Азовское море, были для Запорожцевъ, такъ сказать, заднею дверью, посредствомъ которой они вырывались на морской просторъ, когда Очаковскій паша слишкомъ зорко сторожилъ ихъ со стороны Днѣпровскаго лимана. Хутора и зимовники, гдѣ жили семейства казаковъ и куда они сами пріѣзжали отъ времени до времени, были уединенныя и глухія, тихія жилища; но у нихъ были селитьбы и другаго рода: по Днѣпру и близь устья рѣкъ, впадающихъ въ него, существовали многочисленныя, обширныя запорожскія села; между ними первенствующее значеніе принадлежало Сѣчи, селенію дѣйствительно знаменитому, но незначительному по своимъ размѣрамъ: по официальнымъ свѣденіямъ, оно заключало въ себѣ въ 1775 г. только 203 двора, въ числѣ коихъ 66 шинковъ и харчевень*). Сѣчь была, какъ извѣстно уничтожена, но многія другія запорожскія села, подъ новыми названіями, существуютъ и понынѣ; такъ с. Никитино обратилось впослѣдствіи въ Никополь, Новоселица въ Новомосковскъ; Поссовицы въ Екатеринославъ, а Алешки существуютъ и теперь подъ своимъ прежнимъ именемъ.

Какъ же велико было населеніе во всѣхъ этихъ селахъ, деревняхъ, хуторахъ и зимовникахъ? Изъ какихъ элементовъ оно состояло? Для разрѣшенія этого вопроса, естественнѣе всего обратиться къ г. Скальковскому, который спеціально занимался исторіей Новороссійскаго края и извлекъ изъ мѣстныхъ архивовъ много любопытныхъ въ этомъ отношеніи данныхъ. Къ сожалѣнію, въ сочиненіяхъ этого почтеннаго впрочемъ изслѣдователя, мы находимъ много данныхъ, много цифръ, связать между собой которыя очень трудно. Очевидно, онъ бралъ эти цифры изъ разныхъ официальныхъ источниковъ, не повѣряя ихъ между собой, такъ что онѣ иногда болѣе запутываютъ, нежели разрѣшаютъ занимающій насъ вопросъ. Но мнѣ удалось найдти въ здѣшнемъ архивѣ военнаго ми-

*) Временникъ, изданный Центр. Статистическимъ комитетомъ, 1866 г. Впрочемъ для большей точности, можно замѣтить, что Бахмутскій уѣздъ вошелъ въ составъ Новор. края позднѣе, а Міусскій округъ отдѣленъ отъ него въ пользу Донскаго Войска.

*) См. въ Архивѣ военнаго министерства въ Москвѣ, донесеніе генерала Текелія, которому было поручено уничтожить козачье устройство Запорожцевъ.

Digitized by Google

нистерства свѣдѣнія положительныя и обстоятельныя, а именно вѣдомость о всемъ народонаселеніи Запорожцевъ, какъ собственно казачьемъ, такъ и о разнаго званіи людяхъ, проживавшихъ на запорожскихъ земляхъ, и вѣдомость эта относится къ самому интересному для насъ времени,—ко времени уничтоженія Запорожскаго казачьяго войска, слѣдовательно почти ко времени вступленія Потемкина въ управленіе краемъ. Изъ этой вѣдомости видно, что всѣхъ казаковъ было въ 1775 г. 14,619 человѣкъ и что кромѣ того на ихъ землѣ проживало крестьянъ и разнаго рода людей обоего пола 45.018 душъ, всего же, съ козаками 59.637. Если же къ этимъ двумъ главнымъ рубрикамъ причислить семейства женатыхъ казаковъ, жившихъ отдѣльными хуторами и зимовниками, и духовенство, то общее число въ Запорожьѣ выразится цифрою 59.627 д., обоего пола. Свѣдѣнія эти собраны начальниками военныхъ командъ, посланныхъ въ разные поланки (округи) Запорожья и представлены генераломъ Текелліемъ,—на котораго, какъ извѣстно, возложено было обращеніе Запорожцевъ въ обыкновенныхъ гражданъ,— на высочайшее имя, слѣдовательно имѣютъ характеръ возможной достовѣрности.

Ко времени вступленія Потемкина въ управленіе Новороссійскимъ краемъ, въ немъ существовало и другаго рода населеніе, независимо отъ того, которое находило пріютъ подъ бунчукомъ запорожскаго кошеваго атамана. Оно образовалось, въ царствованіе императрицы Елисаветы, изъ разныхъ заграничныхъ выходцевъ, а главнѣйше изъ Славянъ австрійскихъ и турецкихъ. Около половины XVIII вѣка, въ то самое время, когда въ литературѣ западной Европы раздавались сильные и краснорѣчивые протесты противъ гоненій за религіозныя убѣжденія, когда свобода совѣсти была провозглашаема нѣкоторыми изъ государей съ высоты престола, въ Австріи и Польшѣ фанатизмъ католическаго духовенства доходилъ до крайностей, напоминающихъ средніе вѣка. Здѣсь, на востокѣ Европы, вдали отъ великой исторической сцены, католическіе монахи всѣхъ возможныхъ орденовъ, не смѣя болѣе преслѣдовать протестантовъ, упражнялись въ насиліованіи совѣсти православныхъ и уніатовъ. Мы знаемъ, какія послѣдствія имѣлъ въ отношеніи Польши образъ дѣйствія ея духовенства; что касается до владѣній императрицы Маріи-Терезіи, то между православными, и особенно славянскими ея подданными, обнаружилось стремленіе къ переселенію въ Россію. Въ 1750 г. полковникъ Хорватъ, родомъ Сербъ, заявилъ русскому посланнику въ Вѣнѣ о желаніи своемъ выѣхать въ Россію вмѣстѣ со многими своими родственниками и земляками и образовать изъ нихъ два регулярныхъ полка. Наше правительство охотно приняло этотъ вызовъ и предложило переселенцамъ земли на правомъ берегу Днѣпра, къ сѣверо-западной части Запорожья, вдоль польской границы; Хорватъ нашелъ эти земли удобными и образовалъ первое славянское поселеніе въ Россіи, состоявшее на первый разъ изъ 318 человѣкъ. Примѣру Хорвата послѣдовали многіе другіе Славяне Австрійской и даже Турецкой имперіи: если вѣрить свидѣтельству тогдашнихъ канцелярій, едва ли впрочемъ строго соблюдавшихъ племенные оттѣнки при записываньи происхожденья новоприбывшихъ, то вслѣдъ за Сербами стали прибывать не только Молдоване, Волохи и Трансильванцы, но Болгары и даже Албанцы и Черногорцы. Вскорѣ между Днѣпромъ, Синюхой и Тясминомъ насчитывалось уже 620 славянскихъ и другихъ выселившихся се-

Digitized by Google

мействъ; земли имъ было прибавлено къ югу отъ прежней и всѣ эти земли получили названіе Новой Сербіи. На южной окраинѣ Новой Сербіи, на Ингулѣ, основана была крѣпость, названная именемъ императрицы и переименованная впослѣдствіи Елисаветградомъ.

Между тѣмъ миграціонное движеніе южныхъ Славянъ продолжалось. Въ 1752 и 53 годахъ прибыли Сербы Шевичъ и Прерадовичъ и просили земель. Имъ отведено было обширное пространство въ окрестностяхъ Бахмута и по Донцу, которое впослѣдствіи получило названіе Славяно-Сербіи, и вскорѣ пополнилось новыми переселенцами. Какъ ново-сербскіе, такъ и славяно-сербскіе колонисты образовали военное поселеніе, росписанное на полки и роты. Всего, по свѣдѣніямъ г. Скальковскаго, къ концу пятидесятыхъ годовъ считалось такихъ переселенцевъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра 26,163 душъ *) и эта цифра безъ сомненія была бы превзойдена приливомъ новыхъ переселенцевъ, но постоянно возраставшее движеніе Славянъ изъ Австріи въ Россію встревожило вѣнское правительство. Въ дѣлахъ архива св. Синода я видѣлъ, что оно подало поводъ къ перепискѣ между обоими императорскими дворами, вслѣдствіе чего Императрица Елизавета, связанная тѣснымъ союзомъ съ вѣнскимъ дворомъ, отказалась принимать австрійскихъ подданныхъ, положивъ однако очень удачное начало колонизаціи и истративъ на это дѣло до 700,000 р. **). За то вслѣдствіе вызова нашего правительства, изъ за Польскаго рубежа стали выходить старообрядцы и другіе русскіе бѣглецы. Въ 1756 году они, а также Малороссіяне, поселенные для работъ по возведенію крѣпости Св. Елисаветы, занимали уже 27 слободъ въ окрестностяхъ упомянутой крѣпости, но численность ихъ не извѣстна.

Таковы первоначальные элементы народонаселенія, возникшаго въ Новороссійскомъ краѣ; они состоятъ, какъ сказано, изъ трехъ главныхъ группъ: изъ Запорожцевъ съ ихъ «подданствомъ»; изъ переселенцевъ Славянъ и изъ разныхъ выходцевъ изъ Польши и внутренней Россіи. Къ этому мы можемъ еще присоединить небольшое число Евреевъ, торговавшихъ въ Сѣчи и впервые допущенныхъ въ число русскихъ подданныхъ. Изъ вышеприведенныхъ цифръ, по первымъ двумъ группамъ, мы находимъ, что итогъ ихъ равняется, кругло говоря, 85—86 тысячамъ; что касается до третьей группы то, ея численность намъ неизвѣстна, но за то мы находимъ въ «Исторіи Новороссійскаго края» г. Скальковскаго обширную вѣдомость, въ коей значится, что всего, во всемъ Новороссійскомъ краѣ, въ началѣ 1774 г. считалось 158,097 д., обоего пола, — цифра, которую можно признать приблизительно вѣрною. И такъ, вотъ общая цифра населенія, въ годъ вступленія въ управленіе Потемкинымъ въ краю, который имѣлъ 500 вер. въ длину (отъ Донскихъ гирлъ до впаденія Синюхи въ Бугъ) и 200 в. въ ширину *) (отъ границы 1742 г. до границы 1714 г.). Тогдашній Новороссійскій край довольно близко подходилъ, по пространству, къ нынѣшнимъ Екатеринославской и Херсонской губерніямъ вмѣстѣ, въ коихъ числится, по свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета 2,534,889 д. Что бы быть точнѣе, мы должны исключить изъ этого числа населеніе Забужской части нынѣшней Херсонской губерніи, въ описываемое время не при-

*) Ист. Новорос. края, I, 43.
**) Зап. Одес. Общ. Ист. и древ., III, 85.

*) Временникъ 1866 г.

Digitized by Google

надлежавшей Россіи, и въ которой можетъ насчитываться до 300 т. жителей, а за тѣмъ окажется, что въ 92-хъ лѣтній періодъ времени, — со времени вступленія Потемкина въ управленіе Новороссійскимъ краемъ, народонаселеніе Новороссійскаго края увеличилось почти въ 15 разъ!

Разумѣется такое колоссальное приращеніе народонаселенія не могло произойти однимъ естественнымъ путемъ, т. е. благодаря малой смертности и большему числу рождающихся. Цѣль моя именно и состоитъ въ томъ, чтобъ изслѣдовать, по возможности, тѣ мѣры, съ помощью коихъ Потемкинымъ были достигнуты такіе громадные результаты. Остановимся нѣсколько на этомъ имени. Съ мыслью о Потемкинѣ соединится обыкновенно понятіе о необыкновенно пышномъ вельможѣ, о пресыщенномъ сластолюбцѣ и честолюбцѣ, о человѣкѣ, который чудачитъ, чтобы разсѣять пожирающую его скуку, — да еще, можетъ быть, о полководцѣ, который прославился болѣе пышностью окружавшаго его двора, нежели военными подвигами. *) «Баловень счастья» и «великолѣпный князь Тавриды», вотъ эпитеты, которые чаще всего сопровождаютъ имя Потемкина. Во всемъ этомъ есть черты дѣйствительно принадлежащія Потемкину, но изъ нихъ не создается полной и вѣрной его нравственной физіономіи; тотъ всегда будетъ односторонне и поверхностно судить о немъ, кто не обратитъ на него вниманія, какъ на Новороссійскаго генералъ-губернатора. Здѣсь, среди степей, которыя онъ призванъ былъ заселить и вызвать къ жизни, этотъ необыкновенный человѣкъ является во всемъ величіи своего генія, и во всемъ могуществѣ своей воли. Грандіозный и нѣсколько фантастическій, какъ всегда и вездѣ, онъ здѣсь сбрасываетъ съ себя ту недоступность и ту пышность, которыми онъ окружалъ себя въ Петербургѣ, и ему любо, ему просторно, ему вольно. Судьба сдѣлала его царедворцемъ; но въ придворной сферѣ, въ которую обстоятельства его бросили, онъ ни къ чему не былъ искренно привязанъ, кромѣ самой императрицы. Сынъ бѣднаго дворянина, онъ могъ находить пищу своему самолюбію въ томъ, чтобы затмѣвать пышностью всѣхъ пышныхъ вельможъ Екатерины; но скука, которую онъ ощущалъ среди этой пышности, была неподдѣльная; и мысль его и его вкусы были далеки отъ того, что всѣхъ вокругъ него занимало. Вотъ объясненіе его разсѣянности съ которою, по мнѣнію поверхностныхъ наблюдателей, онъ родился, его своенравія и чудачества; вотъ почему, среди своихъ раззолоченныхъ покоевъ, онъ являлся часто въ мѣховомъ халатѣ и въ туфляхъ на босую ногу. Нѣкоторые оскорблялися заставая его въ такомъ нарядѣ: онъ удивлялся ихъ неудовольствію *).

Этотъ мѣховой халатъ и туфли на босую ногу, эти нечесаные волоса, не составляли непріятнаго контраста въ Кременчугѣ, въ Александръ-Шанцѣ, на пепелищѣ Запорожскихъ куреней, когда приходили къ нему вѣрный помощникъ его по строительной части Фалѣевъ, или Синельниковъ, или «Ѳедоръ Ѳедоровичъ» (Ушаковъ);—съ этими людьми онъ находилъ о чемъ говорить, и эти чернорабочіе, но дѣльные люди не обращали вниманія, камердинеромъ ли своимъ или собственными пальцами, какъ говорилъ принцъ де-Линь, былъ причесанъ свѣтлѣйшій. За то и свѣтлѣйшій былъ между ними совершенъ другимъ че-

*) Это было писано въ началѣ 1867 года, по появленіи въ Рус. Архивѣ и Рус. Вѣстникѣ новыхъ свѣденій о Потемкинѣ.

*) Mém. du c-te Ségur.

Digitized by Google

ловѣкомъ, нежели среди вельможъ и дипломатовъ. Въ отношеніи этихъ людей, Потемкинъ откидывалъ въ сторону то высокомѣріе, которымъ онъ ограждалъ себя въ Петербургѣ; простотою въ отношеніяхъ къ своимъ сотрудникамъ, равно какъ и необычайной дѣятельностію, онъ напоминаетъ Петра I. «Много благодаренъ, другъ мой, Михайло Леонтьевичъ, пишетъ онъ своему Данилычу-Фалѣеву, «что трудился въ передѣлкѣ поспѣшной фрегатовъ. Усугубь силы свои дабы поскорѣй поспѣли, ибо крайняя въ томъ нужда.» — «Вы не дивитесь, что я ворчу: Богу извѣстно, что силъ недостаетъ, вездѣ самому быть нельзя, а все, до малѣйшихъ способовъ отъ меня требуютъ.» «Охъ, батюшка, спѣши съ фрегатами и кораблемъ!» *) «Наши, писалъ Потемкинъ о побѣдѣ адмирала Ушакова надъ Турецкимъ флотомъ, (1790 г.), наши такого перцу Туркамъ задали, что любо. Спасибо Ѳедору Ѳедоровичу.» **) Такъ говорилъ, такъ переписывался Потемкинъ съ сотрудниками своими, съ чернорабочими Новороссійскаго края. Въ этихъ сжатыхъ, горячо набросанныхъ строкахъ видѣнъ не надмѣнный вельможа, скучающій и праздный, какимъ его изображаютъ иностранцы, встрѣчавшіеся съ нимъ при дворѣ, и какимъ онъ дѣйствительно бывалъ въ Петербургѣ, но первый между работниками великаго дѣла, — воззванія къ жизни щедро одареннаго природою края. Изложить всѣхъ подробностей этого дѣла, — заселенія Новороссіи и ея устройства, — я не въ состояніи, за недостаткомъ нужныхъ для того матеріаловъ, да этого не возможно сдѣлать, впродолженіи не только одной, но и нѣсколькихъ бесѣдъ. Мнѣ кажется, однакожь, что группируя извѣстнымъ образомъ тѣ мѣры, которыя были приняты Потемкинымъ, въ качествѣ Новороссійскаго намѣстника, мы получимъ возможность, по крайней мѣрѣ, схватить ихъ характеръ, а этого, я полагаю, въ настоящемъ случаѣ, будетъ достаточно.

И преимущества и недостатки тогдашняго положенія Россіи одинаково послужили дѣлу заселенія Новороссійскаго края. Какъ извѣстно, одною изъ главныхъ мѣръ Потемкина, по вступленіи его въ должность начальника Новороссіи (1775 г.) было уничтоженіе Запорожскаго войска; всѣмъ членамъ знаменитаго «товарищества,» было предоставлено возвратиться туда, откуда каждый изъ нихъ пришелъ въ Запорожье, или же остаться на мѣстѣ, въ качествѣ частнаго человѣка и на общемъ для всѣхъ жителей края положеніи. Всѣ частныя имущества, кромѣ нѣкоторыхъ старшинъ преданныхъ суду, были оставлены неприкосновенными; кто владѣлъ хуторомъ, землею, за тѣмъ эта земля или этотъ хуторъ были укрѣплены; но общая войсковая земля была признана государственною. Войсковыя суммы и другія сокровища также обращены были въ казенныя. Эти суммы были не маловажны; изъ свѣденій, представленныхъ генераломъ Текелліемъ *) видимъ, что имъ было найдено 56,446 р. 82 к. войсковой суммы; у старшинъ конфисковано 74,507 р. 43 к.; кромѣ того въ Сѣчи хранилось принадлежащихъ нѣкоторымъ казакамъ лично 32,976 р. 54 к. Эта послѣдняя сумма оставлена неприкосновенною, но изъ войсковой и старшинской образованъ капиталъ для выдачи ссудъ жителямъ края съ цѣлью поощрять домостроительство и торговлю **). Изъ числа новоприобрѣтенныхъ казенныхъ земель розданы были дачи нѣкоторымъ са-

*) Зап. Одесск. Общ. Ист. и др. т. II.
**) Жизнеоп. адм. Ушакова, Скаловскаго.

*) См. приложеніе. I.
**) Ист. Новор. края, 124.

Digitized by Google

новникамъ, напримѣръ Потемкину и князю Вяземскому; между ними раздѣлена была самая сердцевина Запорожья: Потемкинъ получилъ земли на правомъ берегу Днѣпра, на протяженіи 16 верстъ по его берегу, вдоль пороговъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ спустя поселены были менониты *). На земляхъ Потемкина же воздвигся въ послѣдніе годы его управленія Николаевъ **).

Мѣсто, на которомъ стояла самая Сѣчь, островъ Хортица, достался князю Вяземскому, вмѣстѣ съ 10,000 десятинъ земли. Подобно этимъ двумъ главнымъ сановникамъ того времени и нѣкоторые другіе получили дачи изъ числа бывшихъ войсковыхъ земель. Владѣльцы такихъ имѣній, понимая, что здѣсь не достаетъ только рукъ, чтобы получать съ нихъ огромные доходы, переселяли туда крестьянъ своихъ изъ другихъ губерній ***). Нѣкоторые изъ придворныхъ, желая сдѣлать угодное императрицѣ и Потемкину, покупали въ Новороссійскомъ краѣ фермы и хутора, какъ бы свидѣтельствуя тѣмъ свое сочувствіе его заселенію; такъ графъ Безбородко купилъ близь Херсона небольшой хуторъ, незадолго до путешествія наблюдательнаго Француза Пейсонеля, посѣтившаго эти мѣста въ 1784 году. ****) По свидѣтельству того же путешественника, нѣкто Фабри, австрійскій подданный, завѣдшій первую торговую контору въ Херсонѣ, имѣлъ ферму при сліяніи Ингула и Буга (близь мѣста, гдѣ потомъ воздвигся Николаевъ), а Англичанинъ Виллисъ, какъ только былъ присоединенъ Крымъ къ Россіи, пріобрѣлъ на южномъ берегу полуострова имѣніе и, притомъ, говоритъ Пейсоннель, за такую цѣну, по которой можно пріобрѣсти земли развѣ въ лѣсахъ Америки.

Поощряя пріобрѣтеніе имѣній въ Новороссійскомъ краѣ и переселеніе помѣщичьихъ крестьянъ, правительство переводило туда большія массы крестьянъ экономическихъ. Изъ вѣдомости, представленной генераломъ Текелліемъ, видно, что такихъ крестьянъ было въ 1775 г. 39.895 душъ, а въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, по свѣдѣніямъ г. Скальковскаго, ихъ считалось уже 210.033 д. Много рабочихъ, вызванныхъ для сооруженія городовъ, для строенія кораблей, для проведенія дорогъ, оставались по доброй волѣ въ краѣ, гдѣ руки были дороги и спросъ на рабочихъ постоянный. Сюда же охотно шли Московскіе и иные старообрядцы, — эти прирожденные колонизаторы, эти настоящіе русскіе піонеры. Довольно большое число ихъ поселилось по Днѣпру, другіе основали селенія на Молочныхъ Водахъ.

Но говоря о приливѣ народонаселенія, не слѣдуетъ забывать и о его убыли. Многіе изъ прежнихъ жителей Запорожья, въ силу высочайшаго манифеста, пожелали возвратиться въ Малороссію и другія мѣста, снабжавшія выходцами Запорожья. Такое желаніе заявили, по свидѣтельству Текеллія, болѣе 4,000 человѣкъ; другіе безъ всякихъ заявленій уходили куда глаза глядятъ. Этотъ генералъ еще находился въ Запорожьи съ своими войсками, какъ начались побѣги за границу и приняли весьма серіозные размѣры. Преобразованіе,

*) Земли подъ ихъ поселеніями, повидимому, пожертвованы Потемкинымъ; по крайней мѣрѣ колонисты были водворены на его земляхъ при его жизни (1785).

**) Онъ уступилъ подъ Николаевъ, пишетъ Шмидтъ въ своемъ описаніи Херсонской губ., не только землю, но и 532 души принадлежащихъ ему крестьянъ.

***) Г. Скальковскій (Ист. Нов. края 161) говоритъ, что такое переселеніе крестьянъ дозволено было особымъ указомъ: кажется, въ особомъ дозволеніи на это не было надобности.

****) Trois mémoires historiques et géographiques, par Peysonnel.

Digitized by Google

совершенное въ устройствѣ Запорожья, и разореніе Сѣчи горестно отозвались на членахъ славнаго «товарищества». По свидѣтельству г. Скальковскаго до 5,000 ч. оставило Запорожье *), но цифра эта довольно произвольна и едва ли число бѣглецовъ можетъ быть съ точностью опредѣлено; въ донесеніяхъ Текеллія, а потомъ и князя Прозоровскаго **), мы находимъ частыя упоминанія о самымъ побѣгахъ казаковъ, но не находимъ числа бѣжавшихъ. Очаковскій паша хвалился, что къ нему перебѣжало до 12,000 казаковъ, а по другимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ для начальник края, ушло лишь небольшое число гультаевъ. Во всякомъ случаѣ число людей совершенно пропавшихъ для Новороссійскаго края, въ итогѣ было не очень велико. Многіе изъ бѣглецовъ 1775 года возвращались, а съ ними по словамъ г. Скальковскаго, приходило и довольно много Некрасовцевъ. Большой ущербъ населенію края нанесло образованіе Черноморскаго казачьяго войска, составленнаго, какъ извѣстно, изъ Запорожцевъ. Когда послѣдовалъ вызовъ вступить въ новое казачье товарищество (1792 г.) явилось болѣе 5,500 человѣкъ, пожелавшихъ покинуть родной край, съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться по прежнему казаками ***).

Однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ заселенія Новороссіи были переселенцы изъ заграницы: этотъ край и до сего времени еще пестрѣетъ обращиками всѣхъ европейскихъ племенъ. Первыми по времени, послѣ Славянъ (пришедшихъ въ царствованіе Елисаветы) были Греки, о переселеніи которыхъ мы находимъ любопытныя свѣдѣнія въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и древностей. При началѣ первой Турецкой войны, при Екатеринѣ, Греки были приглашены принять въ ней участіе, причемъ графъ А. Орловъ писалъ имъ, «что въ счастливомъ окончаніи сего великаго дѣла заключается ихъ честь, мзда и счастье». Когда же подписанъ былъ мирный трактатъ съ Турціей, Греки, поднявшіе оружіе противъ султана, пришли въ недоумѣніе и просили Орлова объяснить имъ, въ чемъ же будетъ заключаться обѣщанная имъ мзда? Вслѣдствіе этого запроса, «Албанскому народу» было объявлено, что всякій, находившійся въ войскѣ, сражавшемся вмѣстѣ съ русскимъ, можетъ перейдти въ русскую службу съ сохраненіемъ чина, и что имъ будутъ даны способы для переѣзда въ Россію; тѣмъ же, которые почему-либо не могутъ немедленно воспользоваться этимъ предложеніемъ, объявлялось, что когда бы они ни пожелали пріѣхать въ Россію, они будутъ «приняты и расположены съ тѣми же выгодами и преимуществами, какъ и тѣ, которые отправятся теперь.» Охотники переселиться въ Россію нашлись, и партія Грековъ, подъ начальствомъ капитана Мавромихали, заявила о своемъ желаніи выселиться. Имъ было обѣщано дать нужныя средства для «домостроительства,» а также построить имъ церкви и предоставить разбирательство между собою и все внутреннее управленіе ихъ имъ самимъ; наконецъ дарована была имъ льгота отъ податей на 30 лѣтъ. Въ 1775 г. прибыла первая партія Грековъ; ихъ поселили въ Таганрогѣ, Керчи и Ениколѣ (пріобрѣтенныхъ по Кучукъ-кайнарджійскому миру), а впослѣдствіи они были выведены изъ двухъ послѣднихъ пунктовъ и поселены въ Балаклавѣ, гдѣ дарованы были имъ и земли съ освобожденіемъ отъ податей навсегда. Другая партія Грековъ переселилась въ Новороссійскій край изъ Крымскаго полуостро-

*) Ист. Нов. Сѣчи, III, 234.
**) Въ Архивѣ военнаго министерства въ Москвѣ.
***) Ист. Нов. Сѣчи. III, 227.

Digitized by Google

ва за 4 года до его присоединенія къ Россіи. Ихъ вышло не менѣе 20,000 человѣкъ; они были поселены по рр. Калміусу, Кальчику и Калкѣ и вообще по сѣверному берегу Азовскаго моря; Маріуполь есть центральный пунктъ ихъ колоній, точно также какъ Нахичевань есть центральный пунктъ населеній армянскихъ, почти одновременно вышедшихъ изъ Крыма. По свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета тѣхъ и другихъ выселилось въ Новороссійскій край не менѣе 30,000 человѣкъ.

Въ 1783 г. присоединенъ былъ Таврическій полуостровъ. Очень затруднительно опредѣлить даже приблизительно цифру того контингента, который онъ внесъ въ населеніе Новороссійскаго края. По свидѣтельству Палласа, народонаселеніе Крыма простиралось въ это время до 500,000 человѣкъ; но эта цифра, кажется, очень преувеличена, тѣмъ болѣе, что со времени Кучукъ-кайнарджійскаго мира Турки и Татары стали переселяться изъ Крыма въ Турцію, а Армяне, какъ мы видѣли, въ Россію. Послѣ 1783 г. мусульманская миграція приняла въ немъ огромные размѣры. Германскій императоръ Іосифъ, сопровождавшій Екатерину въ ея поѣздкѣ въ Крымъ, увѣрялъ графа Сегюра, что болѣе двухъ третей населеніе покинуло полуостровъ послѣ его присоединенія. Пейсоннель полагаетъ, что во время его путешествія (1784 г.) тамъ оставалось не болѣе 50,000 человѣкъ. Эта цифра также грѣшитъ, кажется, преувеличеніемъ, но въ смыслѣ, противуположномъ Палласу; по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1803 году въ Крыму считалось до 140,000 д. *). Вотъ впрочемъ все, что я могу сказать относительно мусульманскаго населенія, вошедшаго въ число жителей Новороссійскаго края.

*) Списки населенныхъ мѣстъ.

Въ февралѣ 1784 г. былъ обнародованъ манифестъ, въ которомъ провозглашалось, что всѣ съ Россійской Имперіей въ дружбѣ состоящіе народы, могутъ производить свободную торговлю въ Херсонѣ, Севастополѣ и Ѳеодосіи, а также могутъ селиться въ Новороссійскомъ краѣ и вступать въ россійское подданство. Конечно, нельзя было надѣяться, чтобы въ западной Европѣ, въ то время еще не такъ переполненной жителями какъ теперь, нашлось большое количество охотниковъ двинуться въ степи, едва вышедшія изъ подъ власти Татаръ, если не привлечь переселенцевъ льготами и преимуществами. Справились съ дѣлами о водвореніи иностранцевъ въ первые годы царствованія Екатерины, и рѣшились дать новымъ выходцамъ тѣ же преимущества. Старый фельдмаршалъ Румянцевъ, другъ порядка и аккуратности, припомнилъ при этомъ, что онъ видѣлъ во время Семилѣтней войны въ окрестностяхъ Эльбинга и Данцига, въ Пруссіи, селенія менонитовъ и удивлялся ихъ отличному земледѣлію и скотоводству *). Соображая, что для успѣха въ ихъ занятіяхъ прежде всего нужны хорошая почва и обширныя пространства, онъ представилъ императрицѣ объ этихъ трудолюбивыхъ людяхъ, и о томъ, что если пригласить ихъ, то они вѣроятно пожелаютъ воспользоваться просторомъ и плодородіемъ Новороссійскаго края. По его представленію отправленъ былъ агентъ въ Пруссію и вывелъ оттуда 1000 душъ нѣмцевъ — менонитовъ, которые получили земли на правомъ берегу Днѣпра и основали нѣсколько колоній вблизи нынѣшняго Екатеринослава. Нѣсколько позднѣе прибыли еще другіе переселенцы изъ разныхъ частей Германіи; съ острова Даго переселилось нѣсколько десятковъ «Шведскихъ» и

*) Исторія Новор. края. 183.

Digitized by Google

крестьянскихъ семействъ, и основали въ окрестностяхъ Бериславля такъ называемую Шведскую колонію. Ученый Шторхъ говоритъ, что въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Екатеринославской губерніи большая половина народонаселенія состояла изъ иностранцевъ-колонистовъ *).

Дѣло колонизаціи шло быстро и энергично; вообще въ теченіи лишь семи лѣтъ, съ 1780 по 1787 г., по распоряженіямъ Потемкина, говоритъ г. Скальковскій въ своей Исторіи Новороссійскаго края роздано 1355 земельныхъ дачъ, на коихъ устроено 758 колоній и водворено 76,147 душъ. Но эта цифра, очевидно, не исчерпываетъ всего приращенія народонаселенія въ краѣ; у того же автора и въ той же Исторіи мы находимъ другія цифры, выражающія общее народонаселеніе края въ 1787 г. Такихъ цифръ двѣ, а именно 688,589 и 744,550. **) Не имѣя данныхъ чтобы рѣшить, которая изъ этихъ цифръ справедливѣе, принимаю круглую, болѣе склоняющуюся къ меньшей изъ этихъ цифръ — 700,000. Но если такъ, то окажется, что послѣ 13 лѣтъ управленія Потемкинымъ Новороссіей, въ ней прибыло 600,000 жителей, то-есть прибывало въ годъ почти до 43 т. человѣкъ. Предполагая подобное же приращеніе въ остальные 4 года Потемкинскаго управленія, найдемъ, что въ 1791 г. Новороссія должна была имѣть свыше 850,000 жителей или что къ тѣмъ ста пятидесяти тысячамъ, которые населяли этотъ край въ 1774 г., — прибавилось въ продолженіе всѣхъ 17 лѣтъ управленіе Потемкина 700,000.

Это необыкновенно быстрое увеличеніе народонаселенія кажется достаточно опровергаетъ весьма распространенное мнѣніе, будто Потемкинъ строилъ декораціи селеній и сгонялъ народъ издалека, когда Екатерина обозрѣвала Новороссійскій край, чтобы замаскировать его пустынность. Конечно, намѣстничество Потемкина было пустынно въ сравненіи съ нѣкоторыми центральными губерніями; но представляя императрицѣ край, который разоряли систематически и который едва вышелъ изъ-подъ турецкаго владычества, онъ могъ кажется съ гордостью указать на то, что дѣйствительно сдѣлано, не прибѣгая къ шарлатанству. До него на оконечностяхъ края находилось лишь четыре городка: Азовъ, Ростовъ, Таганрогъ и Елисаветградъ; при Потемкинѣ возникли: Херсонъ, Екатеринославъ, Александровъ, Бериславъ, Николаевъ, Павлоградъ, Константиноградъ, Мелитополь, Маріуполь и Нахичевань, и нѣкоторые изъ этихъ городовъ были уже порядочно отстроены; вотъ какъ описываетъ Херсонъ графъ Сегюръ, сопровождавшій императрицу въ 1767 году: «Мы увидѣли,» пишетъ онъ, «почти уже оконченную крѣпость и казармы на 80.000 человѣкъ, адмиралтейство со всѣми принадлежностями, арсеналъ, заключающій въ себѣ до 600 орудій, два военные корабля и одинъ фрегатъ, снаряженные къ спуску, публичныя зданія, воздвигаемыя въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколько церквей прекрасной архитектуры, наконецъ цѣлый городъ уже торговый, съ 2.000 домовъ и лавками, полными греческихъ, константинопольскихъ и французскихъ товаровъ; въ Херсонской гавани стояло до 200 купеческихъ судовъ.» Въ Николаевѣ, только заложенномъ въ 1789 году, состояло въ началѣ 1791 г. всего двадцать шесть домовъ и считалось 147 жителей, а въ концѣ слѣдующаго года было уже 3.300 душъ обоего пола *). Но главное попеченіе Потемкина было обращено

*) Tableau historique et statistique etc.
**) Исторія Новороссійскаго края, 195.

*) Зап. Одесскаго Общ. Ист. и Древн. т. IV.

Digitized by Google

на Екатеринославъ, городъ, которому онъ желалъ бы доставить первенствующее значеніе во всемъ южномъ краѣ. «Всемилостивѣйшая Государыня,» писалъ онъ императрицѣ, «гдѣ же какъ не въ странѣ, посвященной славѣ Вашей, быть городу изъ великолѣпныхъ зданій? А потому я предпріялъ проекты составить достойные сего града названію» *). И дѣйствительно, имъ составленъ былъ грандіозный планъ для Екатеринослава (находящійся въ Зап. Одесскаго Общ. Ист. и Древн.), который только смерть помѣшала Потемкину привести въ исполненіе. Въ томъ же изданіи мы находимъ свѣдѣніе о числѣ бывшихъ въ Новороссійскомъ краѣ церквей въ 1775 и 1777 годахъ, по числу которыхъ можно судить о числѣ жилыхъ мѣстъ въ эти два послѣдовательные періоды: въ 1775 году ихъ было 232, а въ 1777—345 **).

Край быстро заселялся и въ то же время развивался; земледѣліе возрастало естественнымъ путемъ съ возрастаніемъ народонаселенія. Потемкину хотѣлось, чтобы переселенцы изъ Германіи служили для русскихъ земледѣльцевъ примѣромъ раціональнаго хозяйства; съ этой же цѣлью учреждена имъ земледѣльческая школа (близь Николаева). Онъ старался распространить огородничество и садоводство; за годъ до смерти своей, Потемкинъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы во всѣхъ имѣніяхъ, не исключая и частныхъ, отъ Хортицы до Лимана, по Днѣпру, а равно и по Бугу и по морскому берегу, разводимы были виноградники. Въ Крыму при немъ началось винодѣліе и, по его свидѣтельству, дѣлало большіе успѣхи: «виноградъ венгерскій,» писалъ онъ государынѣ, «въ 1786 г. далъ уже первый плодъ; вино дѣлаютъ лучше прежняго; водку французскую гонятъ лучше настоящей и черезъ годъ конечно большое количество оной будетъ» *). Онъ обратилъ вниманіе на разведеніе шелковицы и хлопка, для чего выписывалъ мастеровъ изъ Италіи и Греціи; улучшеніе породъ рогатаго скота и барановъ тоже не ускользнуло отъ его вниманія; онъ предвидѣлъ какое развитіе можетъ принять овцеводство на обширныхъ степяхъ новороссійскихъ. «Полуденныя мѣста Имперіи Вашей,» писалъ онъ императрицѣ, «изобилуютъ рунопоснымъ скотомъ почти больше, чѣмъ вся Европа вмѣстѣ; перемѣнивъ шерсть въ лучшую, черезъ способы вѣрные и простые, превзойдутъ въ количествѣ суконъ всѣ прочія государства. Изъ всѣхъ мѣстъ гдѣ лучшіе бараны я выписалъ самцовъ», и проч. Въ архивахъ Новороссійскаго края сохранились контракты съ заграничными садовниками, винодѣлами и другими спеціалистами, подписанные собственною рукою Потемкина; въ его управленіе учредились въ Херсонѣ три иностранныя купеческія конторы, получили развитіе издавна существовавшіе въ краѣ промыслы: соляной и рыболовный; и благодаря всему этому, начала возникать и торговля **). Потемкинъ воспользовался точно также спеціальностью бывшихъ Запорожцевъ по части мореходства, и когда возгорѣлась вторая Турецкая война, устроенный имъ гребной флотъ игралъ въ ней большую роль.

Но скажутъ: положимъ что Новороссійскій край дѣйствительно быстро заселялся, и что Потемкинъ обнаружилъ при этомъ

*) Р. Арх. 1865, 393.

**) Зап. Одес. Общ., т. III: «Отрывокъ повѣств. о Новороссійск. краѣ» 104—117.

*) Рус. Архивъ 1865, 63.

**) Я не имѣю свѣдѣній о торговлѣ Новороссійскаго края съ внутренними губерніями; но въ донесеніяхъ русскаго посланника въ Константинополѣ я нашелъ вѣдомость товарамъ, привезеннымъ изъ Новороссійскихъ портовъ въ Константинополь и изъ этого города въ Новороссійскіе порты, за 1782 годъ, Прил. П.

Digitized by Google

много энергіи и административныхъ способностей; спрашивается, соотвѣтствовали ль успѣхи усиліямъ и былаль во всемъ этомъ какая нибудь серіозная цѣль, или же все сводилось къ тому, чтобы показать: вотъ что я могу сдѣлать! На этотъ вопросъ я не колеблясь отвѣчаю: да, страшные усилія и пожертвованія, которыхъ потребовало такое быстрое заселеніе Новороссійскаго края имѣли великую цѣль, и энергія, обнаруженная при этомъ Потемкинымъ служила не тщеславію, а великой идеѣ. Эта идея, мм. гг., есть такъ называемый Греческій проэктъ, идея, которая можетъ быть выражена въ четырехъ короткихъ словахъ: изгнаніе Турокъ изъ Европы, но которая поражаетъ своею необъятностію, какъ только начнешь вникать въ ея подробности и думать о мѣрахъ къ ея осуществленію. Я не скажу, чтобы Греческій проэктъ былъ изобрѣтенъ Потемкинымъ; желаніе возвратить Балканскій полуостровъ первоначальнымъ православнымъ его обитателямъ должно было представляться набожнымъ царямъ и святителямъ нашимъ. Первый выразилъ эту мысль практически Петръ Великій, въ возваніи къ Черногорцамъ (безъ сомнѣнія и къ другимъ христіанскимъ племенамъ), предпринимая въ 1711 г. войну противъ Турціи, а потомъ, при началѣ войны 1769 г. точно также выразила ее Екатерина. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ мысль о возвращеніи Балканскаго полуострова христіанству являлось какъ одно изъ средствъ, вызванныхъ военными соображеніями. Потемкинъ первый вникнулъ во всѣ условія этого гигантскаго предположенія и взялъ на себя осуществить его съ фундамента и до вершины. Этимъ фундаментомъ и было, по моему убѣжденію, устройство Новороссійскаго края. Мнѣ не случалось видѣть самаго проэкта то-есть изложенія мыслей Потемкина во всей ихъ общности и я не знаю существуетъ ли подобный актъ; но я замѣчаю цѣлый рядъ мѣръ предпринятый по внушенію Потемкина, совершенный подъ его руководствомъ и имѣющихъ очевидную между собою связь. Эта связь, я увѣренъ не случайная и съ этой точки зрѣнія намъ объяснится многое, что иначе не было бы намъ ясно. Принятіе подданства Грузіи, напримеръ, безъ связи съ Греческимъ проэктомъ легко можетъ представиться дѣломъ тщеславія, прихотью весьма обременительной, потому что въ то время Закавказье отдѣлялось еще отъ Россіи независимыми горскими владѣніями. Но дѣло это получитъ совершенно иное значеніе, когда мы представимъ себѣ, что чрезъ Кавказскій хребетъ протягивалась рука къ неприкосновеннымъ дотого времени основамъ турецкаго могущества, въ то самое время, когда другая рука готовилась тяжело опуститься на Дунаѣ. Занятіе Крыма и сооруженіе флота на черномъ морѣ то же суть звенья той цѣпи идей, которая называется Греческихъ проэктовъ: а если таковы были дѣйствительно виды тогдашній русской политики, то Новороссійскій край долженъ былъ составлять какъ бы грудь того исполина, который охватывалъ Черное море съ двухъ сторонъ, и крымское ханство весьма естественно должно было представляться «бородавкою на носу,» (по выраженію Потемкина), которую снять было неизбѣжною необходимостью. Историки еще не имѣли возможности изслѣдовать всей глубины соображеній Потемкина, но многое даетъ уже намъ разумѣть, что ослабленіе власти султана въ Дунайскихъ княжествахъ, подчиненіе Грузіи, присоединеніе Крыма, Черноморскій флотъ и такъ энергически вызванный къ жизни Новороссійскій край суть части одного плана, звенья одной цѣпи соображеній.

Digitized by Google

Возбужденныя всѣми вышеприведенными средствами силы обширнаго и богатаго отъ природы края не замедлили развернуться и обнаружить благотворное вліяніе на событія. Новороссійскія пустыни, бывшія, во время Миниховыхъ походовъ, величайшимъ изъ затрудненій, какія только представлялись нашимъ войскамъ, принудившія Румянцева, въ войну 1770—74 года, основать свою операціонную базу въ польскихъ владѣніяхъ, тринадцать лѣтъ спустя уже не была затрудненіемъ; напротивъ: Екатеринославская армія, во время второй Турецкой войны, извлекала изъ Новороссійскаго края существенную помощь, и мѣстное дворянство могло съ справедливою гордостію записать въ протоколѣ одного изъ своихъ собраній слѣдующія любопытныя для насъ слова:*) Край продовольствовалъ армію не смотря на неурожай и затруднительныя сообщенія по случаю прорывавшейся чумной заразы. Во время осады Очакова, продолжавшейся довольно долго, пушки, ядра и снаряды привозились обывателями изъ Кременчугскихъ заводовъ (устроенныхъ при Потемкинѣ). Въ то же время съ неимовѣрнымъ рвеніемъ по деревнямъ перепекались сухари и доставлялись въ армію безденежно. Послѣ взятія крѣпости, собрано было до 10,000 лошадей съ повозками и всѣ почти войска перевезены во внутренность губерніи для зимовки. Кромѣ того Новороссійское дворянство доставило 4000 воловъ, 1000 фуръ и 3000 лошадей для артиллеріи и транспортовъ». Извѣстно, что тяжкія усилія Новороссійскаго края во время второй Турецкой войны не были увѣнчаны желаемымъ успѣхомъ: Потемкинъ не имѣлъ большихъ военныхъ дарованій. Но это не даетъ намъ права исключать его изъ числа великихъ государственныхъ людей. Всякій можетъ посудить самъ, какъ широко захватывала мысль его при обсужденіи самыхъ, повидимому, чуждыхъ политикѣ предположеній: замышляя основать въ Екатеринославѣ университетъ съ академіей художествъ, съ училищемъ хирургическимъ и народной школой, онъ писалъ государынѣ: «По сосѣдству Польши, Греціи, земель Волошской, Молдавской, и народовъ Иллирическихъ, множество притечетъ юношества обучаться, которые возвратятся съ неизгладимою благодарностью къ вашимъ благодѣяніямъ и привязанностью къ Россіи *)». Не безъ связи, конечно, съ задачею, которой онъ посвятилъ свою жизнь, Потемкинъ давалъ греческія имена городамъ, которые основалъ въ Новороссіи, какъ напримѣръ Херсонъ, Ольвіополь, Маріуполь, Мелитополь и пр.; не безъ цѣли немедленно по присоединеніи Крыма, замѣнены были турецкіе имена Гезлефъ (Козловъ), Кафа, Акмечеть, Актіяръ и пр., древними и греческими: Эвпаторія, Ѳеодосія, Симферополь, Севастополь.... Севастополь, гдѣ рядомъ съ развалинами древняго Херсонеса, съ памятью о св. крещеніи Владиміра, возникалъ флотъ, который, въ предположеніяхъ Потемкина, долженъ былъ когда нибудь принести вѣсть освобожденія ко граду св. Константина **).

*) Исторія Новор. Края 210.

*) Р. Архивъ 1865 г., стр. 66.

**) Приложенія къ этой лекціи помѣщены въ концѣ выпуска.

П. Щебальскій.

Digitized by Google

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ГРЕКОВЪ И СКИѲОВЪ БОССФОРА КИММЕРІЙСКАГО.

Мм. Гг.

Посѣтители будущей этнографической выставки найдутъ на этой выставкѣ особое отдѣленіе, состоящее изъ различнаго рода древностей, открытыхъ въ могильныхъ курганахъ Московской губерніи. Эти древности суть вещи домашняго обихода и разныя принадлежности костюма и туалетныхъ украшеній, преимущественно женскихъ. Трудно съ точностью опредѣлить, какой эпохѣ и какому имени принадлежатъ эти предметы, и авторъ этихъ раскопокъ, съ скромностью ученаго, сознающаго эту трудность, характеризировалъ народъ, обитавшій нѣкогда на занимаемой нами почвѣ, именемъ курганнаго племени Московской губерніи. Подобными древностями богата обширная поверхность Русскаго царства: множество кургановъ покрываютъ почву Сибири, сѣверъ и югъ Европейской Россіи. Но въ особенности богаты ими сѣверные берега Чернаго моря, Крымъ и Таманскій полуостровъ. Но та неизвѣстность, которая затрудняетъ изслѣдователя сѣверо-русскихъ древностей, здѣсь исчезаетъ: мы знаемъ, что въ названныхъ мною сейчасъ мѣстностяхъ, за много столѣтій до Рождества Христова, коренными обитателями были Скиѳы.

Къ этимъ Скиѳамъ, въ теченіи двухъ столѣтій, въ 6-мъ и 7-мъ вѣкѣ до Р. Х., стали приходить греческіе поселенцы, тѣснимые на родинѣ врагами и политическими партіями, и основывать тамъ колоніи, которыя, благодаря трудолюбію, торговымъ сношеніямъ, смышлености и уму пришельцевъ, превратились въ богатые, цвѣтущіе города, каковы были Ольвія, Херсонесъ, Пантикапея и Фанагорія. Но новые переселенцы перенесли на дикіе берега непріютнаго моря, вмѣстѣ съ своею вѣрою, и свой языкъ и свою цивилизацію: цвѣтущій югъ нынѣшней Россіи, принявшій имя Боссфора Киммерійскаго, измѣнилъ совершенно свою физіономію. Грубые нравы первобытныхъ жителей смягчила эллинская цивилизація. Повсюду, въ городахъ и поселеніяхъ, въ рощахъ и на утесистыхъ мысахъ, возвышались храмы, сооруженные болѣе гуманнымъ богомъ, нетребовавшимъ кровавыхъ человѣческихъ жертвъ, столь обычныхъ у Скиѳовъ. На огромномъ пространствѣ господствующимъ сдѣлался языкъ

Digitized by Google

греческій, благозвучный, богатый и литературно-высоко образованный. Отъ устьевъ Дуная, по всѣмъ берегамъ чернаго моря, слышалась одна рѣчь и господствовала здѣсь въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій до временъ византійскихъ, что доказывается множествомъ надписей, тутъ найденныхъ. Всѣ города были заложены по образцу греческихъ, съ правильными улицами, съ акрополемъ, агорою, гимназіями и театрами. Живая и дѣятельная торговля обогащала ихъ. Но что въ особенности отличало греческія колоніи во всѣхъ странахъ міра, было то обстоятельство, что они переносили съ собою на новую родину и свое искусство, этотъ мощный рычагъ цивилизаціи человѣческаго рода. Греческіе художники слѣдовали за переселенцами и ихъ-то произведенія положили окончательно печать эллинизма на ново-завоеванную во имя цивилизаціи страну. Они-то украшали храмы идолами боговъ, площади статуями доблестныхъ гражданъ и частную жизнь безчисленными произведеніями своего искусства. Но отъ этого блеска прошлыхъ дней только одни курганы и могилы Босфора Киммерійскаго сохранили намъ слабое отраженіе. Въ то время какъ города Понта Эвксинскаго исчезли почти безъ слѣда, скупая земля выдала намъ часть сокровищъ, которыя она хранитъ въ могилахъ Грековъ и Скиѳовъ Босфора Киммерійскаго. Эти сокровища такъ велики и замѣчательны по своему художественному совершенству (часть ихъ принадлежитъ великимъ временамъ процвѣтанія греческаго искусства отъ Перикла до Александра Македонскаго), что они составляютъ цѣлый, особый музей, единственный въ мірѣ, извѣстный подъ именемъ: Керченскаго отдѣленія Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербургѣ, потому что большая часть вошедшихъ въ него предметовъ была найдена въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ. Эти сокровища, тѣсно связанные съ погребальными обычаями народовъ Босфора Киммерійскаго, разказываютъ намъ, нагляднѣе и подробнѣе всѣхъ историковъ, всю жизнь этихъ народовъ: ихъ нравы и обычаи, ихъ вѣру и обряды, костюмъ и домашнюю жизнь. Но цивилизація такъ тѣсно слила туземцевъ и пришельцовъ, Грековъ и Скиѳовъ, что изслѣдователь не въ состояніи отличить, по однимъ внѣшнимъ признакамъ, могилы Грековъ отъ могилъ скиѳскихъ. При отсутствіи памятниковъ письменности у Скиѳовъ, это даже совершенно не возможно и только изобиліе и богатство украшеній въ извѣстныхъ гробницахъ ихъ, такъ сказать, азіатская роскошь, заставляетъ предполагать, что онѣ принадлежатъ элиннизированнымъ Скиѳамъ высшихъ сословій. Съ содержаніемъ этихъ-то гробницъ Босфора Киммерійскаго, съ изящными памятниками греческаго искусства, находимыми на почвѣ нашего отечества и обогатившими не одинъ европейскій музей, я, въ бѣгломъ очеркѣ, познакомлю васъ сегодня.

Погребальные обряды греческаго народа отличались простотою и сдержаннымъ выраженіемъ горести, которая особенно характеризуетъ этотъ народъ, столь одаренный тонкимъ чувствомъ мѣры, во всѣхъ проявленіяхъ жизни. У другихъ народовъ древности мы встрѣчаемъ или большую помпу, торжественность погребальныхъ обрядовъ, какъ напримѣръ у Римлянъ или желаніе самымъ яркимъ образомъ выразить печаль, какъ напримѣръ на всемъ востокѣ и въ древнемъ Египтѣ, желаніе, которое тогда доходило до кровавыхъ жертвъ человѣческихъ, напримѣръ въ Этруріи. Отдать послѣдній долгъ усопшему — считалось священною обязанностью не только относительно родственниковъ, но даже и чужестранцевъ.

Digitized by Google

Эту глубоко-прочувствованную черту въ греческой народной жизни религія возвела въ законъ. Отсюда-то возникъ благочестивый обычай — украсить всѣмъ лучшимъ и дорогимъ усопшаго на его послѣднемъ пути, дать земнымъ его останкамъ почетное погребеніе, считать могилу святынею и предохранить ее отъ всякаго нарушенія и оскорбленія.

Когда кто-либо умиралъ въ Греціи (всѣ эти обычаи были перенесены поселенцами и на Босфоръ Киммерійскій), то ближайшій родственникъ или другъ тѣмъ выражалъ свою любовь къ покойнику. что закрывали его глаза и уста. Потомъ трупъ обливали, а иногда умащали благовонными маслами, элеемъ и миррою, облекали въ чистыя, тонкія и обыкновенно бѣлыя одежды, закрывали лице покойника покровомъ и голову увѣнчивали вѣнкомъ,—это былъ общій обычай. Вѣнки приносили или присылали родственники и друзья: они дѣлались изъ цвѣтовъ, которые производило время года. Такимъ образомъ на ложѣ, украшенномъ зеленью и цвѣтами, усопшаго выставляли въ передней комнатѣ, такъ что ноги покойнаго были обращены къ входнымъ дверямъ. Возлѣ трупа ставили вазы съ благовонными маслами. Родственники, друзья и знакомые окружали ложе и раздавался плачъ женщинъ, обитательницъ дома покойника. Таковы были обычаи общіе для всѣхъ классовъ, предшествовавшіе погребенію. Но гораздо большую роскошь въ изукрашеніи бренныхъ останковъ усопшаго встрѣчаемъ мы въ курганахъ и могилахъ Босфора Киммерійскаго. Вмѣсто густаго вѣнка изъ цвѣтовъ, голову богатыхъ и знатныхъ лицъ увѣшивали золотыми вѣнками, дѣланными изъ тонкаго листоваго золота. Въ императорскомъ эрмитажѣ хранятся найденные въ керченскихъ гробницахъ отлично сохранившіеся 21 вѣнокъ, не говоря о большомъ числѣ неполныхъ погребальныхъ вѣнковъ. Подобные вѣнки столь часто встрѣчаются въ гробницахъ этой страны, что, повидимому, составляли обыкновенную принадлежность тамошнихъ похоронныхъ обрядовъ. Но кромѣ этихъ вѣнковъ встрѣчаются и другіе, которыхъ прочность, изящная отдѣлка доказываютъ, что они служили знакомъ отличія, и награды, который носили при жизни, что намъ извѣстно изъ разказовъ древнихъ. Ихъ клали вмѣстѣ съ другими предметами въ гробницу. Извѣстные золотые вѣнки были найдены также въ гробницахъ греческихъ поселенцевъ въ великой Греціи (Южная Италія). Вмѣсто вѣнковъ на голову, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, надѣвали также широкія золотыя повязки, которыхъ средина иногда украшена вправленными рѣзными камнями.

Но этимъ не ограничивался погребальный туалетъ знатныхъ лицъ. Особою роскошью отличаются женскія могилы и ихъ то богатая обстановка постоянно составляетъ самую богатую жатву музеямъ.

Кромѣ вѣнка и повязки, голова еще нарывалась особыми украшеніями. Такъ на головѣ однаго женскаго остова въ Керчѣ была старинная прекрасно сдѣланная изъ золота связка колосьевъ. Не была ли усопшая жрица великой богини земледѣлія Деметры или Цереры? уши украшались серьгами, необыкновенно разнообразныхъ фигуръ и достоинства. Золотыхъ серегъ, найденныхъ въ могилахъ Босфора Киммерійскаго, въ эрмитажѣ множество. Изящество работы, разнообразіе украшеній, а въ нѣкоторыхъ значеніе сюжета, придаютъ этимъ небольшимъ вещицамъ женскаго туалета важное значеніе и должную цѣнность. Особою изящностью отличаются привѣски къ серьгамъ: игривая фантазія греческихъ художниковъ расточала на этихъ бездѣлушкахъ щедрою рукою свои сокровища. Боль-

Digitized by Google

шею частію привѣски изображаютъ амуровъ и ихъ шалости: то амуровъ издѣвающихся, то вздыхающихъ, то восхищенныхъ, то комедіантовъ. Или привѣскою служитъ крылатый пегазъ, грозда винограда или извѣстная женская головка. Всѣ недавно читали въ газетахъ, что въ одной изъ гробницъ въ окрестностяхъ Керчи найдены были серьги, гдѣ привѣскою служитъ изображеніе Діаны Таврической, сидящей на оленѣ: судя по фотографіи, мною видѣнной, это одно изъ изящнѣйшихъ произведеній греческаго ваянія въ драгоцѣнныхъ металлахъ, и притомъ отдаленной эпохи.

Извѣстно, что въ греческой древности, какъ женщины, такъ и дѣти, носили на шеѣ ожерелья, иногда съ фермуарами. Въ императорскомъ эрмитажѣ золотыхъ ожерелій, съ прекраснѣйшими привѣсками, открытыхъ въ Босфорѣ Киммерійскомъ, считается болѣе 40. Въ дѣлѣ этой части женскаго туалета древніе любили большую роскошь. Если серьги уже отличались тонкою и изящною отдѣлкою, то ожерелья, по возможности, превосходятъ ихъ въ этихъ качествахъ. Привѣски къ ожерельной нити или цѣпочки отличаются, не только изящностью стиля, но изумительною тонкостью работы. Древніе писатели разказываютъ, что ихъ золотыхъ дѣлъ мастера дѣлали колесницы, запряженныя четырьмя лошадьми такой величины, что муха могла покрыть ихъ своими крыльями. Подобныя же чудеса миніатюрной работы мы встрѣчаемъ и на привѣскахъ босфорскихъ ожерелій, которыя хранятся въ эрмитажѣ: ихъ можно разсматривать только въ увеличительное стекло. Даже женщины бѣднѣйшихъ классовъ носили на шеѣ монисты, которыхъ до насъ дошло большое и разнообразное множество. Они состоятъ изъ стеклянныхъ и сердоликовыхъ шариковъ, масокъ и т. д. Только одною принадлежностью женскаго туалета отличались, повидимому, скиѳскія женщины высшихъ классовъ отъ гречанокъ: скиѳскія женщины носили на шеѣ толстыя золотыя кольца. Великолѣпный образчикъ этаго рода шейныхъ колецъ, прекрасной греческой работы, принадлежавшій неизвѣстной намъ скиѳской царицѣ, сохраняется въ эрмитажѣ. Эта царица сверхъ того на груди носила золотые медальоны, большіе и малые. На одномъ изъ этихъ медальоновъ изображена голова Минервы Фидія.

Но этимъ еще далеко не исчерпывается богатство босфорскихъ могилъ. Древніе весьма дорожили своими перстеньками, которые у нихъ служили не только украшеніемъ, но имѣли и практическое назначеніе: ихъ употребляли вмѣсто печатей. Вставленные въ золотую оправу драгоцѣнные камни рѣзались величайшими художниками и въ древности имена подобныхъ рѣщиковъ, Пирителеса и Діоскорида, славились столько же, сколько имена Лизиппа и Апеллеса. Богачи имѣли цѣлыя собранія перстней и иные даже мѣняли перстни ежедневно; императорскій эрмитажъ очень богатъ превосходнѣйшими перстнями, открытыми въ могилахъ Босфора Киммерійскаго: въ немъ считается золотыхъ перстней съ камнями и безъ нихъ болѣе 150. Ихъ иногда носили два, три на пальцахъ. Но въ особенности цѣнятся знатоками тѣ рѣзные камни, на которыхъ вырѣзано имя греческаго художника, ихъ рѣзавшаго. Императорскій эрмитажъ богатъ и такими сокровищами греческаго рѣзца.

По видимому, особую принадлежность костюма знатныхъ Скиѳовъ составляли небольшія золотыя и весьма тонкія бляхи: ихъ носили на одеждѣ, которая вся казалась усѣянною ими. Небольшое отверстіе, находящееся на этихъ бляхахъ, доказываетъ, что ихъ нашивали на одежду и судя

Digitized by Google

по найденному количеству ихъ, можно предполагать, что нѣсколько сотъ бляхъ покрывали одно платье. Бляхи обыкновенно украшены набивными если выпукло работанными украшеніями, представляющими крылатыхъ львовъ, женскія фигуры, скиѳовъ, орловъ, чудовищъ, разныхъ боговъ, голову медузы (всѣхъ стилей) и т. д. Скиѳы повидимому заимствовали этотъ родъ украшеній у древнѣйшихъ народовъ Азіи. На памятникахъ мы встрѣчаемъ въ такихъ одеждахъ изображенными Вавилонянъ, Персовъ и Фригійцевъ. Отъ послѣднихъ эта мода, кажется перешла и къ Скиѳамъ; едва ли греческіе поселенцы Босфора усвоили ее себѣ. Бляхъ найдено вообще несмѣтное число и одна царская гробница доставила ихъ императорскому эрмитажу болѣе 600. Само собою разумѣется, что подобнаго рода украшенія должны были придавать одеждѣ особенный блескъ и роскошный видъ и вполнѣ соотвѣтствовать полуварварскому вкусу туземныхъ жителей Босфора Киммерійскаго.

Но самый странный обычай, встрѣчаемый нами въ эллинизованныхъ странахъ скиѳскихъ и древняго востока,—обычай покрывать лице знатныхъ усопшихъ, кромѣ покрывала, золотою маскою, вполнѣ передающею черты лица. Въ императорскомъ эрмитажѣ сохраняется маска, найденная въ 1837 г. на женскомъ остовѣ, съ погребеннымъ вѣнкомъ на головѣ, въ одномъ прекрасномъ саркофагѣ. «Вмѣстѣ съ восхищеніемъ мною овладѣло изумленіе, говоритъ счастливый открыватель, когда я увидѣлъ въ саркофагѣ остовъ съ золотымъ лицемъ, съ діадемою на головѣ и въ полномъ нарядѣ. Одежда была покрыта золотыми украшеніями; ткань, которою была покрыта голова, ниспадала до пояса и сохраняла свой цвѣтъ. Эта ткань была шерстяная, но едва къ ней прикоснулся воздухъ, то все разлетѣлось въ пыль и остались только золотыя блестки.» Маска изображаетъ черты лица женщины, переступившей тридцатилѣтній возрастъ. Судя по работѣ, это высокохудожественное произведеніе, на которое нельзя смотрѣть безъ восхищенія и изумленія. Художникъ умѣлъ передать все величавое спокойствіе смерти, сохранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальныя черты лица и красоту греческаго типа. Подобная же, но менѣе высокой работы, золотая маска была открыта въ Ольвіи. По словамъ Леярда, даже на эллинизованномъ востокѣ существовалъ этотъ трудно объяснимый обычай: подобныя золотыя маски были найдены въ греческихъ могилахъ въ древней Ниневіи и въ Вавилонѣ. Въ южной Италіи, въ городѣ Нола, на одномъ остовѣ была найдена бронзовая маска.

Усопшему тотчасъ послѣ смерти клали въ ротъ мѣдную монету—оболъ, для уплаты Харону за перевозъ на лодкѣ черезъ подземную рѣку Стиксъ. Находка подобныхъ монетъ иногда можетъ быть очень важна, потому что по нимъ можно опредѣлить время гробницы.

Сколь долго выставленный такимъ образомъ покойникъ оставался въ домѣ—рѣшить трудно, но въ разныхъ мѣстахъ обычаи, вѣроятно, были разные. Вообще въ южныхъ странахъ погребеніе слѣдуетъ за кончиною гораздо скорѣе, чѣмъ нынѣ въ обычаѣ въ странахъ сѣвера. Жаркій климатъ юга и условія общественной гигіены требуютъ того. Выносъ или погребеніе обыкновенно происходило въ Аѳинахъ на утро слѣдующаго дня по выставкѣ покойнаго и, по возможности, рано. Ложе, на которое положенъ былъ усопшій, служило въ Греціи вмѣсто носилокъ, на которыхъ усопшаго несли къ послѣднему жилищу. Во время шествія раздавались печальныя пѣсни, исполняемыя мужскимъ хоромъ, съ

Digitized by Google

сопровожденіемъ флейтъ. Передъ усопшимъ шли провожатые, сперва мужчины, изъ женщинъ же, по закону Солона, только ближайшія родственницы, а изъ другихъ женщинъ только тѣ, которыя были старше 60 лѣтъ. Всѣ были въ траурныхъ одеждахъ, для которыхъ уже въ древности былъ въ употребленіи черный или сѣрый цвѣтъ. Но главнымъ знакомъ печали служили коротко остриженные волосы. Надъ могилою именитыхъ и заслуженныхъ гражданъ произносили рѣчь. Когда усопшій былъ опущенъ въ землю, то всѣ участники въ печальной процессіи возвращались въ домъ покойника и тамъ, какъ гости усопшаго, сбирались вокругъ пиршественнаго стола, на третій, и въ особенности, на девятый и тридцатый день ближайшіе родственники приносили жертвы надъ могилою, что собственно и составляетъ заключеніе погребальныхъ обрядовъ. Эти жертвы иногда повторялись ежегодно въ день смерти усопшаго. При этихъ посѣщеніяхъ могилу украшали цвѣтами и лентами. Вообще же время траура нигдѣ въ Греціи не простиралось далѣе четырехъ или пяти мѣсяцевъ.

Въ заключеніе укажу вамъ на различныя формы преданія тѣла усопшихъ землѣ. Въ Греціи, во всѣ времена, тѣла усопшихъ или просто предавались землѣ или сожигались на кострѣ и часто обѣ формы встрѣчаются въ одномъ и томъ же семейномъ курганѣ на нашемъ Босфорѣ Киммерійскомъ. Костеръ, сооруженный въ формѣ алтаря, зажигали ближайшіе родственники, обративъ голову въ сторону. Когда огонь костра потухалъ, то его заливали виномъ, и, собравъ прахъ, клали въ бронзовую урну или расписанную глиняную вазу. Вокругъ костра приносились въ жертву овцы и бараны.

Но общеупотребительною формою погребенія было простое преданіе тѣла усопшихъ землѣ. Бѣдныхъ людей хоронили очень просто: рабовъ опускали въ сырую землю, другихъ хоронили въ деревянныхъ гробахъ, болѣе достаточныхъ въ гробахъ изъ кипарисоваго и другихъ породъ дерева. Деревянныя гроба людей богатыхъ ставили въ мраморные саркофаги. Въ императорскомъ эрмитажѣ сохраняются фрагменты кипарисоваго гроба, покрытаго превосходнѣйшею греческою живописью 4-го вѣка до Р. Х. Это древнѣйшія картины въ мірѣ, писанныя на доскахъ. Деревянные гроба и саркофаги обыкновенно ставились въ склепы, сложенные большею частью изъ большихъ каменныхъ плитъ. Надъ подобными склепами насыпался, большею частію, курганъ изъ земли, который своею величиною и искусною внутреннею постройкою всегда указываетъ на степень значенія усопшаго въ жизни. Надъ могилами менѣе знатныхъ лицъ сооружались надгробные камни, украшенные надписями и рельефными изображеніями.

Въ гробу усопшаго окружали множествомъ предметовъ, сосудовъ, вазъ, глиняныхъ статуетокъ, боговъ и т. д. Не говоря о религіозномъ значеніи иныхъ изъ нихъ, назначеніе большей части было напоминать усопшему его прошлую, земную жизнь. Такъ дѣтямъ клали въ гробъ любимыя ихъ игрушки, женщинамъ — туалетныя вещи, воинамъ — ихъ орудія и т. д. Но особою роскошью обстановки отличаются погребальные склепы громадныхъ кургановъ, окружающихъ городъ Керчь или Пантикапею, столицу Босфора Киммерійскаго. Самыя стѣны и потолокъ украшались живописью и ваяніемъ. Множество предметовъ домашней жизни окружали ложе, на которомъ покоился усопшій. На стѣнахъ висѣли одежды, покрытыя золотыми бляхами. Ложе обставлялось сосудами, глиняными,

Digitized by Google

съ превосходнѣйшею живописью, бронзовыми и серебряными. Множество вещей, какъ-то: серебряныхъ ложекъ или изъ слоновой кости, веретена изъ дерева или изъ слоновой кости, серебряные подносы, сита, стригала, зеркала, чаши, бассейны, фляжки, кувшинчики, пузырьки, изъ стекла, статуэтки боговъ, богинь, людей и даже цѣлыя группы — все говорило усопшему о радостяхъ жизни на землѣ, все напоминало ему дорогую семью, свѣтъ и солнце....

Еще до нынѣшняго времени громадные, но лишенные драгоцѣннаго своего содержанія, курганы окружаютъ древнюю Пантикапею. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ суть: царскій и золотой курганы. Но самое изумительное по своему богатству и художественному достоинству открытіе было сдѣлано близъ Керчи 22 сентября 1831 въ курганѣ, извѣстномъ подъ именемъ: Кулъ-Оба, что значитъ на татарскомъ языкѣ: холмъ пепла. Татары нѣкогда были господствующимъ народонаселеніемъ Крыма и всѣмъ мѣстамъ дали свои названія. Вотъ по какому поводу было сдѣлано это открытіе. По распоряженію высшаго начальства назначено было доставить въ Керчь отъ 300—400 саженей камня для сооруженія казармъ отставныхъ матросовъ. Камни готовые, отесанные, по обыкновенію тогда добывались изъ кургановъ: что этотъ способъ добыванія служитъ къ разрушенію историческихъ памятниковъ, тогда и не думали. 19 сентября въ курганѣ Кулъ-Обѣ, отыскивая подобную каменоломню, открыли могильный склепъ, котораго входъ былъ тщательно заложенъ. Сдѣлавъ, 22 числа, сверху дверей, отверстіе, открыватель вошелъ въ склепъ. Вотъ что представилось его глазамъ:

Подъ балдахиномъ, на возвышенномъ ложѣ, въ деревянныхъ саркофагахъ, лежали царь и царица. Митра царя была украшена двумя золотыми повязками. На шеѣ находилось шейное кольцо изъ массивнаго золота. Много золотыхъ колецъ покрывали его руки. Возлѣ него лежало царское оружіе: мечъ съ золотою рукоятью, золотой скипетръ, безцѣнный щитъ изъ массивнаго золота и золотой налучь. Голова царицы была украшена точно такою же митрою, съ превосходными повязками. Шея ея была украшена золотыми кольцами и пятью золотыми медальонами. На обоихъ была одежда, усѣянная золотыми бляхами. Царь и царица были окружные множествомъ драгоцѣнныхъ сосудовъ изъ золота и серебра: въ числѣ ихъ находился одинъ сосудъ, драгоцѣнный по изображеніямъ Скиѳовъ; музыкальный инструментъ, превосходнѣйшей работы съ гравированными на немъ фигурами и электровыя статуэтки, и т. д. Въ то время, пока открыватель съ археологическою точностью описывалъ положеніе каждаго предмета, въ Керчи разнеслась вѣсть о неизмѣримомъ кладѣ, открытомъ въ Кулъ-Оба. Уставъ отъ дневныхъ трудовъ, простодушный открыватель (я не хочу называть его имени), покинулъ склепъ, оставивъ его подъ присмотромъ полицейскаго чиновника съ двумя служителями. Ночью толпа грабителей, оттолкнувъ часовыхъ, проникла въ склепъ. Тутъ началась страшная сцена грабежа: похитители безжалостно ломали тѣ предметы, на которые бросалось нѣсколько человѣкъ и дѣлили ихъ между собою. Среди грабежа, они услышали, что каменный полъ, находившійся подъ ихъ ногами, издаетъ глухой звукъ. Каменныя плиты были тотчасъ подняты и открытъ нижній погребальный склепъ, въ которомъ былъ схороненъ предокъ или отецъ скиѳскаго царя. Говорятъ, что эта находка была еще богаче. Когда открыватель на

Digitized by Google

другое утро явился на мѣсто своей находки, онъ нашелъ весь склепъ опустошеннымъ: все было расхищено и только на полу валялись забытые и растерянные бляхи отъ одеждъ. Позднѣе, на вѣсъ золота, подъ обѣщаніемъ безнаказанности, удалось скупить часть похищенныхъ предметовъ, составляющихъ нынѣ главное сокровище императорскаго эрмитажа. Все прочее было переплавлено. Такъ погибли замѣчательнѣйшія произведенія искусства и исторіи, когда-либо открытыя въ нѣдрахъ земли, погибли безъ слѣдовъ для свѣта, погибли для науки.

К. Гёрцъ.

Digitized by Google

О ЗАКОНАХЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ГАРМОНІИ

И НАЦІОНАЛЬНЫХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТАХЪ

ДОСТАВЛЕННЫХЪ НА ЭТНОГРАФИЧЕСКУЮ ВЫСТАВКУ.

На Олимпѣ, по вѣрованію древнихъ Грековъ, обитали девять музъ, изъ коихъ каждая была покровительницею какой либо науки или искусства, — этихъ могущественнѣйшихъ орудій цивилизаціи. Не смотря на то, что музыка имѣла между ними особую представительницу въ лицѣ Евтерпы, музыка, кажется, пользовалась и общимъ ихъ расположеніемъ, чему слѣдуетъ приписать и происхожденіе ея названія «музыка» отъ общаго ихъ имени «музы». Евтерпа считалась увеселительницею Зевеса, вѣроятно потому, что музыка служила для увеселенія Грековъ: но при настоящемъ ея состояніи она доставляетъ человѣку не одно увеселеніе. Она служитъ ему источникомъ чистѣйшихъ наслажденій, которыя иногда овладѣваютъ всѣмъ его существомъ. Предаваясь ея очарованію почти безсознательно, онъ при этомъ почти не имѣетъ никакой возможности отдать себѣ отчетъ въ томъ, какая невидимая сила увлекаетъ его изъ міра прозаической дѣйствительности въ совершенно особый идеальный міръ звуковъ, заставляя его на время совершенно забывать о первомъ. Изъ всѣхъ искусствъ, которыя всѣ имѣютъ цѣлію переносить наше воображеніе изъ міра дѣйствительнаго въ міръ идеальный, музыка всего менѣе подчиняется нашему контролю и анализу по неуловимости своихъ образовъ. Кому изъ насъ не приходилось бывать подъ обаятельнымъ вліяніемъ хорошо исполненной оперы Донизетти или оратоpія Гайдена? Но многіе ли изъ насъ могли себѣ отдать полный отчетъ въ томъ что именно въ этихъ операхъ и ораторіяхъ производитъ обаяніе? и какимъ образомъ? Анализуя свои ощущенія съ этой точки зрѣнія мы легко приходимъ только къ тому заключенію, что обаяніе въ этомъ случаѣ зависитъ, какъ отъ каждаго отдѣльнаго звука или аккорда звуковъ, такъ — и еще гораздо болѣе — отъ извѣстнаго ихъ сочетанія и послѣдовательности. Хорошее исполненіе той или другой музыкальной пьесы есть дѣло искусства; извѣстная послѣдовательность звуковъ, изъ которыхъ составляются мотивы, и самая композиція мотивовъ есть дѣло творчества, руководимое общими правилами науки всего изящнаго — эстетики; наконецъ сочетаніе звуковъ,

Digitized by Google

слышимыхъ одновременно и образующихъ своею совокупностію аккорды, составляетъ предметъ гармоніи — науки чисто физической.

Законы гармоніи, какъ и всякой науки физической, такъ точны и опредѣленны, что могутъ быть выражаемы математическими формулами и на ихъ основаніи могутъ быть производимы вычисленія. Въ этомъ смыслѣ ученіе о музыкальной гармоніи—есть наука точная. Гельмгольцъ, который такъ много участвовалъ въ обработкѣ физической теоріи музыки, что связалъ неразрывно свое имя съ физикою и съ музыкою, такъ выражается объ отношеніи математики къ музыкѣ: «Меня всегда привлекалъ какъ удивительная и особенно интересная тайна тотъ фактъ, что именно въ ученіи о звукахъ — этомъ физическомъ и техническомъ фундаментѣ музыки—оказала такое плодотворное дѣйствіе наука самаго чистаго и послѣдовательнаго мышленія—математика. Генералъ-басъ есть своего рода прикладная математика. Математика и музыка, самыя рѣзкія крайности духовной дѣятельности человѣка, все-таки соединены между собою, помогаютъ другъ другу, какъ будто для доказательства тайной связи между всѣми отраслями дѣятельности нашего духа,—связи, которая заставляетъ насъ предугадывать и въ твореніяхъ художественнаго генія безсознательныя проявленія тайно дѣйствующаго разума.» И я, имѣющій намѣреніе изложить здѣсь физическія основанія музыкальной гармоніи, считаю своимъ долгомъ предупредить моихъ слушателей, что я иногда попрошу ихъ остановить свое вниманіе на самой сухой матеріи—на числахъ. Вообще я долженъ предупредить ихъ, что въ моей бесѣдѣ о музыкальной гармоніи они не услышатъ никакихъ музыкальныхъ тоновъ, которые бы увлекли ихъ въ міръ идеальный, или разнѣжили бы ихъ воображеніе: напротивъ я имѣю нѣкоторое намѣреніе на то, чтобы пригласить ихъ умъ нѣсколько поработать, надѣясь впрочемъ этою умственною работою не утомить ихъ вниманія.

Прежде всего остановимъ наше вниманіе на томъ, что такое музыкальный тонъ?

Всякій звукъ, какого бы рода онъ ни былъ, всегда происходитъ отъ быстрыхъ колебаній какихъ либо тѣлъ. Я ударяю этимъ молоткомъ о столъ и вы слышите короткій отрывистый звукъ, который обыкновенно называютъ стукомъ; онъ состоитъ изъ одновременнаго сотрясенія молотка и стола, сотрясенія,—можно сказать—одиночнаго, продолжавшагося почти одно мгновеніе. Теперь я провожу по доскѣ пилою и вы слышите рядъ послѣдовательныхъ стуковъ, происходящихъ отъ ударенія каждаго зубца пилы объ доску,—стуковъ, которые при медленномъ движеніи пилы могутъ быть слышимы отдѣльно отъ движенія пилы, могутъ быть слышимы отдѣльно другъ отъ друга, но при быстромъ ея движеніи сливаются вмѣстѣ, производя на насъ особее впечатлѣніе, которое мы называемъ шумомъ. Итакъ шумъ есть уже звукъ сложный, слагающійся изъ множества отдѣльныхъ стуковъ. Такъ когда листья и вѣтви дерева отъ дѣйствія вѣтра ударяютъ другъ о друга,—когда колеса движущагося экипажа, перекатываясь съ однихъ камней мостовой на другіе, послѣдовательно производятъ объ нихъ рядъ ударовъ,—когда, перегнувъ книгу, мы заставляемъ листья быстро переворачиваться и ударять другъ о друга; во всѣхъ этихъ случаяхъ мы слышимъ шумъ. Отдѣльные стуки, изъ которыхъ слагается шумъ, неодинаковы между собою и слѣдуютъ не черезъ одинакіе промежутки времени; одинаковыми и равновременными они быть не могутъ по самому способу ихъ происхожденія. Теперь

Digitized by Google

я беру смычекъ и проводя имъ по діапазону, сдѣланнаго изъ упругаго вещества—стали, заставляю его сотрясаться: здѣсь всѣ сотрясенія его совершенно правильны и однообразны, потому что производятся не дѣйствіемъ нашей руки, а дѣйствіемъ собственной его упругости и вы слышите также сложный звукъ, состоящій изъ множества отдѣльныхъ, быстро другъ за другомъ слѣдующихъ сотрясеній; но благодаря этой ихъ правильности и однообразности, звукъ этотъ производитъ въ насъ совершенно особое впечатлѣніе,—впечатлѣніе, называемое музыкальнымъ тономъ.

Строго говоря, очень трудно провести рѣзкую границу между различными родами звука: такъ тоны по способу своего образованія всего ближе подходятъ къ шуму. И дѣйствительно болѣе тонкое музыкальное ухо въ состояніи въ шумѣ быстро ѣдущей кареты или быстро пилящей пилы различать тонъ, котораго не можетъ замѣтить непривычное ухо. Вотъ нѣсколько деревянныхъ пластинокъ. Если я буду бросать ихъ по одиночкѣ на этотъ столъ, то каждая изъ нихъ будетъ производить отдѣльный стукъ; эти стуки небудутъ одинаковы, потому что всѣ пластинки различныхъ размѣровъ, хотя это различіе стуковъ при этомъ едва замѣтно. Но я бросаю ихъ скоро одну за другою и притомъ въ извѣстномъ порядкѣ и вы слышите въ этомъ рядѣ стуковъ полную гамму.

Обратимся теперь къ музыкальнымъ тонамъ. Всякому извѣстно, что тоны различаются между собою по высотѣ и всякій легко отличаетъ высокіе тоны отъ низкихъ. Отъ чего же зависитъ это различіе? Я беру упругій стальной прутъ и однимъ концомъ защемляю его въ этихъ тискахъ; я вывожу его изъ его нормальнаго положенія и, отнявъ палецъ, предоставляю его собственной его упругости. Вы видите, что онъ начинаетъ качаться въ ту и другую сторону: но звука никакаго не слышно. Я переставляю его въ тискахъ такъ, чтобы качающаяся часть его была короче и повторяю тотъ-же опытъ: вы видите, что онъ колеблется быстрѣе, но все же звука никакаго не слышится. Я укорачиваю качающуюся часть его все болѣе и болѣе и вы ясно замѣчаете, что онъ колеблется быстрѣе и быстрѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ слышите музыкальные тоны, которые при этомъ дѣлаются все выше и выше. Итакъ этотъ опытъ ясно показываетъ, что тонъ дѣлается выше и выше по мѣрѣ того, какъ увеличивается быстрота колебаній, или другими словами, чѣмъ болѣе колебаній успѣваетъ сдѣлать звучащее тѣло въ одно и тоже время напримѣръ въ одну секунду. Но этотъ же опытъ намъ показываетъ, что подобныя колебанія происходящія отъ дѣйствія упругости могутъ быть нами ощущаемы какъ звукъ или тонъ только тогда, когда совершаются съ извѣстною быстротою. При началѣ опытовъ съ прутомъ вы видѣли колебанія, тона никакаго не слыхали, и только тогда сталъ слышанъ тонъ, когда колебанія достигли до извѣстной степени быстроты. Многочисленные опыты показали, что только тогда мы начинаемъ слышать тоны, когда тѣло начинаетъ колебаться съ быстротою не менѣе 32 колебаній въ секунду. Тогда мы слышимъ тонъ ихъ—это самый низкій тонъ органовъ: онъ весьма рѣдко употребляется въ музыкѣ и вы не найдете его на клавишахъ фортепіано: самый нисшій ut фортепіано выше его на цѣлую октаву. Самый высшій ut фортепіано происходитъ отъ 4096 колебаній въ секунду; изъ музыкальныхъ инструментовъ, употребляемыхъ въ оркестрахъ только флейта-пиколо беретъ однимъ тономъ выше этого. Тоны выше этого уже начинаютъ производить въ нашемъ ухѣ болезненное

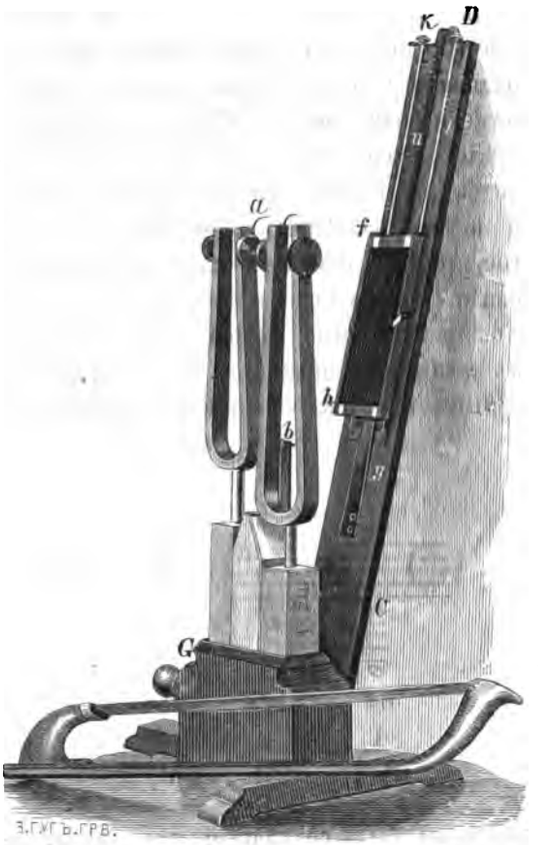
Digitized by Google

впечатлѣніе, а потому въ музыкѣ не употребительны. Такихъ слышимыхъ, но уже мучительныхъ для уха тоновъ, можно по указанію Депре получить еще цѣлыя 3 октавы, но ухо страдаетъ подъ ихъ впечатлѣніемъ и съ трудомъ уже отличаетъ между ними интервалы.

Если при самомъ нисшемъ музыкальномъ тонѣ звучащее тѣло дѣлаетъ 32 колебанія, то есть ли возможность — подумаете вы — сосчитать число колебаній, соотвѣтствующее высшимъ тонамъ? Умъ человѣческій нашелъ это не только возможнымъ, но даже и не на столько труднымъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Есть нѣсколько способовъ опредѣлять числа колебаній; я укажу на самый простой и наглядный.

Числа колебаній можно опредѣлять относительныя и абсолютныя. Вотъ два каммертона; они издаютъ совершенно различные тоны, конечно оттого, что совершаютъ различныя числа колебаній въ секунду. Если я опредѣлю сколько дѣлаетъ колебаній въ секунду каждый каммертонъ, это будутъ абсолютныя числа; если же я раздѣлю большее изъ этихъ чиселъ на меньшее, тогда я узнаю во сколько разъ первое изъ этихъ чиселъ болѣе другаго или — другими словами — узнаю сколько колебаній успѣетъ сдѣлать одинъ каммертонъ въ продолженіи одного колебанія другаго — это будетъ число относительное. Для насъ болѣе важны числа послѣднія, нежели первыя; но я покажу какъ опредѣляются тѣ и другія, и начну съ относительныхъ.

Здѣсь къ одной изъ ножекъ каммертона приклѣплена тонкая, острая и загнутая крючкомъ пластинка фольги (a). Я ставлю камертонъ въ особый станокъ (G); на доскѣ (CD), соединенной съ стаканомъ внизу шарниромъ, находится рамка (fh), двигающаяся на мѣдныхъ прутьяхъ (k и l), какъ на рельсахъ; сверху она прикрѣплена къ эластической тесьмѣ (n), а внизу удерживается пружиной (q); въ рамку вставлено закопченное стекло. Я прислоняю доску



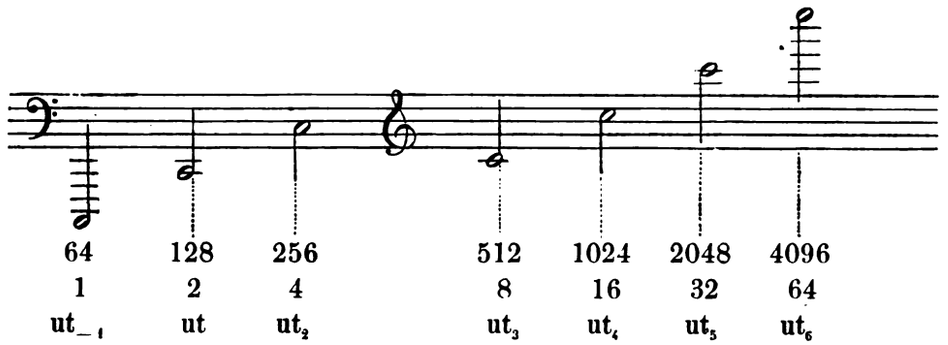
къ станку; тогда винтъ (b) нажимаетъ пружинку (q) и рамка, дѣлаясь свободною, дѣйствіемъ эластической тесьмы поднимается кверху, проходя мимо острія (a), которое при этомъ чертитъ на закопченномъ стеклѣ прямую линію. Я повторяю этотъ опытъ съ звучащимъ и слѣдовательно дрожащимъ камертономъ и получаю на стеклѣ линію волнообразную, на которой, такъ сказать, записались всѣ его колебанія, которые онъ сдѣлалъ въ то время, пока стекло проходило мимо острія. По числу этихъ зигзаговъ я могу опредѣлить число колебаній.

Здѣсь на этомъ станкѣ укрѣплены два

Digitized by Google

такихъ каммертона съ остріями. Они издаютъ два различные тона и я, прикрѣпивъ къ рамкѣ новое закопченное стекло, заставляю его проходить заразъ мимо обоихъ острій. Вы видите, что они дали двѣ волнистыя линіи: но волны обѣихъ линій неодинаковы; волны одной гораздо мельче, нежели волны другой. Если мы сосчитаемъ сколько волнъ той и другой линіи приходится напримѣръ на протяженіи вершка и потомъ раздѣлимъ одно число на другое, то это и будетъ ихъ относительное число. Теперь если я туже рамку заставлю пройти мимо острія прикрѣпленнаго къ качающему маятнику, то оно также начертитъ на стеклѣ волнистую линію; если маятникъ былъ секундный, т. е. такой, который совершаетъ свое колебаніе въ секунду, то каждый изгибъ его волнистой линіи будетъ обозначать секунду. Сосчитавъ сколько изгибовъ каждаго каммертона приходится на одинъ изгибъ маятника я получу для обоихъ каммертоновъ ихъ абсолютныя числа. Изъ этого видно, что если я знаю абсолютное число колебаній хотя одного только каммертона то абсолютное число всякаго другаго легко могу опредѣлить, вовсе не употребляя маятника; для этого стоитъ только поставивъ его вмѣстѣ съ первымъ каммертономъ въ станокъ и опредѣливъ его относительное число, умножить или раздѣлить на это послѣднее (смотря по высотѣ тона) абсолютное число перваго каммертона; это и будетъ абсолютное число втораго.

Подобными способами опредѣлены числа колебаній, соотвѣтствующія различнымъ музыкальнымъ тонамъ. Передъ вами таблица, въ которой обозначены числа колебаній соотвѣтствующія всѣмъ ut полнаго фортепіано. Самый низкій басовой ut подъ пятой чертой соотвѣтствуетъ, какъ вы видите, 64 колебаніямъ въ секунду, а самый высокій дискантный ut надъ пятою чертою—4096 колебаніямъ. Весь первый рядъ чиселъ показываетъ соотвѣтствующія имъ абсолютныя числа колебаній. По этому ряду не трудно расчитать и второй, который показываетъ, по скольку придется колебаній каждаго тона на одно колебаніе тона ut — $_1$; такимъ образомъ онъ представляетъ относительныя числа колебаній. Изъ него вывидите, что въ продолженіи одного колебанія ut—$_1$:

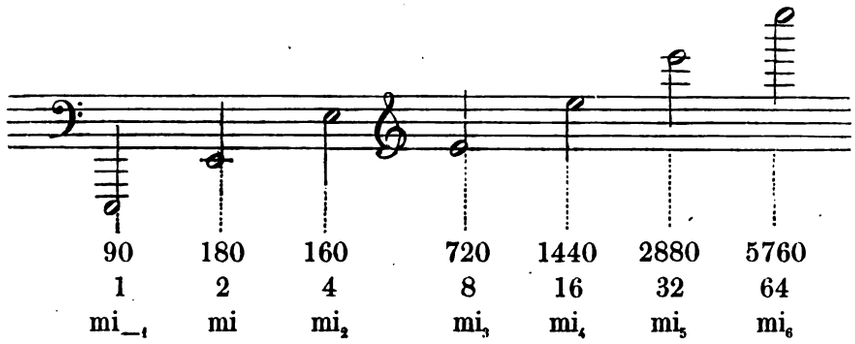


тонъ ut дѣлаетъ 2 колебанія,
» ut_2 » 4 »
» ut_3 » 8 »
» ut_4 » 16 »
» ut_5 » 32 »
» ut_6 » 64. »

Однимъ словомъ каждое ut въ сравненіи съ ut, которое октавою ниже его, происходитъ отъ числа колебаній вдвое противъ него большаго.

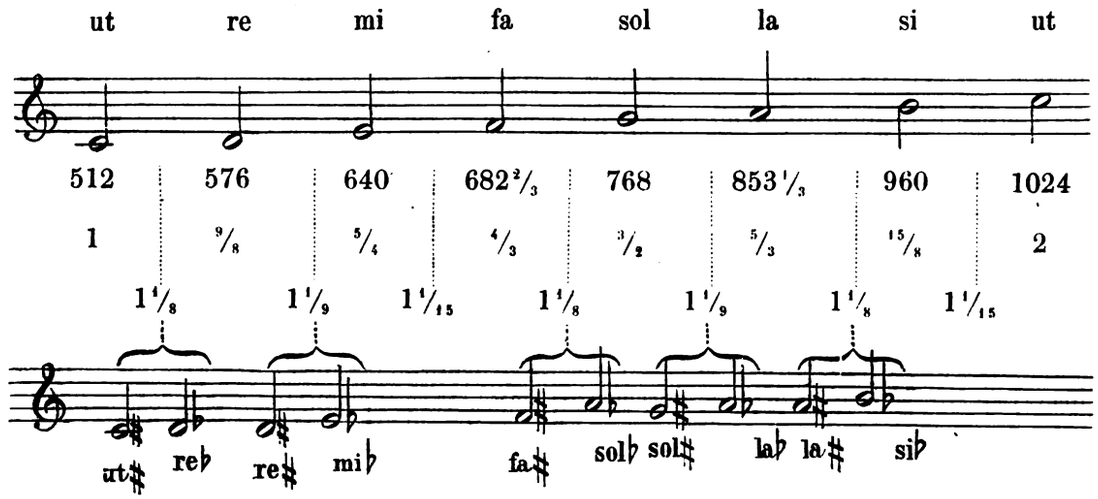
Digitized by Google

Предъ Вами другая таблица, на которой означены числа колебаній, соотвѣтствующія всѣмъ mi полнаго фортепіано; изъ нея вы видите, что абсолютныя числа колебаній здѣсь другія, нежели для ut, но относительныя тѣже самыя, потому что всѣ тоны составляютъ между собою послѣдовательныя октавы.



Вотъ намъ первое указаніе на законы музыкальной гармоніи. Самое непревычное, самое немузыкальное ухо легко отличаетъ правильность или неправильность строя двухъ тоновъ, долженствующихъ дать октаву, и причина этого, какъ видите заключается въ весьма простомъ соотношеніи между числами колебаній соотвѣтствующихъ этимъ двумъ тонамъ.

те абсолютныя числа колебаній, соотвѣтствующія первымъ осьми тонамъ первой дискантной октавы. Одни изъ нихъ числа цѣлыя, при другихъ есть и дроби и съ перваго взгляда между ними не замѣтно никакой связи и никакаго простаго отношенія: но, раздѣливъ всѣ ихъ на меньшее изъ нихъ 512, мы получаемъ рядъ дробей, которыя помѣщены въ четвертой строчкѣ и которыхъ значеніе весьма просто. Такъ дробь $^3/_2$, стоящую подъ sol, слѣдуетъ понимать такимъ образомъ, что въ продолженіи двухъ колебаній, соотвѣтствующихъ ut, sol успѣваетъ сдѣлать ровно 3 колебанія; поэтому-то эти два тона, взятые вмѣстѣ, производятъ въ насъ созвучіе, для уха пріятное и весьма мало уступающее



Разсмотримъ теперь составъ гаммы. На этой таблицѣ въ третьей строкѣ вы видитому, который мы ощущаемъ, когда слышимъ вмѣстѣ два тона, составляющіе ме-

Digitized by Google

жду собою октаву. Подобное этому созвучіе представляютъ намъ тоны ut и fa, дробь $^3/_4$, состоящая подъ fa, показываетъ, что въ продолженіи трехъ колебаній тона ut тонъ fa даетъ четыре колебаніи. Тонъ la, подъ которымъ стоитъ дробь $^5/_3$, даетъ уже меньше созвучіе съ ut, потому что, какъ показываетъ дробь, въ продолженіи тѣхъ же трехъ колебаній тона ut тонъ la даетъ пять колебаній, а не четыре, какъ fa. Тоны ге и si, выражаемые такими сложными дробями, взятые вмѣстѣ съ ut производятъ уже непріятное впечатлѣніе на наше ухо, но и въ этомъ непріятномъ впечатлѣніи мы отдадимъ предпочтеніе сочетанію ut—ге, передъ ut — si; дроби, подписанные подъ этими тонами, сей часъ же объясняютъ намъ на чемъ основывается это предпочтеніе. Онѣ показываютъ намъ, что въ продолженіи тѣхъ же восьми колебаній тона ut тонъ ге даетъ девять, а si—пятнадцать колебаній. Всѣ эти наблюденія приводятъ насъ къ тому основному выводу, что вся тайна гармоніи звуковъ заключается въ простотѣ отношеній между числами колебаній или—другими словами—въ гармоніи чиселъ. Дѣйствительно приведенные примѣры достаточно ясно доказываютъ, что чѣмъ проще отношенія между числами колебаній какихъ либо тоновъ, тѣмъ пріятнѣе впечатлѣніе производимое ими на наше ухо.

Всѣ эти восемь тоновъ гаммы соотвѣтствуютъ бѣлымъ клавишамъ фортепіано; но вы знаете, что кромѣ этихъ бѣлыхъ клавишей на фортепіано есть еще и черные, которые называются діезами и бемолями, или по русски — полутонами. Почемуже эти черныя клавиши помѣщены не между каждыми двумя бѣлыми а только между нѣкоторыми, такъ что между восемью бѣлыми помѣщается только пять черныхъ? Неужели это зависѣло отъ произвола фортепіаннаго мастера или отъ укоренившагося обычая? Чтобы отыскать физическое основаніе для рѣшенія этого вопроса, я опять прошу васъ обратить вниманіе на нашу таблицу. Если мы раздѣлимъ число колебаній, соотвѣтствующее какому либо тону, на число колебаній, соотвѣтствующее тону, ему предшествующему, то получимъ число, которое называется интерваллом, и которое можетъ намъ дать понятіе о величинѣ промежутка между двумя сосѣдними тонами. Пятая строка таблицы представляетъ намъ именно эти интерваллы. Вы видите, что всѣ эти интерваллы изображаются единицею съ дробью; но дроби эти неодинаковы. Здѣсь во 1-хъ три интервалла—какъ вы видите, изображаются единицею съ дробью $^1/_8$; они самые большіе и называются въ музыкѣ—тонъ-мажоръ. Во 2-хъ два интервалла, выражаемые единицею съ дробью $^1/_9$; они немного менѣе первыхъ и называются — тонъ-миноръ. И тѣмъ и другимъ соотвѣтствуютъ діезы. Наконецъ въ 3-хъ два интервалла, которыхъ величина выражается единицею съ дробью $^1/_{15}$; они значительно менѣе предыдущихъ и потому называются полутонъ-мажоръ; они діезовъ не имѣютъ. Дѣйствительно въ интервалахъ mi и fa, si и ut нѣтъ черныхъ клавишей, во всѣхъ же прочихъ, какъ большихъ,—есть діезы или полутоны.

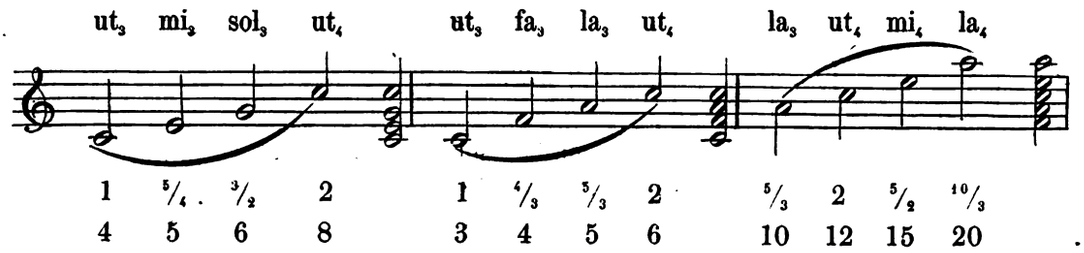
Неравенство интерваллов хорошо извѣстно всѣмъ играющимъ на скрипкѣ: на скрипичной струнѣ, называемой басокъ и при нормальномъ строѣ дающей ut_3, мы получаемъ $ге_3$, mi_3 и fa_3, нажимая ее указательнымъ, среднимъ и безымяннымъ пальцами лѣвой руки; но для этого мы разставляемъ пальцы на различныя разстоянія, такъ что промежутки между ними неодинаковы. Для полученія mi и fa мы такъ близко ставимъ пальцы другъ къ другу,

Digitized by Google

что между ними не остается никакаго промежутка, тогда какъ при остальныхъ тонахъ между ними остаются значительные промежутки.

Гамма, изображенная на таблицѣ и состоящая только изъ основныхъ тоновъ, называется діатоническою; если же мы включимъ въ нее и полутоны, то она называется хроматическою, что въ русскомъ переводѣ означаетъ цвѣтную гамму. Это названіе она получила отъ того, что при старинномъ способѣ обозначенія тоновъ буквами полутоны обозначались тѣми же буквами, какъ и ближайшіе ихъ тоны, съ той только разницею, что этѣ буквы писались красными чернилами. Кромѣ того первая гамма называется мажорною въ отличіе отъ минорной, которую не трудно получить изъ первой, если присоединить къ ней слѣдующую высшую октаву тоновъ и изъ обѣихъ взять восемь тоновъ отъ одного до другаго, т.-е, отъ la_3 до la_4.

Различные роды созвучія носятъ въ музыкѣ различныя названія. Когда тоны происходятъ отъ совершенно одинаковаго числа колебаній, это называется унисономъ, т.-е. однозвучіемъ. Когда число колебаній одного тона ровно вдвое болѣе числа колебаній другаго, это октава отъ латинскаго слова octo восемь; каждый тонъ дастъ такое созвучіе съ слѣдующимъ осьмымъ. Когда отношеніе между числами колебаній изображается дробью $^3/_2$ какъ напр. ut и sol, mi и si, то ихъ созвучіе называется квинтою отъ латинскаго quinque пять; такое созвучіе даетъ тонъ съ своимъ пятымъ тономъ. Когда отношеніе чиселъ колебаній равно $^4/_3$, это называется квартою; таковы ut и fa, re и sol, mi и la. Созвучіе тоновъ, имѣющихъ отношеніе $^5/_4$ и $^6/_5$ называются терцъ-мажоръ и терцъ-миноръ. Наконецъ созвучіе трехъ или четырехъ тоновъ, называется аккордомъ, когда числа ихъ колебаній представляютъ между собою простыя отношенія, т.-е. легко выражаемыя малыми и близкими числами. Аккордъ ut_3, mi_3, sol_3, ut_4 даетъ очень хорошее созвучіе потому что отношеніе между числами колебаній его тоновъ выражается рядомъ небольшихъ и близкихъ чиселъ 4, 5, 6, 8, какъ это видно изъ таблицы; онъ называется совершеннымъ аккордъ-мажоромъ. Пріятенъ также для уха аккордъ la-mineur; онъ состоитъ изъ la_3, ut_4, mi_4 и la_4; относительныя числа колебаній его тоновъ представляютъ рядъ 10, 12, 15 и 20. Но самое простое соотношеніе между числами колебаній представляетъ аккордъ ut_3, fa_3, la_3 и ut_4; въ немъ какъ, вы видите изъ таблицы, числа колебаній даютъ весьма простой рядъ 3, 4, 5 и 6. Созвучіе здѣсь такъ ясно и простота чиселъ такъ замѣчательна, что, по мнѣнію Боэція, звуки четырехъ струнъ лиры, изобрѣтенной Меркуріемъ, составляли именно этотъ аккортъ.



Музыкальные тоны могутъ быть получаемы чрезвычайно разнообразными способами, а потому чрезвычайно разнообраз-

Digitized by Google

ны и самые музыкальные инструменты и по устройству, и по формѣ, и по матеріалу, изъ котораго они приготовляются. Я сейчасъ перейду къ ихъ описанію, но предварительно считаю необходимымъ замѣтить, что, каковы бы они ни были, законы музыкальной гармоніи остаются одни и тѣже, потому что они относятся только къ числамъ колебаній, а не къ способамъ, какими онѣ производятся. Такъ одинъ и тотъ же тонъ мы можемъ получить посредствомъ нѣсколькихъ десятковъ музыкальныхъ инструментовъ и какимъ бы образомъ онъ ни получался, число колебаній будетъ одно и тоже. Правда ухо наше весьма легко различаетъ въ этихъ тонахъ разницу и тонъ, полученный флейтой, нипальцемъ и утушите ея звукъ, послѣ того вы долго еще будете слышать хотя слабо цѣлый аккордъ тоновъ, очень согласныхъ между собою и которыхъ прежде вы не слыхали, потому что тонъ струны заглушалъ ихъ. Эти-то второстепенные тоны и называются гармоническими обертонами главнаго. Они происходятъ отъ того, что дрожанія указанной струны черезъ дрожанія воздуха передаются другимъ струнамъ. Не трудно отыскать гармоническіе обертоны всякаго тона: повторяя предыдущій опытъ, прикосновеніемъ пальца постарайтесь отыскать тѣ струны, которыя пришли въ дрожаніе отъ звука основнаго тона; тоны, на которые эти струны настроены, и будутъ гармоническіе обертоны.

ut_2	ut_3	sel_3	ut_4	mi_4	sol_5	si_4	ut_4	re_5	mi_5
256	512	768	1024	1280	1536	1792	2048	2304	2560
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

когда не смѣшиваетъ съ тономъ скрипки или фортепіано: но это различіе, называемое тэмбромъ и которое Гельмгольцъ назвалъ цвѣтомъ звука, зависитъ не отъ числа колебаній, но отъ многихъ сложныхъ условій, между которыми главное мѣсто занимаютъ: видъ колебаній и обертоны, обыкновенно сопровождающіе главный тонъ.

Изученіе видовъ колебаній потребовало бы у насъ много времени, а потому я ограничусь только сообщеніемъ понятія объ обертонахъ. Откройте крышку вашего фортепіяно или рояля и поднявъ педаль, слегка ударьте по какой-нибудь струнѣ пробковымъ молоточкомъ: она тотчасъ издастъ свой тонъ. Прикоснитесь къ ней

Предлагаемая таблица представляетъ гармоническіе обертоны ut_2; вы видите, что обертоны происходятъ отъ чиселъ колебаній въ 2, 3, 4, 5.... и т. д. разъ большихъ противъ основнаго тона; поэтому между обертонами входятъ и высшіе его октавы. Гельмгольцъ показалъ, что обертоны всегда сопровождаютъ основный тонъ, хотя они и ускользаютъ отъ нашего вниманія, и что упражненіемъ не трудно пріучить ухо къ тому, чтобы оно всегда ихъ замѣчало: по его ученію тэмбръ главнымъ образомъ зависитъ отъ того, какіе обертоны сопровождаютъ основной тонъ.

Но отъ какихъ бы причинъ не зависѣлъ тэмбръ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ представляетъ собою явленіе въ высшей

Digitized by Google

степени сложное, и, если наше сознаніе не затрудняется пониманіемъ его, то причина этого лежитъ въ организаціи нашего уха, которое по своей сложности не уступаетъ самымъ сложнылъ музыкальнымъ инструментамъ и котораго устройство основано на однихъ началахъ съ ихъ устройствомъ. Только благодаря своему устройству и сложности тѣхъ физіологическихъ процессовъ, которые въ немъ происходятъ, ухо не только свободно отличаетъ различные музыкальные тоны, имъ ощущаемые, но и легко въ нихъ узнаетъ тѣ способы, которыми они произведены.

Способы полученія музыкальныхъ тоновъ чрезвычайно разнообразны: такъ въ органныхъ трубкахъ тоны получаются вслѣдствіе колебанія столбца воздуха, въ нихъ заключающагося; во многихъ такъ-называемыхъ духовыхъ инструментахъ они получаются вмѣстѣ и колебаніемъ воздуха и колебаніемъ стѣнокъ трубъ или упругихъ пластинокъ, образующихъ отверстіе, чрезъ которое входитъ воздухъ; въ фортепіяно, гусляхъ, гитарѣ, скрипкѣ тоны получаются дрожаніемъ тонкихъ, упругихъ и натянутыхъ нитей или проволокъ, называемыхъ струнами; въ гармоніи, они получаются дрожаніемъ упругихъ язычковъ; въ нѣкоторыхъ инструментахъ — дрожаніемъ упругихъ деревянныхъ или стеклянныхъ пластинокъ или перепонокъ. На этомъ основывается классификація инструментовъ на духовые, струнные и проч. Я не имѣю здѣсь ни намѣренія, ни времени подробно описывать инструменты въ правильно организованныхъ оркстрахъ; точно также я не намѣренъ описывать національные инструменты всѣхъ народовъ: но я имѣю намѣреніе обратить здѣсь ваше вниманіе на тѣ національные инструменты, которые получилъ изъ разныхъ странъ комитетъ русской этнографической выставки, и которые теперь находятся передъ вашими глазами. Я считаю эту такъ сказать предварительную музыкальную выставку вовсе не лишнею въ виду того, что эти разнообразные національные инструменты, будучи по необходимости расположены каждый при томъ племени, которому принадлежатъ, будутъ по всей вѣроятности разбросаны по всей выставкѣ и при множествѣ другихъ не менѣе интересныхъ предметовъ, легко ускользнутъ отъ вашего вниманія: здѣсь же я имѣю полную возможность остановить и даже сосредоточить ваше вниманіе на любомъ изъ нихъ.

Знаменитый Саваръ, посвятившій такъ много изученію музыкальныхъ инструментовъ съ физической точки зрѣнія, дѣлитъ всѣ инструменты на простые и сложные, смотря потому имѣютъ ли они особыя приспособленія для усиленія звука или нѣтъ. Это дѣленіе не совсѣмъ удобно уже и потому, что неравномѣрно: музыкальныхъ инструментовъ относящихся ко второй группѣ гораздо болѣе нежели къ первой. Съ другой стороны оно оказалось недостаточнымъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ затруднялo самого Савара. Такъ онъ затруднился тѣмъ, куда причислить весьма распространенный у насъ варганъ, котораго одинъ экземпляръ доставленъ комитету Его Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ изъ Нижегородской губерніи вмѣстѣ съ другими предметами, употребляемыми Черемисами, а другой экземпляръ подъ именемъ дромбуле, сербско-хорватскій, присланъ Феликсомъ Лаемъ. Онъ состоитъ изъ твердой желѣзной пластинки, согнутой наподобіе кольца, оканчивающагося вилкой, между концами которой помѣщается тонкая упругая стальная пластинка, оканчивающаяся крючкомъ и приводимая въ дрожаніе пальцемъ. Какъ видите по устройству этотъ инструментъ принадлежитъ къ разряду простыхъ и звукъ имъ издаваемый очень слабъ. Но

Digitized by Google

по способу употребленія онъ сложный; потому что его употребляютъ прикладывая къ зубамъ, причемъ звукъ, какъ вы слышите значительно усиливается: здѣсь резонанснымъ ящикомъ служитъ внутренняя полость рта и воздухъ, въ немъ находящійся. Этотъ инструментъ былъ весьма распространенъ въ великороссійскихъ губерніяхъ въ особенности тогда, когда въ нихъ еще мало была извѣстна гармонія, которая безъ сомнѣнія имѣетъ передъ варганомъ много преимуществъ. Несмотря на недостаточность классификаціи Савара мы будемъ ея держаться и прежде всего опишемъ инструменты простые.

Сюда относится алеутскій кастаньетъ; онъ состоитъ изъ деревяннаго обруча съ крестообразною распоркою; какъ къ обручу такъ и къ распоркѣ привѣшено множество клювовъ птицы, называемой топорокъ. Взявъ этотъ инструментъ за распорку и встряхивая его мы получаемъ шумъ, который не производитъ никакого тона и только служитъ доказательствомъ жалкаго состоянія музыкальнаго вкуса и искусства у Алеутовъ.

Къ этой же категоріи относятся два инструмента, употребляемые при буддійскомъ богослуженіи и присланные изъ Забайкальской области исправляющимъ должность главнаго ламы Монголо-бурятскаго духовенства ламою Ванчиковымъ; это Сельнимы и Хонъ-ха. Сельнимы, по нашему тарелки, по китайски тамъ-тамъ, состоятъ изъ бронзовыхъ кружковъ съ углубленіемъ въ срединѣ. Звонкость бронзы, изъ которой дѣлаются сельнимы, зависитъ какъ отъ ея состава, такъ и отъ способа ея обработки, которая въ Китаѣ доведена до замѣчательнаго совершенства. Разнообразя способы прикосновенія одной тарелки о другую, можно получать отъ сельнимовъ чрезвычайно разнообразные звуки. Строго говоря сельнимы не могутъ быть отнесены къ простымъ инструментамъ, потому что углубленіе ихъ значительно усиливаетъ звукъ: если его заклеить бумагою, звукъ значительно ослабляется. Хонъ-хо — бронзовый колокольчилъ съ очеромъ, которымъ ударяютъ въ хонъ-хо; оба украшены изображеніемъ богини Дары.

Изъ сложныхъ инструментовъ даемъ первое мѣсто струннымъ. Въ нихъ различные тоны получаются и различною длиною струнъ и различною ихъ толщиною и наконецъ различною степенью натяженія. Самые звуки извлекаются или посредствомъ смычка, или ударами особыхъ палочекъ или завѣдываніемъ струнъ пальцами, ногтями пальцевъ и даже особыми крючками, прикрѣпленными къ нимъ. Изъ смычковыхъ инструментовъ весьма замѣчателенъ кобызъ, котораго вы видите здѣсь пять экземпляровъ разныхъ размѣровъ; этотъ инструментъ весьма употребителенъ у Киргизовъ сибирскихъ и оренбургскихъ. Онъ весьма походитъ на скрипку и отличается отъ нея во 1-хъ формою своего резонаснаго ящика, напоминающею собою наши деревянные ковши, такъ какъ онъ выдолбленъ изъ цѣльнаго куска дерева и открытъ спереди; и во 2-хъ тѣмъ, что имѣетъ только двѣ струны. Смычекъ своею формою напоминаетъ лучекъ; онъ состоитъ изъ тонкой согнутой круглой палочки, концы которой связаны пучкомъ конскихъ волосъ натягиваемыхъ пальцами руки, его держащей. Струны также свиты изъ пучка конскихъ волосъ; онѣ подперты кобылкою очень оригинальной формы, утвержденною на пузырѣ, которымъ затянута нижняя часть резонаснаго ящика: тщательность отдѣлки и установки кобылки доказываетъ, что Киргизы знаютъ цѣну этой важной принадлежности скрипки, которой физическое значеніе уяснилъ только Саваръ своими изслѣдованія-

Digitized by Google

ми. По всей вѣроятности кобызъ, равно какъ и скрипка, произошли отъ одного первообраза кеменгей, одного изъ древнѣйшихъ смычковыхъ инструментовъ арабскихъ, котораго изображеніе вы видите на экранѣ *).

Изъ инструментовъ, въ которыхъ звуки извлекаются защѣпленіемъ струнъ пальцами, вы видите здѣсь три экземпляра думбры, употребляемой Киргизами и Калмыками: это двухстранная балалайка, съ двумя жильными струнами и съ ладами сдѣланными также изъ струнъ, которыми для этой цѣли перевязанъ въ разныхъ мѣстахъ гриф. По всей вѣроятности думбра и балалайка происходятъ отъ египетской лютни, на которой впрочемъ, какъ вы видили на представляемомъ рисункѣ, играли посредствомъ шарика, водя имъ по струнамъ также, какъ наши Великоруссы водятъ по струнамъ балалайки ногтями пальцевъ. Болѣе совершеннымъ ирструментомъ этого рода представляется тамбура сербско-хорватская: она имѣетъ болѣе правильную форму, съ четырьмя струнами изъ тонкой стальной проволоки и съ ладами устроенными весьма правильно; звукъ тамбуры нѣжный, пріятный. Два экземпляра, полученные комитетомъ, указываютъ на то, что размѣры тамбуры бываютъ различные. Корельскій (изъ Олонецкой губ.) инструментъ кандала имѣетъ внѣшнее очертаніе небольшой арфы; но струны (изъ мѣдной проволоки) натянуты на резонансномъ ящикѣ съ крестообразнымъ прорѣзомъ. Всѣхъ струнъ 13, очевидно они составляютъ полную хроматическую гамму; но строй ихъ также, какъ и всѣхъ другихъ струнныхъ инструментовъ, доставленныхъ комитету, намъ неизвѣстенъ, потому что всѣ струны во время перевозки по необходимости потеряли строй и многія даже порвались. Кандала, какъ народный инструментъ, намъ кажется весьма замѣчательнымъ; и своею формою и устройствомъ она напоминаетъ намъ кункл, присланный комитету гр. Тышкевичемъ: этотъ весьма древній литовскій инструментъ съ восемью желѣзными струнами. На подобномъ же резонансномъ ящикѣ натянуты струны въ чувашскихъ гусляхъ, доставленныхъ изъ Ядринскаго уѣзда Казанской губерніи; струны на немъ кишечныя, и ихъ 34, онѣ расположены также какъ струны фортепіана, длина ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ниже тонъ. Совершенно особый видъ имѣетъ ятага, инструментъ употребляемый оренбургскими Киргизами; онъ представляетъ длинный квадратный въ сѣченіи ящикъ на верхней сторонѣ котораго натянуто семь мѣдныхъ струнъ, изъ коихъ каждая подперта особою кобылкою; съ боку ящика представляется состоящимъ изъ двухъ неравныхъ частей, соединенныхъ подъ тупымъ угломъ на верхней сторонѣ его, сдѣлано много круглыхъ прорѣзовъ. Осетинская арфа состоитъ изъ продолговатаго четвероугольнаго ящика, съ одного бока котораго придѣлана наклонно деревянная планка; между планкой и ящикомъ натянуто 12 струнъ, сдѣланныхъ изъ скрученныхъ конскихъ волосъ. Всѣ деревянныя части украшены рѣзьбой особаго стиля и покрыты лакомъ; въ одномъ мѣстѣ ящика помѣщено весьма оригинальное прибавленіе; это кружекъ съ маленькимъ рѣзнымъ оленемъ, и двумя лошадками, которыя припрыгиваютъ вѣроятно въ тактъ музыкѣ при легкомъ нажатіи пальца на особую пуговку.

Къ инструментамъ, въ которыхъ струны издаютъ звуки отъ удара особыми палочками принадлежитъ грузинскій инструментъ, присланный также Кавказскимъ Вспомогательнымъ Комитетомъ, называемый десяплинито. Онъ состоитъ изъ де-

*) Экземпляръ кеменгея имѣется теперь въ «Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ.»

Digitized by Google

ревяннаго ящика, имѣющаго видъ трапеціи, хорошо отдѣланнаго и покрытаго инкрустаціями изъ перломутра; на верхней части его параллельно средней линіи этой трапеціи натянуты тонкія мѣдныя струны — по четыре струны для каждаго тона, всего 18 рядовъ; каждыя четыре струны подперты особою кобылкою, такъ что каждая часть, отдѣляемая кобылкою даетъ свой особый тонъ. Слѣдовательно всѣхъ тоновъ этотъ инструментъ имѣетъ 36. Каждая струна прикрѣплена къ особому колку и натягивается мѣднымъ ключемъ, совершенно похожимъ на фортепіанный. Наконецъ звуки извлекаютъ посредствомъ ударенія о струны особыми рѣзными палочками, весьма замысловатой формы, сдѣланными изъ орѣховаго дерева.

Форма и устройство его очень хорошо напоминаютъ намъ арабскій инструментъ канунъ, въ которомъ для каждаго тона натянуто было по три струны; но разница здѣсь въ томъ, что на этомъ инструментѣ, котораго изображеніе вы видите на экранѣ, играли какъ на цитрѣ посредствомъ плектрумъ; это искусственные ногти, сдѣланные изъ очиненнаго гусинаго пера и прикрѣпляемые къ концамъ пальцевъ посредствомъ колецъ, способъ этотъ и теперь употребляется при игрѣ на цитрѣ. Десяплинито имѣетъ очень пріятный тембръ; онъ принадлежитъ къ древнимъ грузинскимъ инструментамъ и въ настоящее время уже довольно рѣдокъ въ Грузіи.

Инструментовъ, изъ которыхъ звуки извлекаются ударами по упругой перепонкѣ, Комитетъ получилъ не много: сюда принадлежитъ кынгырыкъ и дамара, употребляемые при буддійскомъ богослуженіи. Кынгырыкъ большой діаметромъ, но не высокій барабанъ, обтянутый съ обѣихъ сторонъ пузыремъ; по немъ ударяютъ особой палачкой, на концѣ которой находится мягкій шарикъ, обтянутый кожей. Дамара — это маленькій барабанчикъ, имѣющій видъ двухъ сложенныхъ сердецъ; къ нему прикрѣплены двѣ длинныя и широкія пестрыя ленты, вѣроятно имѣющія какой нибудь религіозный смыслъ, и два короткихъ шнурка съ твердыми шариками на концахъ. Взявъ его за ленты и встряхивая особымъ манеромъ достигаютъ того, что шарики ударяютъ объ перепонки производя звуки, отдѣльно неимѣющіе никакого музыкальнаго характера. Сюда же принадлежатъ: хесе шаманскій бубенъ, по которому ударяютъ палочкой, называемой тобарь, и пензеръ бубенъ самоѣдскій, по которому ударяютъ палочкой, обтянутой оленьей шкурой. Хесе, какъ видите, громадныхъ размѣровъ и весь увѣшенъ множествомъ желѣзныхъ побрякушекъ, отчего вѣсъ его довольно значителенъ: по множеству побрякушекъ онъ вполнѣ гармонируетъ съ одеждою шамановъ, которая по множеству всевозможныхъ привѣсковъ, безъ сомнѣнія обратитъ ваше вниманіе на выставкѣ. На пензерѣ прикрѣплено нѣсколько мѣдныхъ колокольчиковъ и колецъ.

Покончивъ съ инструментами струнными и перепончатыми, перехожу къ классу самому обширному — инструментамъ духовымъ. Самые простые изъ нихъ тѣ, въ которыхъ звуки производятся сотрясеніемъ губъ; сюда принадлежатъ лигавка, употребляемая подлясанами (по Бугу),— труба, длиною аршина въ два, обвитая берестою; на нее весьма похожа, только нѣсколько длиннѣе, другая труба, присланная изъ Виленской губерніи. Къ этому же разряду принадлежитъ голинъ-бурэ, длинная мѣдная труба конической формы съ значительнымъ раструбомъ на концѣ, употребляемая при буддійскомъ богослуженіи. Сюда же должна быть причислена цыбызга, употребляемая Киргизами и Калмыками; по

Digitized by Google

присланнымъ образцамъ вы видите, что она дѣлается или мѣдная съ серебряными украшеніями, или деревянная, точеная, или тростниковая, и въ этомъ случаѣ обтягивается бараньимъ пузыремъ. Она открыта съ обѣихъ сторонъ; на узкомъ концѣ ея сдѣлано три четвероугольныхъ отверстія. Вставляя ее широкимъ концомъ въ лѣвую сторону рта, вдуваютъ въ него воздухъ и оставляя правую часть полуоткрытою, производятъ его въ тоже время особаго рода насвистываніе. Въ тембрѣ этого инструмента, слышится смѣсь тэмбровъ волынки и флейты и звуки его какъ будто представляютъ подражаніе шелесту листьевъ или травы подъ дуновеніемъ степнаго вѣтра: вообще тембръ цыбызги совершенно оригинальный, неимѣющій кажется ничего подобнаго въ оркестровыхъ инструментахъ. Башкирская музыка на цыбызгѣ, которую намъ удалось слышить, очень пріятна и мелодична, хотя и своеобразна. Не менѣе оригиналенъ употребляемый башкирами способъ закрыванія и открыванія звуковыхъ отверстій цыбызги; онъ совершенно отличенъ отъ способа употребляемаго на флейтѣ и напоминаетъ собою рисунокъ одного барельефа, встрѣченнаго на какомъ-то египетскомъ памятникѣ, и котораго изображеніе вы видите здѣсь на экранѣ.

Къ разряду духовыхъ инструментовъ, снабженныхъ дрожащими язычками, принадлежитъ: **бирбинія**, употребляемая въ Литвѣ; эта небольшая, деревянная дудочка, оканчивающяяся разширеніемъ, имѣетъ четыре звуковыхъ отверстія. **Хорватская дудочка** составлена изъ двухъ вдвигающихся другъ въ друга трубочекъ, изъ которыхъ въ одной устроенъ язычекъ, а въ другой сдѣлано пять звуковыхъ отверстій; такое устройство даетъ возможность измѣнять строй инструмента. **Пищакъ**, тоже хорватскій инструментъ; эта свирѣль имѣетъ шесть звуковыхъ отверстій и значительный раструбъ для усиленія звука. **Дипле**—оттуда же, состоитъ изъ двухъ свирѣлей въ родѣ предыдущей, сдѣланныхъ изъ одного куска дерева; на одной свирѣли четыре, а на другой пять отверстій. Всѣ эти инструменты даютъ возможность измѣнять строй даже на цѣлый тонъ и только бирбинія имѣетъ строй постоянный. Изъ буддійскихъ инструментовъ къ этому разряду принадлежитъ деревянная труба **бишкуръ**, съ мѣднымъ мундштукомъ и мѣднымъ раструбомъ; отверстія, служащія для произведенія тоновъ (числомъ), сдѣланы въ деревянной части; она употребляется при богослуженіи.

Волынки, по способу произведенія звуковъ принадлежатъ также къ язычковымъ инструментамъ и разнятся отъ многихъ изъ нихъ только тѣмъ, что имѣютъ при себѣ особые резервуары для воздуха, дающіе возможность получить непрерывные потоки звуковъ. Волынокъ здѣсь вы видите нѣсколько экземпляровъ: **чувашская волынка** представляетъ собою самую простую форму; она состоитъ изъ бычачьяго пузыря, къ которому прикрѣплена одна трубка, служащая для вдуванія въ пузырь воздуха, и другая съ язычкомъ и звуковыми отверстіями, имѣющая нѣкоторое сходство съ кларнетомъ. **Гайда**, такъ называются **словацкія и болгарскія** волынки, представляютъ собою устройство гораздо болѣе сложное: въ нихъ резервуаромъ служитъ козья шкура (вѣроятно отсюда и названіе гайда, коза), и для произведенія различныхъ тоновъ служатъ двѣ трубки, подобныя кларнетамъ со многими звуковыми отверстіями. Словацкая гайда, какъ вы видите, особенно замѣчательна по своимъ украшеніямъ, между которыми особенно выдается изображеніе козьей головы. Къ язычковымъ инструментамъ при-

Digitized by Google

надлежатъ и три губныя гармоники сербско-хорватскія, присланныя Ф. Лаемъ; они достаточно распространены и у насъ, а потому я, не останавливаясь на нихъ, замѣчу только, что сербско-хорватскія гармоники короче нашихъ великорусскихъ.

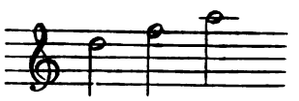
Послѣдній разрядъ, которымъ мы заключимъ нашу бесѣду, разрядъ флейтовыхъ инструментовъ, имѣетъ довольно много представленій. Этотъ родъ инструментовъ отличается такимъ устройствомъ своего дульца, что воздухъ въ него вдуваемый, встрѣчая острый край инструмента, разрѣзается имъ и приходя въ колебательное состояніе, издаетъ звукъ. Самый простѣйшій видъ этихъ инструментовъ представляютъ намъ глиняныя свисталки, которыя получены комитетомъ только изъ Царства Польскаго, не смотря на то, что въ нашихъ великороссійскихъ губерніяхъ нѣтъ ни одной почти горшечной лавки, гдѣ не нашлось бы этихъ свисталокъ. Ихъ устройство вѣроятно всѣмъ хорошо извѣстно, а потому останавливаться на нихъ я считаю излишнимъ; но не могу не замѣтить, что весьма было бы интересно собрать всѣ тѣ формы, въ которыхъ встрѣчается этотъ вполнѣ народный инструментъ. Господствующая форма свисталокъ въ великорусскихъ губерніяхъ — это утка, но въ Царствѣ Польскомъ, какъ видно изъ присланныхъ образцовъ, имъ даютъ даже и форму женщины.

Скаудутасъ, литовскій инструментъ, состоящій изъ двѣнадцати отдѣльныхъ трубочекъ, съ одного конца закрытыхъ, а съ другаго срѣзанныхъ съ двухъ сторонъ наискось. Каждая трубочка издаетъ только одинъ тонъ, а всѣ вмѣстѣ даютъ полную хроническую гамму.

Должно сожалѣть, что комитету не доставлено свѣдѣній о способѣ ихъ употребленія; такъ какъ размѣръ трубочекъ уменьшается вмѣстѣ съ повышеніемъ тона, и если ихъ связать въ рядъ по порядку тоновъ, то они представятъ собою совершен-

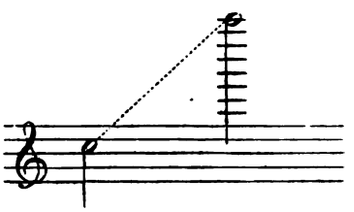
ное сходство съ тою флейтой, съ которою обыкновенно изображаютъ пана.

Другая литовская флейта лумждзе, съ настоящимъ органнымъ дульцемъ, снабжена свинцовыми наконечниками; онъ имѣетъ только два звуковыхъ отверстія и потому натуральная гамма ея ограничивается только тремя тонами. Одинъ изъ двухъ присланныхъ образцовъ и мѣстъ, даетъ слѣдующіе три тона



усиливая дутье не трудно получить тѣ же тоны двухъ высшихъ октавъ; впрочемъ послѣдніе производятъ на ухо уже весьма не пріятное впечатлѣніе. Другой изъ присланныхъ образцовъ даетъ звуки на полтона высшіе.

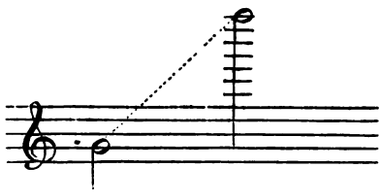
Малороссійская сопилка, доставленная изъ Зміевскаго уѣзда Харьковской губерніи, есть родъ деревянной флейты съ органнымъ дульцемъ; въ ней 6 звуковыхъ отверстій, которые при различномъ закрываніи и различной силѣ дутья даютъ почти всѣ тоны отъ



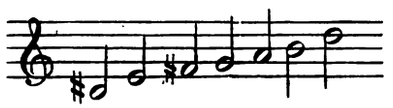
употребляется преимущественно пастухами-мальчиками.

Digitized by Google

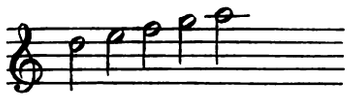
Ближайшее съ нею сходство и по устройству и по употребленію имѣетъ флейта подлясская; она также имѣетъ шесть отверстій, дающихъ почти полный рядъ тоновъ.



Сербская флейта отличается отъ предыдущихъ только своей натуральной гаммой, которая состоитъ изъ слѣдующихъ тоновъ



Къ этому же отдѣлу принадлежитъ сербско-хорватскій инструментъ фургуле, который иногда называется двойкой, а у Болгаръ — двойницей и даже почему-то—глушницей. Это родъ двойной флейты, сдѣланной изъ одного куска дерева, на которомъ посредствомъ раскаленнаго желѣза сдѣланы различныя характеристическія украшенія; правая изъ двухъ флейтъ имѣетъ четыре, а лѣвая три звуковыхъ отверстія, которыя также продѣланы раскаленнымъ желѣзомъ. Одинъ изъ присланныхъ образцовъ имѣетъ натуральную гамму изъ слѣдующихъ тоновъ, другой имѣетъ всѣ



звуки тономъ выше. Усиливая дутье, не трудно получить тоны выше на одну и двѣ октавы. На древнихъ египетскихъ памятникахъ встрѣчаются подобные двойные инструменты. Инструментъ, который вы видите на экранѣ, есть древній арабскій, который носитъ названіе аргуля; можно кажется безъ ошибки предположить что Хорватская фургуле происходитъ, отъ него и отъ него получила свое названіе.

Вотъ всѣ тѣ музыкальные инструменты, которые получены комитетомъ выставки: хотя онъ, на основаніи сдѣланныхъ ему сообщеній, ожидаетъ еще значительнаго пополненія этой коллекціи, но во всякомъ случаѣ въ ней очевидно будутъ и значительные этнографическіе пробѣлы. Но даже и на основаніи того, что здѣсь находится передъ вашими глазами, не трудно вывести нѣкоторыя заключенія. У всѣхъ народовъ, къ какимъ бы темнымъ историческимъ эпохамъ они не принадлежали, въ какихъ бы недоступныхъ для цивилизаціи пустыняхъ они ни обитали, мы всегда можемъ встрѣтить свою національную музыку и свои національные инструменты. Мнѣ вѣрится, что какъ музыка, такъ и музыкальные инструменты народа носятъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ окружавшихъ и окружающихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ совершилось историческое развитіе народа. Въ характерѣ его національной музыки мы видимъ тоническое оживотвореніе орографическихъ и климатическихъ условій мѣстности, имъ занимаемой и тѣхъ историческихъ судебъ, подъ вліяніемъ которыхъ выработался его настоящій характеръ и бытъ. Такимъ образомъ, по общимъ законамъ всего существующаго, въ исторіи музыкальнаго развитія каждаго цивилизованнаго народа мы легко узнаемъ общую исторію музыки и съ другой стороны въ музыкальномъ искусствѣ народа, находящагося на низкой степени цивилизаціи, мы легко узнаемъ тѣже фазы, какія встрѣчались въ раннія эпохи развитія народовъ цивилизованныхъ.

Все это указываетъ на то, что музыка составляетъ необходимый элементъ человѣческой живни, необходимость котораго обу-

Digitized by Google

словливается самою человѣческою организацію. Изученіе устройства органа слуха приводитъ насъ къ убѣжденію, что въ немъ все устроено такъ, чтобы мы могли не только воспринимать всякаго рода звуки, но различать ихъ и съ совершенною отчетливостію передавать ихъ нашему сознанію. Въ этомъ не большомъ по своимъ размѣрамъ, но въ высшей степени сложномъ аппаратѣ совмѣщены всѣ условія для того, чтобы дать намъ возможность наслаждаться совокупностію и послѣдовательностію звуковыхъ впечатлѣній и изученіе какъ устройства его, такъ и дѣятельности заставляетъ насъ изумляться премудрости творческой руки, его создавшей, не менѣе какъ и при изученіи самаго дорогаго намъ органа, — органа зрѣнія.

Алексѣй Владимірскій.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

При рапортѣ на Высочайшее имя генералъ-поручика Текеллія отъ 29 августа 1775 г. приложена вѣдомость имѣніямъ и зимовникамъ бывшаго Запорожья и какое число въ нихъ душъ *).

По правую сторону Днѣпра.

г. Сѣчь:

Церковь..... 1

Архимандритовъ		1
Іеромонаховъ и діаконовъ		13
Ихъ служителей		7
жителей	старшинъ	112
	козаковъ	991
	разночинцевъ	74
		1.198

Зимовниковъ.... 763

Въ нихъ у промысловъ холостыхъ козаковъ. 8.684

Поланокъ..... 5

Въ нихъ деревень.. 18

» » церквей.. 5

Поповъ и дьяконовъ		20				
Козаковъ	холостыхъ	371	женъ	дѣтей		итого.
	женатыхъ	790	793	859 м.	658 д.	3.100
Поселянъ земледѣльцевъ и служителей		2.565	2.256	2.630	2.239	9.690
Итого въ зимовникахъ и деревняхъ. .		12.430	3.046	3.469	2.697	21.385
А всего на правой сторонѣ..... Днѣпра		13.628	3.049	3.489	2.897	23.063

По лѣвую сторону Днѣпра.

Монастырей.....	2
Въ нихъ монаховъ	38
Поланокъ.....	5
Зимовниковъ.....	838
Деревень	27
Церквей.....	10

*) Нѣкоторые итоги этой вѣдомости не вѣрны, но я не счелъ себя въ правѣ исправлять ее, не имѣя данныхъ чтобы судить, гдѣ заключаются ошибки, впрочемъ незначительныя.

Digitized by Google

			женъ	дѣтей		итого.
Поповъ и дьяконовъ		31	29	30 м.	28 д.	118
Старшинъ		85				
Козаковъ	холостыхъ	1.143				
	женатыхъ	2.448	1.878	2.548	2.060	8.929
Поселянъ, земледѣльцевъ и служителей		8.720	5.352	6.690	5.499	26.201
А всего на лѣвой сторонѣ Днѣпра		12.460	7.259	9.268	7.587	36.574
А всего		26.088	10.308	12.757	10.484	59.637
Изъ нихъ желаетъ выйдти въ Малороссію						4.106
Остается						55.531

Въ томъ же дѣлѣ, изъ котораго мы извлекли эту вѣдомость, находятся и другія любопытныя данныя. Такъ напримѣръ вотъ свѣдѣнія о суммахъ, найденныхъ въ Сѣчи:

Войсковыхъ	56.446 р. 82 к.
Старшинскихъ	74.507 » 43 »
Казачьихъ	32.976 » 54 »
а всего	163.932 р. 89 к.

Слѣдующая вѣдомость даетъ понятіе о богатствѣ нѣкоторыхъ старшинъ; по сдѣланной офиціальнымъ образомъ описи оказалось у атамана, писаря и судьи слѣдующее количество скота:

У атамана Колнышевскаго		
Лошадей	650	штукъ.
Рогатаго скота	1.085	»
Овецъ и козъ	14.045	»
У судьи Головатого		
Лошадей	167	штукъ.
Рогатаго скота.	362	»
Овецъ и козъ	1.034	»
У писаря Глобы		
Лошадей	253	штукъ.
Рогатаго скота	676	»
Овецъ и козъ	12.063	»

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Генеральная табель привезеннымъ изъ Россіи въ Константинополь и вывезеннымъ отсюда въ Россію россійскими купцами товарамъ, съ начала 1782 по 1783 годъ.

A.

Пуд.	Фун.		Руб.	Коп.
		I.		
		Привезенныя изъ Россіи въ Константантинополь на россійскихъ и на турецкихъ купеческихъ судахъ Чернымъ моремъ и сухимъ путемъ товары.		
		Разнаго пушнаго товару на	39.311	10
10.562	—	Паюсной икры	31.681	60
16.912	—	Коровьяго масла	44.710	5
217	21	Канату смоленаго	1.138	55
3.705	—	Канату бѣлаго	7.872	—
76.712	8	Желѣза разнаго сорта	76.730	73
5.767	9	Желѣза листоваго	13.473	18
1.418	18	Гвоздей желѣзныхъ	4.007	33
519	31	Чашекъ желѣзныхъ	1.150	98
1.810	—	Сала свѣчнаго	3.720	—
610	—	Свѣчъ сальныхъ	1.830	—
3.305	—	Веревокъ смоляныхъ	4.165	—
20.741	3	Веревокъ бѣлыхъ	19.804	80
660	—	Воску желтаго	1.977	80
3.360	—	Шерсти бараньей	3.566	—
1.998	20	Белужины соленой	2.003	50
44	20	Хвостовъ лошадиныхъ	210	51
18	—	Гривъ лошадиныхъ	126	—
271	—	Пряжи льняной	621	60
15	—	Вязиги	75	—
15	—	Окороковъ	37	50
950	—	Мяса соленаго	1.077	8
35	—	Сыру	39	95
128	—	Щетины	1.104	—
54	12³/₄	Зубовъ рыбьихъ	2.636	—
3	30	Бешляковъ (?) крымскихъ	150	—
1	35	Янтарю	900	—
1	20	Нефти	10	—
1.661	—	Пеньки	5.396	20
1	—	Клею рыбьяго	12	—
21.390	—	Табаку листоваго	21.390	—
8	—	Ревеню	400	—
9	25	Чаю зеленаго	652	60
310	—	Анису	430	90

Digitized by Google

		Руб.	Коп.
847 штукъ.	Полотна паруснаго	8.518	74
69 »	Камлоту англійскаго	1.164	—
8.460 арш.	Пестряди	1.916	90
317 »	Полотна затрапезнаго	228	76
664 »	Полотна салфеточнаго	81	12
55.216 »	Полотна	2.743	50
2.200 »	Хрящу	82	—
3.605 »	Сукна толст. русскаго	506	75
500 »	Сукна польскаго	450	—
600 »	Крашенины	42	—
180 »	Набойки	45	—
295 штукъ.	Юфтей красныхъ	1.658	50
55 »	Ковровъ русскихъ	84	—
23 »	Бурокъ татарскихъ	34	50
80 »	Епанечь сукна толстаго	96	—
1.310 »	Платковъ носовыхъ	455	—
6.229 »	Кожъ воловыхъ	13.019	25
270 »	Кожъ козловыихъ	94	50
36 »	Кожъ подошвенныхъ	25	20
3.399 »	Мѣшковъ порожнихъ	237	87
6.100 »	Рыбы вялой	278	50
1.153 »	Скоблей	437	70
112 »	Циркулей	22	40
25 »	Топоровъ	8	75
475 »	Долотъ	95	—
18 »	Якорей	312	—
28 »	Кроватей желѣзныхъ	420	—
20 »	Колатъ (?) желѣзныхъ	18	—
1.199 »	Балыковъ	695	15
320 чет.	Четверт. муки пшеничной	460	—
808 »	Четвер. ячменю	1.696	80
4	Чапрака польскихъ шитыхъ золотомъ и серебромъ	300	—
	Наличными деньгами	2.760	—
	Итого всѣхъ товаровъ привезено	337.398	12

II.

Вывезенные изъ Константинополя въ Россію на россійскихъ и на турецкихъ купеческихъ судахъ, и сухимъ путемъ россійскими купцами товары:

Конторы.	Оки.		Руб.	Коп.
	1.119.620	Разныхъ Архипелагическихъ винъ	45.832	90
	67.550	Вина Кипрскаго	15.007	—
	4.250	Водки	481	87½
	210.206	Соку лимоннаго	8.649	51½
	158.700	Уксусу	2.632	74½
	10	Тирняку	48	—
	584	Сахарныхъ закусокъ	494	89½
	50	Медовыхъ закусокъ	7	50
	4.177	Миндалю	1.101	73½
	1.735	Корки апельсинной	115	27½
	8.937	Финиковъ	897	33
	823	Орѣховъ	65	43
	200	Кофе французскаго	211	20

Digitized by Google

Конт.	Окн.		Руб.	Коп.
	189	Фиде (?)	45	99
	90	Сыру голландскаго	54	—
	8.148	Оливокъ	504	30
	80	Каракатицы	45	60
	39.550	Масла деревяннаго	9.492	—
	90	Крупъ перловыхъ	22	95
	72	Кимину (?)	12	96
	41	Мастики	25	20
5.191	12	Изюму	19.806	15
1.125	—	Коринки	6.750	—
2.739	—	Винныхъ ягодъ	9.031	57½
5.845	—	Рожковъ	4.867	8¾
415	20	Красокъ разныхъ	5.349	90
82	5	Орѣховъ чернильныхъ	1.561	83
49	34	Бумаги хлопчатой	1.350	60
	80	Пряжи бумажн. бѣлой	151	20
	8.021	Пряжи бумажн. красной	17.760	82½
	76	Губки морской	84	60
	1	Шафрану	16	80
	1	Алое	120	—
8		Нашатырю	480	—
15		Буку	29	25
436		Ладану	8.624	40
140		Сахару песочнаго	756	—
30		Сахару головнаго	486	—
808.000	вяз.	Винныхъ ягодъ	3.407	10
160	квадр.	Кисеи набойчатой	144	—
727	штук.	Пестряди бумажной	965	40
1.180	»	Полотна бумажн.	1.302	—
120	»	Полотна бумажн. крашен.	138	—
200	»	Полотна толстаго	120	—
100	»	Полотна аликсандрійск.	180	—
80	»	Полотна антіохійскаго	192	—
903	арш.	Сукна французск	1.202	55
120	арш.	Лейпцигскаго	360	—
500		Колпаковъ бумажныхъ	148	50
31		Утиральниковъ бумажныхъ	14	88
441		Мидкалевъ жемчугу	3.369	30
1.353⅓		Мидкалевъ, золота сученаго	186	—
		Разныхъ шелковыхъ товаровъ	11.073	37½
12		Платковъ кисейныхъ	28	80
272		Кофейниковъ мѣдныхъ	132	—
48		Сафьяновъ	77	40
150	бут.	Лаванды	20	25
664	»	Водки унгарской	26	40
180	»	Бальзаму изъ дерев. масла дѣлан.	29	70
430	»	Французск. сладкой водки	25	80
100	»	Фронтиньяку	12	—
40	»	Малаги	9	—
100	»	Бут. порожнихъ	3	60
3.000		Померанцевъ свѣжихъ	10	50
52.000		Лимоновъ свѣжихъ	201	60
10.000		Апельсиновъ свѣжихъ	60	—
10	боч.	Рому англійскаго	60	—
10	»	Рому французск.	05	25

Digitized by Google

			Руб.	Коп.
10	боч.	Можжевельнику	24	—
1	»	Сельдей	9	—
22	ящик.	Французской сладкой водки	396	—
20		Одѣялъ бумажныхъ	96	—
1.000		Чашекъ кофейныхъ глиняныхъ	12	—
10.650		Трубокъ глиняныхъ	73	80
100		Трубокъ пенковыхъ	24	—
864		Трубокъ голландскихъ	11	88
940		Чубуковъ	30	—
7		Каминовъ мраморовыхъ	147	—
25		Четокъ номеранцовыхъ	3	62½
40		Мѣховъ для раздуванія огня	7	20
80		Пиловъ	24	—
80		Карафиновъ хрустальныхъ	13	20
116		Стакановъ хрустальныхъ	15	27
325		Зеркалъ разной величины	837	60
1		Лексиконъ наукъ	102	—
12	паръ	Манжетъ французск. шитыхъ	43	20
36	»	Чулокъ французскихъ шелковыхъ	140	40
36		Простыней французскихъ	64	80
12	паръ	Штановъ французскихъ вязаныхъ шелковыхъ	57	60
100		Метелокъ	6	50
600		Огнивъ	5	40
4		Сервиза фаянсовыхъ англійскихъ	310	89
18		Кушаковъ шерстяныхъ	86	40
1		Чашка пуншевая фарфоровая съ блюдомъ	7	20
4		Короты (?) табаку французскаго	10	80
6		Свинцовокъ табаку французскаго	3	60
3		Коробокъ французскихъ фальшивыхъ цвѣтовъ	39	60
1		Пологъ шелковой шитый золотомъ и разными шелками	498	—
		Разныхъ мелочей	780	—
		Наличными деньгами	180	—
		Итого всѣхъ товаровъ вывезено	190.561	22½
		а привезено на	337.398	12
		Перевѣсъ привезенныхъ превосходитъ вывезенныхъ	146.836	89½

Digitized by Google

Б.

Вѣдомость обращавшимся въ торговлѣ купеческимъ судамъ, какъ въ Константинополь пришедшимъ, такъ и отсюда въ Россію:

а) Прибывшимъ сюда.

1. Подъ россійскимъ флагомъ:

Изъ Херсона	8
» Таганрога	18
» Еникале	2
Итого	28

2. Подъ турецкимъ флагомъ россійскихъ купцовъ:

Изъ Херсона	12
» Таганрога	10
» Крыма	7
» Абазы	1
» Тамани	1
Итого	31

б) Отсюда отошедшимъ.

1. Подъ россійскимъ флагомъ:

Въ Херсонъ	13
» Таганрогъ	16
» Керчъ	2
Итого	31

2. Подъ турецкимъ флагомъ съ товаромъ россійскихъ купцовъ:

Въ Таганрогъ	22
» Херсонъ	26
» Еникале	1
Итого	49

3. Турецкихъ съ товаромъ подданныхъ порты:

Въ Херсонъ	3
» Таганрогъ	1
Итого	4

Digitized by Google

Digitized by Google

VII

19.1878.

Transferred to Peabody Museum, March 1933.

СБОРНИКЪ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХЪ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ

СТАТЕЙ

О РОССІИ И СТРАНАХЪ ЕЙ ПРИЛЕЖАЩИХЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. А. ДАШКОВЫМЪ,

Директоромъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ, Почетнымъ членомъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Императорскаго Общества Испытателей природы, Императорской Академіи Художествъ и членомъ другихъ ученыхъ обществъ.

КНИГА I.

МОСКВА.

1868.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.

Томъ VII.

ТРУДЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА КНИГА I.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

L.SOC.100.95.5.9 (7)
Sbornik antropologiceskih i etnogra
Tozzer Library
AWS3303
3 2044 043 233 014

This book is not to be taken from the Library

Digitized by Google

Digitized by Google